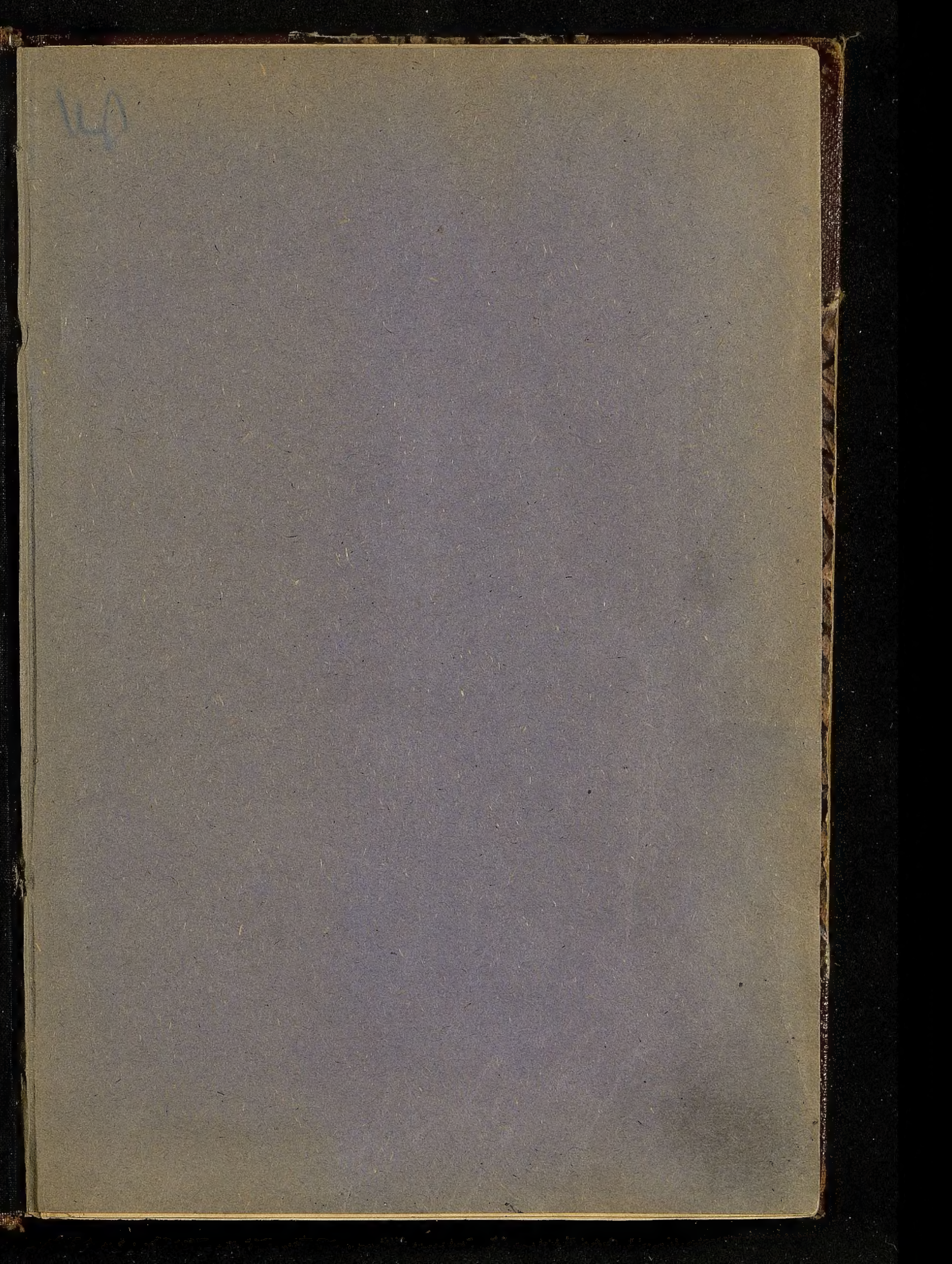
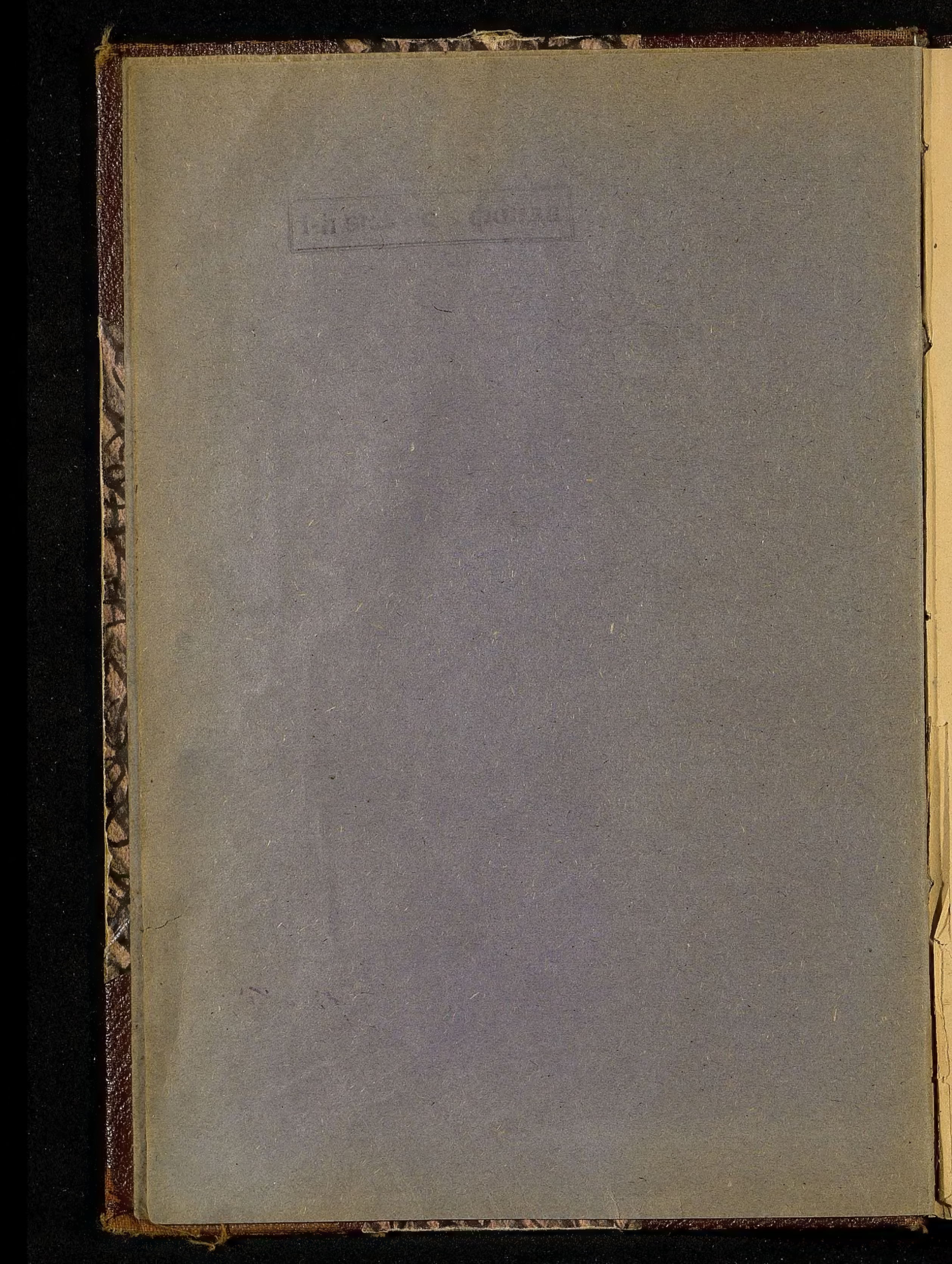

Воспоминанія генерала А. С. Лукомскаго

Періодъ Европейской войны
Начало разрухи въ Россіи
Борьба съ большевиками

ТОМЪ II

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко.,
BERLIN W. 35, GENTHINERSTR. 19.
1922.

Типографія Шпееръ и Шмидтъ, Berlin S. 42, Ritterstraße 22.

Часть четвертая.

У большевиковъ и начало Гетманства на Украинѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

Въ 6 часовъ утра 12/25 февраля, я выѣхалъ на лошадяхъ изъ Новочеркасска въ станицу Ольгинскую, куда отходила Добровольческая армія изъ подъ Ростова; Новочеркасскъ былъ занятъ 12 /25 февраля около двухъ часовъ дня.

Въ Ольгинскую я пріѣхалъ около десяти часовъ утра. По дорогѣ едва переправился у Старочеркасска черезъ Донъ, такъ какъ начиналась оттепель и около береговъ ледъ оттаялъ.

Генералъ Корниловъ, принявъ меня, сказалъ, что, такъ какъ я уже не начальникъ штаба и моя миссія, съ которой я ѣздилъ въ Новочеркасскъ, закончена, онъ проситъ меня, какъ и генерала Деникина, оставаться при арміи въ непосредственномъ его распоряженіи.

Общая численность всей Добровольческой арміи не превышала трехъ съ половиной тысячъ человѣкъ, изъ коихъ не менѣе тысячи человѣкъ являлись не боеспособными. Обозъ при арміи былъ большой; раненыхъ было болѣе двухсотъ человѣкъ, и необходимо было везти съ собой всѣ боевые запасы и винтовки, которые удалось вывезти изъ Ростова. Обозъ увеличивался еще группою гражданскихъ лицъ, которыя хотѣли оставаться при арміи (въ томъ числѣ бывшій предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко и

бывшій членъ Государственной Думы Н. Н. Львовъ) и довольно многочисленной политической канцеляріи, состоявшей при генералѣ Алексѣевѣ; при немъ, кромѣ того, состоялъ небольшой личный конвой.

Въ общемъ являлось опасеніе, что если въ ближайшій періодъ армія не увеличится, то она явится лишь прикрытіемъ къ своему обозу.

Генералъ Корниловъ надѣялся, что донцы и кубанцы станицъ, черезъ которыя будетъ проходить армія, откликнутся на его призывъ и это дастъ возможность сформировать конныя части, а селенія съ неказачьимъ населеніемъ дадутъ укомплектованія для пѣхоты.

Между генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ было окончательно установлено, что, въ смыслѣ управленія арміей и постановки ей боевыхъ задачъ, будетъ управлять и распоряжаться генералъ Корниловъ, а генералъ Алексѣевъ будетъ руководить политической частью, сношеніемъ съ внѣшнимъ міромъ и въ его рукахъ будетъ казначейская часть.

Конечно это не было разрѣшеніемъ больного вопроса о взаимооотношеніяхъ между ними, но другого выхода не было — разъ одинъ другому подчиниться не могъ.

Послѣ разговора съ генераломъ Алексѣевымъ я вынесъ впечатлѣніе, что онъ считаетъ положеніе серьезнымъ и начинаетъ думать о томъ, какъ бы спасти офицеровъ и дать имъ возможность «распылиться».

— «Наша задача, прежде всего, должна заключаться въ томъ, чтобы выбраться изъ кольца, который образуютъ большевики. А тамъ дальше будетъ видно: или будемъ продолжать борьбу, или распустимъ добровольцевъ, давъ имъ денегъ и предложивъ самостоятельно, черезъ Кавказскія горы, пробираться кто куда пожелаетъ или будетъ въ состояніи» — такъ закончилъ свои слова генералъ Алексѣевъ.

13/26 февраля, утромъ, генералъ Романовскій зашелъ въ хату, которую я занималъ, и сказалъ, что въ 12 ч. дня назначено совѣщаніе и генералъ Корниловъ проситъ меня

на немъ присутствовать; что ожидается генералъ Поповъ, бывшій походнымъ атаманомъ войска Донского.

Къ назначенному времени на совѣщаніе собрались: генералъ Корниловъ, генералъ Алексѣевъ, генералъ Романовскій, я, генералъ Марковъ, генералъ Поповъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ полковникомъ Сидоринымъ, и нѣсколько строевыхъ офицеровъ, позванныхъ генераломъ Корниловымъ.

Генералъ Поповъ доложилъ, что онъ, съ небольшимъ отрядомъ, въ общемъ около двухъ тысячъ коней при двухъ конныхъ батареяхъ и группою донскихъ офицеровъ, оставилъ Новочеркасскъ около часу дня 12/25 февраля; что большевики при выходѣ его изъ города уже въ него входили; что войсковой атаманъ, генералъ Назаровъ, остался въ Новочеркасскѣ вмѣстѣ съ большей частью войскового круга и, какъ доложилъ прискакавшій въ его отрядъ изъ занятаго большевиками Новочеркасска офицеръ, былъ арестованъ.

Затѣмъ на предложеніе генерала Корнилова присоединить его отрядъ къ Добровольческой арміи, генералъ Поповъ просилъ первоначально выяснить дальнѣйшія намѣренія генерала Корнилова и направленіе движенія Добровольческой арміи, но, что онъ, со своей стороны, долженъ опредѣленно заявить, что донской отрядъ не можетъ покинуть территорію Дона и что онъ, генералъ Поповъ, считаетъ, что отряду лучше всего, прикрываясь съ сѣвера рѣкою Дономъ, который скоро станетъ трудно проходимымъ, переждать событія въ раіонѣ зимовниковъ (поселки и хутора, къ которымъ на зиму сгонялись табуны лошадей и скота), гдѣ много хлѣба, фуража, лошадей, скота и повозокъ для обоза. Изъ этого раіона онъ могъ бы развивать партизанскія дѣйствія въ любомъ направленіи.

Генералъ Корниловъ сказалъ, что онъ, по соглашенію съ генераломъ Алексѣевымъ, предполагалъ двинуться по направленію къ Екатеринодару, гдѣ имѣются добровольческія формированія, и движеніемъ на Екатеринодаръ есть надежда заставить Кубанское казачье войско подняться противъ большевиковъ и, усиливъ Добровольческую армію

и находясь въ богатомъ раіонѣ, продолжать борьбу. Но, что, вслѣдствіе заявленія генерала Попова, онъ предлагаетъ еще разъ обсудить этотъ вопросъ и просить желающихъ высказаться.

Генералъ Алексѣевъ на это сказалъ, что врядъ ли встрѣчается надобность вновь дебатировать этотъ вопросъ, но, что, впрочемъ, если генералъ Корниловъ находитъ нужнымъ еще разъ поставить его на обсужденіе, то онъ считаетъ необходимымъ повторить то, что онъ уже говорилъ на бывшемъ уже засѣданіи, т. е. что единственно правильнымъ является направленіе на Екатеринодаръ, такъ какъ въ этомъ направленіи легче всего прорвать большевистское кольцо, окружающее Добровольческую армію; есть надежда на соединеніе съ добровольческими отрядами, дѣйствующими въ раіонѣ Екатеринодара; есть полное основаніе разсчитывать поднять Кубанское войско противъ большевиковъ и, наконецъ, мы займемъ богатый во всѣхъ отношеніяхъ раіонъ, который дастъ намъ возможность пополниться, привести себя въ порядокъ, отдохнуть и, съ новыми силами, продолжать борьбу. Въ случаѣ же если полнаго успѣха мы не добьемся, то Добровольческая армія, во всякомъ случаѣ, будетъ въ силахъ дойти до Кавказскихъ горъ и тамъ, если обстановка потребуетъ, можно будетъ ее распустить.

Я попросилъ дать мнѣ слово.

Я сказалъ, что не возражая по существу противъ того, что сказано генераломъ Алексѣевымъ, я долженъ обратить вниманіе только на то, что уже теперь при нашей арміи, или, правильнѣй сказать, при нашемъ небольшомъ отрядѣ, болѣе двухсотъ раненыхъ и чрезмѣрно большой обозъ съ боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозныя лошади, набранныя главнымъ образомъ въ Ростовѣ, уже теперь имѣютъ жалкій видъ и еле тянутъ свои повозки и сани. Что при наступленіи на Екатеринодаръ намъ нужно будетъ два раза переходить черезъ желѣзную дорогу; въ первый разъ въ раіонѣ близъ ст. Кагальницкой, второй разъ гдѣ нибудь около ст. Сосыка. Что большевики, будучи отлично освѣдомлены о нашемъ движеніи, и тутъ и

тамъ преградятъ намъ путь и подведутъ къ мѣсту боя бронированные поѣзда. Что трудно будетъ спасти раненыхъ, которыхъ будетъ, конечно, много. Начинающаяся распутица, при условіи, что половина обоза на полозьяхъ, затруднитъ движеніе; замѣнять выбивающихся изъ силъ лошадей другими будетъ трудно. Наконецъ, что мы совершенно не освѣдомлены о томъ, что происходитъ на Кубани; возможно, что нашъ расчетъ на возстаніе кубанскихъ казаковъ ошибоченъ и насъ тамъ встрѣтятъ, какъ враговъ.

Я выразилъ сомнѣніе, вслѣдствіе причинъ мною изложенныхъ, въ правильности рѣшенія идти теперь прямо на Екатеринодаръ. Я высказалъ, что лучше всего поступить такъ, какъ предполагаетъ сдѣлать походный атаманъ войска Донского, т. е. пока перейти въ раіонъ зимовниковъ и въ этомъ раіонѣ, прикрываясь съ сѣвера р. Дономъ и находясь въ удаленіи отъ желѣзной дороги, переформировать нашу армію, исправить и пополнить обозъ, перемѣнить конскій составъ и нѣсколько отдохнуть.

Я сказалъ, что большевики мѣсяца два намъ не будутъ страшны: они не посмѣютъ оторваться отъ желѣзной дороги. Если же рискнуть на какую нибудь противъ насъ операцію, то будутъ разбиты. Мѣсяца же черезъ два, съ новыми силами, мы, въ зависимости отъ обстановки, которая къ тому времени выяснится, примемъ то или иное рѣшеніе.

Генералъ Алексѣевъ заявилъ, что рѣшеніе идти прямо на Екатеринодаръ является единственно правильнымъ.

Генералъ Романовскій, соглашаясь съ моими замѣчаніями, сказалъ, что, признавая правильнымъ идти на Екатеринодаръ, онъ полагаетъ необходимымъ учесть и мои указанія и, по пути къ Екатеринодару, постараться продѣлать въ какомъ либо раіонѣ все то, на что указывалъ я.

Генералъ Корниловъ сказалъ, что онъ не можетъ не согласиться съ правильностью моихъ замѣчаній, но не считаетъ правильнымъ идти въ раіонъ тѣхъ зимовниковъ у р. Дона, на которые указывалъ я, и объявилъ, что онъ рѣшаетъ идти пока съ арміей въ раіонъ къ западу отъ ст. Великокняжеской, который также богатъ лошадьми, скотомъ и хлѣбомъ, какъ и раіонъ сѣверныхъ зимовниковъ, и что

тамъ онъ приведетъ армію въ порядокъ и затѣмъ, вѣроятно, пойдетъ на Екатеринодаръ.

На этомъ совѣщаніе закончилось и генералъ Алексѣевъ сейчасъ же ушелъ, а вслѣдъ за нимъ разошлись и другіе.

Я прошелъ въ комнату къ генералу Романовскому, который мнѣ сказалъ, что генералъ Корниловъ хочетъ командировать кого нибудь въ Екатеринодаръ, дабы подготовить приходъ Добровольческой арміи и договориться съ Кубанскимъ правительствомъ, чтобы въ будущемъ не было никакихъ недоразумѣній; но что генералъ Корниловъ не знаетъ, на комъ остановиться; командируемое лицо должно быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и достаточно авторитетное.

Въ тотъ же вечеръ, около восьми часовъ, я вновь пошелъ къ генералу Романовскому, чтобы узнать, нѣтъ ли какихъ либо интересныхъ или важныхъ донесеній.

Генерала Романовскаго въ его комнатѣ я не засталъ и вѣстовой мнѣ сказалъ, что онъ у генерала Корнилова; я пошелъ въ помѣщеніе командующаго арміей.

Войдя въ столовую, я невольно остановился: за столомъ сидѣли тѣ-же лица, кои были и на дневномъ совѣщаніи; не было только генерала Попова и полковника Сидорина, уѣхавшихъ въ свой отрядъ, и вновь отсутствовалъ генералъ Деникинъ, который, какъ я потомъ узналъ, былъ приглашенъ на засѣданіе, но, будучи боленъ, прислалъ сказать, что придти не можетъ.

Увидѣвъ меня, генералъ Корниловъ поднялся, придвинулъ къ столу стулъ и попросилъ меня сѣсть. При этомъ онъ сказалъ: «Очень радъ, Александръ Сергѣевичъ, что Вы пришли. Генералъ Алексѣевъ попросилъ насъ вновь собраться и обсудить вопросъ относительно нашихъ дальнѣйшихъ плановъ»; и затѣмъ, обращаясь къ генералу Алексѣеву, прибавилъ: «Прошу Васъ, Михаилъ Васильевичъ, начать сначала; я хочу, чтобы генералъ Лукомскій выслушалъ то, что Вами было сказано до его прихода».

Генералъ Алексѣевъ началъ такъ: «Сегодня днемъ генералъ Лукомскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно рѣшенія идти на Екатеринодаръ. Его замѣчанія

были приняты къ свѣдѣнію и командующій арміей измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе идти прямо на Екатеринодаръ.

Правильность новаго рѣшенія, мнѣ кажется, слѣдуетъ еще провѣрить и я просилъ генерала Корнилова собрать насъ снова».

Затѣмъ генералъ Алексѣевъ вновь указалъ причины, по которымъ онъ считаетъ необходимымъ идти на Екатеринодаръ. Новаго онъ ничего не сказалъ и не сказалъ, въ чемъ именно онъ не согласенъ со мной.

Послѣ этого генералъ Корниловъ предложилъ мнѣ отвѣтить генералу Алексѣеву.

Я сказалъ, что я не могу прибавить ни одного слова къ тому, что было мною сказано днемъ и просилъ генерала Алексѣева объяснить, въ чемъ же онъ со мной не согласенъ.

На этотъ вопросъ я отвѣта не получилъ.

Послѣ непродолжительныхъ преній генералъ Корниловъ сказалъ, что рѣшенія принятаго днемъ онъ не мѣняетъ. Но что, ко времени подхода арміи къ станицѣ Егорлыцкой (рѣшено было идти первоначально туда, такъ какъ были свѣдѣнія, что тамъ въ складахъ имѣются артиллерійскіе припасы), выяснится, идти ли къ ст. Великокняжеской или повернуть на Екатеринодаръ.

Послѣ этого члены совѣщанія разошлись.

Я прошелъ въ комнату Романовскаго и спросилъ его, почему я не былъ приглашенъ на совѣщаніе, на которомъ должно было разбираться мое заявленіе, сдѣланное днемъ.

Романовскій сказалъ, что произошло простое недоразумѣніе; что онъ получилъ записку отъ генерала Корнилова съ перечисленіемъ тѣхъ кого надо было пригласить и что онъ, не провѣривъ списка приглашенныхъ на засѣданіе лицъ, приказалъ адъютанту сообщить всѣмъ о засѣданіи; что, конечно, генералъ Корниловъ просто ошибся и что онъ проситъ считать его, Романовскаго, виновникомъ случившагося.

Это мелкое недоразумѣніе все же мнѣ показало, что послѣ того какъ я былъ въ арміи начальникомъ штаба, оставаться при ней безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій

будетъ трудно и я рѣшилъ просить о командированіи меня въ Екатеринодаръ.

Я попросилъ генерала Романовскаго сейчасъ же пойти къ генералу Корнилову и доложить, что я предлагаю свои услуги для переговоровъ съ кубанскимъ правительствомъ.

Генералъ Романовскій пошелъ и, вернувшись минутъ черезъ пять, сказалъ, что генералъ Корниловъ согласенъ и проситъ меня зайти къ нему.

Генералъ Корниловъ долго со мной говорилъ, давая указанія по интересовавшимъ его вопросамъ. Затѣмъ я прошелъ къ генералу Алексѣеву и получилъ указанія отъ него для разговоровъ съ кубанскимъ правительствомъ.

Съ разрѣшенія генерала Корнилова я предложилъ генералу Ронжину, бывшему при арміи начальникомъ судной части, ѣхать со мной. Затѣмъ поручилъ коменданту штаба купить для меня подводу и пару лошадей. Въ качествѣ подводчика предложилъ ѣхать вѣстовому генерала Эрдели (Эрдели былъ еще раньше командированъ въ Екатеринодаръ) Андрею (фамилію, къ сожалѣнію, забылъ), котораго зналъ давно и былъ вполнѣ въ немъ увѣренъ.

Путешествіе было очень рискованное и я объ этомъ предупредилъ моихъ спутниковъ.

14/27-го, утромъ, вмѣстѣ съ Добровольческой арміей, мы переѣхали въ станицу Хомутовскую. Здѣсь мы окончательно пересмотрѣли наши вещи, чтобы не оказалось въ нихъ чего либо указывающаго на наше воинское званіе; провѣрили документы, выданные на чужія имена; сговорились, какія давать показанія на случай, если въ пути насъ будутъ задерживать и опрашивать, и выработали маршрутъ. Послѣднее было трудно, ибо, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, пожаръ большевизма охватилъ весь раіонъ южной окраины Донской области и сѣверную полосу Кубанской. Мы рѣшили ѣхать проселочными дорогами, возможно дальше отъ желѣзной дороги, которая уже полностью была захвачена большевиками.

Около двухъ часовъ дня, 14/27 февраля, я прошелъ попрощаться съ генераломъ Корниловымъ и, около 6 ча-

совъ вечера, мы выѣхали по направленію станицы Кагальницкой.

Въ Кагальницкой переночевали и 15/28, рано утромъ, тронулись дальше на селеніе Гуляй-Борисовъ.

Выѣзжая изъ Кагальницкой, слышали артиллерійскую стрѣльбу въ сторонѣ ст. Хомутовской (какъ впослѣдствіи узнали конный отрядъ большевиковъ, съ 2-мя орудіями, произвелъ нападеніе на наши части, бывшія въ станицѣ Хомутовской).

Дорога была тяжелая, начиналась оттепель, а лошади оказались слабыми и, пройдя 12—15 верстъ, стали приставать. Не доѣзжая, примѣрно 10 верстъ, до селенія Гуляй-Борисовъ мы рѣшили заѣхать на придорожный хуторъ и покормить лошадей. Войдя въ хату, мы увидѣли тамъ много народа; оказалось, что наканунѣ была свадьба и, по мѣстному обычаю, гости собрались на пиршество на другой день послѣ свадьбы. Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, каждый случайный гость принимается съ радостью. Насъ хозяева встрѣтили очень холодно и это сразу намъ показало, что здѣсь что-то не ладно.

Сѣли мы въ уголъ хаты, достали свою провизію и стали закусывать. Въ это время одинъ изъ бывшихъ въ хатѣ, по виду богатый крестьянинъ, подсѣлъ къ намъ и сказалъ мнѣ тихимъ голосомъ: «Я не знаю, кто вы, куда и зачѣмъ ѣдете, но хочу васъ предупредить, что большевиками отдано распоряженіе задерживать всѣхъ, ѣдущихъ со стороны Корнилова и отвозить на ст. Степную, гдѣ, какъ говорятъ, всѣхъ разстрѣливаютъ.» Сказалъ и отошелъ. Я переглянулся съ Ронжинымъ и мы поняли, что дѣло плохо; рѣшили закусить, обдумать положеніе, дать лошадямъ отдохнуть, а затѣмъ принять то или иное рѣшеніе. Но, черезъ какихъ нибудь десять минутъ, хата оказалась окруженной вооруженными солдатами; трое изъ нихъ вошли въ хату и потребовали отъ насъ документы и объясненіе, куда и зачѣмъ ѣдемъ. Разговоръ былъ короткій. Солдаты объявили намъ, что мы арестованы, что они должны доставить насъ въ с. Гуляй-Борисовъ, а тамъ разберутъ, какъ съ нами поступить дальше. Сопротивляться было безполезно.

Намъ дали окончить нашу закуску и мы, подъ конвоемъ, отправились въ Гуляй-Борисовъ; ѣхали на своей подводѣ.

По пріѣздѣ въ Гуляй-Борисовъ насъ доставили въ волостное правленіе, гдѣ уже собрался мѣстный революціонный комитетъ и масса народа. Сначала насъ допросили, затѣмъ обыскали. И члены революціоннаго комитета, и собравшаяся публика ругали насъ самыми послѣдними словами. На наше заявленіе, что я ѣду по торговымъ дѣламъ, а мой спутникъ ѣдетъ лѣчиться — отвѣчали: «ладно, вотъ доставятъ васъ на Степную, такъ тамъ разберутъ, а вѣрнѣй всего васъ, подлыхъ буржуевъ, просто разстрѣляютъ».

Насъ допрашивали и по одиночкѣ и всѣхъ вмѣстѣ. Въ промежуткахъ между допросами мы сидѣли въ карцерѣ. Въ этомъ же карцерѣ сидѣлъ казакъ, который наканунѣ везъ пятерыхъ пассажировъ; этихъ лицъ, по словамъ казака, повезли на станцію Степную, а его оставили въ карцерѣ, сказавъ, что подвода и лошади отъ него отбираются, а что сдѣлаютъ съ нимъ — еще подумаютъ: «или хорошенько отдеремъ и выпустимъ, или разстрѣляемъ». Бѣдный казакъ страшно волновался и все время молился.

Отобравъ всѣ наши вещи и деньги (оставили только по десять рублей «на папиросы»), насъ повезли въ 11 часовъ вечера, на другой подводѣ, въ сел. Глѣбовка (или какъ они называли, Хлѣбовка). Нашу подводу, также какъ и вещи, оставили у себя, сказавъ намъ, что деньги, вещи и подвода будутъ доставлены на ст. Степную. У меня въ Гуляй Борисовѣ было отобрано немного болѣе двухъ тысячъ рублей; не отыскали тысячерублевую бумажку, зашитую въ куртку.

Въ Глѣбовскомъ волостномъ правленіи было много народа; насъ вновь обыскали и начался безконечный допросъ. Обращались, конечно, грубо. Послѣ допроса повели въ карцеръ. Сидя въ карцерѣ мы наслушались всякой брани и угрозъ.

Передъ разсвѣтомъ мѣстный революціонный трибуналъ рѣшилъ вновь насъ допросить.

Послѣ того какъ меня допросили, я былъ опять посаженъ въ карцеръ, а Ронжина и Андрея повели на допросъ.

Во время ихъ допроса въ другой комнатѣ, въ которую входила дверь изъ моего карцера, стала собираться толпа, и я услышалъ, что обсуждается вопросъ о томъ, какъ съ нами поступить.

Слышались такія фразы: «Этихъ кадетъ все равно разстрѣляютъ на станціи Степной. Теперь грязь и холодно; зачѣмъ мучить нашихъ людей и гонять ихъ на Степную сопровождать эту с...., когда съ ними тамъ сейчасъ же покончатъ». «Что это за порядки: на ст. Степной расправляются съ буржуями, а намъ нельзя позабавиться!» «Стоитъ ли изъ за нѣсколькихъ негодяевъ гонять своихъ людей» и т. под.

Послѣ долгихъ споровъ былъ произведено голосованіе и рѣшено (я слышалъ только одинъ протестующій голосъ): на ст. Степную буржуевъ не вести, а разстрѣлять тутъ же въ огородѣ.

Сейчасъ же нашлось нѣсколько нетерпѣливыхъ, которые требовали немедленнаго приведенія приговора въ исполненіе. Но большинство запротестовало, и было рѣшено подождать до разсвѣта и тогда съ нами покончить; пока же было приказано вырыть въ огородѣ яму.

Не могъ успокоиться какой-то пьяный въ солдатской формѣ. Онъ подошелъ къ карцеру и хотѣлъ открыть дверь, говоря, что онъ покончитъ съ однимъ изъ буржуевъ теперь же.

На мое счастіе запоръ оказался прочнымъ, а сторожъ, у котораго былъ ключъ отъ замка, отсутствовалъ. Не будучи въ состояніи открыть дверь, пьяный солдатъ просунулъ винтовку въ окошечко карцера, зарядилъ ее и требовалъ чтобы я вышелъ на середину комнаты. Такъ какъ его уговоры меня не соблазнили и онъ никакъ не могъ меня увидѣть, то, повидимому, ему это надоѣло и, хорошенько меня выругавъ и обѣщавъ, что первый выпуститъ въ меня пулю при моемъ разстрѣлѣ, онъ ушелъ.

Обдумавъ всю обстановку, я пришелъ къ заключенію,

что разсчитывать на благопріятный исходъ невозможно, и рѣшилъ кончить дѣло самому.

Еще въ Могилевѣ, когда я былъ арестованъ съ генераломъ Корниловымъ по приказанію Керенскаго, докторъ Козловскій (старшій врачъ Ставки) далъ мнѣ три пилюли съ ціанистымъ каліемъ, сказавъ, что они могутъ мнѣ пригодиться въ случаѣ, если мнѣ будетъ угрожать самосудъ. Давая мнѣ эти три пилюли, онъ порекомендовалъ хранить ихъ въ разныхъ мѣстахъ, дабы, когда потребуется, хоть одна была при мнѣ. Къ этому времени у меня сохранилось двѣ пилюли (третья была въ катушкѣ нитокъ, отобранной при обыскѣ въ Гуляй-Борисовѣ). Я досталъ обѣ пилюли; сначала думалъ одну дать Ронжину (за Андрея, какъ солдата, я не безпокоился, считая, что онъ вывернется), но потомъ передумалъ, рѣшивъ, что не имѣю права толкать другого на самоубійство.

Перекрестившись, я проглотилъ обѣ пилюли, предварительно разломавъ капсюли, дабы онѣ скорѣй подѣйствовали.

Вынувъ часы, я сталъ слѣдить по нимъ, прислушиваясь къ тому, не начинаетъ ли дѣйствовать ядъ. Черезъ минуту, какъ мнѣ показалось, у меня налились сосуды на рукахъ и сердце какъ бы сжалось, но затѣмъ все прошло; прождавъ пять минутъ и убѣдившись, что нѣтъ никакого дѣйствія яда, я мысленно выругалъ доктора Козловскаго, давшаго мнѣ яко-бы ядъ, и спряталъ часы. *)

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ крикъ и споры. Прислушавшись я разобралъ, что кто-то вновь прибывшій ругательски ругаетъ моихъ тюремщиковъ за рѣшеніе насъ разстрѣлять: «что это вы, мерзавцы, выдумали; развѣ не знаете, что сегодня въ Ильинкѣ разстрѣляли трехъ членовъ революціоннаго

*) Впослѣдствіи, отъ одного офицера, пріѣхавшаго изъ Могилева, я слышалъ, что Д-ръ Козловскій подтверждаетъ, что онъ далъ мнѣ настоящій ціанистый калій. Я рѣшилъ, что вѣроятно, ядъ былъ старый и недѣйствительный. Но затѣмъ, разговаривая какъ-то съ однимъ химикомъ, я отъ него услышалъ, что, будто бы, пріемъ соды передъ пріемомъ ціанистаго калія — нейтрализуетъ послѣдній. Я же, дѣйствительно, за полчаса до пріема яда, вслѣдствіе сильной изжоги, принялъ значительное количество соды. Въ чемъ истина—не знаю до настоящаго времени.

комитета за неисполненіе распоряженія главнокомандующаго? Что же вы хотите, чтобы изъ за этой с.... разстрѣляли всѣхъ насъ? Разъ намъ приказано всѣхъ арестованныхъ доставлять на станцію Степную, такъ мы должны это исполнить».

После долгихъ криковъ и споровъ было рѣшено насъ отправить на ст. Степную.

Послѣ этого вернулись въ карцеръ бывшіе на допросѣ Ронжинъ и Андрей.

Я имъ повѣдалъ, что проглотилъ ядъ. Они взволновались, но видя, что я чувствую себя благополучно, понемногу успокоились.

Вскорѣ вниманіе нашихъ тюремщиковъ было отъ насъ отвлечено: привели двухъ новыхъ арестованныхъ; оба они были въ солдатской формѣ и не скрывали свою принадлежность къ Добровольческой арміи, говоря лишь, что они еще не воевали. Повидимому, они были пойманы во время развѣдки.

Одного изъ нихъ узнали, какъ мѣстнаго жителя — сына богатаго хуторянина. Фамилія его была, если не ошибаюсь, Белисъ или Бейлисъ. Оба были юноши 17—18 лѣтъ.

Весь гнѣвъ толпы былъ направленъ противъ нихъ.

Часовъ въ 8 утра насъ пѣшкомъ, подъ конвоемъ конныхъ, отправили на ст. Степную, до которой было около 40 верстъ.

Выйдя на крыльцо и увидя, что намъ предстоитъ по очень скверной дорогѣ (была страшная грязь) идти пѣшкомъ, я рѣшилъ снять свой полушубокъ и попросить коннаго взять его къ себѣ на сѣдло, а, вмѣсто полушубка, надѣть пальто, бывшее на Ронжинѣ (онъ, сверхъ своего, надѣлъ второе пальто — мое драповое). Но слѣдствіемъ моего рѣшенія было то, что у насъ тутъ же отобрали и полушубокъ и пальто. Пошелъ я мѣсить грязь, имѣя на себѣ только кожанную куртку. На ногахъ у меня были бурочные сапоги, которые моментально промокли.

Толпа кругомъ галдѣла: «гони ихъ по серединѣ улицы — гдѣ утки плаваютъ; не позволять выбирать сухія мѣста».

Подъ гикъ и свистъ толпы прошли мы село. Дальше стало легче: и дорога была лучше и отношеніе къ намъ нашихъ конвойныхъ оказалось хорошее.

Пройдя 15—16 верстъ, мы пришли въ село Ильинку. Опять допросъ, опять осмотръ и обыскъ, опять ругань.

Въ моей кожанной курткѣ отыскали зашитую тысячерублевую бумажку, отобрали часы, кошелекъ; оставили на брата по одному рублю «на папиросы».

«Все равно, вамъ деньги могутъ пригодиться только до Степной, а тамъ. . . . вамъ уже будетъ безразлично, будутъ ли у васъ деньги или нѣтъ».

Чувствовалось, что они были правы!

Продержавъ насъ въ Ильинкѣ часа два, погнали дальше. Измучились мы изрядно.

Подходя уже вечеромъ въ полной темнотѣ къ хутору, бывшему въ верстахъ семи отъ Степной, мы взмолились передъ конвойными, прося дать намъ отдохнуть и дальше, до Степной, отправить на подводахъ. Я заявилъ категорически, что дальше идти не могу.

Конвойные оказались порядочными людьми и рѣшили исполнить нашу просьбу.

Забылъ сказать, что, отправляя насъ изъ Глѣбовки, предсѣдатель мѣстнаго комитета далъ конвойнымъ слѣдующій наказъ: «Если кто либо изъ этой с. . . . пристанетъ по дорогѣ, то пристрѣлить». Это напутствіе намъ, въ пути, неоднократно приходило на умъ и подбадривало нашъ шагъ!

Хуторъ оказался латышскій. Хозяинъ хаты даже не позволилъ намъ сѣсть къ столу, а намъ былъ указанъ уголъ хаты, гдѣ мы и растянулись на грязномъ полу.

Часа въ четыре насъ подняли и уже на подводахъ повезли дальше.

Подъѣзжая къ Степной, еще при лунѣ, мы встрѣтили группу всадниковъ человѣкъ въ 30, какъ оказалось, пріѣзжавшихъ изъ Гуляй-Борисова за оружіемъ.

Узнавъ, что везутъ арестованныхъ, они потребовали, чтобы насъ ссадили и дали имъ попробовать полученныя ими винтовки.

На крики «слѣзай съ повозки» — мы не реагировали.

Всадники стали снимать и заряжать винтовки, крича, что разстрѣляютъ насъ и такъ. Только благодаря рѣшительному отпору со стороны нашихъ конвойныхъ, насъ пропустили.

При въѣздѣ въ селеніе у станціи, намъ показали кирпичный заводъ и пояснили: «вотъ здѣсь около ямы васъ разстрѣляютъ часа черезъ два».

На станцію мы пріѣхали до разсвѣта, но о нашемъ прибытіи стало сейчасъ же извѣстно, и залъ 1-го класса, куда насъ провели, быстро наполнился «товарищами».

Чувствовалось, что только чудо можетъ спасти насъ.

Кругомъ были звѣри, которые требовали крови и не хотѣли дожидаться суда надъ нами. Требовали, чтобы насъ сейчасъ же передали имъ.

Пришедшій «начальникъ своднаго отряда на Степной», онъ же предсѣдатель военно-революціоннаго суда, едва уговорилъ толпу допустить сначала судъ. «Не безпокойтесь, врядъ ли оправдаемъ, и вы свое получите».

Собрался судъ: Предсѣдатель — начальникъ своднаго отряда на ст. Степной.

Члены: какой то еврей, затѣмъ комиссаръ станціи (какъ потомъ оказалось, сынъ содержателя мѣстнаго трактира, бывшій фельдфебель) и какой-то солдатъ.

Начали съ насъ. Допрашивали и вмѣстѣ и отдѣльно.

Послѣ довольно продолжительнаго судьбища признали, что документы наши въ полномъ порядкѣ, что мы къ арміи Корнилова не принадлежимъ и что мы ѣдемъ по своимъ личнымъ дѣламъ.

Больше всего ко мнѣ приставалъ еврейчикъ, увѣряя, что видѣлъ меня въ Ростовѣ. Но прошло благополучно, и мои спокойные и твердые отвѣты, повидимому, его убѣдили, что онъ ошибается.

Когда насъ вывели изъ дамской комнаты, гдѣ происходилъ судъ, и водворили обратно въ залъ 1 класса, объявивъ толпѣ, что мы не виновны и оправданы, послѣдовалъ взрывъ возмущенія и требованіе насъ все же разстрѣлять.

Спасли насъ начальникъ своднаго отряда и какой-то

латышъ, назвавшій себя командиромъ латышскаго эскадрона. Имъ стоило большихъ трудовъ насъ отстоять; особенно помогъ латышъ. Мое впечатлѣніе, что оба они были офицеры.

Но главное, что насъ спасло — это присутствіе двухъ развѣдчиковъ Добровольческой арміи. Ясно было, что ихъ участь рѣшена. Особенное негодованіе вызывалъ противъ себя юноша — сынъ мѣстнаго хуторянина.

Судъ надъ ними былъ только для проформы. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ передали во власть толпы. Бѣдныхъ юношей поволокли, избивая по дорогѣ. Мы услышали нѣсколько выстрѣловъ и, немного погодя, вернулись палачи, дѣля между собой одежду и обувь убитыхъ!

Было уже свѣтло.

Утомленный отъ всего пережитого, я мрачно стоялъ у стѣны комнаты, въ которой почти никого, кромѣ насъ, не оставалось.

Желая сѣсть и двинувшись отъ стѣны, я почувствовалъ, что что-то прилипло къ моимъ ногамъ. Посмотрѣвъ, я увидѣлъ тряпку, всю пропитанную кровью.

Одинъ изъ бывшихъ въ комнатѣ солдатъ, замѣтивъ мое брезгливое движеніе, поспѣшилъ дать намъ объясненіе.

Оказалось, что наканунѣ сюда было приведено пять человѣкъ, и всѣ были приговорены къ разстрѣлу. Когда ихъ повели, то одинъ изъ нихъ отказался идти и былъ тутъ же въ комнатѣ убитъ ударами штыковъ и прикладовъ.

«Вотъ это и вытирали его кровь», докончилъ разказчикъ. Затѣмъ онъ еще добавилъ, что когда стали разсматривать вещи убитаго, то въ теплой шапкѣ нашли его фотографическую карточку въ формѣ полковника, снятаго, вѣроятно, съ женой и дѣтьми.

«Значитъ, убили не напрасно» — добавилъ солдатъ.

Вѣроятно это былъ одинъ изъ братьевъ Бородиныхъ, которые, какъ потомъ я слышалъ, были убиты на ст. Степной.

День 17 февраля/3 марта мы провели на станціи.

Предсѣдатель суда рекомендовалъ намъ на перронъ,

по возможности, не показываться, говоря, что онъ не ручается за своихъ солдатъ.

Насъ постоянно навѣщалъ латышъ, уже разъ спасшій насъ; онъ разгонялъ солдатъ, которыхъ тянуло съ нами расправиться.

Къ намъ добровольно прикомандировался солдатъ армянинъ Паносовъ, чуя, что можно будетъ получить на чай. Намъ онъ сказалъ такъ: «пока вы отсюда не уѣдете, я буду около васъ и буду васъ защищать, а передъ отъѣздомъ вы мнѣ дадите столько, сколько можете». Мы поблагоарили и приняли его предложеніе.

Этотъ Паносовъ былъ довольно оригинальный типъ.

Крупнаго роста, очень широкоплечій, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка большой физической силы.

Охранялъ онъ насъ очень добросовѣстно, и у меня сложилось впечатлѣніе, что онъ къ намъ привязался и готовъ исполнить всякое порученіе.

Онъ былъ крайне добродушнымъ; говоря про «буржуевъ», не высказывалъ никакой злобы, выражалъ удивленіе, что люди такъ озвѣрѣли; говорилъ, что пора «начальству» навести порядокъ и дать возможность всѣмъ людямъ жить мирно.

Но, въ то-же время, когда приводимыхъ на ст. Степную приговаривали къ разстрѣлу, онъ всегда былъ однимъ изъ первыхъ, вызывавшихся привести приговоръ въ исполненіе.

Послѣ разстрѣла онъ непремѣнно приносилъ въ дамскую комнату какую-нибудь изъ принадлежностей костюма разстрѣляннаго; то сапоги или ботинки, то брюки, то шинель или пальто, то рубаху или шапку.

Я его спросилъ, какъ ему не жалко разстрѣливать людей, которыхъ онъ самъ считаетъ не виновными.

«Да я и не разстрѣливаю», отвѣтилъ онъ.

Я заинтересовался, въ чемъ дѣло, и онъ неохотно, но все же объяснилъ.

Оказалось, что въ селеніи около станціи жила его мать, которая требовала отъ него, чтобы онъ принималъ

участіе въ разстрѣлахъ и получалъ на свою долю часть одежды съ убитыхъ.

Паносовъ объяснилъ, что онъ никогда не разстрѣливаетъ самъ, а на его обязанности лежитъ только дострѣливать тѣхъ, кто не убитъ наповалъ, и зарывать трупы.

По утрамъ, дѣйствительно, на станцію приходила отвратительная старая армянка, получала отъ Паносова вещи, пришедшія на его долю, и ругала его за то, что онъ не умѣетъ выбирать лучшихъ.

* * *

Къ вечеру 17 февраля/3 марта привели новыхъ арестованныхъ: юношу 16 лѣтъ и зажиточнаго казака — хуторянина. Послѣдняго, по постановленію схода (круга) сосѣдней станицы, за то, что онъ богатъ и живетъ какъ буржуй. Сходъ рѣшилъ требовать его разстрѣла, а землю и инвентарь, ему принадлежащіе, раздѣлить между собой.

Бѣдный казакъ волновался, плакалъ, обѣщалъ отдать сосѣдямъ, все что у него имѣется; революціонный судъ на ст. Степной, послѣ долгихъ споровъ, вынесъ, наконецъ, ему оправдательный вердиктъ.

Не такъ счастливъ былъ юноша.

Во время суда (я присутствовалъ въ той же комнатѣ) на вопросъ — кто онъ и какъ попалъ, юноша чистосердечно отвѣтилъ, что онъ гимназистъ 6-го класса Новочеркасской гимназіи и, вмѣстѣ со своими сверстниками, былъ зачисленъ въ партизанскій отрядъ Чернецова. Но что на фронтѣ онъ не былъ, а состоялъ въ командѣ, сформированной для охраны дворца Донского атамана.

Что 10/23 февраля ихъ команду рѣшили отправить на фронтъ, предоставивъ каждому право — или уйти домой, или идти съ командой на пополненіе отряда Чернецова, понесшаго большія потери.

Юноша рѣшилъ отправиться домой въ деревню, гдѣ его отецъ былъ священникомъ.

Вернувшись домой, онъ, прежде всего, пошелъ въ мѣстный революціонный комитетъ, гдѣ все про себя и разсказалъ. Комитетъ рѣшилъ его, «какъ поповское отродіе» хорошенько проучить и отправить на ст. Степную.

Искренній и безхитростный разсказъ юноши вызвалъ на судѣ бурю негодованія: поповскій сынъ, Корниловецъ, партизанъ Чернецова и пр.

Приговоръ произнесенъ былъ предсѣдателемъ суда быстро: «разстрѣлять эту собаку — какъ только взойдетъ луна».

Несчастный юноша тяжело вздохнулъ и, понуривъ голову, сталъ около стѣны.

Когда судъ разошелся и въ комнатѣ остались только мы и двое изъ стражи, юноша попросилъ разрѣшенія немного отдохнуть. Онъ легъ на полу около стѣны, подложилъ мѣшокъ подъ голову и немедленно заснулъ.

Часа черезъ два пришли два солдата; одинъ изъ нихъ ткнулъ спящаго ногой и сказалъ: «вставай, пора идти, луна взошла».

Тихо поднялся юноша, посмотрѣлъ на насъ, и сказалъ: «Смерти не боюсь, но грустно умирать такимъ молодымъ — вѣдь я совсѣмъ еще не жилъ и жизни не знаю. Благословите меня».

Мы съ нимъ простились, перекрестили его, и онъ вышелъ.

Минутъ черезъ пять раздалось нѣсколько выстрѣловъ. . . .

Нѣсколько позже, въ дамскую комнату, въ которой мы находились, пришли посидѣть и развлечься нѣсколько человѣкъ изъ мѣстной интеллигенціи; пришелъ комиссаръ станціи, какой то пожилой человѣкъ въ курткѣ морского покроя и два писаря.

Сначала разговоръ не клеился, но послѣ того, какъ одинъ изъ писарей что-то сказалъ про охоту въ окрестностяхъ ст. Степной, заговорилъ пожилой человѣкъ въ морской курткѣ.

Сказавъ, что хотя здѣшняя охота и хорошая, но для тѣхъ, кто побывалъ, какъ онъ, на охотахъ въ Индіи, охота на Дону представляется мизерной, онъ оживился и очень интересно разсказалъ, какъ будучи матросомъ, онъ шелъ во Владивостокъ на крейсерѣ, на которомъ держалъ флагъ адмиралъ Макаровъ; что въ Индіи они задержались надолго и

адмиралъ Макаровъ взялъ его съ собой, какъ охотника, вглубь страны.

Разсказавъ про охоту въ Индіи, онъ долго и восторженно разсказывалъ про адмирала Макарова. Сказалъ, что Макаровъ его полюбилъ и подарилъ великолѣпное охотничье ружье, которое онъ хранитъ, какъ зеницу ока, и которое, въ его домикѣ въ Батайскѣ (около Ростова), всегда виситъ надъ его постелью.

Затѣмъ морякъ сталъ разсказывать про революціонный періодъ 1905 года въ Севастополѣ, когда онъ былъ боцманомъ на крейсерѣ «Очаковъ».

Онъ долго говорилъ про судъ, про рѣчь прокурора.

Я невольно взглянулъ на Ронжина, который, я зналъ, былъ именно этимъ прокуроромъ. Бѣдный Ронжинъ чувствовалъ себя скверно, усиленно курилъ, и лицо его стало землистаго цвѣта. Ронжинъ сталъ наводить разговоръ на современныя событія, и это, наконецъ, ему удалось.

Морякъ разсказалъ, что на телеграфѣ на ст. Егорлынской служитъ его дочь и оттуда постоянно присылаетъ ему свѣдѣнія о передвиженіяхъ казачьихъ частей; что свѣдѣнія, дававшіяся его дочерью, были часто очень цѣнныя и способствовали успѣху большевиковъ. Разсказалъ, какъ онъ самъ дѣйствовалъ съ небольшой группой головорѣзовъ, когда Корниловъ занималъ Ростовъ, и какъ, благодаря его указаніямъ, большевикамъ въ январѣ удалось занять Батайскъ и нанести серьезныя потери юнкерскому батальону.

Когда эта компанія ушла, Ронжинъ мнѣ сказалъ, что дѣйствительно онъ пережилъ тяжелыя минуты; что онъ узналъ этого боцмана, котораго онъ обвинялъ на судѣ, и боялся, что тотъ можетъ узнать его.

Прошла новая кошмарная ночь.

Мы были свободны, но совершенно обобраны, а не имѣя ни копѣйки денегъ, было безполезно куда-либо направляться: попали бы въ новую передѣлку въ какомъ-либо другомъ пунктѣ, близкомъ отъ станціи; безъ денегъ далеко не ушли бы.

Я еще вечеромъ 17 февраля/3 марта просилъ предсѣдателя суда потребовать вернуть отобранныя у насъ деньги

и вещи. Онъ согласился и сказалъ, что пошлетъ за ними коннаго, снабдивъ его соотвѣтствующимъ предписаніемъ. Мы же рѣшили ждать на ст. Степной возвращенія посланнаго за нашими деньгами и вещами.

Утромъ 18 февраля/4 марта я вышелъ на перронъ и прошелъ въ уборную. Возвращаясь назадъ, я замѣтилъ, что на станціи какъ будто нѣсколько больше порядка и дежурные солдаты разгоняютъ праздношатающихся.

Войдя въ залъ 1-го класса, я увидѣлъ начальника отряда на ст. Степной, рзаговаривающаго съ незнакомымъ мнѣ человѣкомъ, бывшимъ въ военной формѣ безъ погонъ, но при шашкѣ.

Незнакомецъ имѣлъ вполнѣ интеллигентный видъ и былъ хорошо одѣтъ. Лицо было выбрито; рыжіе усы подняты á la «Вильгельмъ».

Увидѣвъ меня, онъ обратился къ начальнику отряда и спросилъ: «кто это?»

— «Это одинъ изъ тѣхъ трехъ, о которыхъ я вамъ докладывалъ, что они судомъ оправданы».

— «Почему вы ихъ не разстрѣляли?»

— «Я не получалъ приказанія разстрѣливать всѣхъ арестованныхъ и приводимыхъ сюда на станцію. Вами было отдано приказаніе всѣхъ арестуемыхъ предавать военно-революціонному суду, что мною въ точности и исполняется. За эти три дня сюда было приведено 22 человѣка и изъ нихъ 18 разстрѣлено и только четверо оправданы: эта компанія изъ трехъ лицъ и еще одинъ казакъ-хуторянинъ.

Послѣ этого незнакомецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Почему послѣ оправданія судомъ вы продолжаете оставаться на станціи?»

Я отвѣтилъ, что у меня и у моихъ спутниковъ отобраны всѣ деньги; что за деньгами и за вещами начальникъ отряда послалъ коннаго и что до полученія денегъ мы лишены возможности куда-либо направиться.

— «А сколько у васъ всѣхъ было денегъ?»

— «У меня было три тысячи съ небольшимъ, а у моихъ спутниковъ около двухъ тысячъ».

— «Кто вы такой?»

— «Я торговецъ; пробираюсь въ Екатеринодаръ по своимъ дѣламъ».

— «Вы лжете. Вы не купецъ и не торговецъ, а навѣрно состоите въ арміи Корнилова и, скажу больше, занимате въ ней не маленькій постъ».

Я увидѣлъ, что этотъ господинъ много опаснѣй всѣхъ прежнихъ судей и, стараясь сохранить полное самообладаніе, я ему отвѣтилъ, что онъ заблуждается, что я дѣйствительно торговецъ.

— «Я повторяю, что ты лжешь! Меня не обманешь!» и, обращаясь къ начальнику отряда, сказалъ: «Корниловъ всюду разсылаетъ своихъ людей; ему особенно важно связаться съ контръ-революціонными организаціями въ Екатеринодарѣ. Вы же здѣсь ни въ чемъ разобраться не можете. Этотъ господинъ мнѣ кажется очень подозрительнымъ. Поэтому приказываю считать, что надъ нимъ и его компаніонами никакого суда не было. Потрудитесь ихъ вновь арестовать и сегодня же отправьте въ мой штабъ въ Ростовъ, гдѣ ихъ хорошенько допросятъ и рѣшатъ, какъ надо съ ними поступить».

Обращаясь ко мнѣ, онъ добавилъ: «Не думаю, чтобы въ Ростовѣ вамъ удалось также легко отдѣлаться отъ должнаго возмездія, какъ это удалось здѣсь».

Послѣ этого незнакомецъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Я обратился къ начальнику отряда съ вопросомъ: «кто это?»

— «Главнокомандующій юго-восточнаго фронта — Сиверсъ».

У меня похолодѣло сердце. Это былъ тотъ прапорщикъ Сиверсъ, который своей газетой «Окопная Правда» окончательно разложилъ арміи сѣвернаго фронта.

Для меня стало ясно, что спасенія для насъ нѣтъ. Штабъ Сиверса въ Ростовѣ, какъ я слышалъ, находился въ томъ же особнякѣ Парамонова, гдѣ былъ передъ тѣмъ штабъ генерала Корнилова, и находившіеся тамъ, въ качествѣ прислуги, австрійцы — военноплѣнные, конечно, не-

медленно меня должны узнать, какъ бывшаго начальника штаба Корнилова.

Я пошелъ въ дамскую комнату, гдѣ сидѣлъ Ронжинъ и сладко спалъ на полу армянинъ Паносовъ.

Ронжинъ встрѣтилъ меня заявленіемъ, что онъ очень голоденъ и надо подумать, какъ бы намъ достать деньги у начальника отряда и хорошенько закусить.

Я ему разсказалъ все, что произошло.

— «Понесла же тебя нелегкая на твою прогулку и на встрѣчу съ Сиверсомъ. Что же намъ дѣлать?»

Я отвѣтилъ, что положеніе безвыходное, что въ Ростовѣ насъ, конечно, узнаютъ и. . . . въ лучшемъ случаѣ разстрѣляютъ; что лучше намъ самимъ съ собой покончить.

— «Но какъ?»

Надо сказать, что до этого мы нѣсколько разъ посылали Паносова за папиросами, и онъ неизмѣнно оставлялъ свое заряженную винтовку въ комнатѣ.

Я предложилъ Ронжину разбудить Паносова, послать его опять за папиросами (которыя намъ, какъ оправданнымъ, изъ буфета отпускали въ долгъ) и, воспользовавшись его отсутствіемъ, покончить съ собой при помощи его винтовки.

Паносовъ былъ разбужденъ, и я далъ ему заказъ на папиросы.

Паносовъ всталъ и пошелъ за папиросами, взявъ съ собой винтовку.

Мы съ Ронжинымъ переглянулись, и я сказалъ: «Не судьба. Обѣщаю больше судьбу не насиловать и не буду пытаться наложить на себя руки».

Вскорѣ, по распоряженію начальника отряда, мы были объявлены вновь арестованными, и въ 3 часа дня насъ повели сажать на поѣздъ, который пришелъ со станціи Тихорѣцкой и направлялся въ Ростовъ.

Поѣздъ стоялъ на станціи Степной болѣе часа.

Передъ самымъ отходомъ поѣзда къ нашему вагону прибѣжалъ начальникъ отряда и сказалъ старшему конвойному: «Сейчасъ получена телеграмма, что штабъ главнокомандующаго изъ Ростова перешелъ въ Батайскъ (первая

станція отъ Ростова, на лѣвомъ берегу Дона), а потому арестованныхъ везти въ Ростовъ не надо, а надо высадить въ Батайскѣ, гдѣ и сдать предсѣдателю военно-революціоннаго суда при штабѣ».

Я вздохнулъ облегченно и сказалъ Ронжину, что надежда на спасеніе есть; что въ Батайскѣ насъ могутъ не узнать.

Начальникъ отряда затѣмъ передалъ какую-то записку старшему конвойному съ приказаніемъ передать ее въ руки предсѣдателя суда. Обращаясь же ко мнѣ, онъ тихо добавилъ: «пишу, что васъ уже судили и судъ васъ всѣхъ оправдалъ». Затѣмъ онъ далъ намъ десять рублей на расходы, и поѣздъ тронулся.

Около шести часовъ вечера мы были въ Батайскѣ, и конвойные насъ повели прямо въ помѣщеніе суда, которое имъ было указано на станціи.

На лицо оказались нѣкоторые изъ судей и сейчасъ же послали за предсѣдателемъ. Намъ приказано было подождать.

Глядя на нашихъ судей, я рѣшилъ, что дѣло не безнадежное. Эта публика не производила впечатлѣнія кровожадной, и разговоръ, который они вели, былъ болѣе чѣмъ фривольный. Вспоминали вчерашній ужинъ съ артистками какого-то театра и восторгались одной изъ нихъ.

Черезъ нѣсколько времени явился предсѣдатель суда, и насъ вывели въ другое помѣщеніе. Я попросилъ Ронжина, Андрея и казака-хуторянина, котораго доставили въ Батайскъ вмѣстѣ съ нами, воздержаться отъ лишнихъ разговоровъ на судѣ и предоставить мнѣ изложить всю нашу исторію.

Насъ позвали въ комнату, гдѣ засѣдалъ судъ. Никого постороннихъ, кромѣ конвоя, не было.

Предсѣдатель суда, обращаясь ко всѣмъ намъ, спросилъ, кто мы такіе и въ чемъ заключается наше дѣло.

Я подробно все разсказалъ; сказалъ, что мы уже судились на ст. Степной и оправданы, что я недоумѣваю, почему насъ вновь арестовали и доставили въ Батайскъ. Затѣмъ я обратился къ старшему конвойному и просилъ его передать

предсѣдателю суда ту записку, которую онъ получилъ отъ начальника отряда на ст. Степной.

Записка была передана, и предсѣдатель суда прочиталъ ее вслухъ. Содержаніе записки было приблизительно слѣдующее: «Препровождая по приказанію главнокомандующаго юго-восточнаго фронта четырехъ арестованныхъ, сообщаю, что всѣ они судились военно-революціоннымъ судомъ на ст. Степной и оправданы. Считаю, что вторичному преданію суду они не подлежатъ. Подпись начальника отряда ст. Степной».

Судьи переглянулись между собой, и предсѣдатель приказалъ насъ вывести въ другую комнату.

Минутъ черезъ пятнадцать насъ вновь позвали въ помѣщеніе суда, и предсѣдатель, обращаясь къ намъ, объявилъ, что мы судомъ оправданы и что онъ очень извиняется за то, что насъ, по недоразумѣнію, вторично хотѣли судить.

Я обратился съ просьбой выдать намъ письменное удостовѣреніе о нашемъ оправданіи судомъ. Это было исполнено, и мы, весело настроенные, вышли изъ помѣщенія суда.

Ронжинъ сказалъ мнѣ, что теперь надо спасаться, куда глаза глядятъ, дабы опять не попасть въ руки Сиверса.

«Куда же мы дѣнемся безъ денегъ?» — спросилъ я его.

— «Да, это правда; но что же намъ дѣлать?»

— «Выходъ одинъ: это снова попросить конвойныхъ насъ арестовать и доставить на ст. Степную, гдѣ есть надежда получить наши деньги».

— «Какъ, опять къ Сиверсу?»

— «Другого выхода нѣтъ».

Мы переговорили съ конвойными и, обѣщавъ ихъ накормить, получили ихъ согласіе считать насъ снова арестованными.

Въ трактирѣ кутнули на всѣ десять рублей, полученныхъ отъ начальника отряда на ст. Степной, и ночью были доставлены на станцію.

Утромъ 19 февраля/5 марта мы отправились къ на-

чальнику отряда, разсказали о томъ, что произошло, передали записку предсѣдателя Батайскаго суда о нашемъ оправданіи; сказали, что рѣшили дождаться на ст. Степной нашихъ денегъ; достали отъ него удостовѣреніе о томъ, что оправданы дважды и, по его указанію, отправились въ мѣстный революціонный комитетъ достать документы на право дальнѣйшаго свободнаго проѣзда.

Весь день ушелъ на это. Документы достали и вечеромъ, напившись чаю съ хлѣбомъ, которыми насъ угостилъ запасливый казакъ-хуторянинъ, устроились кое-какъ на ночлегъ въ дамской комнатѣ на станціи.

За наше отсутствіе было приведено еще шесть человѣкъ; трехъ изъ нихъ разстрѣляли, а трехъ, военноплѣнныхъ австрійцевъ, освободили.

Въ этотъ же день со мной произошелъ крайне непріятный инцидентъ, который могъ окончиться трагически.

Ронжинъ пошелъ утромъ къ начальнику отряда одинъ, а я задержался въ комнатѣ и долженъ былъ его нагнать.

Выйдя на перронъ станціи, я Ронжина уже не увидѣлъ, — онъ куда-то прошелъ. Я отправился на розыскъ вагона начальника отряда. Вижу на пути отличный вагонъ I класса, рядомъ ходитъ часовой.

Спрашиваю: «Это вагонъ начальника?»

— «Да».

Я подымаюсь на площадку вагона; на встрѣчу мнѣ выходитъ элегантный военный безъ погонъ и спрашиваетъ, кого мнѣ надо.

Я отвѣчаю, что мнѣ надо къ «начальнику» по дѣлу.

— «Подождите, я доложу».

Адъютантъ скрывается въ одномъ изъ купэ и оттуда выходитъ..... главнокомандующій юго-восточнаго фронта «товарищъ» Сиверсъ.

Я остолбенѣлъ, но дѣлать было нечего, и, стараясь скрыть свое волненіе, я направился къ нему навстрѣчу.

— «Какимъ образомъ вы здѣсь? Вѣдь я приказалъ всю вашу компанію отправить на судъ ко мнѣ въ штабъ».

— Мы уже тамъ были и оправданы».

— «Не можетъ быть! У васъ есть удостовѣреніе въ томъ, что васъ судили и оправдали?»

— «Есть и находится теперь въ рукахъ у начальника отряда».

— Ну, ваше счастіе. Я не разсчитывалъ васъ больше видѣть. Судъ при моемъ штабѣ рѣдко выноситъ оправдательные приговоры. Но что же вамъ отъ меня теперь нужно?»

Я извинился, объяснивъ, что попалъ къ нему случайно, розыскивая начальника отряда.

Онъ мнѣ назидательно объяснилъ, что онъ именуется главнокомандующимъ фронтомъ и рекомендовалъ мнѣ не засиживаться на ст. Степной. . . .

Когда я объ этомъ разсказалъ Ронжину, то онъ схватился за голову: «ради Бога, будь осторожнѣй. Какая нелегкая несетъ тебя прямо въ лапы къ Сиверсу?»

20 февраля/6 марта я, хотя и спалъ за столомъ, сидя на стулѣ, проснулся поздно.

Мои компаньоны уже бодрствовали и были въ прекрасномъ настроеніи.

Тутъ же вертѣлся Паносовъ.

Ронжинъ объявилъ мнѣ, что въ селеніи около станціи, по словамъ Паносова, имѣется отличный трактиръ и было бы хорошо тамъ поѣсть.

— «На какія же средства мы можемъ разсчитывать? даромъ никто насъ кормить не будетъ».

— «Я пойду къ начальнику отряда и попрошу у него денегъ», сказалъ Ронжинъ.

— «Попытайся».

Къ большому моему удивленію, вернувшійся Ронжинъ дѣйствительно принесъ билетъ военнаго займа.

Мы ликовали, но затѣмъ явилось сомнѣніе въ томъ — размѣняютъ ли этотъ билетъ въ трактирѣ. Паносовъ увѣрилъ насъ, что размѣняютъ, и мы всей компаніей двинулись въ трактиръ.

Поѣли съ удовольствіемъ. Одно насъ нѣсколько стѣсняло — это присутствіе въ сосѣдней комнатѣ какихъ-то солдатъ, которые внимательно насъ разглядывали.

Расплатившись, мы вышли. Но прошли мы немного и были остановлены криками какихъ то солдатъ, бѣжавшихъ за нами.

Мы остановились.

Оказалось, что это тѣ же солдаты, которые насъ разглядывали въ трактирѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что это были офицеры латышскаго полка, стоявшаго около ст. Степной.

Начался новый допросъ.

Въ результатѣ намъ объявили, что мы обманули судей революціонныхъ судовъ, но что ихъ не обманемъ и что будемъ разстрѣлены безъ всякаго суда.

Всѣ наши возраженія оказались безполезными.

Послѣдовало приказаніе позвать восемь солдатъ съ винтовками.

Солдаты скоро прибѣжали, и намъ предложено было стать къ стѣнкѣ.

Я рѣшилъ, что сопротивляться безполезно, и пошелъ къ забору.

Ронжинъ насъ спасъ. Онъ началъ горячо доказывать, что при всякомъ режимѣ рѣшеніе суда должно быть священно, что правосудіемъ такъ играть нельзя, что справедливость нашихъ заявленій провѣрить легко и проч...

Одинъ изъ латышей, пожилой съ виду и безусловно кадровый офицеръ, за насъ заступился и уговорилъ всю компанію отвести насъ къ начальнику отряда и провѣрить правильность нашихъ заявленій. «Если же они лгутъ, то мы ихъ разстрѣляемъ тамъ же на желѣзнодорожныхъ путяхъ» — добавилъ онъ.

Насъ повели.

Начальникъ отряда за насъ горячо заступился и приказалъ насъ освободить.

Латыши не хотѣли насъ отпустить, и начались препирательства между ними и начальникомъ отряда.

Въ это время въ комнату вошелъ командиръ латышскаго полка, одѣтый въ элегантный кожанный костюмъ.

Какъ мнѣ потомъ сказали, онъ былъ кадровымъ штабсъ-капитаномъ.

Поинтересовавшись, въ чемъ дѣло, и выслушавъ начальника отряда, онъ приказалъ своимъ подчиненнымъ разойтись, оставивъ насъ въ покоѣ.

Къ намъ же онъ обратился со слѣдующими словами: «я вамъ не рекомендую показываться въ селеніи; мои латыши васъ разстрѣляютъ и заступничество начальника отряда не поможетъ

Послѣ его ухода, начальникъ отряда намъ сказалъ: «Положеніе ваше становится очень опаснымъ. Латыши васъ прикончатъ, и я не въ силахъ буду васъ спасти. Мой совѣтъ — немедленно уѣзжайте».

Я на это отвѣтилъ, что и наше желаніе скорѣй уѣхать, но что только онъ одинъ намъ можетъ помочь.

— «Что же я могу сдѣлать?»

— «Безъ денегъ мы уѣхать не можемъ. За нашими деньгами вы послали и, вѣроятно, завтра посланный ихъ привезетъ. Самое лучшее будетъ, если вы намъ теперь дадите деньги, а тѣ деньги, которыя будутъ привезены, вы возьмете себѣ».

Начальникъ отряда подумалъ и затѣмъ сказалъ: «Ну хорошо, я вамъ деньги дамъ теперь же, удержавъ съ того, что вамъ причитается, 1/3 въ пользу революціонной арміи. Если вы на это согласны, то черезъ часъ приходите въ мой вагонъ».

Мы, конечно, съ радостью согласились и къ назначенному времени были въ вагонѣ начальника отряда.

Получивъ деньги, мы попросили разрѣшенія остаться въ его вагонѣ до прихода поѣзда изъ Ростова (мы рѣшили ѣхать на ст. Тихорѣцкую, а оттуда, въ зависимости отъ обстановки, проѣхать въ ту или иную сторону).

Поѣздъ въ этотъ день изъ Ростова не пришелъ, и съ наступленіемъ темноты насъ выпроводили изъ вагона, сказавъ, что оставлять насъ на ночь въ вагонѣ начальника отряда признается недопустимымъ.

Мы попали въ трудное положеніе, ибо идти на стан-

цію не рисковали, опасаясь, что латыши съ нами расправятся.

На наше счастье подвернулся станціонный сторожъ, на котораго мы уже раньше обратили вниманіе изъ за чувства соболѣзнованія, которое онъ проявлялъ къ намъ.

На нашу просьбу устроить насъ на ночлегъ, сторожъ предложилъ переночевать въ его помѣщеніи.

Мы пошли и черезъ десять минутъ сидѣли за столомъ, на которомъ стоялъ кипящій самоваръ, крынка съ молокомъ и лежалъ свѣжій хлѣбъ.

Напившись чаю и помолившись Богу, мы улеглись спать на полу. Въ сосѣдней крошечной комнатѣ устроился сторожъ со своей женой и пятью дѣтьми.

Проснувшись, мы съ радостью узнали, что около двухъ часовъ дня будетъ поѣздъ изъ Ростова и что наше освобожденіе отъ сосѣдства съ латышами близко и возможно.

Такъ какъ мой полушубокъ былъ у меня отобранъ по пути на ст. Степную, а холодъ давалъ себя чувствовать, то я рѣшилъ достать себѣ что-либо теплое.

При помощи того же сторожа я купилъ за сто рублей старый полушубокъ и совсѣмъ пересталъ быть похожимъ на «буржуя».

Мы рѣшили до поѣзда на станціи не показываться.

За часъ до прихода поѣзда мы, къ нашему ужасу, узнали, что поѣздъ воинскій и пассажировъ въ него пускать не будутъ.

Бросились къ начальнику отряда.

И на этотъ разъ онъ намъ помогъ.

Взялъ для насъ билеты и, по приходѣ поѣзда, переговоривъ съ начальникомъ эшелона, устроилъ насъ въ маленькомъ купэ 1-го класса.

Черезъ четверть часа поѣздъ отошелъ отъ ст. Степной; мы облегченно вздохнули и перекрестились.

Вечеромъ 21 февраля/6 марта мы были на ст. Тихорѣцкой.

Тамъ мы узнали, что отрядъ генерала Корнилова взорвалъ мосты около Великокняжеской и сообщеніе съ Цари-

цыномъ прервано; что на Екатеринодаръ поѣзда не ходятъ, а около Екатеринодара идутъ бои большевиковъ съ отрядами «бѣлыхъ« и казаковъ, сформированныхъ въ Екатеринодарѣ.

Оставался свободный проѣздъ только на Владикавказъ и на Ростовъ.

Забираться во Владикавказъ намъ не хотѣлось, а ѣхать куда либо черезъ Ростовъ было для меня опасно (въ Ростовѣ многіе меня знали). Кромѣ того, я хотѣлъ постараться опять попасть въ армію Корнилова, а потому мы рѣшили переждать въ Тихорѣцкой и устроились въ грязномъ маленькомъ номерѣ мѣстной гостинницы.

Что касается Андрея, то мы оставили его на ст. Степной, рѣшивъ, что онъ, какъ солдатъ, можетъ пробраться обратно въ Новочеркасскъ и тамъ переждать событія.

Въ мѣстечкѣ при ст. Тихорѣцкой мы прожили четыре дня. Выходить много изъ нашей грязной берлоги мы опасались и только два раза въ день, утромъ и вечеромъ, по очереди, ходили на вокзалъ справляться о поѣздахъ и узнавать слухи и новости о движеніи отряда генерала Корнилова.

Получавшіяся свѣдѣнія ничего утѣшительнаго не приносили; получалось впечатлѣніе, что небольшая группа героевъ прорывается куда-то на югъ; но тамъ, на югѣ, нѣтъ никакой надежды найти опору и пристанище.

По всѣмъ же даннымъ, которыя мы видѣли и слышали, ясно было, что большевисткія части начинаютъ сорганизовываться, вновь проявляется дисциплина и начинаетъ чувствоваться управленіе сверху.

Корниловская Добровольческая армія была почти окружена и кольцо вокругъ нея начинало сжиматься.

За время пребыванія въ Тихорѣцкой гостинницѣ я понялъ, почему при прежнихъ продолжительныхъ плаваніяхъ подъ парусами, въ концѣ концовъ, члены каютъ-компаніи становились врагами другъ къ другу. Я началъ замѣчать, что мои отношенія съ Ронжинымъ начинаютъ портиться, неотлучное совмѣстное пребываніе начинало раздражать, начинались мелкія придирки другъ къ другу. Мы спали на

одной кровати. Онъ меня неоднократно будилъ, увѣрялъ, что я занимаю всю кровать, заставляя его спать на желѣзномъ борту, что все его тѣло болитъ, что я эгоистъ и проч.

Постоянные ночные обыски и провѣрки документовъ насъ раздражали все больше и больше.

На пятый день нашего пребыванія въ гостинницѣ, Ронжинъ утромъ пошелъ на вокзалъ получить очередную информацію. Черезъ полчаса онъ вернулся взволнованный и блѣдный.

— «На вокзалѣ я сейчасъ нарвался на командира латышскаго полка, съ которымъ мы имѣли дѣло на ст. Степной. Этотъ господинъ меня узналъ, остановилъ и спросилъ, что я тутъ дѣлаю и гдѣ ты. На мой отвѣтъ, что мы ожидаемъ здѣсь поѣздъ, чтобы проѣхать въ Царицынъ, онъ мнѣ сказалъ, что для него болѣе чѣмъ подозрительно видѣть насъ каждый разъ тамъ, гдѣ начинается сосредоточеніе войскъ; что онъ меня арестуетъ и прикажетъ выяснить болѣе основательно, кто мы такіе. Къ счастью, въ это время подошли къ нему какіе-то солдаты и началась ругань. Я воспользовался моментомъ и удралъ. Надо спасаться».

Раздумывать было некогда.

Расплатившись за номеръ, мы вышли изъ гостинницы и рѣшили пройти, минуя станцію, на желѣзнодорожные пути и первымъ же поѣздомъ отправиться въ Ростовъ, а оттуда, черезъ Лиски, въ Царицынъ.

На наше счастье у вокзала стоялъ поѣздъ, который долженъ былъ черезъ часъ отойти на Ростовъ.

Не беря билетовъ, мы забрались въ товарный вагонъ и устроились въ уголкѣ за группой какихъ-то торговокъ.

До Ростова доѣхали благополучно. Но здѣсь на вокзалѣ нужно было ожидать поѣзда болѣе восьми часовъ.

Ронжинъ, котораго въ Ростовѣ знали меньше, рискнулъ пройти поѣсть въ залъ 1-го класса, а я забился въ толпу въ залѣ 3-го класса.

Находясь въ залѣ, я видѣлъ среди проходившихъ нѣсколько знакомыхъ лицъ, въ томъ числѣ моряка, котораго мы видѣли на ст. Степной.

Ронжинъ поручилъ носильщику взять билеты до ст. Лиски. Поѣздъ, наконецъ, былъ поданъ, и мы пошли садиться въ вагонъ.

По пути къ вагону меня остановили двое штатскихъ и, называя «ваше превосходительство», стали распрашивать, откуда и куда я ѣду. Я имъ отвѣтилъ, что они заблуждаются, принимая меня за кого-то другого, и что я совсѣмъ не «Превосходительство».

Они перешептываясь отошли, но издали за нами слѣдили.

Въ одномъ изъ нихъ я узналъ офицера, служившаго въ штабѣ на маленькой должности и пользовавшагося не важной репутацiей.

Я опасался, какъ бы они насъ не выдали, но все прошло благополучно и, наконецъ, поѣздъ тронулся. Мы перекрестились.

Ронжинъ еще съ утра чувствовалъ себя плохо. Къ отходу же поѣзда у него, повидимому, былъ сильный жаръ и онъ жаловался на боль сердца.

Когда поѣздъ сталъ подходить къ ст. Лиски, Ронжинъ мнѣ категорически объявилъ, что съ него довольно, въ дальнѣйшiя предпрiятiя онъ не склоненъ пускаться, въ Царицынъ не поѣдетъ, а поѣдетъ прямо въ Петроградъ къ своей женѣ, которая какъ-нибудь поможетъ ему тамъ спрятаться.

— «А если суждено погибнуть, то лучше погибнуть дома, а не шатаясь такъ, какъ мы теперь съ тобой шатаемся» — прибавилъ онъ.

Я видѣлъ, что уговаривать его безполезно, и въ Лискахъ я съ нимъ разстался: онъ тѣмъ же поѣздомъ поѣхалъ на сѣверъ, а я остался на станцiи въ ожиданiи поѣзда въ Царицынъ.

Утромъ 2/15 марта я прiѣхалъ въ Царицынъ и отправился искать себѣ помѣщенiе.

Нашелъ за десять рублей въ сутки крошечную комнату въ очень грязной гостинницѣ. Всѣ приличныя гостинницы оказались реквизированными для надобностей большевистскихъ штабовъ и учрежденiй.

Я чувствовалъ, что на мнѣ масса насѣкомыхъ, а потому сейчасъ же отправился въ магазинъ, купилъ смѣну бѣлья и пошелъ въ баню.

Проживъ въ Царицынѣ недѣлю, я увидѣлъ, что положеніе мое скоро станетъ драматичнымъ: деньги таяли, а надежды скоро соединиться съ арміей не было.

Я рѣшилъ отыскать какую нибудь работу.

Пошелъ въ контору мѣстнаго купца Серебрякова и спросилъ хозяина.

Мнѣ указали на плотнаго старика, стоявшаго въ конторѣ въ пальто и съ шапкой на головѣ.

Я подошелъ и сказалъ, что хорошо грамотенъ, знаю бухгалтерію и прошу дать мнѣ работу. Онъ молча на меня посмотрѣлъ, а затѣмъ раздраженнымъ тономъ сказалъ: Грамотныхъ теперь не требуется. Да я, впрочемъ, теперь уже и не хозяинъ; хозяева — вотъ эта с. . . . .!» и указалъ на нѣсколькихъ юношей, сидѣвшихъ за столомъ. Попробуйте обратиться къ нимъ».

Я повернулся и вышелъ изъ конторы.

На другой день, обѣдая въ ресторанѣ, я увидѣлъ за сосѣднимъ столикомъ адъютанта генерала Корнилова — Толстова и мужа дочери генерала Корнилова — моряка Маркова. *)

По выходѣ изъ ресторана меня нагналъ Толстовъ и спросилъ, когда и гдѣ онъ можетъ меня увидѣть.

Я назначилъ ему свиданіе у себя въ номерѣ черезъ часъ.

Толстовъ, прійдя ко мнѣ и увидѣвъ обстановку моего номера, сказалъ, что онъ постарается меня устроить лучше, и обѣщалъ зайти на другой день.

На другой день, подъ вечеръ, онъ пришелъ и сказалъ, что меня проситъ сейчасъ же придти его хорошій знакомый Х.

Я пошелъ.

Х. принялъ меня какъ родного. Послѣ всѣхъ мы-

---

*) Какъ потомъ я узналъ, они пріѣхали изъ Владикавказа, куда сопровождали изъ Ростова семью генерала Корнилова.

тарствъ я съ наслажденіемъ провелъ время въ хорошей обстановкѣ и былъ накормленъ отличнымъ обѣдомъ.

На слѣдующій же день X. меня устроилъ на квартирѣ у своего тестя.

Какое наслажденіе было получить хорошую комнату, кровать съ чистымъ бѣльемъ и имѣть возможность пользоваться ванной! У милыхъ и гостепріимныхъ стариковъ я и обѣдалъ.

Прожилъ я у нихъ до половины марта. Сообщеніе съ Тихорѣцкой не возстанавливалось, и я началъ терять надежду на возможность соединиться съ Добровольческой арміей.

Однажды пришелъ ко мнѣ Толстовъ и сообщилъ, что у мѣстнаго комиссара Минина (онъ же былъ городскимъ головой) начальникомъ штаба состоитъ полковникъ генеральнаго штаба К., котораго я за скандалъ, произведенный имъ въ пьяномъ видѣ подъ Новый Годъ въ Новочеркасскомъ офицерскомъ собраніи, отчислилъ отъ штаба Добровольческой арміи.

На слѣдующій день я получилъ свѣдѣніе, что за мной начинаютъ слѣдить и что мнѣ необходимо немедленно уѣзжать.

Запасшись отъ X. рекомендательнымъ письмомъ къ одному изъ его знакомыхъ въ Харьковѣ и взявъ у него въ долгъ триста рублей, я въ тотъ же день отправился въ Харьковъ.

Выбралъ Харьковъ потому, что собственно больше некуда было ѣхать и, кромѣ того, надѣялся розыскать тамъ моихъ дѣтей.

За время моего пребыванія въ Царицынѣ я выяснилъ, что большевиками прекращена была всякая коммерческая жизнь въ городѣ. Мѣстные купцы, домовладѣльцы и просто «буржуи» были сильно ограблены и очень немногимъ изъ нихъ, путемъ взятокъ, удалось сохранить возможность вести сносную жизнь.

Постояннаго террора еще не было.

Періодически расправлялись съ отдѣльными лицами, которыхъ считали опасными.

Серьезному же преслѣдованію и разстрѣлу подвергались лишь тѣ, коихъ заподазривали въ причастности къ Добровольческой арміи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

До Харькова я добрался благополучно.

Тамъ я сначала помѣстился въ гостинницѣ, но, затѣмъ, благодаря рекомендацiи X, я отлично устроился въ богатомъ домѣ одной старушки, германской подданной.

Нельзя обойти молчанiемъ, что, при бывшихъ въ Харьковѣ грабежахъ и уплотненiяхъ квартиръ распоряженiемъ большевиковъ, хотя этотъ домъ былъ полной чашей, въ него ни разу не заглянулъ ни одинъ большевикъ.

Какъ мнѣ передавали, въ перiодъ перваго владычества большевиковъ въ Харьковѣ, замѣчалось ихъ крайне внимательное отношенiе вообще ко всѣмъ германскимъ подданнымъ. Хотя не трогали и швейцарскихъ гражданъ, но отношенiе къ нимъ все же не было такимъ предупредительнымъ, какъ къ германскимъ подданнымъ.

Своихъ дѣтей (дочь 15 лѣтъ и сына 14 лѣтъ) я отыскалъ въ Харьковѣ. Устроились они въ одномъ очень миломъ швейцарскомъ семействѣ.

Про свою же жену, выѣхавшую на лошадяхъ изъ Новочеркасска 10/23 февраля, вмѣстѣ съ генераломъ Ванновскимъ, никакихъ свѣдѣнiй я не имѣлъ.

Она предполагала на лошадяхъ доѣхать до одной изъ станцiй желѣзной дороги Царицынъ-Тихорѣцкая и оттуда, черезъ Царицынъ, пробраться въ Москву, чтобы постарать-

ся ликвидировать имущество нашей квартиры и спасти свои драгоцѣнности, бывшія въ банкѣ.

Испытавъ на себѣ всѣ прелести путешествія на лошадяхъ изъ раіона, занятаго Добровольческой арміей, я рѣшилъ, что моя жена погибла.

Но, черезъ 2—3 дня послѣ моего пріѣзда въ Харьковъ, одной нашей знакомой, кн. Голицыной, было получено изъ Москвы письмо отъ моей жены. Я успокоился и рѣшилъ, что въ ближайшемъ будущемъ она сумѣетъ какъ нибудь пробраться изъ Москвы въ Харьковъ на соединеніе съ дѣтьми.

Съ января 1918 года я чувствовалъ себя отрѣзаннымъ отъ міра и, въ сущности говоря, ничего не зналъ о томъ, что происходитъ внѣ раіона, въ которомъ я находился. Будучи въ раіонѣ Добровольческой арміи, окруженной большевиками со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ оторвавшись отъ арміи и попавъ въ Царицынъ, я питался лишь слухами и ничего вѣрнаго до меня не доходило.

Пріѣхавъ въ Харьковъ я, черезъ бывшаго члена Государственнаго Совѣта Н. Ф. Дитмара, связался съ группой углепромышленниковъ, которая субсидировала тайную офицерскую организацію.

На квартирѣ одного изъ членовъ этой группы я познакомился съ полковникомъ, стоявшимъ во главѣ Харьковской военной организаціи, и съ командиромъ офицерскаго батальона.

Въ распоряженіи Харьковской военной организаціи имѣлось три тысячи винтовокъ съ достаточнымъ количествомъ патроновъ и около двадцати пулеметовъ. Была надежда, въ случаѣ возстанія, получить четырехорудійную батарею; личный составъ для батареи былъ подготовленъ.

Въ батальонѣ, который, по словамъ полковника, стоявшаго во главѣ организаціи, можно было бы собрать въ любой моментъ, числилось около тысячи человѣкъ. Кромѣ того, въ спискѣ офицеровъ, жившихъ въ Харьковѣ, числилось около двухъ тысячъ человѣкъ. Эти послѣдніе не были помѣщены въ существующую организацію. Каждый изъ офицеровъ батальона долженъ былъ, въ случаѣ необхо-

димости, привести 2—3 офицеровъ, значившихся въ спискѣ и лично ему извѣстныхъ.

Такія же организаціи, но въ меньшихъ размѣрахъ, существовали въ другихъ городахъ Харьковской и Полтавской губерній.

Познакомившись съ организаціей дѣла въ Харьковѣ, я преподалъ нѣкоторые организаціонные совѣты руководителямъ ея и затѣмъ указалъ, что никакія преждевременныя выступленія не допустимы. Необходимо выждать, пока окажется возможнымъ имѣть связь съ генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ и свои дѣйствія строго согласовать съ указаніями, которыя будутъ получены. При этомъ сказалъ, какъ свое личное мнѣніе, что считаю наиболѣе правильнымъ, чтобы всѣ офицеры, которые это могутъ сдѣлать, направлялись на усиленіе Добровольческой арміи. На мѣстахъ же могутъ оставаться лишь тѣ, кои, вслѣдствіе семейныхъ или другихъ причинъ, въ армію ѣхать не въ состояніи. Эта группа офицеровъ можетъ взяться за оружіе лишь при подходѣ Добровольческой арміи, дабы преждевременнымъ выступленіемъ не губить дѣла и не подвергать напрасно террору тѣхъ, которые сидятъ на мѣстѣ.

* * *

Въ двадцатыхъ числахъ марта меня въ Харьковѣ разыскалъ морякъ, лейтенантъ Масленниковъ, который служилъ для связи между генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ и Московскимъ Національнымъ центромъ, въ составъ котораго вошли представители всѣхъ анти-большевистскихъ круговъ отъ правыхъ до соціалистовъ включительно.

Этотъ центръ, конечно, велъ работу конспиративно; хотя, повидимому, про его существованіе большевикамъ было извѣстно, но они, по указкѣ ли нѣмцевъ, или по своимъ соображеніямъ, пока его не трогали и на его дѣятельность смотрѣли сквозь пальцы.

Масленниковъ разсказалъ мнѣ, что въ Москвѣ назрѣваетъ возстаніе, что различныя организаціи объединились и что руководители убѣждены въ полномъ успѣхѣ. Но что въ Москвѣ нѣтъ никого изъ авторитетныхъ военныхъ, кото-

рый могъ бы руководить военной стороной дѣла; что членовъ Московскаго Національнаго центра особенно безпокоитъ вопросъ о томъ, кому можно поручить направленіе дѣятельности военныхъ организацій; особенно важно, чтобы послѣ намѣченнаго переворота было лицо, которое твердо и правильно поставило бы дѣло и прибрало къ рукамъ всѣ разнообразныя военныя организаціи. Что онъ командированъ въ Хорьковъ спеціально ко мнѣ, *) чтобы, отъ имени Національнаго центра, предложить мнѣ немедленно прибыть въ Москву и принять руководство военной стороной дѣла.

Я его спросилъ, насколько справедливы слухи о томъ, что Московскій Національный центръ раскололся; что часть членовъ приняла нѣмецкую оріентацію, считая, что спасеніе отъ большевиковъ возможно лишь при соглашеніи съ нѣмцами; что другая часть членовъ остается вѣрной союзу съ Франціей и Англіей и не допускаетъ мысли идти по пути соглашенія съ Германіей.

Масленниковъ, какъ мнѣ показалось, нѣсколько смазывалъ свои отвѣты.

Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно вопросъ оріентаціи возникъ, но раскола не произошло; что группа, считающая возможнымъ договориться съ нѣмцами, предварительно считаетъ необходимымъ опредѣленно и ясно поставить вопросъ о помощи отъ англичанъ и французъ; что только при отказѣ ихъ оказать дѣйствительную поддержку — они считаютъ возможнымъ начать переговоры съ нѣмцами, которые дѣйствительно предлагаютъ съ ними договориться.

На мой вопросъ — кѣмъ же онъ ко мнѣ присланъ, онъ отвѣтилъ, что А. В. Кривошеинымъ и Вл. І. Гурко.

— «Есть ли у васъ какое либо письмо ко мнѣ или что либо иное въ письменной формѣ, что подтвердило бы мнѣ, что вы дѣйствительно присланы ко мнѣ указанными лицами?»

— «Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ; мнѣ поручено это передать вамъ на словахъ. Вы меня знаете, и мы считали, что у васъ не будетъ никакихъ сомнѣній».

— Можете ли вы мнѣ подробно разсказать про существующія въ Москвѣ военныя организаціи? Что они изъ себя представляютъ по составу, численности, спайкѣ и по обезпеченности военными припасами на періодъ выступленія?»

— «Нѣтъ, я этого не знаю».

Послѣ этого я сказалъ Масленникову, что согласіемъ на подобное предложеніе отвѣтить трудно. Что все это представляется мнѣ довольно легкомысленнымъ. Что ѣхать въ Москву съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же быть повѣшеннымъ на фонарномъ столбѣ мнѣ не хочется. Что если мнѣ это суждено, то оно въ свое время и случится, но ускорять ходъ событій я не намѣренъ.

— «Передайте А. В. Кривошеину и Вл. І. Гурко, что если они дѣйствительно хотятъ моего пріѣзда, то пусть мнѣ объ этомъ напишутъ и пришлютъ васъ и какого нибудь генерала, стоящаго во главѣ одной изъ наиболѣе крупныхъ организацій, чтобы онъ могъ дать мнѣ исчерпывающіе отвѣты на всѣ мои вопросы. А на предложеніе, дѣлаемое въ той формѣ, какъ дѣлаете вы, я отвѣчаю опредѣленнымъ отказомъ».

* * *

Злободневными въ Харьковѣ разговорами были слухи и поступавшія свѣдѣнія о приближеніи нѣмцевъ. Кіевъ былъ имъ занятъ 15 февраля/1 марта.

Въ началѣ апрѣля я съ большимъ интересомъ прочиталъ въ одной изъ Харьковскихъ газетъ статью Василія Витальевича Шульгина, перепечатанную изъ послѣдняго номера закрывшагося «Кіевлянина», отъ 10/23 марта (№ 16):

«Выпуская послѣдній номеръ «Кіевлянина», мы позволяемъ себѣ напомнить всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что міровая война не кончилась; что жесточайшая борьба будетъ продолжаться на западномъ фронтѣ; что уничтоженіе Россіи есть только одинъ изъ эпизодовъ этой войны; что на мѣсто Россіи вступила Америка, что русскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно ни въ Брестѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Петроградѣ, ни даже въ Москвѣ,

ибо карта Европы будетъ вычерчена на кровавыхъ поляхъ Франціи, гдѣ произойдетъ послѣдняя рѣшительная борьба.

Мы позволяемъ себѣ сказать еще, что нынѣшнее состояніе Россіи не есть гибель русскаго народа, но это есть несомнѣнная гибель «русской революціи».

Соціалисты воображали, что такъ называемая контръ-революція прійдетъ отъ рахитичныхъ русскихъ капиталистовъ, или отъ мечтательныхъ русскихъ помѣщиковъ, подарившихъ міру Льва Толстого — геніальнаго Манилова. Во имя этой несуществующей контръ-революціи они разстрѣливали и уничтожали тотъ небольшой культурный классъ, который въ Россіи единственно былъ носителемъ національной гордости и готовъ былъ подвергнуться всѣмъ ,кспериментамъ «соціализма», лишь бы сохранить независимою свою родину.

Задача блестяще удалась. Людей, любившихъ свое отечество, смяли и растоптали изъ страха передъ «ней». Но когда это было сдѣлано, «буржуи» уничтожены, тогда то и пришла «она»...

Пришла сильная, спокойная, увѣренная... И всѣ эти жалкіе людишки покорно стали на колѣни и привѣтствовали ея появленіе.

Контръ-революція пришла въ образѣ нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ, занявшихъ Россію. Тѣхъ нѣмецкихъ солдатъ, у которыхъ «нервы оказались крѣпче».

Ибо, что такое контръ-революція въ глазахъ безмозглыхъ митрофанушекъ соціализма?

Контръ-революція — это порядокъ, это крѣпкая власть, это конецъ бездѣлью, болтовнѣ, конецъ надругательствамъ и насиліямъ надъ беззащитными и слабыми. Такъ вотъ, поздравляемъ васъ, господа революціонеры!

Нѣмцы принесли этотъ порядокъ на своихъ штыкахъ... и прежде всего, приводя въ дѣйствіе желѣзныя дороги, приказывая вымыть и вымести до чиста нашъ несчастный Кіевскій вокзалъ, эту эмблему современной культуры, которую вы столько времени пакостили во славу демократическихъ принциповъ.

Чистота и опрятность. Есть ли начало, болѣе враждебное грязью вѣнчанной русской революціи?

Ахъ, господа, вы не хотѣли отдавать чести русскимъ офицерамъ.... А теперь съ какой готовностью вы отдаете эту «честь» нѣмецкимъ! Почему? Да потому, что они избавили васъ отъ самихъ себя, что они спасаютъ вашу собственную безумную жизнь, потому что въ звѣриной ненависти, вами овладѣвшей, вы перегрызли бы горло другъ другу! И вы глубоко благодарны пинку нѣмецкаго приклада, который привелъ васъ въ чувство.

Но мы, мы нѣмцевъ не звали. Когда вы разстрѣливали насъ и жгли, мы говорили — «убивайте и жгите, но спасите Россію». И такъ какъ мы нѣмцевъ не звали, то мы не хотимъ пользоваться благами относительнаго спокойствія и нѣкоторой политической свободы, которыя нѣмцы намъ принесли. Мы на это не имѣемъ права. А то, что намъ не принадлежитъ по праву, мы не возьмемъ даже въ томъ случаѣ, если бы намъ его отдали «безъ выкупа». Мы вѣдь не соціалисты — благодареніе Господу Богу!

Мы были всегда честными противниками. И своимъ принципамъ мы не измѣнимъ. Пришедшимъ въ нашъ городъ нѣмцамъ мы это говоримъ открыто и прямо.

Мы ваши враги. Мы можемъ быть вашими военноплѣнными, но вашими друзьями мы не будемъ до тѣхъ поръ, пока идетъ война.

У насъ только одно слово. Мы дали его французамъ и англичанамъ и, пока они проливаютъ свою кровь въ борьбѣ съ вами за себя и за насъ, мы можемъ быть только вашими врагами, а не издавать газету подъ вашимъ крылышкомъ.

Да, если бы «Кіевлянинъ» сталъ вновь выходить, то это значило бы, что нѣмцы обезпечили ему безопасность. Даже эти строчки, которыя сейчасъ пишутся, могутъ быть выпущены, благодаря попустительству нѣмецкой власти.

Если бы «Кіевлянину» была дана возможность выходить, то это значило бы, что здѣсь расчетъ, или великодушіе.

Расчетамъ помогать мы не хотимъ, великодушія принять не можемъ.

Мы хорошо понимаемъ значеніе только что сказанныхъ словъ, но и враги наши поймутъ, что иного выхода для честныхъ людей нѣтъ.

Какія послѣдствія будутъ для насъ лично — мы не знаемъ, но ту часть русскаго общества, отъ имени которой мы позволяемъ себѣ говорить, нѣмцы принуждены будутъ уважать, какъ они вынуждены презирать тѣхъ, кто сейчасъ пресмыкается передъ ними.

И мы хорошо знаемъ, что когда наступитъ время дѣйствительнаго примиренія, когда кончится эта ужасная міровая борьба, кончится миромъ, не постыднымъ для всѣхъ, кто честно боролся за свою родину, тогда честные противники скорѣй столкуются другъ съ другомъ, чѣмъ безчестные друзья».

Статья эта была болѣе чѣмъ своевременна.

Нѣмцы планомѣрно занимали хлѣбный раіонъ юго-западнаго края и протягивали щупальцы ко всѣмъ крупнымъ центрамъ Малороссіи, съ цѣлью постепенно занять весь югъ Россіи и создать себѣ прочную продовольственную базу для продолженія борьбы на западѣ.

Большевики отступали передъ нѣмцами почти безъ всякаго сопротивленія. Но при этомъ отступленіи происходило что-то странное.

Большая часть большевистскихъ силъ отступала не на сѣверъ или сѣверо-востокъ для прикрытія Великороссіи, а на востокъ — для созданія фронта для борьбы съ казаками и добровольцами.

Чувствовалось, что для совѣтскаго правительства нѣмцы какъ будто не страшны, и что между ними существуетъ какое-то соглашеніе.

Всѣ данныя, поступавшія изъ разныхъ источниковъ, указывали на то, что нѣмцы готовы были прекратить въ Россіи большевизмъ, ими же насажденный. Но, повидимому, германскіе правящіе круги сами не знали, какъ будетъ болѣе правильно разрѣшить эту задачу.

Несомнѣнно, что были предположенія принять мѣры къ прекращенію большевизма и возсозданію сильной Рос-

сіи. Но для Германіи было важно, чтобы эта Россія была для нея союзной, или, въ худшемъ случаѣ, нейтральной.

Между тѣмъ существованіе на югѣ Россіи Добровольческой арміи, вѣрной Англіи и Франціи, которая, при возрожденіи Россіи, явилась бы естественно ядромъ русской арміи, и существованіе въ Россіи политическихъ группъ, которыя опредѣленно высказывались за необходимость для Россіи выполнить свой долгъ въ совмѣстной борьбѣ съ союзниками противъ Германіи до конца, заставляло германское правительство поддерживать связь съ совѣтскимъ правительствомъ и склоняться въ сторону расчлененія Россіи и созданія самостоятельной и послушной ей Украины.

Событія, между тѣмъ, на Украинѣ развивались. Въ вербную субботу нѣмцы вошли въ Харьковъ и выдвинули авангарды къ Бѣлграду и Чугуеву.

Большинство Харьковскаго населенія ликовало и благословляло нѣмцевъ за освобожденіе отъ большевиковъ.

Но черезъ нѣсколько дней многіе, съ которыми мнѣ пришлось говорить, уже не чувствовали себя такъ радостно настроенными.

Одинъ изъ обывателей правильно охарактеризировалъ чувство, которое испытывало большинство: «шкура радуется, что мы освобождены отъ большевиковъ, а душа болитъ, что это сдѣлано нѣмецкими руками».

Интеллигенція и помѣщики, въ своей массѣ напуганные звѣрствами и разстрѣлами большевиковъ, выбитые изъ привычной колеи жизни и измученные постояннымъ ожиданіемъ новыхъ ужасовъ, новыхъ преслѣдованій — готовы были броситься хоть чорту на рога, лишь бы избавиться отъ большевиковъ.

Для нѣмцевъ моментъ былъ подходящій, чтобы привлечь на свою сторону массу жаждущую порядка и прекращенія наступившей смуты.

Передъ Пасхой я встрѣтилъ въ Харьковѣ двухъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, бывшихъ членовъ Государственной Думы Н. И. Антонова и князя А. Д. Голицына.

Оба они лихорадочно занимались подготовкой созыва съѣзда «хлѣборобовъ» для выбора гетмана.

Нѣмцы, занявъ юго-западный край Россіи, естественно стремились создать въ этомъ раіонѣ твердую власть и имѣть прочный административный аппаратъ, который обезпечилъ бы порядокъ въ странѣ и далъ бы имъ возможность пользоваться этимъ аппаратомъ, чтобы богатый край дѣйствительно сталъ ихъ продовольственной базой, и они могли бы получать всѣ предметы продовольствія быстро и безъ всякихъ затрудненій.

Для нѣмцевъ было необходимо, чтобы эта власть была имъ дружественна и чувствовала, что она имъ обязана своимъ благополучіемъ.

Правительство, которое нѣмцы застали на Украинѣ, ихъ не могло удовлетворить: соціалистическое правительство, съ нѣкоторымъ уклономъ въ сторону большевизма, а главное, стремившееся провести немедленно земельную реформу съ уничтоженіемъ крупнаго частновладѣнія, совершенно не гарантировало скораго водворенія порядка, не гарантировало возможности спокойно и планомѣрно начать вывозъ въ Германію всего необходимаго.

Нѣмцы были хозяевами только по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и въ городахъ, занятыхъ ихъ гарнизонами. Отсюда они вывозили все, что возможно, и, кромѣ того, организовали правильную ежемѣсячную отправку каждымъ своимъ солдатомъ къ себѣ на родину посылокъ, по полпуда каждая. Солдаты должны были отправлять въ посылкахъ съѣстные припасы, главнымъ образомъ муку, крупу, сахаръ, сало и колбасы.

Но этого для нѣмцевъ было недостаточно; имъ, повторяю, надо было установить такой русскій правительственный административный аппаратъ, который далъ бы имъ возможность хозяйничать во всей странѣ, а не только по желѣзнодорожнымъ артеріямъ.

На Украинѣ, кромѣ крупнаго помѣщичьяго класса, былъ недоволенъ создавшимся положеніемъ многочисленный классъ довольно крупныхъ крестьянскихъ собственниковъ — хлѣборобовъ, которымъ проектируемыя рефор-

мы украинскаго правительства грозили полнымъ разореніемъ.

Представители германскихъ властей въ оккупированномъ раіонѣ вошли въ соглашеніе съ видными представителями помѣщичьяго класса и общественныхъ организацій, несочувственно относившимися къ намѣчавшимся реформамъ, и было рѣшено созвать въ Кіевѣ съѣздъ хлѣборобовъ, который долженъ былъ выбрать гетмана, и затѣмъ старое правительство должно было быть ликвидировано.

Все было обставлено такъ, что нѣмцы, яко-бы, оставались въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ то, что происходитъ.

Время (апрѣль мѣсяцъ) для съѣзда хлѣборобовъ, изъза полевыхъ работъ, было неподходящее. Чтобы съѣздъ состоялся, надо было матеріально хорошо обставить крестьянъ-участниковъ съѣзда и не только возмѣстить имъ расходы, но и дать имъ нѣкоторую денежную прибыль.

По упорно циркулировавшимъ слухамъ, нѣмцы, на устройство съѣзда хлѣборобовъ, отпустили пятнадцать милліоновъ рублей.

Съѣздъ состоялся; съѣхалось свыше девяти тысячъ хлѣборобовъ, и съ феерической быстротой, 15/28 апрѣля, было произведено заранѣе подготовленное избраніе въ гетманы Украины генерала Скоропадскаго.

Во время съѣзда хлѣборобовъ въ Кіевѣ часть этого съѣзда отказалась отъ выбора гетмана, и образовалось другое собраніе — «спилка».

Но выборъ украинскимъ гетманомъ Скоропадскаго былъ признанъ нѣмцами, и они, объявивъ объ этомъ, заявили, что гетмана будутъ поддерживать, а всякія выступленія противъ него, они, съ цѣлью поддержанія порядка въ оккупированномъ ими краѣ, будутъ подавлять силою оружія.

Спилка была разогнана, а наиболѣе непокорная изъ ея состава часть арестована нѣмцами.

Гетманъ Скоропадскій сформировалъ правительство и, опираясь на силу германскихъ штыковъ, вступилъ въ управленіе краемъ.

Какъ показали дальнѣйшія событія, власть, получен-

ная изъ нѣмецкихъ рукъ и опиравшаяся на нѣмецкія войска, стала непопулярной для массы населенія.

Если бы правительство гетмана Скоропадскаго было болѣе дальновидно, то правильно сорганизовавъ и вооруживъ крѣпкихъ земельныхъ собственниковъ — крестьянъ (хлѣборобовъ), оно, можетъ быть, сумѣло бы создать такую обстановку, при которой, послѣ ухода нѣмцевъ, власть сохранилась бы въ его рукахъ и большевизмъ не охватилъ бы Малороссіи.

Но гетманское правительство ничего реальнаго не сдѣлало для поддержанія этого единственно надежнаго класса населенія, а стремилось сначала создать крупную регулярную армію, а порядокъ поддерживать полицейскими мѣрами.

Полицейскихъ же мѣръ оказалось недостаточно, а создать болѣе или менѣе прочную регулярную армію не позволили нѣмцы.

Были созданы только штабы, назначены начальствующія лица, а солдатъ оказалось мало...

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля я со своими дѣтьми пріѣхалъ въ Кіевъ.

Рѣшивъ оставить дѣтей въ Кіевѣ у сестры моей жены, я самъ хотѣлъ пробраться опять въ Добровольческую армію.

Къ этому времени нѣмцы продвинулись на востокъ до р. Дона и заняли Крымъ.

При занятіи Крыма нѣмцами произошелъ интересный эпизодъ: первоначально германскія части наступали на Крымъ совмѣстно съ украинской бригадой, бывшей подъ командой генерала Натіева; но у ст. Джанкой головной эшелонъ этой бригады былъ остановленъ нѣмцами, а затѣмъ они потребовали удаленія украинцевъ изъ предѣловъ Крыма и заняли его самостоятельно.

Впослѣдствіи украинское правительство неоднократно возбуждало вопросъ о присоединеніи Крыма къ Украинѣ, но нѣмцы опредѣленно отвѣчали, что Крымъ долженъ оставаться самостоятельнымъ.

* * *

Пріѣхавъ въ Кіевъ, я черезъ одного моего знакомаго попросилъ узнать, когда гетманъ Скоропадскій можетъ меня принять. Въ тотъ же день мнѣ было сообщено, что гетманъ проситъ меня къ себѣ на другой день.

Къ назначенному часу я пошелъ въ, такъ называвшійся, гетманскій дворецъ (старый генералъ-губернаторскій домъ).

Гетманъ сейчасъ же меня принялъ и, сказавъ, что ему хотѣлось бы со мной подробно поговорить, попросилъ подождать въ кабинетѣ его начальника канцеляріи полтора часа, послѣ чего «мы съ вами позавтракаемъ и на свободѣ, послѣ завтрака, поговоримъ; ждать же вамъ не будетъ скучно, такъ какъ здѣсь есть нѣсколько генераловъ, вашихъ старыхъ знакомыхъ, которые хотѣли съ Вами повидаться».

Я согласился.

Въ часъ дня меня позвали въ столовую.

За столъ сѣло человѣкъ двѣнадцать, въ ихъ числѣ былъ новый предсѣдатель совѣта министровъ Лизогубъ и генеральный секретарь Игорь Кистяковскій.

Когда уже всѣ сидѣли за столомъ, въ комнату вошелъ германскій офицеръ и, извинившись за запозданіе, сѣлъ на свободное, оставленное для него мѣсто.

По манерѣ себя держать и по нѣсколькимъ сказаннымъ фразамъ мнѣ стало ясно, что этотъ германскій офицеръ постоянный гость на гетманскихъ завтракахъ.

Я спросилъ у моего сосѣда за столомъ — «кто этотъ нѣмецъ?»

«А это извѣстный здѣсь и очень вліятельный гр. Альвенслебенъ».

Германскій офицеръ за завтракомъ очень мало говорилъ, но очень внимательно слушалъ. Разговоръ шелъ на русскомъ и частью на французскомъ языкѣ.

Послѣ завтрака гетманъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и очень горячо сталъ мнѣ объяснять, что онъ согласился быть выбраннымъ въ гетманы только потому, что, по его мнѣнію, это былъ лучшій выходъ изъ создавшагося положенія; что онъ не «щирый украинецъ», что вся его ра-

бота будетъ идти на созданіе порядка на Украинѣ, на созданіе хорошей арміи и что, когда Великороссія изживетъ свой большевизмъ, — онъ первый подыметъ голосъ за объединеніе съ Россіей; что онъ отлично понимаетъ, что Украина не можетъ быть «самостійной», но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать изъ себя «щираго украинца»; что для него самое больное и самое трудное — это работать съ нѣмцами, но опять таки и здѣсь — это единственно правильное рѣшеніе, такъ какъ, только опираясь на силу, онъ можетъ создать порядокъ на Украинѣ; а единственная существующая и реальная сила — это нѣмцы; что Добровольческая армія силы изъ себя серьезной не представляетъ, и нѣмцы никогда не допустятъ ея усиленія: тогда она станетъ для нихъ опасной. А потому, какъ бы онъ ни сочувствовалъ генералу Деникину, опираться на него не можетъ, а принужденъ опираться на нѣмцевъ.

Вотъ когда удастся создать прочную регулярную армію на Украинѣ, тогда онъ иначе будетъ разговаривать и съ нѣмцами.

На это я отвѣтилъ, что нѣмцы все это понимаютъ не хуже, чѣмъ онъ, и создать сильную армію на Украинѣ они ему не позволятъ.

— «Нѣтъ, я этого добьюсь; я получилъ уже принципіальное обѣщаніе, что мнѣ будетъ разрѣшено сформировать девять корпусовъ».

— «Обѣщаній нѣмцы нодаютъ много, но настоящей арміи сформировать Вамъ не позволятъ».

Послѣ этого гетманъ сказалъ, что хотя онъ получилъ принципіальное согласіе нѣмцевъ на сформированіе девяти корпусовъ, но въ дѣйствительности ему пока разрѣшено сформировать три корпуса; но что онъ надѣется вскорѣ получить окончательное разрѣшеніе на сформированіе всѣхъ девяти корпусовъ.

Затѣмъ онъ добавилъ, что все же учитываетъ возможность задержки въ полученіи этого разрѣшенія и что у него разработанъ проектъ сформированія въ провинціи особыхъ частей для поддержанія порядка въ уѣздахъ; что эти части будутъ имѣть въ своемъ составѣ значительное число офице-

ровъ и, когда потребуется, могутъ послужить кадромъ для развертыванія въ болѣе крупныя войсковыя части; что для нѣмцевъ необходимъ на Украинѣ полный порядокъ, и что они поэтому дадутъ разрѣшеніе какъ на сформированіе новыхъ корпусовъ, такъ и на организацію проектируемыхъ имъ отрядовъ для поддержанія порядка въ уѣздахъ.

Я пожелалъ ему успѣха, но еще разъ высказалъ сомнѣніе относительно того, чтобы нѣмцы, разложившіе русскую армію и выведшіе ее изъ міровой борьбы, позволили ему создать новую армію, которая можетъ обратиться противъ нихъ же.

Затѣмъ гетманъ Скоропадскій, совершенно для меня неожиданно, предложилъ мнѣ быть военнымъ министромъ въ его правительствѣ.

— «Я убѣжденъ, что мы съ Вами скоро сформируемъ хорошую армію» — добавилъ онъ.

Я категорически отказался, сказавъ, что возвращаюсь въ Добровольческую армію и, кромѣ того, никогда и ни при какихъ условіяхъ не соглашусь работать съ нѣмцами, которые не въ честномъ бою, а подлыми предательскими пріемами погубили нашу армію и продали Россію въ руки большевиковъ, главные изъ которыхъ евреи, преслѣдующіе не русскія, а интернаціональныя цѣли.

Гетманъ Скоропадскій высказалъ свое сожалѣніе, что я не хочу съ нимъ работать, и сказалъ, что онъ все же надѣется, что я не откажу ему въ совѣтѣ, когда онъ ко мнѣ обратится.

Больше мы съ нимъ не видѣлись, и ни-за какими совѣтами онъ ко мнѣ не обращался.

* * *

То, что я видѣлъ и слышалъ въ этотъ періодъ въ Кіевѣ, убѣдило меня въ томъ, что политика Германіи какъ въ отношеніи Россіи въ цѣломъ, такъ и по отношенію къ Украинѣ — была явно колеблющаяся, неопредѣленная.

Конечно, въ рукахъ у насъ нѣтъ документальныхъ данныхъ относительно указаній германскаго правительства своимъ представителямъ въ Россіи, но о многомъ можно судить по фактамъ, по распоряженіямъ мѣстныхъ герман-

скихъ властей (представителей), по разговорамъ фельдмаршала Эйхгорна, по словамъ игравшаго замѣтную роль гр. Альвенслебена, а также по разговорамъ германскихъ офицеровъ съ тѣми русскими, съ которыми они сошлись и подружились. Наконецъ, политика правительства гетмана Скоропадскаго и Донского представительства въ Кіевѣ отражала въ себѣ колеблющуюся и неопредѣленную политику Германіи.

Прежде всего получалось впечатлѣніе, что между военными и гражданскими представителями Германіи въ Россіи существуетъ различіе во взглядахъ на будущее Россіи.

Маршалъ Эйхгорнъ неоднократно высказывалъ, что для Германіи необходимо возсоздать сильную, единую и дружественную Германіи Россію; но и здѣсь отражались колебанія центральнаго правительства: то говорилось о необходимости возсоздать единую Россію, то о созданіи сильной Украины, независимой отъ Великороссіи.

Что касается политическаго представителя Германіи на Украинѣ, барона Мума, то въ его словахъ явно чувствовалось нежеланіе принять рѣшительныя мѣры для возсозданія не только сильной единой Россіи, но и сильной Украины.

Получалось отчетливое впечатлѣніе, что нѣмцы хотятъ водворить порядокъ въ Россіи, пользуясь послѣдней, какъ своей базой для полученія продовольствія и сырья, но съ другой стороны не вѣрятъ въ то, что Россія превратится въ ихъ союзницу и, напротивъ, опасаются, что водвореніе порядка въ Россіи и, въ частности на Украинѣ, и возсозданіе ими только что разрушенной арміи можетъ грозить имъ опасностью и вновь можетъ создать для нихъ восточный фронтъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ, не имѣя восточнаго фронта, нѣмцы все же принуждены были ввести въ предѣлы Россіи около 600.000 человѣкъ войска и, по мѣрѣ продвиженія на востокъ, отлично сознавали, что ихъ положеніе становится все менѣе и менѣе прочнымъ, что требуется новое увеличеніе войска и что этому нѣтъ предѣла. Растущее противъ нихъ возбужденіе среди населенія указывало, что хотя, за-

нимая желѣзныя дороги и главные населенныя центры, и можно поддерживать въ странѣ сравнительный порядокъ, но близко то время, когда изъ глубины страны они ничего не будутъ въ силахъ получать, близки возстанія въ отдѣльныхъ районахъ и скоро предстоитъ новое увеличеніе ихъ войскъ въ оккупированной ими странѣ.

Получался заколдованный кругъ: съ одной стороны было опасно дать возможность сорганизоваться новой русской арміи изъ-за опасенія вновь создать для себя восточный фронтъ, а съ другой стороны, чтобы пользоваться Россіей, какъ продовольственной базой, необходимо было въ ея предѣлахъ держать сильную армію, ослабляя западный фронтъ въ то время, когда ихъ противники тамъ усиливались и назрѣвали рѣшительные бои, которые должны были рѣшить участь всей борьбы и будущую судьбу Германіи.

Что касается отношенія нѣмцевъ къ Добровольческой арміи, то и оно было крайне неопредѣленное.

Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, то засталъ тамъ совершенно открыто функціонировавшее бюро записи въ Добровольческую армію. Никто не разрѣшалъ открывать это бюро, но никто противъ этого и не возражалъ.

Запись шла открыто, и офицеры безъ всякихъ препятствій и затрудненій отправлялись на Донъ въ составъ Добровольческой арміи.

Въ Іюнѣ отношеніе къ арміи рѣзко измѣнилось: бюро для записей въ ея составъ распоряженіемъ правительства гетмана (а штабъ гетмана указывалъ, что это сдѣлано по распоряженію нѣмцевъ) было закрыто, и было объявлено, что впредь всякая пропаганда въ пользу отправки офицеровъ и солдатъ въ составъ Добровольческой арміи будетъ строго преслѣдоваться, что виновные будутъ арестовываться и предаваться суду и что прекращается выдача разрѣшеній на выѣздъ на Донъ безъ ручательства бывшаго въ Кіевѣ представителя Донского атамана, что отправляющіеся на Донъ не ѣдутъ на пополненіе Добровольческой арміи.

Вмѣстѣ съ этимъ изъ нѣмецкихъ круговъ черезъ представителей украинскаго военнаго министерства широко началось пропагандированіе идеи созданія особой южной Доб-

ровольческой арміи для борьбы противъ большевиковъ и съ открытыми монархическими лозунгами.

На созданіе этой арміи нѣмцы обѣщали отпустить крупныя суммы и широко снабдить ее всѣмъ необходимымъ изъ запасовъ бывшихъ Кіевскаго и Одесскаго военныхъ округовъ.

Въ Кіевѣ и въ Харьковѣ были открыты бюро для записи въ «Южную армію»; содержаніе офицерамъ и солдатамъ было назначено крупное, въ нѣсколько разъ превышавшее получавшееся въ арміи генерала Деникина.

Все, конечно, дѣлалось не непосредственно нѣмцами, а черезъ украинское военное министерство.

Первоначально предполагалось создать двѣ группы этой арміи: одну на Дону на Воронежскомъ направленіи, а другую въ раіонѣ Харькова. Но впослѣдствіи остановились на формированіи одной Южной арміи — въ раіонѣ Дона. *)

Монархическіе лозунги и хорошее содержаніе первоначально привлекли многихъ, и запись началась очень успѣшно. Записавшихся отправляли эшелонами на Донъ.

Но вскорѣ пылъ создателей этой арміи остылъ: дѣло въ томъ, что многіе офицеры, не вѣря нѣмцамъ и сознавая, что формированіе арміи, идущее съ благословенія нѣмцевъ и на ихъ деньги, можетъ оказаться невыгоднымъ русскому дѣлу, и въ то же время встрѣчая серьезныя затрудненія къ отправкѣ въ Добровольческую армію къ генералу Деникину, скоро нашли способъ обходить затрудненія. Они записывались въ Южную армію, а по прибытіи на Донъ уходили изъ состава своихъ эшелоновъ и пробирались въ армію генерала Деникина.

Въ Харьковѣ и особенно въ Кіевѣ начались серьезныя репрессіи по отношенію къ офицерамъ, которые проповѣдывали необходимость идти на пополненіе арміи Деникина; ихъ начали арестовывать и содержали въ тюрьмѣ, какъ важныхъ государственныхъ преступниковъ.

Формированіе Южной арміи задержалось, вслѣдствіе

*) Я ничего здѣсь не говорю про формированія на Дону такъ называемыхъ Астраханскаго и Саратовскаго корпусовъ. По слухамъ, эти формированія также производились съ благословенія нѣмцевъ и на ихъ средства.

того, что не могли отыскать подходящаго популярнаго генерала, котораго можно было бы поставить во главѣ ея. Предложенія (черезъ военное министерство гетмана или черезъ Донского атамана) дѣлались многимъ; но желающихъ не находилось. Отказался графъ Келлеръ, отказался князь Долгоруковъ. Наконецъ, на предложеніе Донского атамана Краснова условно согласился бывшій главнокомандующій юго-западнаго фронта — генералъ Н. І. Ивановъ. Онъ отвѣтилъ, что первоначально переговоритъ съ генераломъ Деникинымъ. Впослѣдствіи онъ принялъ эту армію, но къ этому времени нѣмцы уже перестали ею интересоваться, она была въ полномъ развалѣ и генералъ Ивановъ, убѣдившись въ полной невозможности сформировать изъ нея что-либо крѣпкое и значительное, по указанію генерала Деникина ее переформировалъ въ особый отрядъ, который и вошелъ въ составъ Добровольческой арміи.

Такимъ образомъ изъ этой затѣи ничего серьезнаго не вышло, но Добровольческой арміи былъ нанесенъ существенный вредъ: открытое провозглашеніе монархическаго лозунга было слишкомъ заманчиво для большинства кадроваго офицерства, которое революціей было выброшено за бортъ и превращено въ паріевъ. Очень и очень многіе изъ хорошихъ офицеровъ, стремившихся попасть въ Добровольческую армію Деникина, пошли въ Южную армію или, не идя ни туда, ни сюда, заняли выжидательную позицію, выясняя, какіе же лозунги въ Добровольческой арміи. Это же послужило причиной задержать свой отъѣздъ въ Добровольческую армію и для менѣе устойчивой части офицеровъ, нашедшихъ предлогъ и объясненіе для неисполненія своего гражданскаго долга.

Наконецъ, надо откровенно сознаться, что и въ рядахъ Добровольческой арміи формированіе «монархической» арміи внесло разладъ, и нѣкоторый небольшой % офицеровъ перешелъ въ ряды Южной арміи.

Въ результатѣ — формированіе Южной арміи безусловно задержало ростъ Добровольческой арміи и внесло разладъ въ офицерскую среду.

* * *

Очень многіе думали, что нѣмцы искренно хотѣли создать прочную Добровольческую армію, но все ихъ опредѣленное и болѣе чѣмъ двусмысленное поведеніе во весь періодъ формированія Южной арміи ясно указываетъ, что ими преслѣдовались другія цѣли: внести разладъ въ среду русскихъ офицеровъ; затруднить и задержать дальнѣйшее усиленіе Добровольческой арміи генерала Деникина и прельстивъ старое кадровое офицерство заманчивымъ для офицеровъ лозунгами (въ результатѣ, ничего имъ не давъ), привлечь ихъ симпатіи на свою сторону и помѣшать идти туда, гдѣ они могли бы оказаться для нѣмцевъ вредными.

Многіе возражали противъ этихъ выводовъ, говоря, что нѣмцамъ, если бъ они захотѣли, ничего не стоило уничтожить Добровольческую армію генерала Деникина и не было смысла прибѣгать къ сомнительнымъ для ихъ выгоды мѣропріятіямъ.

Да, уничтожить Добровольческую армію генерала Деникина, можетъ быть, было сравнительно легко, но обстановка для нѣмцевъ была такъ сложна, что предугадать, что вышло бы изъ этого въ результатѣ, было очень трудно.

Нельзя забывать, что нѣмцы разсчитывали получать хлѣбъ и прочее сырье не только изъ района Украины, но и съ Дона и Кубани; кромѣ того, для нихъ важно было получить связь и съ нефтяными раіонами Грознаго и Баку. А для всего этого надо было прежде всего дружественно настроить къ себѣ казачьи области. Имѣть ихъ врагами — было опасно.

Между тѣмъ Донскіе и Кубанскіе казаки были кровно связаны съ Добровольческой арміей, и открытое преслѣдованіе послѣдней могло бы вызвать опасныя для нѣмцевъ осложненія въ казачьихъ областяхъ; да и на Украинѣ дѣйствія противъ арміи генерала Деникина могли вызвать осложненія для нѣмцевъ, возбудивъ противъ нихъ всѣхъ тѣхъ, кто сочувствовалъ этой арміи.

* * *

Въ концѣ мая я получилъ извѣстіе, что мой отецъ, жившій въ Севастополѣ, очень плохъ. Безъ разрѣшенія нѣмцевъ ѣхать въ Крымъ было нельзя. Я боялся было, что

мнѣ это разрѣшеніе не дадутъ, но я его получилъ и выѣхалъ въ Севастополь черезъ Одессу.

Въ Одессѣ, въ Херсонской и частью Подольской губ. хозяевами были австрійцы.

Картина здѣсь была иная, чѣмъ въ Харьковѣ и Кіевѣ; видно было, что австрійскія войска совершенно разваливаются, и сами становятся опасными для своего командного состава.

Нѣмцы видѣли, что на австрійскія войсковыя части разсчитывать нельзя и стали вкрапливать въ гарнизоны городовъ свои небольшія части. Австрійскому командованію такая опека была непріятна, но оно принуждено было согласиться. Въ день моего пріѣзда въ Одессу туда прибылъ батальонъ германской пѣхоты.

На пароходѣ, по дорогѣ въ Севастополь, я обратилъ вниманіе, что почти всѣ нѣмецкіе солдаты, бывшіе на пароходѣ, принадлежали къ различнымъ войсковымъ частямъ. Я этимъ заинтересовался и, обратившись къ какому-то нѣмецкому лейтенанту, попросилъ его мнѣ это объяснить. Онъ прежде всего замѣтилъ: «видно, что вы военный; штатскій на это не обратилъ бы вниманія». Затѣмъ онъ объяснилъ, что у береговъ Крыма отличная рыбная ловля, но совершенно неорганизованная; что на это обращено вниманіе германскимъ командованіемъ и, съ разрѣшенія Императора Вильгельма, изъ частей, находящихся на западномъ фронтѣ, вызваны рыбаки, промышлявшіе на берегахъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей: что на этомъ пароходѣ направляется въ Севастополь первая партія рыбаковъ съ сѣтями и различными рыболовными снастями; что, вѣроятно, будутъ присланы еще три такихъ партіи, и тогда будутъ сорганизованы рыбная ловля и заготовленіе рыбныхъ консервовъ, которые будутъ посылаться въ Германію.

Невольно я подумалъ: трудно васъ побѣдить, но все же вы слишкомъ зарвались и будете побиты!

Похоронивъ отца, я долженъ былъ зайти въ Севастополѣ въ комендантское управленіе, такъ какъ, для полученія разрѣшенія на выѣздъ изъ Крыма, требовалась личная явка въ комендатуру.

Войдя въ комендантское управленіе, я увидѣлъ нѣмецкаго офицера, сидѣвшаго за столомъ съ задранными на сосѣдній стулъ ногами и съ сигарой во рту.

Мнѣ сказали, что надо обратиться къ нему.

Я подошелъ и сказалъ, что пришелъ за разрѣшеніемъ на выѣздъ изъ Крыма.

— «Какъ ваша фамилія?»

— «Лукомскій».

Нѣмецкій офицеръ сейчасъ же спустилъ ноги со стула, вынулъ сигару изъ зубовъ и спросилъ: «Вы не генералъ?»

— «Да, генералъ».

Онъ всталъ и, предлагая мнѣ стулъ, сказалъ, что разрѣшеніе будетъ немедленно выдано. Онъ взялъ мои документы, и я дѣйствительно черезъ пять минутъ получилъ разрѣшеніе на выѣздъ изъ Крыма.

Въ Одессѣ мнѣ пришлось задержаться изъ-за формальностей по отцовскому наслѣдству.

Зайдя какъ-то къ моему знакомому Андреевскому, я встрѣтилъ тамъ командующаго австрійскими оккупаціонными войсками. Насъ познакомили. Началъ онъ съ того, что выразилъ удовольствіе со мной познакомиться, хотя, какъ онъ выразился, «встрѣча съ вашей дивизіей, когда Вы въ маѣ 1916 года прорвали нашъ фронтъ и затѣмъ, занявъ Черновицы, продвинулись въ Карпаты, — была не изъ пріятныхъ».

Затѣмъ онъ началъ ругать съ пѣной у рта Германію.

— «Мы уже почти погибли и гибнутъ германцы. Ихъ продвиженіе вглубь Россіи пагубно; это приведетъ къ неминуемой катастрофѣ. Изъ-за непониманія Германіей обстановки она погибнетъ сама и погубитъ окончательно насъ».

Бѣдный старикъ впослѣдствіи не перенесъ позора своей родины и въ Одессѣ же застрѣлился.

Въ первыхъ числахъ іюля я закончилъ свои дѣла и собирался выѣхать въ Кіевъ, но получилъ телеграмму отъ сестры жены гр. Гейденъ, что она проситъ меня задержаться на нѣсколько дней въ Одессѣ.

На другой день въ Одессу пріѣхалъ изъ Кіева генеральнаго штаба полковникъ Кусонскій и сказалъ мнѣ, что

ему поручено предупредить меня о томъ, что мнѣ ѣхать въ Кіевъ нельзя; что тамъ идетъ серьезное преслѣдованіе и аресты всѣхъ причастныхъ къ Добровольческой арміи и что уже отданъ приказъ арестовать меня.

Я на это отвѣтилъ, что въ Одессѣ я не скрываюсь; что если нѣмцы мною интересуются, то, конечно, отлично знаютъ, гдѣ я нахожусь, и могутъ меня арестовать такъ же легко въ Одессѣ, какъ и въ Кіевѣ, или по дорогѣ въ Добровольческую армію, куда я долженъ скоро ѣхать. Что я, наоборотъ, считаю, что въ смыслѣ ареста мой пріѣздъ въ Кіевъ скорѣй безопасенъ, такъ какъ врядъ ли германское командованіе захочетъ нашумѣть съ моимъ арестомъ въ Кіевѣ, гдѣ меня почти всѣ знаютъ.

Въ Кіевѣ я нашелъ мою жену, только что пріѣхавшую изъ Москвы въ такъ называвшемся украинскомъ поѣздѣ (въ этихъ поѣздахъ перевозили по соглашенію между совѣтскимъ и украинскимъ правительствами украинскихъ гражданъ).

Благополучный пріѣздъ въ Кіевъ моей жены также показалъ вліяніе нѣмцевъ: комиссаріатъ по иностраннымъ дѣламъ категорически отказалъ дать ей разрѣшеніе на выѣздъ на Украину. Моя жена, черезъ своихъ знакомыхъ, обратилась за содѣйствіемъ къ германскому консулу, и ей не только разрѣшили выѣхать, но позволили вынуть изъ сейфа ея драгоцѣнности, какъ и другимъ уѣзжавшимъ съ украинскимъ поѣздомъ.

* * *

Въ Кіевѣ я узналъ о пріѣздѣ П. Н. Милюкова.

Бывшіе члены Государственной Думы Демидовъ и В. В. Шульгинъ сказали мнѣ адресъ Милюкова и сообщили день и часъ, когда онъ будетъ дома и будетъ меня ждать.

Я пошелъ къ нему.

Нашъ разговоръ носилъ очень горячій характеръ. Милюковъ доказывалъ, что нѣмцы выйдутъ побѣдителями изъ міровой борьбы; что они единственная сила, на которую можетъ опереться Россія; что только нѣмцы, приславшіе къ намъ въ запломбированныхъ вагонахъ руководителей большевиковъ, могутъ насъ отъ нихъ избавить; что Франція и

Англія въ такомъ положеніи, что отъ нихъ помощи ожидать нельзя.

По мнѣнію Милюкова, такъ какъ мы справиться съ большевиками сами не можемъ, то должны обратиться за помощью къ Германіи — побѣдительницѣ въ міровой борьбѣ, къ Германіи — нашей сосѣдкѣ, которой должно быть выгодно возможно скорѣй возстановить въ Россіи порядокъ. Нѣмцы, добавилъ Милюковъ, люди практичные, и они поймутъ, что для ихъ же пользы надо помочь Россіи.

Я со своей стороны доказывалъ, что Германія будетъ разбита; что побѣдителями, несмотря на выходъ изъ борьбы Россіи, останутся наши союзники; что особенно для Франціи выгодно, чтобы Россія была сильной; что соглашеніе Россіи съ Германіей повергнетъ первую въ экономическое рабство. Напомнилъ Милюкову, что до войны Германія всегда стремилась къ тому, чтобы мѣшать у насъ развитію промышленнаго производства. Доказывалъ Милюкову, что экономическая зависимость отъ Англіи и Франціи не такъ страшна; что они будутъ вкладывать капиталы въ наши производства и этимъ подымать нашу промышленность; что Германія, въ противоположность этимъ державамъ, будетъ почти исключительно пользоваться нашимъ сырьемъ для развитія своей промышленности, всячески затрудняя ея развитіе въ Россіи.

Милюковъ стоялъ на своемъ. Такъ какъ его лейтъ-мотивомъ было увѣреніе, что Германія выйдетъ побѣдительницей изъ міровой борьбы, то я предложилъ ему поговорить еще съ генераломъ Абрамомъ Михайловичемъ Драгомировымъ, авторитетъ котораго въ военномъ дѣлѣ, повидимому, Милюковъ признавалъ.

На другой день я устроилъ ихъ свиданіе, присутствуя на немъ самъ; но изъ этого ничего не вышло: Милюковъ упорствовалъ на своемъ и не соглашался ни съ какими доводами.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что онъ не пріѣхалъ немедленно договариваться съ нѣмцами, а пока хочетъ повидаться въ Кіевѣ съ представителями германскаго правительства, позондировать почву, на какихъ условіяхъ можно

начать переговоры; выяснить, что именно предложатъ нѣмцы, а затѣмъ, въ зависимости отъ этого, принять окончательное рѣшеніе.

Насколько мнѣ извѣстно, это свиданіе не состоялось (германскіе представители отказались его принять).

* * *

Одновременно съ Милюковымъ вновь пріѣхалъ изъ Москвы въ Кіевъ лейтенантъ Масленниковъ.

Масленниковъ не привезъ мнѣ никакихъ подтвержденій о вызовѣ меня въ Москву, и впослѣдствіи я узналъ, что предложеніе, которое онъ мнѣ сдѣлалъ въ Харьковѣ отъ имени А. В. Кривошеина и Вл. I. Гурко, не носило столь опредѣленнаго характера, какъ мнѣ это было передано Масленниковымъ.

Я узналъ, что Масленникову было лишь поручено выяснить, соглашусь ли я на пріѣздъ въ Москву и на принятіе руководства военными организаціями, если обстановка будетъ складываться для этого благопріятно.

* * *

Начиная со дня моего возвращенія въ Кіевъ, я почти ежедневно сталъ получать предупрежденія о томъ, что буду арестованъ. Передавали мнѣ объ этомъ изъ гетманскаго штаба, изъ управленія Донского представительства и даже яко-бы изъ германскаго штаба.

Насколько, дѣйствительно, были вѣрны слухи о рѣшеніи меня арестовать, я не знаю, но слѣдить за мной были приставлены два филера, которыхъ я скоро уже зналъ въ лицо. Одна моя родственница, когда я иногда бывалъ у нея, смѣясь говорила: «ну, вамъ пора уходить, а то посмотрите въ окно, вашъ филеръ совсѣмъ уже измучился, скучаетъ и сердится, сидя на тумбѣ».

Предупрежденія о рѣшеніи меня арестовать стали, наконецъ, столь упорны и исходили изъ столь высокихъ сферъ, что я рѣшилъ ускорить свой отъѣздъ на Донъ. Да и вообще пора было ѣхать.

Чтобы не случилось какой-нибудь непріятности въ дорогѣ, я рѣшилъ проѣхать въ вагонѣ, который былъ предоставленъ въ распоряженіе донского представителя. О томъ,

что я поѣду въ этомъ вагонѣ, знали только представитель войска Донского и моя семья.

Въ день моего отъѣзда мои вещи были отправлены на вокзалъ вмѣстѣ съ вещами уѣзжавшей въ деревню сестры моей жены, а тамъ перенесены въ вагонъ донского представительства.

Я же, часа за полтора до отхода поѣзда, прошелъ къ своимъ родственникамъ, у которыхъ часто бывалъ, а затѣмъ вышелъ оттуда въ сопровожденіи моихъ дѣтей, и мы пошли по направленію къ дому.

Филеръ, убѣдившись, что я иду домой, гдѣ-то отсталъ, а я, взявъ извозчика, проѣхалъ нѣсколько улицъ и затѣмъ, пересѣвъ на другого, отправился на вокзалъ.

На вокзалъ я пріѣхалъ послѣ перваго звонка и, пробывъ на немъ до второго звонка, быстро прошелъ въ вагонъ.

Никто на меня не обратилъ вниманія, и я безъ всякихъ приключеній доѣхалъ до Ростова, а оттуда проѣхалъ въ Новочеркасскъ. *)

Я хотѣлъ, прежде чѣмъ ѣхать къ генералу Деникину, повидаться съ Донскимъ атаманомъ генераломъ Красновымъ и вполнѣ оріентироваться въ той обстановкѣ, которая сложилась въ Новочеркасскѣ.

По дорогѣ на Донъ, въ Екатеринодарѣ, ко мнѣ подошло нѣсколько офицеровъ и, жалуясь на то, что они уже нѣсколько дней не могутъ попасть въ поѣзда, идущіе на Донъ, просили взять ихъ въ вагонъ, въ которомъ я ѣхалъ. Кое-какъ мы ихъ устроили у себя. Въ пути я отъ многихъ слышалъ, что нѣмцы всѣми способами стараются не пропускать офицеровъ въ Добровольческую армію.

Тяжело было увидѣть и на Ростовскомъ вокзалѣ германскія каски.

Пріѣхавъ въ Ростовъ, я узналъ, что германцы, достигнувъ Дона на участкѣ Аксай-Ростовъ, дальше не продви-

---

*) Новочеркасскъ былъ освобожденъ отъ большевиковъ вслѣдъ за занятіемъ Ростова нѣмцами. Новочеркасскъ былъ занятъ Донскими казаками и отрядомъ полковника Дроздовскаго, пришедшимъ съ Румынскаго фронта.

гаются. На лѣвомъ берегу Дона ими занимался лишь Батайскъ (предмѣстіе Ростова) и у Аксая (на полпути между Ростовомъ и Новочеркасскомъ) мосты черезъ Донъ охранялись ихъ караулами.

Въ Новочеркасскѣ жили лишь два германскихъ офицера, являвшіеся представителями германскаго командованія при Донскомъ атаманѣ.

Часть пятая.

Деникинскій періодъ.

При составленіи описанія этого періода въ моемъ распоряженіи были дѣла политической канцеляріи, состоявшей при предсѣдателѣ Особаго Совѣщанія.

Это, конечно, давало мнѣ возможность составить подробное описаніе, пользуясь документальными данными; но какъ я узналъ, этотъ же періодъ описывается генераломъ Деникинымъ. Поэтому я рѣшилъ ограничиться краткимъ изложеніемъ, остановившись болѣе подробно лишь на сложной внутренней обстановкѣ, въ которой пришлось вести работу на территоріи Донского и Кубанскаго войскъ.

ГЛАВА X.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ утромъ 29 августа/11 сентября 1918 года, я прежде всего отправился къ представителю Добровольческой арміи при Донскомъ атаманѣ генералу Эльснеру.

Отъ него я узналъ:

Генералъ Алексѣевъ назвалъ себя «Верховнымъ руководителемъ Добровольческой арміи, но попрежнему вѣдаетъ только вопросами финансовыми и политическими.

Добровольческая армія, пополнившись и отдохнувъ, совмѣстно съ кубанскими частями наступаетъ на Екатеринодаръ.

Значительно усилилась армія послѣ присоединенія къ ней отряда полковника Дроздовскаго, прибывшаго походнымъ порядкомъ съ Румынскаго фронта.

Тяжелую потерю понесла армія въ лицѣ убитаго въ бою генерала Маркова, командовавшаго дивизіей.

Атаманомъ войска Донского, въ маѣ мѣсяцѣ, кругомъ спасенія Дона былъ избранъ генералъ Красновъ; но въ концѣ августа/началѣ сентября будетъ собранъ большой войсковой кругъ, который долженъ переизбрать атамана; что идетъ предвыборная борьба; что главными противниками генерала Краснова являются Харламовъ, Агѣевъ, Сидо-

ринъ, Поповъ и Парамоновъ *); что генералъ Красновъ, считая Парамонова наиболѣе опаснымъ, не допуститъ его пребыванія на Дону.

Затѣмъ генералъ Эльснеръ подтвердилъ мнѣ чисто германофильскую оріентацію генерала Краснова и высказалъ предположеніе, что Красновъ, съ одной стороны опираясь на нѣмцевъ, а съ другой стороны, имѣя много вліятельныхъ сторонниковъ среди донского казачества, будетъ вновь избранъ атаманомъ.

На другой день я пошелъ къ генералу Красову.

Донской атаманъ сталъ говорить мнѣ о несправедливомъ къ нему отношеніи со стороны генераловъ Алексѣева и Деникина, происходящемъ, какъ онъ выразился, вслѣдствіе того, что его не хотятъ понять. Что все его стремленіе заключается въ томъ, чтобы имѣть возможность сплотить и обучить молодую донскую армію и получить достаточное количество обмундированія, снаряженія, вооруженія и боевыхъ припасовъ. Что все это можно получить отъ гетмана Украины, но только съ разрѣшенія нѣмцевъ. Что это его вынуждаетъ поддерживать хорошія отношенія съ германцами. Что безъ этого Донъ съ Украины ничего не получитъ и вновь будетъ раздавленъ большевиками. Что соглашеніе, которое онъ заключилъ съ гетманомъ Скоропадскимъ, и хорошія отношенія, которыя онъ поддерживаетъ съ германскимъ командованіемъ, даютъ ему возможность оборонять Донъ; а этимъ онъ прикрываетъ отъ большевиковъ тылъ Добровольческой арміи и Кубанскаго казачества и, слѣдовательно, этимъ помогаетъ операціямъ генерала Деникина по очищенію Кубани отъ большевиковъ. Что, наконецъ, его помощь Добровольческой арміи и Кубанскому казачеству заключается въ томъ, что уже много изъ вооруженія и боевыхъ припасовъ, полученныхъ имъ отъ гетмана Скоропад-

*) Харламовъ—бывшій членъ Государственной Думы; видный Донской общественный дѣятель; членъ партіи ка—де.

Агѣевъ—соціалистъ, Донской общественный дѣятель.

Сидоринъ—полковникъ генеральнаго штаба. Принималъ участіе въ борьбѣ при освобожденіи Дона отъ большевиковъ

Поповъ—генералъ, бывшій походный атаманъ войска Донского.

Парамоновъ—членъ партіи ка-де; крупный Донской общественный и промышленно-финансовый дѣятель.

скаго, передано въ распоряженіе генерала Деникина и что и впредь онъ будетъ дѣлиться съ Добровольческой арміей всѣмъ, что будетъ получать отъ Украины.

— «А вѣдь все это, добавилъ генералъ Красновъ, возможно только при моей германофильской политикѣ, за которую такъ меня ругаетъ генералъ Деникинъ».

Затѣмъ генералъ Красновъ просилъ меня — все то, что онъ мнѣ сказалъ — передать генералу Деникину и сказать, что онъ вообще всѣмъ, чѣмъ только въ силахъ, будетъ помогать Добровольческой арміи, но проситъ оказывать ему довѣріе, не преслѣдовать его за вынужденную германофильскую политику и, при первой возможности, оказать Дону помощь, приславъ часть Добровольческой арміи — съ цѣлью занять Царицынъ.

— «Пока Царицынъ въ рукахъ большевиковъ — до тѣхъ поръ постоянная опасность будетъ угрожать и Дону и Добровольческой арміи — закончилъ Красновъ.

Онъ не договаривалъ одного: кромѣ вынужденной политики по отношеію къ нѣмцамъ, онъ шелъ гораздо дальше; онъ съ ними заигрывалъ и, считая, что Германія выйдетъ побѣдительницей изъ міровой борьбы, въ предвидѣніи возможнаго, временнаго, расчлененія Россіи на рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, выговаривалъ для Дона части губерній Ставропольской и Саратовской и города Царицынъ, Камышинъ и Воронежъ. Считая, что Германія въ этомъ отношеніи въ будущемъ можетъ помочь Дону — онъ все это изложилъ въ письмѣ на имя Императора Вильгельма. Копія же съ этого письма, передъ его отправленіемъ, была снята, и содержаніе его было извѣстно штабу генерала Деникина и политическимъ противникамъ генерала Краснова на Дону. *)

*) Вотъ копія этого письма въ редакціи, доставленной въ штабъ генерала Деникина (насколько помню, впослѣдствіи нами было получено отъ донского правительства сообщеніе, что посланная генераломъ Красновымъ делегація не была принята германскимъ императоромъ и это письмо, въ дѣйствительности, не было вручено по принадлежности):

Іюля 1918 года. г. Новочеркасскъ.

Ваше Императорское и Королевское Величество.

Податель сего письма Атаманъ Зимовой станицы Всевеликаго войска Донского при Дворѣ Вашего Императорскаго Величества. . . . и его

1/14 августа я выѣхалъ изъ Новочеркасска и утромъ 2/15 августа пріѣхалъ на станцію Тихорѣцкую, гдѣ со своей политической канцеляріей находился генералъ Алексѣевъ.

Я нашелъ генерала Алексѣева сильно постарѣвшимъ за пять слишкомъ мѣсяцевъ, что я его не видѣлъ. Отъ него я узналъ, что взятіе Екатеринодара ожидается со дня на день.

Въ разговорѣ со мной генералъ Алексѣевъ затронулъ два вопроса, которые его сильно безпокоили.

Одинъ касался отношеній, сложившихся у командованія Добровольческой арміи съ Донскимъ атаманомъ генераломъ Красновымъ, другой относительно правильности направленія наступленія Добровольческой арміи на Кубань.

Касаясь генерала Краснова, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что онъ меньше, чѣмъ кто либо другой, склоненъ

товарищи .... уполномочены мною, Донскимъ Атаманомъ, привѣтствовать Ваше Императорское Величество, могущественнаго Монарха Великой Германіи, и передать нижеслѣдующее:

Два мѣсяца доблестной борьбы Донскихъ казаковъ, которую они ведутъ за свободу своей Родины съ такимъ мужествомъ, съ какимъ въ недавнее время вели противъ англичанъ борьбу родственные германскому народу буры, увѣнчались на всѣхъ фронтахъ нашего государства полной побѣдой, и нынѣ земля Всевеликаго войска Донского на девять десятыхъ освобождена отъ дикихъ красноармейскихъ бандъ.

Государственный порядокъ внутри страны окрѣпъ и установилась полная законность.

Благодаря дружеской помощи войскъ Вашего Императорскаго Величества создалась тишина на югѣ Войска, и мною подготовленъ корпусъ казаковъ для поддержанія порядка внутри страны и воспрепятствованію натиску враговъ извнѣ.

Молодому государственному организму, каковымъ является въ данное время Донское войско, трудно существовать одному и потому оно заключило тѣсный союзъ съ главами Астраханскаго и Кубанскаго войскъ — полковникомъ Филимоновымъ, съ тѣмъ, чтобы, по очищеніи земли Астраханскаго войска и Кубанской области отъ большевиковъ, составить прочное государственное образованіе на началахъ федераціи изъ Всевеликаго Войска Донского, Астраханскаго Войска съ калмыками Ставропольской губерніи, Кубанскаго Войска, а впослѣдствіи, по мѣрѣ освобожденія, и Терскаго Войска, а также народовъ Сѣвернаго Кавказа.

Согласіе представителей всѣхъ этихъ народовъ имѣется, и вновь образуемое государство, въ полномъ согласіи съ Всевеликимъ Войскомъ Донскимъ, рѣшило не допускать до того, чтобы земли его стали ареной правовыхъ (въ другой копіи съ письма вмѣсто „правовыхъ" написано „кровавыхъ") столкновеній, и обязалось держать полный нейтралитетъ.

Атаманъ Зимовой станицы нашей при Дворѣ Вашего Императорскаго Величества уполномоченъ мною просить Ваше Величество признать права Всевеликаго Войска Донского на самостоятельное существованіе,

оправдывать политику Донского атамана, но что Добровольческая армія во многомъ зависитъ отъ Дона и просто неразумно напрягать и безъ того натянутыя отношенія.

Что касается наступленія Добровольческой арміи на югъ на Екатеринодаръ, генералъ Алексѣевъ высказалъ сомнѣніе въ правильности выбраннаго направленія, добавивъ, что одно время онъ настойчиво отговаривалъ отъ этого генерала Деникина, настаивая на необходимости выйти на Волгу; что теперь, конечно, объ этомъ говорить уже трудно, такъ какъ въ силу создавшейся обстановки Добровольческая армія надолго будетъ привязана къ югу Россіи, но что лично онъ, вѣроятно, скоро переѣдетъ въ Сибирь.

Эти мысли вполнѣ опредѣленно были высказаны въ письмѣ генерала Алексѣева на имя генерала Деникина отъ 30 іюня 1918 года, выдержки изъ котораго я и привожу:

«Долженъ откровенно сказать, что обостренность отношеній (между генераломъ Красновымъ и командованіемъ Добровольческой арміи), достигшая крайнихъ предѣловъ и

а по мѣрѣ освобожденія сосѣднихъ Кубанскаго, Астраханскаго и Терскаго войскъ и Сѣвернаго Кавказа, право на самостоятельное существованіе и всей федераціи подъ именемъ Доно-Кавказскаго союза

Просить Ваше Величество признать границу Всевеликаго Войска Донского въ прежнихъ географическихъ и этнографическихъ его размѣрахъ и помочь разрѣшенію спора между Украиной и Войскомъ Донскимъ изъ-за Таганрога и его округа въ пользу Войска Донского, которое владѣетъ Таганрогскимъ округомъ болѣе пятисотъ лѣтъ и для котораго Таганрогскій округъ является частью Тьмутаракани, отъ которой и стало Всевеликое Войско Донское.

Просить Ваше Величество содѣйствовать присоединенію къ Войску, по стратегическимъ соображеніямъ, городовъ Камышина и Царицына Саратовской губерніи и города Воронежа и станцій Лиски и Поворино и провести границу Войска Всевеликаго такъ, какъ это указано на картѣ, имѣющейся въ Зимовой станицѣ.

Просить Ваше Императорское Величество оказать давленіе на совѣтскія власти Москвы и заставить ихъ своимъ приказомъ очистить предѣлы Всевеликаго Войска Донского и другихъ Державъ, имѣющихъ войти въ Доно-Кавказскій союзъ, отъ разбойничьихъ отрядовъ красной гвардіи и дать возможность возстановить нормальныя мирныя отношенія между Москвой и Войскомъ Донскимъ.

Всѣ убытки донского населенія, торговли и промышленности, происшедшіе отъ нашествія большевиковъ, должны быть возмѣщены совѣтской Россіей.

Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему государству орудіями, ружьями, боевыми припасами и инженернымъ имуществомъ и, если признаете это выгоднымъ, устроить въ предѣлахъ Войска Донского орудійный, ружейный и патронный заводы.

основанная менѣе на сути дѣла, чѣмъ на характерѣ сношеній, на тонѣ бумегъ и телеграммъ, парализуетъ совершенно всякую работу.

Мы отъ Дона зависимъ еще во многомъ. . . .

Если денегъ не получу. . . . (отъ союзниковъ), то единственный источникъ — снова идти къ Дону, ибо Вы знаете, что на Кубани получить ничего нельзя. При нашихъ отношеніяхъ я не знаю, какимъ придется мнѣ идти путемъ, чтобы обезпечить существованіе еще на мѣсяцъ (5 милліоновъ), Только тамъ я могу разсчитывать на полученіе средствъ. необходимый *для обязательнаго выхода нашего на Волгу.*

Оставаясь въ гниломъ углу Кубани, мы должны черезъ 2—3 недѣли поставить *безповоротно вопросъ* о ликвидаціи арміи. . . .»

. . . «Мой выводъ личный, что углубленіе наше на Кубань можетъ повести къ гибели, что обстановка зоветъ насъ на Волгу, гдѣ, повидимому, сосредоточатся, по указанію и при содѣйствіи нѣмцевъ, всѣ усилія большевиковъ, чтобы

Всевеликое Войско Донское и прочія государства Доно-Кавказскаго союза не забудутъ дружескую услугу германскаго народа, съ которымъ казаки бились плечемъ къ плечу еще во времена Тридцатилѣтней войны, когда Донскіе полки были въ рядахъ арміи Валленштейна, а въ 1807 и 1813 годахъ донскіе казаки, со своимъ атаманомъ, графомъ Платовымъ, боролись за свободу Германіи. И теперь въ теченіе почти $3^1/_2$ лѣтъ кровавой войны на поляхъ Пруссіи, Гглиціи, Буковины и Польши казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость своихъ войскъ и нынѣ, протянувъ другъ другу руки, какъ два благородныхъ бойца, борются вмѣстѣ за свободу Родного Дона.

Всевеликое Войскв Донское обязуется за услугу Вашего Императорскаго Величества соблюдать полный нейтралитетъ во время міровой борьбы народовъ и не допускать на свою территорію. враждебныя германскому народу вооруженныя силы, на что дали согласіе и атаманъ Астраханскаго войска князь Тундутовъ и кубанское Правительство

Всевеликое Войско Донское предоставитъ Германской Имперіи права преимущественнаго вывоза избытка, за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей, хлѣба (зерномъ и мукой), кожевенныхъ товаровъ и сырья, шерсти, рыбныхъ товаровъ, растительныхъ и животныхъ жировъ и масла и издѣлій изъ нихъ, табачныхъ издѣлій, скота и лошадей, вина винограднаго и другихъ продуктовъ садоводства и земледѣлія, взамѣнъ чего Германская Имперія доставитъ сельско-хозяйственныя машины, химическіе продукты и дубильные экстракты, оборудованіе экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ соотвѣтствующимъ запасомъ матеріаловъ, обврудованія производствъ суконныхъ, хлопчато-бумажныхъ, кожевенныхъ, химическихъ, сахарныхъ и электротехническихъ принадлежностей.

Кромѣ того правительство Всевеликаго Войска Донского предоставитъ германской промышленности особыя льготы по помѣщенію капита-

сломить чехо-словаковъ и тѣмъ разрушить планъ созданія Восточнаго фронта.

Есть свѣдѣнія, что нѣмцы добиваются выдачи имъ чехо-словаковъ по мѣрѣ ликвидаціи ихъ силъ.

Центръ тяжести событій, рѣшающихъ судьбы Россіи, перемѣщается на востокъ; мы не должны опоздать въ выборѣ минуты для оставленія Кубани и появленія на главномъ театрѣ».

Переговоривъ съ генераломъ Алексѣевымъ, я въ тотъ же день выѣхалъ по желѣзной дорогѣ къ генералу Деникину, поѣздъ котораго подвигался непосредственно за войсками, наступавшими на Екатеринодаръ.

Вечеромъ 2/15 августа я былъ уже у генерала Деникина. Онъ съ минуты на минуту ожидалъ донесенія о занятіи Екатеринодара.

Въ тотъ же вечеръ имъ былъ подписанъ приказъ о назначеніи меня помощникомъ командующаго Добровольческой арміи.

ловъ въ донскія предпріятія промышленныя и торговыя, въ частности по устройству и эксплоатаціи новыхъ водныхъ и иныхъ путей.

Тѣсный договоръ сулитъ взаимныя выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общихъ поляхъ сраженій воинственными народами германцевъ и казаковъ, станетъ могучею силою для борьбы со всѣми нашими врагами.

Къ Вашему Императорскому Величеству обращается съ этимъ письмомъ не дипломатъ и тонкій знатокъ международнаго права, но солдатъ, привыкшій въ честномъ бою уважать германское оружіе, а потому прошу простить прямоту моего тона, чуждую всякихъ ухищреній, и прошу вѣрить искренности моихъ чувствъ".

Затѣмъ слѣдуетъ подпись генерала Краснова.

По своему содержанію это письмо не являлось указаніемъ на что либо новое, неизвѣстное командованію Добровольческой арміи.

26 іюня/9 іюля 1918 года генералъ Алексѣевъ писалъ генералу Деникину: „Что въ лицѣ генерала Краснова нѣмецкія притязанія нашли отзывчиваго исполнителя, доказывается прилагаемой копіей его инструкціи, данной уполномоченному Войска Донского въ Кіевѣ — генералу Черячукину.

Побужденія этой инструкціи слишкомъ ясны:

а) При помощи нѣмцевъ и изъ рукъ ихъ получить право называть себя „самостоятельнымъ государствомъ, управляемымъ атаманомъ" (опытъ Украины не смущаетъ).

б) Воспользоваться случаемъ и округлить границы будущаго „государства" за счетъ Великороссіи присоединеніемъ пунктовъ, на которые „Всевеликое" отнюдь претендовать не можетъ.

в) За эту.... Родинѣ (позволяю себѣ назвать такъ всю инструкцію) *нѣмцы* должны снабдить войско боевыми припасами, принадлежащими всей Россіи.

Рано утромъ 3/16 августа было получено донесеніе о занятіи Екатеринодара, и нашъ поѣздъ туда двинулся.

Генерала Деникина очень безпокоилъ вопросъ о томъ, какъ сложатся отношенія между командованіемъ арміи и Кубанскими атаманомъ и правительствомъ.

Чтобы понять причины, вызывавшія это безпокойство, надо вернуться нѣсколько назадъ.

Кубанскій атаманъ полковникъ Филимоновъ, Кубанское правительство во главѣ съ Л. Л. Бычемъ и Кубанская законодательная Рада во главѣ со своимъ предсѣдателемъ Н. С. Рябоволомъ, съ небольшимъ добровольческимъ и кубанскимъ отрядами присоединились къ Добровольческой арміи еще въ мартѣ 1918 года во время перваго кубанскаго (названнаго «ледянымъ») похода.

Послѣ неудавшейся попытки занять Екатеринодаръ и смерти генерала Корнилова, вся перечисленная группа кубанскихъ дѣятелей отошла вмѣстѣ съ Добровольческой арміей на территорію Дона и съ тѣхъ поръ неотлучно находилась при Добровольческой арміи.

Передъ вторымъ кубанскимъ походомъ Добровольческой арміи кубанскіе политическіе дѣятели (члены правительства и законодательной рады сами подняли вопросъ о томъ, не лучше ли имъ сложить съ себя полномочія, если командованіе арміи считаетъ, что они чѣмъ либо могутъ затруднить его дѣятельность. Но генералы Алексѣевъ и Деникинъ признали, что присутствіе при арміи не только кубанскаго атамана, но и правительства съ законодательной радой Кубанскаго войска принесетъ пользу общему дѣлу и будетъ способствовать организаціи возстанія среди кубанскихъ казаковъ противъ большевиковъ и формированію кубанскихъ частей.

Слухи о возможности направленія Добровольческой арміи на Волгу волновали представителей Кубанскаго вой-

---

г) За будущія заслуги нѣмцевъ Войско, въ лицѣ атамана, предоставитъ имъ выгоды торговыя и „*будетъ держать вооруженный нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ Державамъ, не посягающимъ на неприкосновенность Войска и Юго-Восточнаго Союза, и не допуститъ никакой вражеской силы на его территоріи...*"

Это послѣднее столь опредѣленное выраженіе должно остановить на себѣ особое вниманіе Добровольческой арміи..."

ска, и кубанская законодательная рада, обсудивъ въ своемъ засѣданіи 2/15 мая 1918 г. политическое и военное положеніе Кубанскаго края, вынесла слѣдующее постановленіе:

«Кубанская законодательная рада находитъ:

1) что первѣйшей и основной задачей кубанскаго правительства должно по прежнему являться очищеніе Кубанскаго края отъ большевистскихъ бандъ и прочихъ анархическихъ элементовъ и возстановленіе на его территоріи твердаго государственнаго порядка.

Для достиженія этой цѣли необходимо продолженіе героической дѣятельности Добровольческой арміи, дѣйствующей въ полномъ согласіи съ кубанскимъ правительствомъ.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что оздоровленіе и возстановленіе государства Россійскаго невозможно безъ предварительнаго установленія порядка на югѣ, Рада выражаетъ пожеланіе, чтобы Добровольческая армія, совмѣстно съ Кубанскими войсками, въ первую же очередь приступила къ освобожденію отъ совѣтской власти Кубанскаго края.

2) По вопросу объ отношеніи къ Австро-Венгріи, въ связи съ занятіемъ г. Ростова на Дону германскими войсками, Рада считаетъ, что въ настоящее время вооруженная борьба съ центральными державами представляется нецѣлесообразной, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что во имя свободы и независимости Кубанскаго края необходимо принять мѣры для предотвращенія возможнаго продвиженія германской арміи въ предѣлы краевой территоріи безъ согласія на то кубанскаго правительства.

3) Для успѣшности борьбы съ анархіей и установленія общихъ отношеній съ Украиной и Германіей необходимо полное единеніе Кубанскаго края съ Дономъ и другими южными областями.

4) Для заключенія союзныхъ отношеній съ Дономъ, выясненія цѣлей германскаго движенія и опредѣленія отношеній съ Украиной — Рада находитъ необходимымъ отправить въ Новочеркасскъ, Ростовъ на Дону и Кіевъ делегацію, снабдивъ ее сооотвѣтствующими полномочіями».

Въ чемъ именно заключались эти «полномочія», командованію Добровольческой арміи не было точно извѣстно, но данныя о дѣятельности делегаціи, полученныя впослѣдствіи, указывали на то, что имѣлось стремленіе договориться съ Дономъ, Украиной и нѣмцами съ цѣлью обезпечить себя отъ большевиковъ и получить возможность приступить къ мирному строительству края.

На совѣщаніи въ Новочеркасскѣ 10/23 іюня генерала Алексѣева съ кубанскимъ правительствомъ во главѣ съ Л. Л. Бычемъ, кубанцы допытывались, какъ отнесется командованіе Добровольческой арміи къ соглашенію Кубани съ Украиной, а черезъ это и съ нѣмцами. Основной мотивъ былъ: «Добровольческая армія, вѣроятно, уйдетъ; мы ни съ кѣмъ воевать не хотимъ, а хотимъ приступить къ мирному строительству; большевики же, если Добровольческая армія уйдетъ и мы не сговоримся съ Украиной и нѣмцами, насъ раздавятъ».

Генералъ Алексѣевъ обрисовалъ всю обстановку и, не отрицая возможности ухода Добровольческой арміи, если нѣмцы займутъ Царицынъ, указалъ на то, что борьба съ нѣмцами будетъ вѣроятно, продолжаться на территоріи Россіи, такъ какъ союзники надѣются создать по Волгѣ новый восточный фронтъ, привлекая для этого и чехо-словаковъ; что тогда и Кубань, естественно, войдетъ въ сферу борьбы, ибо кубанцы, которыхъ будутъ грабить и обирать нѣмцы, возьмутся за оружіе.

Генералъ Алексѣевъ рекомендовалъ пока ни въ какіе разговоры съ нѣмцами не вступать, а если обстоятельства этого потребуютъ, то вступить лишь въ торговое соглашеніе, но отнюдь не политическое или территоріальное; указалъ, что Добровольческая армія съ нѣмцами ни въ коемъ случаѣ разговаривать не будетъ.

По мѣрѣ очищенія Кубани отъ большевиковъ, во время второго кубанскаго похода, чувствовалось, что кубанское правительство и кубанская законодательная рада будутъ покорными исполнителями требованій командованія арміи лишь до освобожденія края, а дальше возможны серьезныя

разногласія изъ-за полнаго расхожденія во взглядахъ по нѣкоторымъ вопросамъ.

Командованіе Добровольческой арміи, имѣя цѣлью бороться съ большевиками до возсозданія Единой Великой Россіи и считая своимъ долгомъ быть вѣрнымъ союзническимъ обязательствамъ Россіи, рѣшило освободить отъ большевиковъ Кубань и Сѣверный Кавказъ, какъ одну изъ составныхъ частей Россіи, и для полученія возможности создать на освобожденной территоріи изъ мѣстныхъ жителей, какъ казаковъ, такъ и не казаковъ, прочную армію, съ которой можно было бы приступить къ выполненію главной задачи — освобожденію отъ большевиковъ остальной Россіи.

При этомъ освобождаемый районъ долженъ былъ бы явиться продовольственной базой какъ для арміи, такъ и для снабженія голодающаго населенія Великороссіи; въ связи съ общей задачей по подготовкѣ къ рѣшительной борьбѣ съ совѣтской властью, а возможно, что и съ Германіей, представлялось необходимымъ обезпечить за собой портъ на Черномъ морѣ, черезъ который, послѣ занятія союзниками Дарданелъ и Босфора, можно было бы получать отъ послѣднихъ все необходимое.

Кубанскіе же дѣятели типа г. г. Быча, Рябовола и Макаренко, послѣ очищенія края отъ большевиковъ, прежде всего стремились обезпечить безопасность Кубани и приступить къ мирному его благоустройству.

Въ этомъ отношеніи крайне характерно заявленіе членовъ кубанскаго правительства на совѣщаніи съ генераломъ Алексѣевымъ 10/23 іюня — «мы ни съ кѣмъ воевать не хотимъ, а хотимъ приступить къ мирному строительству».

Для многихъ политическихъ дѣятелей Кубани соглашеніе съ Украиной, Дономъ, Терекомъ и Кавказскими народностями было необходимо лишь въ цѣляхъ самообороны, созданія «суvереннаго» государства и установленія у себя въ краѣ покоя и благоденствія.

Они не понимали, что сосѣдство большевистской Великороссіи этого покоя имъ не дастъ.

6*

Хотя они равнялись «по Дону« но по существу ихъ политика не вполнѣ совпадала съ донской.

Я глубоко убѣжденъ, что Донской атаманъ, генералъ Красновъ, входя въ соглашеніе съ нѣмцами, велъ двойную игру и, страхуя Донъ отъ всякихъ случайностей, лишь временно «по стратегическимъ (какъ онъ выразился) соображеніямъ» хотѣлъ присоединить къ Дону части сосѣднихъ губерній.

Конечно, въ его письмѣ къ германскому Императору и въ сношеніяхъ съ германскимъ командованіемъ есть много такого, чего даже при создавшейся обстановкѣ нельзя было писать; его отношенія къ командованію Добровольческой арміи зиждилось не на государственныхъ соображеніяхъ, а на личныхъ антипатіяхъ, или, можетъ быть, на желаніи играть первую роль; но все же чувствовалось, что онъ, въ концѣ концовъ, не отдѣляетъ Донъ отъ Россіи и на борьбу съ совѣтскимъ правительствомъ пойдетъ до конца и поведетъ за собой Донъ.

Кубанскіе же «самостійники» явно отмежевывались отъ Россіи.

Чувствовалось, что послѣ освобожденія отъ большевиковъ Кубанскаго края, присутствіе въ немъ Добровольческой арміи будетъ для этихъ дѣятелей стѣснительнымъ и нежелательнымъ.

Было совершенно очевидно, что при существованіи самостоятельнаго войска Донского кубанскіе дѣятели захотятъ обособиться отъ командованія Добровольческой арміи; кромѣ того было опасеніе, что члены кубанскаго правительства захотятъ совершенно обезличить войскового атамана.

Но генералъ Деникинъ вѣрилъ въ разумъ кубанскаго казачества, ведущаго такую рѣшительную борьбу съ большевиками, и надѣялся, что Кубань не пойдетъ по пути самостійности.

Утромъ 3/16 августа генераломъ Деникинымъ было лично составлено письмо на имя кубанскаго атамана, въ которомъ указывалось, что обстановка требуетъ, чтобы атаманъ являлся полноправнымъ главой казачества, независимымъ ни отъ правительства, ни отъ законодательной рады;

что командованіе Добровольческой арміи не будетъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе краемъ, но что кубанскія части всецѣло должны быть подчинены командованію арміи и что вопросы обще-государственнаго значенія будутъ объединены общей правительственной властью. *

Около 12 часовъ нашъ поѣздъ подошелъ къ вокзалу Екатеринодара.

Черезъ нѣсколько времени генералъ Деникинъ вышелъ на вокзалъ, гдѣ его привѣтствовали представители города, и послѣ краткой рѣчи онъ передалъ составленное имъ письмо атаману Кубанскаго казачьяго войска, полковнику Филимонову.

4/17 августа состоялся торжественный выѣздъ въ городъ генерала Деникина, въ сопровожденіи Кубанскаго атамана и Кубанскаго правительства.

Генералъ Алексѣевъ пріѣхалъ въ Екатеринодаръ 5/18 августа.

* * *

Изъ территоріи, не входящей въ составъ казачьихъ областей, командованію Добровольческой арміи была подвѣдомствена только часть освобожденной Ставропольской губерніи; при штабѣ арміи была образована небольшая гражданская часть.

Генералъ Деникинъ поручилъ мнѣ вѣдать гражданскими вопросами.

Вскорѣ послѣ занятія Екатеринодара былъ освобожденъ отъ большевиковъ Новороссійскъ и вслѣдъ за этимъ Черноморская губернія, которая и вошла въ вѣдѣніе командованія арміи.

Хотя такимъ образомъ въ управленіи командованія арміи оказалась очень незначительная территорія и не предвидѣлось, что она скоро значительно увеличится (такъ какъ подлежавшіе освобожденію отъ большевиковъ районы Сѣвернаго Кавказа почти полностью входили въ составъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, а, слѣдовательно, подлежали управленію казачьихъ правительствъ), но съ

---

*) Точнаго содержанія этого письма я не помню и передаю по памяти суть его содержанія.

мѣста возникъ рядъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависѣло многое. Ошибки въ принципіальномъ разрѣшеніи вопросовъ гражданскаго управленія, особенно связанныхъ съ частной собственностью, и въ установленіи самоуправленія (городского и земскаго), связаннаго съ выборнымъ закономъ, грозили очень серьезными послѣдствіями.

Я доложилъ генералу Деникину, что разрѣшать эти вопросы кустарнымъ способомъ, людьми, которые въ этомъ мало понимаютъ, невозможно; что я лично считаю себя совершенно неподготовленнымъ для правильнаго ихъ разрѣшенія и считаю необходимымъ, чтобы при генералѣ Алексѣевѣ было образовано совѣщаніе по гражданскимъ дѣламъ и были образованы соотвѣтствующіе отдѣлы по гражданскому управленію.

Генералъ Деникинъ съ этимъ вполнѣ согласился, и по этому вопросу была подана генералу Алексѣеву особая записка.

Пріѣхавшій по вызову генерала Алексѣева въ Екатеринодаръ генералъ А. М. Драгомировъ, назначенный помощникомъ Верховнаго Руководителя Добровольческой арміи, при участіи бывшихъ въ Екатеринодарѣ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей составилъ Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи при Верховномъ Руководителѣ, которое и было утверждено генераломъ Алексѣевымъ 18/31 августа 1918 года.

Главнѣйшія основанія «Положенія» были слѣдующія:

1) Особое Совѣщаніе имѣетъ цѣлью: а) разработку всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ возстановленіемъ органовъ государственнаго управленія и самоуправленія въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется власть и вліяніе Добровольческой арміи; б) обсужденіе и подготовку временныхъ законопроектовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства, какъ мѣстнаго значенія, по управленію областями, вошедшими въ сферу вліянія Добровольческой арміи, такъ и въ широкомъ государственномъ масштабѣ — по возсозданію Великодержавной Россіи въ ея прежнихъ предѣлахъ; в) организацію сношеній со всѣми обла-

стями бывшей Россійской Имперіи для выясненія истиннаго положенія дѣлъ въ нихъ и для связи съ ихъ правительствами и политическими партіями для совмѣстной работы по возстановленію Великодержавной Россіи; г) организацію сношеній съ представителями державъ согласія, бывшихъ въ союзѣ съ нами, и выработку плановъ совмѣстныхъ дѣйствій въ борьбѣ противъ коалиціи центральныхъ державъ; д) выясненіе мѣстонахожденія и установленіе тѣсной связи со всѣми выдающимися государственными дѣятелями по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а также съ наиболѣе видными представителями общественнаго и земскаго самоуправленія, торговли, промышленности и финансовъ, для привлеченія ихъ въ нужную минуту къ самому широкому государственному строительству; е) привлеченіе лицъ, упомянутыхъ въ п. д, къ разрѣшенію текущихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью.

2) Особое Совѣщаніе состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: Государственнаго устройства, Внутреннихъ Дѣлъ, Дипломатическо — агитаціоннаго, Финансоваго, Торговли и Промышленности, Продовольствія и снабженія, Земледѣлія, Путей сообщенія, Юстиціи, Народнаго Просвѣщенія и Контроля.

Впослѣдствіи это положеніе было переработано и измѣнено. Отдѣла Государственнаго устройства не создавалось, а для агитаціонныхъ цѣлей былъ образованъ особый отдѣлъ пропаганды.

На первыхъ же порахъ генералъ Алексѣевъ встрѣтился съ очень серьезнымъ затрудненіемъ въ вопросѣ выбора лицъ для назначенія на должности начальниковъ отдѣловъ: въ районѣ Добровольческой арміи подходящихъ было мало, а ѣхали къ намъ съ большой опаской, такъ какъ въ успѣхъ дѣла еще мало кто вѣрилъ и не хотѣли рисковать.

Съ образованіемъ Особаго Совѣщанія надѣялись добиться соглашенія съ казачьими правительствами относительно объединенія въ немъ всѣхъ общегосударственныхъ вопросовъ.

Представители кубанскаго правительства и законодательной рады съ первыхъ же дней послѣ освобожденія отъ большевиковъ Екатеринодара сначала осторожно, а затѣмъ все болѣе и болѣе настойчиво, стали добиваться, чтобы командованіе Добровольческой арміи предоставило имъ полную свободу во всѣхъ вопросахъ управленія Кубанью.

Прежде всего они заговорили о выдѣленіи кубанской арміи.

Опираясь на то, что Донъ имѣетъ свою самостоятельную армію, представители кубанскаго правительства считали необходимымъ всѣ кубанскія части, входившія въ составъ Добровольческой арміи, объединить въ Кубанскую армію, каковую во всѣхъ отношеніяхъ подчинить Кубанскому атаману, а уже черезъ него командующему Добровольческой арміи. Затѣмъ они настаивали, чтобы всѣ кубанскіе казаки, находящіеся въ какихъ либо частяхъ Добровольческой арміи, были немедленно изъ нихъ выдѣлены и изъ нихъ сформированы чисто кубанскія части, которыя должны были бы быть включены въ составъ Кубанской арміи. Для пополненія же рядовъ Добровольческой арміи они предлагали изъ населенія Кубанской области брать въ войска лишь неказачье, такъ называемое иногороднее населеніе.

Настаивая на немедленномъ созданіи отдѣльной казачьей арміи, кубанскій атаманъ Филимоновъ и предсѣдатель кубанскаго правительства Бычъ указывали на то, что, по ихъ мнѣнію, это должно быть вполнѣ пріемлемо для командованія Добровольческой арміи, такъ какъ они, нисколько не возражая противъ подчиненія Кубанской арміи въ оперативномъ отношеніи командованію Добровольческой арміи, этой мѣрой не уменьшаютъ боеспособность арміи.

На засѣданіяхъ бывшихъ 12/25 и 13/26 августа, подъ предсѣдательствомъ генерала Алексѣева, совмѣстно съ представителями кубанскаго правительства, командованіе Добровольческой арміи отнеслось рѣзко отрицательно къ проекту, выдвинутому представителями Кубани.

Генералъ Деникинъ на первомъ засѣданіи очень рѣзко возразилъ противъ домогательствъ кубанцевъ и на второмъ засѣданіи участія не принималъ.

Кубанскимъ представителямъ было разъяснено, что если во время непрерывныхъ боевъ съ большевиками выдѣлить изъ частей Добровольческой арміи всѣхъ казаковъ, въ нихъ состоящихъ, то это поведетъ за собой дезорганизацію частей и ослабитъ боевую мощь арміи; что, въ будущемъ, по мѣрѣ призыва на службу новыхъ военнообязанныхъ — не казаковъ, казаки будутъ постепенно выдѣляться изъ состава Добровольческихъ частей и изъ нихъ будутъ формироваться чисто казачьи части.

Что касается образованія отдѣльной кубанской арміи, командованіе Добровольческой арміи категорически отвергло это предположеніе, указавъ, что Добровольческая армія можетъ успѣшно вести борьбу лишь при условіи, если кубанскія части, въ зависимости отъ обстановки, будутъ включаться въ составъ опредѣленныхъ отрядовъ, а не составлять отдѣльной арміи, съ отдѣльнымъ составомъ и отдѣльными оперативными заданіями.

Кромѣ этихъ причинъ, о которыхъ говорилось въ засѣданіяхъ, были другія, о которыхъ, въ этотъ періодъ, еще стѣснялись опредѣленно говорить представителямъ кубанскаго правительства, которые сами еще не высказывали опредѣленно свое недоброжелательное отношеніе къ Добровольчской арміи. Дѣло въ томъ, что среди членовъ кубанскаго правительства было нѣсколько человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ правительства Бычемъ, явно стремились къ образованію, по примѣру Дона, вполнѣ самостоятельнаго Кубанскаго государства и добивались отстранить командованіе Добровольческой арміи отъ какого либо вліянія на Кубанскія дѣла.

Какъ первый шагъ къ достиженію своей цѣли, они и добивались образованія отдѣльной Кубанской арміи.

Но такъ какъ Кубань еще не вся была освобождена отъ большевиковъ и ссориться съ командованіемъ Добровольческой арміи они не смѣли, то и проводили они свои мысли осторожно, не рискуя открыть всѣ карты и высказаться откровенно.

Для командованія же Добровольческой арміи, находившейся на территоріи Кубани, было совершенно недопу-

стимо пойти на встрѣчу домогательствамъ кубанскихъ самостійниковъ.

Такъ какъ всѣ кубанскія части безпрекословно подчинялись генералу Деникину и такъ какъ всѣ начальствующія лица изъ состава кубанскаго казачества совершенно не сочувствовали самостійнымъ стремленіямъ своихъ представителей въ составѣ кубанскаго правительства и законодательной рады, то это дало возможность генераламъ Алексѣеву и Деникину опредѣленно отклонить попытки образованія отдѣльной кубанской арміи.

Съ этого времени начинается упорная, сначала скрытая, а затѣмъ открытая борьба кубанскихъ самостійниковъ съ генераломъ Деникинымъ.

Другой вопросъ, который съ мѣста надо было разрѣшить такъ или иначе, было вопросъ финансовый.

Донское правительство устроило въ Ростовѣ, при отдѣленіи государственнаго банка, экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ.

Къ этимъ денежнымъ знакамъ уже привыкло населеніе Дона, и они охотно принимались населеніемъ во всѣхъ районахъ, освобождаемыхъ отъ большевиковъ.

Кубанское правительство заявило, что оно хочетъ выпустить свои денежные знаки.

Добровольческая армія такъ же должна была откуда-то ихъ получать. Поставить себя, въ этомъ отношеніи, въ полную зависимость отъ донского или кубанскаго правительствъ было невозможно, а выпускать, въ сущности говоря, на той же территоріи новый видъ денежныхъ знаковъ было нежелательно.

Было опасно допустить, чтобы каждое изъ новыхъ государственныхъ образованій, для обращенія въ одномъ и томъ же раіонѣ, выпускало столько денежныхъ знаковъ, сколько пожелаетъ.

Для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ и въ частности для выясненія возможности устроить единый государственный банкъ, по инициативѣ генерала Алексѣева, подъ моимъ предсѣдательствомъ была образована комиссія, въ составъ которой вошли представители донского и кубан-

скаго правительствъ и всѣ болѣе видные финансовые и банковые дѣятели, бывшіе въ это время на территоріи Дона и Кубани.

На засѣданіяхъ этой комиссіи всѣ принципіально высказывались, что необходимо образовать единый государственный банкъ и имѣть общіе денежные знаки, эмиссіонное же право должно быть предоставлено центральному объединенному правительству.

Но до какихъ либо практическихъ результатовъ не договорились. Представители донского и кубанскаго правительствъ, основываясь на томъ, что объединеннаго правительства еще нѣтъ и что основные вопросы правомочны будутъ разрѣшать лишь донской большой войсковой кругъ и кубанская краевая рада, отказались принять какое либо рѣшеніе.

Въ сущности же дѣло заключалось въ томъ, что донскіе представители не считали возможнымъ отказаться отъ своего права выпускать, сколько имъ вздумается своихъ денежныхъ знаковъ, а кубанскіе представители, по примѣру Дона, тоже хотѣли завести свою экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ.

Ясно было, что для правильнаго разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ государственной важности надо прежде всего договориться съ Донскимъ атаманомъ. До тѣхъ же поръ, пока Донъ будетъ совершенно игнорировать командованіе Добровольческой арміи и не пойдетъ по пути объединенія въ одномъ общемъ правительствѣ всѣхъ обще-русскихъ государственныхъ вопросовъ, до тѣхъ поръ мы не договоримся ни съ Кубанью, ни съ Терекомъ, когда послѣдній будетъ освобожденъ отъ большевиковъ.

Противъ Донского атамана Краснова на Дону была довольно сильная оппозиція за его германофильское направленіе, и считалось возможнымъ, что большой войсковой кругъ, который долженъ былъ быть собранъ въ Новочеркасскѣ въ концѣ августа/началѣ сентября, можетъ высказаться противъ оставленія Краснова атаманомъ, и тогда можетъ измѣниться отношеніе донского правительства къ

Добровольческой арміи, въ смыслѣ согласія образовать общее правительство, подчиненное генералу Алексѣеву.

Я былъ командированъ въ Новочеркасскъ въ качествѣ представителя генераловъ Алексѣева и Деникина ко времени открытія большого войскового круга.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ, я переговорилъ со многими представителями донского казачества, съѣхавшимися къ открытію круга, и вынесъ впечатлѣніе, что хотя оппозиція среди донской интеллигенціи противъ генерала Краснова довольно сильна, но въ массѣ казачества онъ пользуется популярностью и, вѣроятно, будетъ вновь выбранъ въ атаманы.

Собравшійся войсковой кругъ (18/31 августа) выбралъ своимъ представителемъ бывшаго члена государственной думы — Харламова.

Кругъ былъ открытъ рѣчью атамана.

Генералъ Красновъ — прекрасный ораторъ и, надо отдать ему справедливость, рѣчь его была составлена мастерки.

Насколько помню, онъ кратко изложилъ все, что сдѣлало для усиленія Дона по день открытія круга, и перечислилъ то, что предстоитъ еще сдѣлать. Не отрицая принятой имъ германской оріентаціи, онъ оправдывалъ ее невозможностью безъ этого получить для Дона отъ Украины вооруженіе, снаряженіе и боевые припасы. Касаясь этого вопроса, онъ выразился, если не измѣняетъ мнѣ память, такъ: «Да, я принужденъ брать отъ нѣмцевъ снаряды и патроны, но я обмываю ихъ въ чистыхъ водахъ Тихаго Дона и чистыми передаю нашей и Добровольческой арміямъ».

Послѣ отвѣтной рѣчи предсѣдателя круга и рѣчи предсѣдателя правительства, слово было предоставлено мнѣ. Я сказалъ:

«Добровольческая армія братски привѣтствуетъ большой кругъ Всевеликаго Войска Донского.

По иниціативѣ генерала Алексѣева и съ согласія покойнаго атамана Войска Донского, великаго русскаго патріота генерала Каледина, въ ноябрѣ 1917 года на территоріи Дона начала формироваться Добровольческая армія.

Цѣль, которую преслѣдовали генералъ Алексѣевъ, генералъ Калединъ и вступившій въ декабрѣ 1917 года въ командованіе арміей генералъ Корниловъ, была борьба съ совѣтской властью, разрушавшей государство, освобожденіе Дона отъ большевиковъ и образованіе на Руси твердаго правительства, могущаго объединить всѣхъ русскихъ людей и положить предѣлъ разрухѣ въ государствѣ и арміи.

Господство большевиковъ не оказалось кратковременнымъ, какъ то думало большинство политическихъ дѣятелей, а, наоборотъ, власть ихъ крѣпла, и начавшееся сумасшествіе стало охватывать все большіе и большіе раіоны. Печальной участи не избѣгли и казачьи области.

Въ теченіе 2 мѣсяцевъ ничтожная по численности, но крѣпкая духомъ Добровольческая армія, шагъ за шагомъ отстаивая территорію Дона, кровью своей съ нимъ сроднилась.

Въ концѣ января этого года не стало генерала Каледина, а 10 февраля маленькая Добровольческая армія, не имѣя возможности оставаться въ Ростовѣ, перешла у Аксая на лѣвый берегъ Дона.

14 февраля начался легендарный по своей трудности походъ Добровольческой арміи къ Екатеринодару съ цѣлью освободить Кубань отъ власти большевиковъ и оттуда продолжать свою государственную работу.

Цѣль эта тогда достигнута не была.

Въ серединѣ апрѣля Добровольческая армія, отойдя отъ Екатеринодара, гдѣ погибъ генералъ Корниловъ, вновь вступила на территорію войска Донского.

Къ этому времени началось оздоровленіе Дона отъ тяжкой большевистской болѣзни.

Добровольческая армія, найдя вновь пріютъ на землѣ Тихаго Дона, оправилась отъ труднаго похода, окрѣпла и пополнилась.

Но и въ этотъ періодъ армія охраняла и очищала южныя и юго-восточныя окраины Дона отъ большевиковъ. Рядъ боевъ съ большевиками у Сосыки, Гуляй-Борисова, Егорлыкской, Цѣлины — за это время стоили арміи болѣе 1 500 убитыми и ранеными.

Затѣмъ, при поддержкѣ кубанскихъ казаковъ Добровольческая армія пошла освобождать Кубань отъ большевиковъ.

Нынѣ сердце Кубани — Екатеринодаръ освобожденъ, и очищенъ отъ большевиковъ весь правый берегъ Кубани; освобождается остальная часть Кубани и Ставропольская губернія; части Добровольческой арміи заняли Новороссійскъ.

Такимъ образомъ, выполняя свою общую государственную задачу, своимъ походомъ Добровольческая армія непосредственно или косвенно помогала Донскому Войску, освобождая его земли и вмѣсто большевистскихъ позицій создавая ему прочныя границы съ замиреннымъ и дружественнымъ населеніемъ.

Со времени возникновенія Добровольческой арміи многое измѣнилось:

Большевиками заключенъ позорный Брестскій миръ; создалась самостоятельная Украина; Россія развалилась на рядъ отдѣльныхъ частей, нѣкоторыя изъ которыхъ, позорно забывъ единую Великую Россію, ради мѣстныхъ и личныхъ интересовъ, готовы идти въ кабалу къ кому-угодно, лишь бы получить временное и обманчивое покойное существованіе.

Большевики продолжаютъ разрушать Россію.

Измученное населеніе сѣверной и центральной Россіи гибнетъ отъ голода, проклинаетъ совѣтскую власть, но, терроризованное, само ничего сдѣлать не можетъ и ждетъ помощи извнѣ.

Донъ и Кубань бьются съ большевиками; возстанія охватываютъ раіонъ Волги; Терекъ ждетъ поддержки, чтобы сбросить ненавистную власть. Но, къ сожалѣнію, и въ этихъ раіонахъ не всѣми сознается, что спасеніе и счастіе заключаются не въ созданіи отдѣльныхъ, самостоятельныхъ государствъ и областей, а въ возсозданіи Единой Великой Россіи.

Добровольческая армія ставитъ своею задачею борьбу за объединеніе нашей оплеванной и попранной Матери — Родины, за возсозданіе могучей, единой Россіи.

Враги Россіи, тѣ, которымъ выгодно поддерживать разруху въ нашемъ многострадальномъ отечествѣ, не стѣсняются никакими средствами, имѣющими цѣлью задержать ростъ Добровольческой арміи и посѣять рознь между нею и возрождающимися частями когда-то великаго нашего государства.

Да не будетъ этого!

Мы вѣримъ, что разумъ русскихъ людей возьметъ верхъ, что всѣ честные сыны нашего отечества объединятся въ общей работѣ по возсозданію единой Великой Россіи, единой мощной русской арміи.

Генералы Алексѣевъ и Деникинъ, отъ имени Добровольческой арміи, поручили мнѣ привѣтствовать васъ, представителей Всевеликаго Войска Донского, и выразить глубокую увѣренность арміи въ томъ, что всѣ слухи о какихъ то анти-русскихъ и сепаратныхъ стремленіяхъ отдѣльныхъ лицъ и группъ на Дону — являются злостной клеветой.

Добровольческая армія увѣрена, что славные Донцы, потомки могучихъ и славныхъ витязей и защитниковъ Руси, и въ настоящій историческій моментъ сумѣютъ разобраться, гдѣ правда и гдѣ неправда, поймутъ свою государственную задачу и, наряду съ внутренней работой по устройству Всевеликаго Войска Донского, всѣ, какъ одинъ, пойдутъ по пути возсозданія Великой Россіи и, объединясь съ Добровольческой арміей и славнымъ Кубанскимъ войскомъ, положатъ начало могучей русской арміи».

Генералъ Деникинъ, по поводу привѣтственной телеграммы отъ предсѣдателя круга Харламова и полученнаго имъ текста рѣчи генерала Краснова, прислалъ мнѣ слѣдующихъ два письма:

Отъ 20 августа/2 сентября: «Генералъ Алексѣевъ получилъ сегодня телеграмму отъ предсѣдателя круга Харламова съ выраженіемъ чувствъ, одушевляющихъ кругъ въ отношеніи Добровольческой арміи.

Между тѣмъ, отношенія къ арміи атамана были всегда совершенно отрицательными. Между прочимъ, въ своей програмной рѣчи, онъ счелъ возможнымъ принятіе нѣмецкой оріентаціи оправдывать нежеланіемъ моимъ идти на

Царицынъ, хотя соглашеніе съ нѣмцами послѣдовало ранѣе 15 мая (совѣщаніе въ Манычской). *) Точно также звучитъ оскорбительно фраза его «частное предпріятіе». Такъ названо освобожденіе Добровольческой арміей трехъ русскихъ областей Задонья.

Нахожу чрезвычайно желательнымъ, чтобы Вы нашли способъ черезъ членовъ круга поднять вопросъ о точномъ опредѣленіи кругомъ отношеній атамана къ Добровольческой арміи, которыхъ онъ обязанъ былъ бы держаться въ будущемъ».

Отъ 22 августа/4 сентября: «Въ вопросѣ о конституціи власти на Дону при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ коихъ находится нынѣ область, Вамъ надлежитъ держаться слѣдующихъ положеній:

1) Единая твердая власть, не связанная никакими коллегіями, необходима.

2) Кругъ долженъ обязать будущаго атамана къ прямому, честному и вполнѣ доброжелательному отношенію къ Добровольческой арміи.

3) Расколъ среди политическихъ партій на Дону, новыя потрясенія, подрывъ и умаленіе атаманской власти совершенно не желательны.

Поэтому, если опозиція не имѣетъ причинной почвы подъ ногами и сильныхъ кандидатовъ и считаетъ нужнымъ поддержать кандидатуру ген. Краснова, возраженій со стороны командованія Добровольческой арміи не будетъ, при соблюденіи п. 2-го.

4) Такъ какъ личная политика генерала Краснова совершенно не соотвѣтствуетъ позиціи, занятой Добровольческой арміей, *) *то активной поддержки* (напримѣръ публичное выступленіе съ соотвѣтствующей рѣчью, оффиціозный разговоръ и т. под.) оказывать отнюдь не слѣдуетъ.

Изложенное въ пунктѣ 3-мъ надлежитъ сообщить довѣрительно отдѣльнымъ виднымъ представителямъ оппозиціи.

---

*) На которомъ генераломъ Красновымъ возбуждался вопросъ о направленіи части Добровольческой арміи на Царицынъ.

**) Т. е. невозможность какого либо соглашенія съ нѣмцами.

5) Выдѣленіе отдѣльныхъ частей Добровольческой арміи на Царицынскій фронтъ пользы не принесетъ, а среди разнородныхъ элементовъ донскихъ ополченій, астраханскихъ организацій — могло бы вызвать чреватыя послѣдствіями тренія. На Дону остались неиспользованными части новой донской арміи; длительность ихъ подготовки значительно больше, чѣмъ мобилизованныхъ Добровольческой арміи.

Во всякомъ случаѣ Добровольческая армія, какъ только справится со своей задачей на Кубани, будетъ двинута безотлагательно на Царицынъ и поможетъ въ полной мѣрѣ Дону. При этомъ обязательно подчиненіе дѣйствующихъ на этомъ фронтѣ донскихъ частей командованію Добровольческой арміи.

Незаконченность работы здѣсь подорвала бы въ корнѣ моральное значеніе Добровольческой арміи и привела бы опять къ «исходному положенію», т. е. окруженію всѣхъ границъ Дона большевиками.

Послѣ перваго засѣданія круга выяснилось, что выборы новаго атамана будутъ произведены въ самомъ концѣ сессіи, а первоначально будутъ происходить чисто дѣловыя засѣданія, на которыхъ члены донского правительства сдѣлаютъ доклады по своимъ вѣдомствамъ.

Оттяжка выбора атамана была сдѣлана генераломъ Красновымъ, конечно, съ цѣлью выиграть время, дать перебродить страстямъ и убѣдить кругъ, что атаманомъ, для пользы Дона, можетъ остаться только онъ, ген. Красновъ.

Надо признать, что генералъ Красновъ очень ловко и очень умно направилъ работу войскового круга и достигъ того, что опозиція противъ него постепенно ослабѣвала.

Въ рукахъ лидеровъ оппозиціи, кромѣ копіи съ письма генерала Краснова на имя Германскаго Императора, были еще два документа, доставленныхъ на войсковой кругъ и командованію Добровольческой арміи изъ управленія иностранныхъ дѣлъ донского правительства: выдержки изъ письма генерала Краснова фельдмаршалу Эйхгорну и выдержки изъ протокола совѣщанія донского атамана съ представителемъ германскаго командованія въ Ростовѣ — маіо-

ромъ фонъ-Кохенгаузенъ (совѣщаніе было 26 іюня/9 іюля 1918 г.).

Письмо на имя фельдмаршала Эйхгорна заканчивалось такъ: «Я искренно желаю, въ союзѣ съ германскимъ народомъ, не допустить чехо-словаковъ на донскую территорію, но исполнить это я смогу лишь тогда, когда все населеніе будетъ видѣть, что въ лицѣ германскаго народа мы имѣемъ друзей и союзниковъ, а не враговъ, оккупировавшихъ донскую землю.

Было бы самымъ выгоднымъ и для васъ, если бы вы помогли донскому войску окрѣпнуть въ полной мѣрѣ, давъ при этомъ опредѣленное завѣреніе, что, по достиженіи сего германскія войска будутъ выведены изъ предѣловъ Донской области. Тогда Вы могли бы быть увѣрены, что Донское войско, а за нимъ и весь Доно-Кавказскій союзъ вамъ преданы, вамъ благодарны и вамъ никогда не измѣнятъ. Вы могли бы быть спокойны за Вашъ тылъ на Украинѣ и за Вашъ правый флангъ въ томъ случаѣ, еслибы Державы согласія возстановили восточный фронтъ. . . .»

Совѣщаніе донского атамана съ маіоромъ фонъ-Кохенгаузенъ касалось, между прочимъ, Добровольческой арміи, о которой маіоръ фонъ-Кохенгаузенъ хотѣлъ получить самыя точныя свѣдѣнія.

Отвѣты генерала Краснова были очень сдержаны, и получается вполнѣ отчетливое впечатлѣніе, что, не считая для себя возможнымъ совершенно уклониться отъ отвѣтовъ, донской атаманъ старался не сказать чего-нибудь такого, что могло повредить Добровольческой арміи.

Представитель германскаго командованія, повидимому, понялъ и учелъ затруднительное положеніе генерала Краснова и не настаивалъ на болѣе ясныхъ и точныхъ отвѣтахъ.

Въ заключеніе маіоръ Кохенгаузенъ выразилъ генералу Краснову завѣренія въ томъ, что, послѣ того, что онъ слышалъ, германское правительство, въ его лицѣ, будетъ всячески поддерживать атамана, содѣйствовать укрѣпленію его власти въ области, какъ въ смыслѣ престижа власти путемъ моральнаго воздѣйствія на населеніе (возвращеніе во-

енно-плѣнныхъ, вопросъ о Таганрогѣ и т. д.), такъ и въ смыслѣ поддержки таковой реальной силой, оружіемъ и идя на встрѣчу личнымъ пожеланіямъ атамана.

Конечно, на кругѣ генералъ Красновъ могъ бы объяснить, что все это онъ принужденъ пока дѣлать ради спасенія и укрѣпленія Дона, что цѣль оправдываетъ средства, но оппозиція вначалѣ была сильна и, повторяю, оттяжка выборовъ была для генерала Краснова необходима.

Къ моменту выбора атамана единственнымъ серьезнымъ для него конкуррентомъ былъ предсѣдатель донского правительства — генералъ Богаевскій.

Но передъ выборами, на закрытомъ засѣданіи круга, генералъ Богаевскій огласилъ телеграмму, полученную изъ штаба германскаго командованія въ Ростовѣ, въ которой совершенно опредѣленно указывалось, что только при выборѣ войсковымъ кругомъ атаманомъ генерала Краснова, германское командованіе будетъ по прежнему относиться доброжелательно къ войску Донскому; въ противномъ же случаѣ это отношеніе измѣнится.... *)

---

*) Телеграмма генералъ-лейтенанту Денисову (былъ военнымъ министромъ Войска Донского и командующимъ Донской арміей).

Переводъ съ нѣмецкаго.

Его Превосходительству.

„По порученію высшаго германскаго командованія имѣю честь сообщить Вамъ слѣдующее: Происшедшее за послѣдніе дни показываетъ, что на кругѣ имѣется стремленіе ограничить власть атамана. Въ виду чего предвидится опасность, что будетъ образовано правительство со слабой властью, которая не сможетъ въ достаточной мѣрѣ противостоять многочисленнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ донского государства.

Такъ какъ, съ другой стороны, высшее командованіе можетъ находиться въ хорошихъ отношеніяхъ только съ такимъ государствомъ, которое по конструкціи своего правительства дастъ увѣренность быть сильнымъ и защищать свою свободу, оно (высшее германское командованіе) видитъ себя вынужденнымъ до тѣхъ поръ, пока это обстоятельство является сомнительнымъ, временно воздержаться отъ всякой поддержки оружіемъ и снарядами. Примѣненіе этого рѣшенія продолжится до тѣхъ поръ, пока не будетъ выбранъ атаманъ, въ которомъ высшее германское командованіе будетъ увѣрено, что онъ поведетъ политику Донского государства въ направленіи, дружественномъ Германіи, и который будетъ облеченъ кругомъ полнотой власти, необходимой для настоящаго серьезнаго момента.

Генералъ Богаевскій сказалъ на кругѣ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, его выставляютъ какъ кандидата въ атаманы; что онъ благодаритъ за честь, но вслѣдствіе необходимости прежде всего не осложнять трудное положеніе Дона вмѣшательствомъ нѣмцевъ, онъ заявляетъ о категорическомъ своемъ отказѣ дать согласіе на выставленіе своей кандидатуры въ атаманы.

Генералъ Красновъ былъ вновь выбранъ атаманомъ Войска Донского.

Обстановка для Дона была дѣйствительно трудная и сложная; это рѣшеніе круга для даннаго момента было единственно возможнымъ.

* * *

Командованіе Добровольческой арміи надѣялось, что генералъ Красновъ постепенно измѣнитъ свою политику по отношенію къ арміи и будутъ найдены пути соглашенія для образованія одного общаго правительства. Но, для установленія соглашенія съ Кубанью, выборъ донскимъ атаманомъ опять генерала Краснова былъ крайне непріятенъ, такъ какъ знаменовалъ — на первое, во всякомъ случаѣ, время — что политика Дона по отношенію къ командованію Добровольческой арміи останется прежней.

Кубань же, какъ я уже сказалъ, равнялась на совершенно независимое Донское государственное образованіе.

Командованіе Добровольческой арміи стремилось договориться съ Дономъ и Кубанью, но по нѣкоторымъ вопросамъ существовали столь непримиримо противоположные взгляды между нами и представителями казачества, что трудно было надѣяться добиться полнаго соглашенія.

Еще 28 іюля/10 августа кубанскій атаманъ полковникъ Филимоновъ передалъ генералу Деникину для ознакомленія проектъ деклараціи правительства Доно-Кавказскаго союза, присланный ему донскимъ атаманомъ для раз-

---

Я прошу Ваше Превосходительство сообщить объ этомъ еще сегодня же Его Высокопревосходительству донскому атаману, къ которому высшее германское командованіе питаетъ самое полное довѣріе, а также сообщить господину предсѣдателю совѣта министровъ генералъ-лейтенанту Богаевскому.

Подписалъ: фонъ Кохенгаузенъ."

смотрѣнія и подписанія; при этомъ полковникъ Филимоновъ сказалъ, что если генералъ Деникинъ будетъ возражать противъ содержанія деклараціи, то онъ ее не подпишетъ.

Въ деклараціи Доно-Кавказскаго союза въ первой части было сказано «. . . . . въ видахъ государственной необходимости атаманы: Всевеликаго Войска Донского, Войска Кубанскаго, Войска Астраханскаго, Войска Терскаго и предсѣдатель союза горцевъ Сѣвернаго Кавказа, беря на себя всю полноту Верховной государственной власти, настоящимъ актомъ провозглашаютъ суверереннымъ государствомъ Доно-Кавказскій союзъ.

Объявляя объ этомъ, просимъ Васъ, Милостивый Государь, передать Вашему правительству нижеслѣдующее: *)

1) Доно-Кавказскій союзъ состоитъ изъ самостоятельно управляемыхъ государствъ: Всевеликаго Войска Донского, Войска Кубанскаго, Войска Терскаго, Войска Астраханскаго, Союза горцевъ Сѣвернаго Кавказа и Дагестана, соединенныхъ въ одно государство на началахъ федераціи.

2) Каждое изъ государствъ входящихъ. . . . управляется во внутреннихъ дѣлахъ своихъ. . . на началахъ полной автономіи.

3) Законы. . . раздѣляются на общіе и мѣстные.

4) Свой флагъ, печать и гимнъ.

5) Верховный совѣтъ (атаманы или ихъ замѣстители и главы союза горцевъ и Дагестана), избирающіе изъ своей среды предсѣдателя, исполняющаго постановленія Верховнаго Совѣта.

6) При Верховномъ Совѣтѣ-Сеймъ.

7) О собраніяхъ Сейма.

8) Доно-Кавказскій союзъ имѣетъ общіе армію и флотъ. Командующій назначается Верховнымъ Совѣтомъ.

9) Общіе министры — Иностранныхъ Дѣлъ, Военный и Морской, Торговли и Промышленности, Путей сообщеній, Почты и Телеграфа, Государственный Контролеръ и Государственный Секретарь.

---

*) Далѣе указываются мною лишь краткія выдержки изъ содержанія пунктовъ деклараціи.

10) Временная резиденція — Новочеркасскъ.

11) Общіе — монетная система, кредитные билеты, почтовыя и гербовыя марки, тарифы: желѣзнодорожный, таможенный и портовый, а также почтовые и телеграфные.

12) Доно-Кавказскій союзъ объявляетъ, что онъ находится въ состояніи нейтралитета и, не будучи въ положеніи войны съ какой либо Державой міра, борется лишь съ большевистскими войсками, находящимися на его территоріи.

13) .... не допускаетъ вторженія на свою территорію никакихъ войскъ.

14) Доно-Кавказскій союзъ настоящимъ заявляетъ свое намѣреніе вступить въ торговыя и иныя сношенія съ Державами, которыя признаютъ его державныя права.

15) Границы .... и, по стратегическимъ соображеніямъ, южная часть Воронежской губерніи со станціей Лиски и городомъ Воронежомъ, а также часть Саратовской губерніи съ городами Камышинымъ и Царицынымъ и колонія Сарепта.

16) Доно-Кавказскій союзъ выражаетъ увѣренность, что нарожденіе его будетъ благопріятно принято всѣми Державами, заинтересованными въ его существованіи, и что онѣ не замедлятъ прислать своихъ представителей, равно какъ и союзъ не замедлитъ послать свои дипломатическія миссіи къ признавшимъ его Державамъ».

Генералъ Деникинъ обратился съ нижеприводимымъ письмомъ, отъ 10/23 августа 1918 г. за № 51, къ предсѣдателю донского правительства.

На поляхъ приводятся резолюціи генерала Краснова, сообщенныя намъ изъ правительства Войска Донского.

Командующій
Добровольческой армией.
№ 51.
10 августа 1918 года
Гор. Екатеринодаръ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Резолюція генерала Богаевскаго:

„Въ докладъ Д. Атаману." Ген. Богаевскій. 13/VIII—18.

Резолюціи донского Атамана:

Армія внѣ политики.

Образованіе въ октябрѣ 1917 года Юго-Восточнаго Союза въ дѣйствительности осталось только на бумагѣ.

Успѣхи большевиковъ, развалъ казачества на Дону и Кубани, а также возникшая борьба на Терекѣ — не дали возможности провести въ жизнь образованіе Юго-Восточнаго Союза.

Нынѣ обстоятельства вновь позволяютъ вернуться къ мысли создать прочный и сильный Союзъ, могущій предотвратить новыя испытанія.

Измѣненію обстановки Донъ и Кубань въ значительной степени обязаны Добровольческой арміи, при помощи которой изгоняются большевики и уничтожается власть черни.

Добровольческая армія, имѣющая задачей возрожденіе единой великой Россіи, кровью своей среднилась съ Дономъ и Кубанью и далѣе, передъ выполненіемъ своей основной, исторической задачи, она поможетъ и Тереку освободиться отъ большевиковъ.

При образованіи Юго-Восточнаго Союза въ октябрѣ 1917 года никто не имѣлъ никакихъ сепаратныхъ стремленій, и авторы идеи Союза считали, что образова-

Его Превосходительству А. П. Богаевскому.

ніе Союза необходимо лишь *временно,* до возстановленія единой Россіи.

Составленная же нынѣ правительственная декларація Доно-Кавказскаго Союза вызываетъ самыя серьезныя возраженія:

Это не вѣрно.

1) Прежде всего создается впечатлѣніе, что идетъ рѣчь о созданіи постоянной федеративной Державы, вполнѣ самостоятельной, на подобіе «самостійной» Украины.

Авторы этой деклараціи какъ бы думали объ узаконеніи расчлененія Россіи, а не объ ея объединеніи.

Причемъ тутъ Добровольческая Армія.

2) Совершенно игнорируется Добровольческая армія, которая помогла Дону и Кубани въ борьбѣ съ большевиками.

Даже больше: пунктъ XIII даетъ право думать, что и добровольческая армія, находящаяся на территоріи Союза, можетъ быть признана враждебной.

3) Включеніе въ составъ Доно-Кавказскаго Союза Ставропольской губерніи, въ которой уже введено управленіе распоряженіемъ командующаго Добровольческой арміей, безъ особаго представителя отъ губерніи, является недопустимымъ.

Эта губернія можетъ быть включена въ Союзъ, лишь какъ полноправный членъ Союза, такъ какъ и по размѣрамъ и по значенію она является значительной, и интересы ея и Добровольческой арміи должны быть вполнѣ обезпечены особымъ ея представителемъ въ Верховномъ Совѣтѣ.

Согласенъ.

4) Пунктъ IV устанавливаетъ особый флагъ Державы, въ то время, когда врядъ ли допустимо имѣть какой либо другой флагъ помимо родного русскаго.

5 Декларація не можетъ включать въ себѣ такіе пункты, какъ XII, XIII и XIV, которые связываютъ дальнѣйшую политику Державы, веденіе каковой возлагается на Верховный Совѣтъ.

6) Пунктъ XV особенно подчеркиваетъ стремленіе къ «самостійности» и къ дальнѣйшему расчлененію Россіи. — *Ничего подобнаго.*

Вслѣдствіе всего изложеннаго, не возражая противъ пользы образованія Доно-Кавказскаго Союза, считаю необходимымъ:

1) Опредѣленно указать, что Союзъ образуется временно — впредь до возсозданія Россіи. — *Само собой разумѣется.*

2) Включить въ составъ проектируемаго Верховнаго Совѣта представителя Добровольческой арміи и военнаго генералъ-губернатора Ставропольской губерніи. — *Можно.*

3) Командующимъ всѣми вооруженными силами Союза назначить командующаго Добровольческой арміей. — *Никогда.*

4) Окончательная редакція декларацiи должна быть выработана послѣ созыва большого круга на Дону и рады на Кубани, при участiи представителя Добровольческой арміи, игнорировать которую недопустимо. — *Совершенно вѣрно, но причемъ тутъ Добровольческая Армія.*

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности А. Деникинъ.

Резолюціи генерала Краснова ясно указываютъ на непримиримость его по отношенію къ командованію Добровольческой арміи.

Договориться съ нимъ, при этихъ условіяхъ и при позиціи, занятой имъ вольно или невольно по отношенію къ нѣмцамъ, было невозможно.

Оставалась надежда добиться соглашенія съ Кубанскимъ казачествомъ, а затѣмъ и съ Терскимъ, въ предполо-

женіи, что впослѣдствіи силою обстоятельствъ и генералъ Красновъ пойдетъ на уступки.

Въ то-же время нельзя не отмѣтить, что, при остро сложившихся отношеніяхъ съ командованіемъ Добровольческой арміи, генералъ Красновъ не упускалъ случая дѣлать оффиціальныя заявленія о лучшихъ чувствахъ, кои онъ питаетъ къ самой арміи. Такъ напримѣръ, телеграммой на имя генерала Алексѣева отъ 14/27 августа онъ опровергаетъ слухи о скверномъ его отношеніи къ «дружественной намъ Добровольческой арміи, которой Донъ такъ многимъ обязанъ и въ которой видитъ будущее Россіи.» *)

Для точнаго опредѣленія нашихъ отношеній съ казачьими областями и созданія «гражданской конституціи» представлялось необходимымъ выработать особое положеніе, которое, по мѣрѣ освобожденія отъ большевиковъ частей государства Россійскаго, позволяло бы автоматически примѣнять его къ освобождаемымъ раіонамъ.

Генералъ Алексѣевъ считалъ необходимымъ, чтобы положеніе о конструкціи власти и управленіи въ освобождаемыхъ раіонахъ основывались на слѣдующихъ принципахъ:

1) Армія — единая.

Командованіе арміей должно быть сосредоточено въ рукахъ командующаго Добровольческой арміей.

2) При Верховномъ руководителѣ Добровольческой арміи образуется «Особое Совѣщаніе», которое и вѣдаетъ всѣми правительственными функціями.

Начальники отдѣловъ назначаются Верховнымъ руководителемъ арміи.

---

*) Насколько ненормальны были и впослѣдствіи отношенія донского атамана къ командованію Добровольческой арміи, показываетъ отвѣтъ генерала Краснова, 9/22 января 1919 года № 92, на запросъ, нѣтъ-ли препятствій къ устройству въ Ростовѣ отдѣла Пропаганды, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Я категорически возражаю противъ устройства его въ Ростовѣ. На землѣ Войска Донского не можетъ и не должно помѣщаться ни одно изъ учрежденій обще-русскихъ. Это требованіе автономіи Войска."

По примѣру же донского атамана и Кубанскіе политическіе дѣятели, послѣ освобожденія ихъ территоріи отъ большевиковъ подъ руководствомъ командованія Добровольческой арміи и беззавѣтной боевой работы Добровольческой арміи. стремились удалить отъ себя все „обще-русское"!

3) Отрасли управленія — внѣшняя политика, военное дѣло, судъ, пути сообщеній и финансы — должны быть общими для всего государства *) и вѣдаться соотвѣтствующими отдѣлами Особаго Совѣщанія, и въ отношеніи ихъ полнота государственной власти принадлежитъ Верховному руководителю Добровольческой арміи.

4) Не казачьи территоріи и области подчиняются непосредственному Верховному руководителю, который и утверждаетъ положеніе объ ихъ управленіи.

5) Казачьи области и другія области, пользующіяся автономнымъ устройствомъ, въ отношеніи частей управленія, не находящихся въ вѣдѣніи общегосударственной власти, управляются на основаніи законовъ, вырабатываемыхъ мѣстными законодательными органами.

6) При Верховномъ руководителѣ, въ качествѣ законосовѣщательнаго органа, можетъ быть образованъ совѣтъ, въ составъ котораго входятъ члены по выбору отъ освобождаемыхъ областей и по назначенію Верховнаго руководителя.

Послѣ смерти генерала Алексѣева эта схема подверглась измѣненію лишь въ томъ отношеніи, что функціи Верховнаго руководителя и командующаго арміей должны были объединиться въ рукахъ главнокомандующаго генерала Деникина.

Командованіе Добровольческой арміи надѣялось, что кубанскіе политическіе дѣятели пойдутъ въ концѣ концовъ на соглашеніе добровольно, понявъ, что этого требуетъ государственная необходимость. Считалось, что при подобной «конституціи» и конструкціи высшей правительственной власти — широкая автономія казачьихъ областей будетъ вполнѣ обезпечена и государственный разумъ казачества возьметъ верхъ надъ «самостійными» тенденціями отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей.

Созданіе проекта «конституціи» было поручено К. Н. Соколову съ участіемъ нѣкоторыхъ членовъ кадетской пар-

*) Были перечислены лишь тѣ отрасли управленія, кои безспорно должны были быть общегосударственными. Относительно другихъ надо было договориться и рѣшить, что должно быть отнесено къ обще-государственному управленію и что могло остаться въ вѣдѣніи мѣстныхъ законодательныхъ органовъ и правительствъ.

тіи (впрочемъ, принималъ участіе въ работѣ и В. В. Шульгинъ).

Прежде чѣмъ подвергнуть составленное «положеніе» оффиціальному разсмотрѣнію съ представителями кубанскаго правительства, признано было желательнымъ, чтобы представители политическихъ круговъ, поддерживавшихъ Добровольческую армію, позондировали почву частнымъ образомъ. Но частныя бесѣды показали, что на соглашеніе надежды мало. Кубанскіе дѣятели говорили, что предлагаемая «конституція» есть фактически диктатура, а на диктатуру главнокомандующаго Добровольческой арміей они добровольно не согласятся.

«Диктатура устанавливается силою, а не по соглашенію. Если у васъ есть сила проводить диктатуру — проводите; мы же на это согласія не дадимъ».

Генералъ же Деникинъ считалъ необходимымъ дѣйствовать убѣжденіемъ и добиться желательнаго результата путемъ соглашенія.

Считалось, что если будетъ достигнуто соглашеніе съ Кубанью, то это же будетъ принято и Терекомъ послѣ освобожденія Сѣвернаго Кавказа отъ большевиковъ, и затѣмъ будетъ принято и Дономъ. На послѣднее надѣялись особенно вслѣдствіе того, что въ лицѣ наиболѣе вліятельныхъ политическихъ дѣятелей Дона мы имѣли, какъ казалось, союзниковъ.

На 26 октября/8 ноября 1918 г., подъ моимъ предсѣдательствомъ, было назначено согласительное засѣданіе.

Отъ командованія Добровольческой арміи на засѣданіи присутствовали — А. А. Нератовъ, генералъ Романовскій и В. А. Степановъ. Отъ Кубани — Л. Л. Бычъ, А. А. Намитоковъ, полковникъ Савицкій, Д. Е. Скобцовъ, полковникъ Успенскій и М. С. Воронковъ. Особо приглашенные донскіе политическіе дѣятели — В. Ф. Зеелеръ и В. А. Харламовъ (предсѣдатель большого войскового круга).

Открывая засѣданіе, я сказалъ, что еще въ августѣ была попытка договориться о конструкціи власти, не давшая никакихъ результатовъ; указалъ на невозможность вести работу при существующихъ треніяхъ и предложилъ

вновь попытаться договориться, взявъ въ основаніе проектъ конструкціи власти, выработанный нѣсколькими общественными дѣятелями. Мною было указано, что въ вопросахъ военныхъ и дипломатическихъ вся полнота власти должна принадлежать главнокомандующему, а въ области остальныхъ вопросовъ надо договориться и выяснить, какіе изъ нихъ должны остаться обще-государственными и разрѣшаться правительствомъ, подчиненнымъ главнокомандующему, и какіе вопросы должны считаться мѣстными и разрѣшаться мѣстной властью.

Л. Л. Бычъ указалъ, что возможенъ только одинъ путь соглашенія, по которому договаривающіяся стороны образуютъ союзный совѣтъ, который, какъ Верховная власть, выдѣляетъ правительство, облеченное большими полномочіями, и назначаетъ командованіе, а также опредѣляетъ организацію самой арміи на началахъ воинской повинности.

Съ этими взглядами не согласились представители Добровольческой арміи. Представители Дона (особо приглашенные) стали на сторону представителей Добровольческой арміи, но представители Кубани категорически отказались разсматривать предложенный проектъ конструкціи власти и обѣщали разработать и представить въ ближайшемъ будущемъ, до начала работъ Рады, свой контръ-проектъ.

Привожу здѣсь выдержки изъ рѣчей В. А. Харламова и В. Ф. Зеелера (взято изъ протокола засѣданія, подписаннаго генералъ-лейтенантомъ Лукомскимъ, генералъ маіоромъ Романовскимъ, Л. Л. Бычемъ и А. А. Намитоковымъ):

«В. А. Харламовъ: Что касается строительства власти, то здѣсь слишкомъ много выдвигается положеній, не соотвѣтствующихъ исключительности момента.

Добровольческая армія взяла на себя задачу государственнаго строительства, а мѣстныя власти къ этому стремились очень мало.

Установленіе власти путемъ сложенія мѣстныхъ властей — путь очень сложный и длительный, а жизнь требуетъ быстраго рѣшенія. Мнѣ кажется, что Донъ пойдетъ на предоставленіе полноты власти въ области военныхъ и дип-

ломатическихъ вопросовъ Добровольческой арміи, а въ раздѣлъ 6-й, трактующій о мѣстной автономіи, придется внести поправки».

«В. Ф. Зеелеръ: Если хотите объединенія Россій, то нужно создать сейчасъ зародышъ такого объединенія. И вотъ, создавая обще-государственную власть, я не могу, подобно Л. Л. Бычу, расцѣнивать Добровольческую армію, какъ территоріальную представительницу Ставропольской и Черноморской губерній. Я бы хотѣлъ смотрѣть на Добровольческую армію, какъ на реальную силу, преслѣдующую не мѣстныя, а общегосударственныя задачи; и ни Крымъ, ни Терекъ, ни Донъ не могутъ становиться на одинаковую почву съ Добровольческой арміей, такъ какъ она, повторяю, имѣетъ не мѣстное, а обще-государственное значеніе.

Первая задача — борьба съ большевиками, для чего необходимо объединить дѣйствія двухъ наличныхъ реальныхъ силъ — Добровольческой и Донской арміи; нужно образовать общій фронтъ, и для насъ понятно, что выполненіе этихъ задачъ по объединенію нужно передать въ руки Добровольческой арміи.

Второй вопросъ — разговоръ съ союзниками. Союзники явятся и съ кѣмъ-нибудь связаться пожелаютъ. Естественно, что они обратятъ свои взоры опять на тѣ же реальныя силы: Донскую и Добровольческую арміи. Съ тѣмъ Красновымъ, который послалъ извѣстное письмо въ Берлинъ, они, конечно, разговаривать не пожелаютъ.

Вполнѣ естественно, что руку помощи они протянутъ Добровольческой арміи, которая никогда и ни при какихъ условіяхъ за помощью къ нѣмцамъ не обращалась.

Тогда и Дону, и Грузіи, и Украинѣ придется поклониться Добровольческой арміи.

Нужно придти къ заключенію, что Верховная власть и выполненіе задачъ внѣшней политики должны быть отнесены къ центру — Добровольческой арміи.

Что касается федераціи и автономіи, то я долженъ сказать, что сколько я ни изучалъ этотъ вопросъ — разницы не вижу, это одно и тоже».

Обѣщаннаго контръ-проекта кубанское правительство такъ намъ и не прислало.

* * *

Послѣ занятія 2/15 августа Екатеринодара, Добровольческая армія стала развивать операціи противъ Таманской группы большевиковъ, а также дѣйствовавшихъ въ раіонѣ г. Новороссійска и на Черноморскомъ побережьѣ. Во время развитія послѣдней операціи, въ штабѣ Добровольческой арміи были получены свѣдѣнія, что въ раіонѣ Туапсе и Майкопа дѣйствуютъ противъ большевиковъ возставшіе и ушедшіе изъ своихъ станицъ отряды кубанскихъ казаковъ, которымъ помогаютъ грузины. Вслѣдъ за этимъ съ Туапсе была установлена связь, и въ его раіонѣ былъ обнаруженъ небольшой грузинскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Мазніева. При этомъ отрядѣ находилось до 6 сотенъ казаковъ, бѣжавшихъ изъ Майкопскаго отдѣла.

Грузины помогали казакамъ оружіемъ и боевыми припасами; мы же начали снабжать грузинъ хлѣбомъ.

Такъ какъ генералъ Мазніевъ дѣйствовалъ противъ большевиковъ, то Добровольческая армія установила съ нимъ самую тѣсную связь и смотрѣла на этотъ отрядъ, какъ на союзный. Генералъ Мазніевъ обнаружилъ полную готовность помогать Добровольческой арміи и возставшимъ кубанскимъ казакамъ.

Къ этому времени относятся первые переговоры по вопросамъ товарообмѣна съ Грузіей.

Генералъ Мазніевъ передалъ въ распоряженіе начальника отряда Добровольческой арміи одинъ броневой поѣздъ и обѣщалъ передать санитарный поѣздъ; съ нашей стороны было обѣщано отпустить для Грузіи хлѣба на 250 тысячъ рублей.

Въ это время крупныя силы большевиковъ, отступая подъ давленіемъ Добровольческой арміи отъ Новороссійска вдоль Черноморскаго побережья, вытѣснили грузинскій отрядъ генерала Мазніева изъ Туапсе и заняли городъ.

26 августа/8 сентября большевики очистили г. Туапсе и отступили на сѣверъ, надѣясь соединиться со своими частями, дѣйствовавшими въ раіонѣ Сѣвернаго Кавказа.

Наши части въ тотъ же день заняли Туапсе.

Дружескія отношенія, налаживавшіяся между нами и грузинами, рѣзко измѣнились послѣ занятія нами Туапсе и водворенія тамъ нашей власти.

Генералъ Мазніевъ, какъ показавшій себя расположеннымъ къ Добровольческой арміи, былъ отозванъ и замѣненъ генераломъ Коніевымъ. Въ раіонѣ селенія Лазаревскаго (въ 60 верстахъ къ юго-востоку отъ Туапсе) грузины стали сосредоточивать значительныя силы (пять тысячъ пѣхоты съ 40 пулеметами и 18 орудіями) и приступили къ укрѣпленію позицій у Сочи, Дагомыса и Адлера. Одновременно въ два послѣдніе пункта вступили германскіе отряды, и всякія сношенія грузинъ съ нашими войсками были прерваны.

По заявленію нашимъ представителямъ генерала Коніева, измѣненіе отношенія грузинъ къ Добровольческой арміи было основано на указаніи германскаго командованія.

Къ этому же періоду относятся свѣдѣнія, полученныя изъ Тифлиса, что русскіе, особенно офицеры и чиновники, подвергаются самому безпощадному гоненію.

12/25 сентября въ Екатеринодаръ прибыла грузинская делегація во главѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ грузинскаго правительства Гегечкори; въ составъ делегаціи входилъ генералъ Мазніевъ.

Гегечкори заявилъ, что делегація прибыла съ цѣлью вести переговоры по вопросамъ товарообмѣна и для установленія дружескихъ отношеній между Грузіей и Добровольческой арміей, а также Кубанью.

Пріѣздъ этой делегаціи вполнѣ совпадалъ съ желаніемъ командованія Добровольческой арміи договориться съ грузинскимъ правительствомъ и установить дружескія отношенія.

Прежде всего представлялось крайне желательнымъ получить увѣренность, что ничто не можетъ угрожать нашему тылу и явится возможность не держать на границѣ съ Грузіей войска, столь необходимыя для борьбы съ большевиками на Сѣверномъ Кавказѣ.

Затѣмъ нужно было договориться по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Въ Грузіи, послѣ ликвидаціи Кавказскаго фронта, осталось большое интендантское, артиллерійское, инженерное и санитарное имущество, принадлежавшее русскому государству. Представлялось желательнымъ, хотя бы часть этого имущества, получить въ распоряженіе Добровольческой арміи. Если бы не удалось договориться о полученіи этого имущества безвозмездно, то выработать условія, на которыхъ Грузія согласилась бы это имущество передать намъ.

2) Въ Грузіи оставалось большое имущество, принадлежавшее Красному Кресту, военно-промышленному комитету и всероссійскимъ союзамъ земствъ и городовъ. Надо было добиться, чтобы Грузія признала право на это имущество образовавшихся при Добровольческой арміи временныхъ главныхъ управленій этихъ организацій.

3) О прекращеніи преслѣдованія въ Грузіи русскихъ гражданъ; о предоставленіи права русскимъ офицерамъ, находившимся въ Грузіи, отправляться на службу въ Добровольческую армію, безъ опасенія за участь ихъ семействъ, оставляемыхъ въ Грузіи.

Тѣ свѣдѣнія, которыя были получены изъ Тифлиса о преслѣдованіи всего русскаго, не давали надежды добиться полнаго соглашенія и установить дружескія отношенія. Грузинское правительство и грузинская пресса подвергали рѣзкой критикѣ Добровольческую армію и ея командованіе, называя ихъ черносотенцами, контръ-революціонерами. Наконецъ, на грузинское правительство оказывалось давленіе со стороны германскаго командованія, которое естественно стремилось изолировать Добровольческую армію и поставить ее въ трудное положеніе.

Но для насъ было такъ важно достигнуть соглашенія съ Грузіей, что генералъ Алексѣевъ рѣшилъ пойти на всѣ возможныя уступки, лишь бы установить сносныя отношенія.

12/25 сентября генералъ Алексѣевъ, открывая засѣданіе, началъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Разрѣшите отъ имени Добровольческой арміи и Кубанскаго правительства привѣтствовать представителей дружественной и самостоятельной Грузіи.

Я пожелаю, чтобы тѣ весьма важные переговоры, которые намъ предстоятъ привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Разнорѣчій быть не должно. Съ нашей стороны никакихъ поползновеній на самостоятельность Грузія не будетъ — въ этомъ отношеніи Грузія можетъ считать себя обезпеченной; но давъ такое обезпеченіе отъ Добровольческой арміи и Кубанскаго правительства, которое, конечно, это подтвердитъ, мы должны ожидать равноцѣннаго отношенія со стороны грузинскаго правительства къ намъ».

Изъ дальнѣйшаго хода переговоровъ выяснилось, что грузинскіе представители заняли совершенно непримиримую, и при томъ необоснованную ни историческими, ни этнографическими, ни экономическими данными, позицію въ вопросѣ объ установленіи границы Черноморской губерніи, настаивая на томъ, что Сочинскій округъ долженъ входить въ составъ Грузіи.

Вторичное засѣданіе совмѣстно съ представителями грузинскаго правительства состоялось 13/26 сентября.

Во время обмѣна мнѣній членамъ грузинской делегаціи былъ предложенъ вопросъ о тѣхъ гарантіяхъ, которыя могли бы быть даны грузинскимъ правительствомъ въ томъ, что хлѣбъ, направляемый въ Грузію, не попадетъ къ германцамъ. При этомъ были приведены факты отправки германцами хлѣбныхъ грузовъ изъ Грузіи въ Констанцу на пароходахъ «Генералъ», «Гамбургъ» и «Каркова».

Представители Грузіи отъ отвѣта уклонились.

Въ основномъ вопросѣ объ установленіи границы грузины отказались пойти на какія либо уступки.

Въ числѣ мотивовъ, вслѣдствіе которыхъ Грузія настаивала на сохраненіи за собой Сочинскаго округа, Гегечкори выдвинулъ опасеніе Грузіи, что силъ Добровольческой арміи недостаточно, чтобы защищать Сочинскій округъ отъ большевиковъ.

Генералъ Алексѣевъ указалъ, что, признавая въ настоящее время существованіе самостоятельной Грузіи, ко-

мандованіе Добровольческой арміи не можетъ санкціонировать и согласиться съ расчлененіемъ чисто русской Черноморской губерніи; что русское населеніе Сочинскаго округа проситъ о возвращеніи округа въ составъ Черноморской губерніи.

Дальнѣйшее обсужденіе какъ этого, такъ и другихъ вопросовъ приняло острый характеръ.

Гегечкори въ заключеніе заявилъ:

Отъ Сочинскаго округа Грузія отказаться не можетъ.

Всѣ свѣдѣнія и слухи о преслѣдованіи русскихъ въ Грузіи невѣрны.

Все имущество, принадлежавшее прежде русскому правительству и различнымъ организаціямъ, работавшимъ на армію, грузинское правительство разсматриваетъ, какъ принадлежащее нынѣ Грузинской республикѣ, и можетъ часть его дать Добровольческой арміи лишь въ обмѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты, нужные Грузіи.

Генералъ Алексѣевъ пытался повліять на представителей Грузіи, указавъ, что для самой Грузіи необходимо установить дружескія и союзническія отношенія съ Добровольческой арміей, такъ какъ, если послѣдняя не выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы съ совѣтской властью, то рано или поздно Грузія будетъ большевиками раздавлена.

Но все было напрасно, и переговоры были прерваны.

Какъ потомъ выяснилось, Гегечкори, ведя оффиціальные переговоры въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ генерала Алексѣева, велъ частные, сепаратные переговоры съ предсѣдателемъ кубанскаго правительства Бычемъ.

Вполнѣ возможно, что эти послѣдніе переговоры, давали основаніе Гегечкори считать, что положеніе Добровольческой арміи на Кубани недостаточно прочно, и повліяли въ значительной степени на его несговорчивость.

Впрочемъ нельзя забывать, что въ этотъ періодъ грузинское правительство должно было дѣйствовать по указкѣ нѣмцевъ и, наконецъ, для Грузіи Сочинскій округъ имѣлъ громадное значеніе въ смыслѣ зоны, отдѣляющей отъ Добровольческой арміи Сухумскій округъ, населенный свободолюбивымъ и воинственнымъ абхазскимъ народомъ, не

желавшимъ подчиниться Грузіи. Грузинское правительство опасалось, что если Сочинскій округъ войдетъ въ составъ Черноморской губерніи, то непосредственное сосѣдство района, подчиненнаго Добровольческой арміи, съ Сухумскимъ округомъ можетъ повліять на отпаденіе Абхазіи отъ Грузіи и лишеніе послѣдней портовъ на Черномъ морѣ.

Грузинская делегація уѣхала изъ Екатеринодара.

Послѣ отъѣзда делегаціи, командованіе арміи заняло по отношенію Грузіи выжидательное положеніе, не предпринимая никакихъ враждебныхъ военныхъ дѣйствій. Но граница для пропуска товаровъ была закрыта.

* * *

Въ теченіе лѣта 1918 года въ Сибири стало организоваться антибольшевистское движеніе.

Московскій національный центръ, по соглашенію съ представителями Сибирскихъ политическихъ партій, рѣшилъ образовать въ Сибири директорію *), въ которую, изъ состава Московскаго національнаго центра, должны были войти Н. И. Астровъ (бывшій Московскій городской голова)

---

*) Лѣтомъ 1918 года (въ іюнѣ) М. В. Алексѣевъ получилъ отъ національнаго центра изъ Москвы письмо (за подписями: М. М. Федорова, Н. И. Астрова, П. Б. Струве, Д. Н. Шипова, А. С. Бѣлорусова, Н. К. Волкова, П. В. Герасимова, В. А. Степанова, Четверикова, Галяшкина, А. В. Карташева, Н. Н. Щепкина, В. И. Арандаренко, А. А. Червинъ-Водали, проф, Колокольцова, Н. А. Бородина), въ которомъ указывалось на то, что, повидимому, скоро наступитъ моментъ, когда Добровольческой арміи нужно будетъ отойти на Волгу, чтобы стать тамъ руководящей частью новаго фронта, и выражалась надежда увидѣть Алексѣева во главѣ общаго командованія военными силами, подъ прикрытіемъ которыхъ должна образоваться русская національная власть.

Въ письмѣ, между прочимъ, было сказано:

„Когда мы говоримъ объ образованіи власти, мы ставимъ себѣ форму раньше содержанія. Мы думаемъ, что историческая Россія должна для своего возсозданія и возсоединенія имѣть монарха. Но изъ этого мы не строимъ себѣ кумира. Мы полагаемъ, что для переходнаго времени нужна сильная власть диктатора, но чтобы эта диктатура была пріемлема для безпокойно и подозрительно настроенныхъ массъ, мы готовы принять предлагаемую „Союзомъ Возрожденія" форму Директоріи съ военнымъ авторитетнымъ лицомъ во главѣ.

Для насъ Вы, Михаилъ Васильевичъ, представляетесь и въ этомъ качествѣ. Эта директорія должна очистить территорію, установить порядокъ, подготовить населеніе и дать ему новое основаніе для выборовъ въ народное собраніе, которое и должно установить окончательно форму правленія."

и другія лица. Василій Александровичъ Степановъ въ составъ Директоріи не вошелъ. Возможно, что я ошибаюсь, указывая на первоначальное предположеніе включить его въ составъ Директоріи, но, насколько помню, объ этомъ генералу Алексѣеву было сообщено изъ Москвы.

При образованіи этой Директоріи командующимъ Сибирской арміей былъ назначенъ генералъ Болдыревъ, а его замѣстителемъ — генералъ Алексѣевъ.

Генералъ Алексѣевъ былъ назначенъ «замѣстителемъ», конечно, только потому, что былъ на Кубани. Все же считали, что если онъ пріѣдетъ въ Сибирь, то, естественно, приметъ командованіе арміей.

Генералъ Алексѣевъ, какъ мною уже отмѣчено, въ періодъ «Кубанскаго похода» занимался почти исключительно вопросами финансового характера и политическими.

Послѣ занятія Екатеринодара, несмотря на безукоризненно хорошія отношенія, бывшія между нимъ и генераломъ Деникинымъ, все же чувствовалось, что въ работѣ по гражданской части происходятъ тренія, такъ какъ нѣкоторые однородные вопросы разрѣшались по управленію генерала Алексѣева, а другіе по штабу генерала Деникина.

Чувствовалось, что во главѣ всего дѣла долженъ стоять одинъ человѣкъ.

Генералъ Алексѣевъ это сознавалъ и рѣшилъ, передавъ все дѣло на югѣ Россіи генералу Деникину, самому ѣхать въ Сибирь. Въ качествѣ своего будущаго начальника штаба онъ пригласилъ генерала Абрама Михайловича Драгомирова, который, до ихъ отъѣзда въ Сибирь, былъ назначенъ помощникомъ къ генералу Алексѣеву.

Отъѣздъ въ Сибирь генераловъ Алексѣева и Драгомирова задержался вслѣдствіе болѣзни генерала Алексѣева. Онъ не поправился и 25 сентября/8 октября 1918 года скончался.

Послѣ смерти генерала Алексѣева генералъ Деникинъ принялъ званіе главнокомандующаго Добровольческой арміи, объединяя въ своемъ лицѣ высшую гражданскую и военную власть; генералъ Драгомировъ былъ назначенъ помощникомъ главнокомандующаго и предсѣдателемъ Осо-

баго Совѣщанія (исполнявшаго функціи правительства), а я былъ назначенъ помощникомъ главнокомандующаго и начальникомъ военнаго и морского управленій.

Пріѣхавшій въ Екатеринодаръ Н. И. Астровъ рѣшилъ въ Сибирь не ѣхать и вошелъ, безъ портфеля, въ составъ Особаго Совѣщанія.

* * *

1/14 ноября 1918 года состоялось открытіе кубанской краевой рады. Я и еще два представителя отъ Добровольческой арміи, по соглашенію съ кубанскимъ правительствомъ, вошли въ составъ рады, какъ ея члены.

На открытіи рады генералъ Деникинъ произнесъ рѣчь, изъ которой я привожу выдержки, указывающія программу дальнѣйшей работы командованія Добровольческой арміи.

«. . . Въ февралѣ мѣсяцѣ, видя полную невозможность оставаться и бороться на Дону, Добровольческая армія, предводимая генераломъ Корниловымъ, двинулась на Кубань. Съ тѣхъ поръ судьбы ея тѣсно переплелись съ судьбами Кубани и въ боевомъ содружествѣ, и въ перенесенныхъ страданіяхъ, и въ тысячахъ братскихъ могилъ, и въ радости ратныхъ побѣдъ.

Добровольцы шли въ жару и стужу, переносили невѣроятныя лишенія, гибли тысячами. . . Шли безкорыстно: деревянный крестъ или жизнь калѣки — были удѣломъ большинства.

И только одна завѣтная мысль, одна яркая надежда, одно желаніе одухотворяло всѣхъ — спасти Россію. . . .»

«. . . Можетъ ли Кубань успокоиться и заняться только своими внутренними дѣлами?

Нѣтъ. Пора бросить споры, интриги, мѣстничество.

Все для борьбы. Большевизмъ долженъ быть раздавленъ. Россія должна быть освобождена. Иначе не пойдетъ въ прокъ ваше собственное благополучіе, которое станетъ игрушкою въ рукахъ своихъ и чужихъ враговъ Россіи и народа русскаго.

Добровольческая армія, въ рядахъ которой доблестно сражается множество кубанскихъ казаковъ, явилась сюда не для завоеваній, а для освобожденія. . . .»

«... По мѣрѣ роста силъ Добровольческой арміи и боевыхъ успѣховъ, растетъ число ея друзей и крѣпнетъ злоба ея враговъ.

Я съ полнымъ удовлетвореніемъ долженъ признать, что повсюду, по Кубанскому краю, среди родного намъ по крови и по духу славнаго, привѣтливаго, храбраго кубанскаго казачества, Добровольческая армія встрѣчала и встрѣчаетъ радушный сердечный пріемъ и гостепріимный кровъ. Но въ послѣднее время идетъ широкая агитація, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогрѣвая людьми, которые жадными руками тянутся къ власти, не разбирая способовъ и средствъ. Хотятъ поселить рознь въ рядахъ арміи и особенно между кубанскими казаками и добровольцами. Хотятъ привести армію въ то жалкое состояніе, въ которомъ она была зимой 17-го года. Это тѣ самые люди, которые смиренно кланялись большевикамъ, скрывались въ подпольѣ, или прятались за добровольческіе штыки...»

«... Въ кровавой жестокой борьбѣ, близкаго конца которой еще не видно, нельзя идти врозь...»

«... Не должно быть арміи Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должно быть единая Русская армія, съ единымъ фронтомъ, единымъ командованіемъ, облеченнымъ полной мощью, и отвѣтственнымъ лишь передъ русскимъ народомъ въ лицѣ его будущей законной верховной власти».

«... я вѣрую и исповѣдую, что великій русскій народъ, оправившись отъ болѣзни, стряхнувъ навожденіе, станетъ вновь страшной силой, которая никогда не забудетъ ни тѣхъ державъ, что въ дни ея несчастія любовно, безкорыстно поддерживали его, ни тѣхъ, кто съ небывалой жестокостью и эгоизмомъ, высасывали изъ него послѣдніе соки и толкали въ бездну анархіи».

«... нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть...»

«... единеніе всѣхъ государственныхъ образованій и всѣхъ государственно мыслящихъ русскихъ людей тѣмъ болѣе возможно, что Добровольческая армія, ведя борьбу

за самое бытіе Россіи, не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предрѣшаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими русскій народъ объявитъ свою волю.

Отъ насъ требуютъ партійнаго флага. Но развѣ трехцвѣтное знамя Великодержавной Россіи не выше всѣхъ партійныхъ флаговъ?... Единеніе возможно и потому, что Добровольческая армія признаетъ необходимость и теперь и въ будущемъ самой широкой автономіи составныхъ частей русскаго государства и крайне бережнаго отношенія къ вѣковому укладу казачьяго быта.

И съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія я могу сказать, что теперь уже, не взирая на нѣкоторыя расхожденія, выяснилось возможность единенія нашего съ Дономъ, Крымомъ, Терекомъ, Арменіей, Закаспійской областью. Возможно единеніе и съ Украиной, когда, быть можетъ, цѣною тяжкихъ внутреннихъ потрясеній она сброситъ съ себя иноземное иго и вспомнитъ о сыновнихъ обязанностяхъ передъ общей Родиной; возможно и съ мирнымъ грузинскимъ народомъ, когда измѣнится политика его правительства, которое воздвигло гоненіе на русскихъ людей, присвоило себѣ русское государственное имущество, захватило въ свое незаконное и несправедливое управленіе Сочинскій округъ и толпами красноармейцевъ угрожаетъ русской Добровольческой арміи».

«... Проходя свой крестный путь, считая себя преемницей Русской арміи, Добровольческая армія въ самыхъ тяжелыхъ, казалось, безвыходныхъ обстоятельствахъ своей жизни, оставалась вѣрной договорамъ съ союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательствомъ. Событія послѣднихъ дней доказали, что прямая и честная политика вѣрнѣе. И мы съ открытой душой шлемъ свои сердечныя пожеланія доблестнымъ войскамъ нашихъ союзниковъ ...»

»... Я увѣренъ, что Краевая Рада найдетъ въ себѣ разумъ, мужество и силу залѣчить глубокія раны во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни, нанесенныя ей изувѣрствомъ разнузданной черни; создастъ единоличную твер-

дую власть, состоящую въ тѣсной связи съ Добровольческой арміей; не порветъ сыновней зависимости отъ Единой Великой Россіи; не станетъ ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру въ будущихъ Всероссійскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ, и не повторитъ соціальные опыты, приведшіе къ взаимной дикой враждѣ и обнищанію. . . .»

Въ этой рѣчи, какъ я уже отмѣтилъ, изложены основанія политики, которую проводилъ впослѣдствіи генералъ Деникинъ и состоявшее при немъ Особое Совѣщаніе.

Надежда на то, что кубанская краевая рада пойметъ необходимость тѣснаго общенія съ командованіемъ Добровольческой арміи для правильной конструкціи власти и откажется отъ мысли создать самостоятельное Кубанское государство, не оправдалась.

Предсѣдатель кубанскаго правительства и его единомышленники проводили мысль, что Кубань должна быть самостоятельнымъ государствомъ, которое должно объединиться на федеративныхъ основаніяхъ съ такими же самостоятельными государствами — Украиной, Крымомъ, Дономъ, Терекомъ, союзомъ Кавказскихъ горскихъ народовъ, Грузіей, и сюда же должны постепенно примыкать и освобождаемыя отъ большевиковъ части Россіи; что во главѣ этого союза долженъ стать Верховный Совѣтъ.

Рада большинствомъ голосовъ высказалась за самостоятельность Кубанскаго государства.

Представители Добровольческой арміи изъ состава рады были генераломъ Деникинымъ отозваны.

Руководители кубанской политики на открытый разрывъ не пошли; была назначена особая согласительная комиссія, но и она ни до чего договориться не могла.

Съ этого времени началась открытая борьба самостійныхъ представителей кубанскаго казачества съ правительствомъ (Особымъ Совѣщаніемъ) генерала Деникина.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Послѣ упорныхъ боевъ, длившихся съ іюня до декабря 1918 года, Добровольческая армія, совмѣстно съ кубанскими казачьими частями, очистила отъ большевиковъ всю Кубанскую область, Черноморскую губернію съ Новороссійскимъ портомъ и большую часть Ставропольской губерніи. Во время этихъ боевъ потери съ обѣихъ сторонъ были велики.

Къ осени 1918 года стало замѣчаться среди большевистскихъ войскъ проявленіе большей дисциплины, поддерживаемой самыми жестокими мѣрами. Большевистскія части научились драться съ большимъ упорствомъ и стали проявлять большую наступательную энергію.

Въ значительной степени этому способствовалъ страхъ попасть въ плѣнъ, такъ какъ, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя высшимъ начальствомъ, съ плѣнными наши войска расправлялись съ большой жестокостью.

Кромѣ того, перспектива отхода, въ случаѣ неудачи, въ глубь Астраханскихъ степей, гдѣ ихъ ожидала голодная смерть, придавала имъ стойкость и упорство въ бояхъ.

Затяжной характеръ операцій являлся отчасти слѣдствіемъ крайняго утомленія войскъ Добровольческой арміи *), ведшихъ изо дня въ день, въ теченіе 8 мѣсяцевъ,

*) При дальнѣйшемъ изложеніи, говоря „Войска Добровольческой арміи", я буду подразумѣвать также кубанскія, терскія и астраханскія казачьи части, а также горскія части, какъ составлявшія одно цѣлое съ Добровольческой арміей.

упорные бои и при томъ безъ всякой смѣны свѣжими частями. Даже очень успѣшные бои не заканчивались полнымъ разгромомъ противника за отсутствіемъ свѣжихъ силъ для преслѣдованія. Наконецъ, хронически не хватало патроновъ и снарядовъ. Въ первый періодъ Добровольческая армія добывала ихъ путемъ захвата у тѣхъ же большевиковъ. Позднѣе сталъ приходить на помощь Донъ, но въ размѣрахъ, совершенно не соотвѣтствующихъ потребности. Въ теченіе сентября мѣсяца были дни почти полнаго отсутствія патроновъ и снарядовъ.

Въ результатѣ этой длительной и тяжелой операціи, силы большевиковъ, насчитывавшія не менѣе ста тысячъ хорошо вооруженныхъ и обильно снабженныхъ припасами бойцовъ, были надломлены. Появились симптомы начавшагося разложенія въ ихъ войскахъ. Начались массовыя сдачи въ плѣнъ, ссоры между старшими начальниками, обвинявшими другъ друга въ неудачахъ, въ предательствѣ и т. п.

Въ ноябрѣ долгожданная эскадра союзниковъ вошла въ Черное море, и явилась надежда на скорое полученіе обмундированія, вооруженія и боевыхъ припасовъ.

Присланные къ генералу Деникину военные представители Англіи и Франціи заявили отъ имени своихъ правительствъ, что Англія и Франція рѣшили поддержать генерала Деннкина въ его борьбѣ противъ большевиковъ и что въ ближайшемъ будущемъ въ Новороссійскъ прибудутъ транспорты со всѣмъ необходимымъ для армій юга Россіи.

Побѣда Державъ Согласія въ міровой войнѣ, крушеніе Германіи и въ связи съ этимъ уходъ нѣмцевъ изъ раіоновъ какъ Европейской Россіи, такъ и Кавказа, занятіе англичанами Баку, появленіе флота союзниковъ въ Черномъ морѣ и высадка англичанъ въ Батумѣ, все это, казалось, должно было въ недалекомъ будущемъ измѣнить какъ общую политическую обстановку на всемъ югѣ Россіи, такъ въ частности и въ Закавказьѣ.

Политика Германіи послѣ Брестъ-Литовскаго договора была построена на раздѣленіи Россіи на отдѣльныя ча-

сти, на уничтоженiи ея, какъ Великой Державы, на разжиганiи медуусобицы и поддержанiи искусственно вызванной классовой борьбы.

Съ побѣдой Державъ Согласiя и съ распаденiемъ Державъ Центральнаго Союза надо было ожидать совершенно иного отношенiя со стороны союзниковъ къ Россiи.

На основанiи заявленiй прибывшихъ къ генералу Деникину военныхъ представителей Великобританiи и Францiи, а также сообщенiй, получавшихся изъ Парижа и Лондона, создавалось вполнѣ опредѣленное впечатлѣнiе, что союзники ясно опредѣлили свое отношенiе къ Россiи въ смыслѣ возсозданiя ея, какъ единой и недѣлимой. Представлялось, что только чисто Польскiя губернiи отойдутъ отъ бывшей Россiи для образованiя самостоятельной Польши.

Казалось, что только дабы облегчить переходъ къ единому правительству и спасти части Россiи отъ анархiи, союзниками выдвинули принципъ временнаго поддержанiя въ отдѣльныхъ областяхъ Россiи образовавшихся правительствъ, стоящихъ на платформѣ возсозданiя РоссIи.

* * *

Общее политическое состоянiе областей юга, юго-востока Россiи и Сибири, къ началу/серединѣ декабря 1918 года, было слѣдующее:

Украина. Послѣ разгрома Центральныхъ Державъ на западѣ, гетманъ Скоропадскiй измѣнилъ свою политику и призвалъ къ власти новый руссофильскiй кабинетъ съ С. Н. Гербелемъ во главѣ.

Послѣ изданiя гетманомъ грамоты о федерацiи съ Россiей, 5/18 ноября поднялось возстанiе украинскихъ «самостiйниковъ», возглавлявшихся бывшими членами украинской центральной рады — Петлюрой Винниченко и др.

Цѣлью возстанiя было сверженiе гетмана и провозглашенiе «социалистической Украинской народной республики» до прибытiя союзниковъ, дабы поставить ихъ передъ совершившимся фактомъ.

Во главѣ республики была объявлена «директорiя» въ составѣ Винниченко, Петлюры, Швеца и Андрiевскаго.

Въ цѣляхъ успѣшности возстанія и привлеченія въ свои ряды широкихъ народныхъ массъ «самостійники» вошли въ контактъ съ мѣстными большевиками и со всѣми другими политическими организаціями, недовольными дѣятельностью гетманскаго правительства.

Въ народныхъ массахъ Украины «украинское самостійное» движеніе сочувствія не встрѣчало, но на почвѣ общаго недовольства гетманскимъ правительствомъ, допускавшимъ, при возстановленіи правъ помѣщиковъ на землю, самыя жестокія репрессіи по отношенію крестьянъ, захватившихъ помѣщичьи земли и разграбившихъ экономіи и усадьбы, провозглашеніе лозунга «за землю и волю» привлекло крестьянскую массу и городскую чернь на сторону руководителей самостійнаго движенія.

Возможность вновь захватить землю помѣщиковъ, пограбить и отомстить за репрессіи, производившіяся подъ прикрытіемъ нѣмецкихъ штыковъ, толкнула массу на сторону Петлюры и Винниченко.

Въ германскихъ войскахъ, еще бывшихъ на Украинѣ, началось разложеніе и образовались свои «совѣты солдатскихъ депутатовъ». Эти «совѣты», провозгласившіе соціалистическіе лозунги, конечно, всячески поддерживали движеніе, возглавляемое Петлюрой и Винниченко. Но и отношеніе къ этому движенію со стороны представителей германскаго командованія, принявшаго участіе въ переговорахъ съ Петлюрой, давало основаніе предполагать, что созданіе анархіи на Украинѣ — въ интересахъ германцевъ.

Получалось впечатлѣніе, что германское командованіе способствуетъ анархіи, распространеніе которой можетъ поставить въ тяжелое положеніе войска Державъ Согласія, если они прибудутъ въ Малороссію.

Германія, лишенная возможности открыто продолжать борьбу съ Державами Согласія, естественно стремилась создать въ Россіи обстановку, при которой возможно было бы ей, въ скрытомъ видѣ, продолжать эту борьбу.

Отряды украинской директоріи, подъ предводительствомъ Петлюры, быстро заняли Харьковъ, Екатеринославъ,

Полтаву, Одессу и рядъ важныхъ желѣзнодоржныхъ станцій, окруживъ кольцомъ и Кіевъ.

Гетманъ, находясь въ Кіевѣ, передалъ всю полноту власти на Украинѣ генералу графу Келлеру, принявшему, съ согласія генерала Деникина, незадолго до того командованіе сѣверной арміей (въ раіонѣ Пскова) и не успѣвшему выѣхать изъ Кіева.

Порядокъ въ Кіевѣ и другихъ крупныхъ центрахъ до ихъ паденія поддерживался почти исключительно малочисленными добровольческими дружинами. Сформированныя при гетманѣ на Украинѣ воинскія части совершенно разложились.

Черезъ нѣсколько дней графъ Келлеръ отказался отъ этого поста, мотивируя тѣмъ, что совѣтъ украинскихъ министровъ не захотѣлъ ему подчиниться. Его мѣсто занялъ генералъ лейтенантъ князь Долгоруковъ, а 1/14 декабря 1918 г. гетманъ Скоропадскій, не будучи въ состояніи справиться съ движеніемъ, отрекся отъ гетманства и, при содѣйствіи нѣмцевъ, выѣхалъ изъ Кіева.

4/17 декабря Кіевъ былъ занятъ войсками Директоріи.

Директорія принялась за гоненіе всего русскаго.

Отношеніе директоріи къ идеѣ федераціи съ Россіей опредѣлилось въ слѣдующемъ приказѣ:

«Предоставляя украинскому рабочему народу полное обезпеченіе независимости національнаго развитія, Директорія рѣшительно будетъ бороться съ провозглашенными бывшимъ гетманомъ лозунгами федераціи съ Россіей.

Директорія всѣми силами будетъ отстаивать независимость республики украинскаго народа.

Всякая агитація и пропаганда лозунговъ бывшаго гетмана о федераціи будетъ Директоріей караться по законамъ военнаго времени».

Издавъ декларацію о «землѣ и волѣ», возстановивъ дѣйствіе универсаловъ бывшей Центральной Рады о соціализаціи земли, новое правительство, какъ я уже сказалъ, привлекло первое время на свою сторону крестьянскія массы и городскую чернь.

Начались вновь разгромы экономій помѣщиковъ и владѣній зажиточныхъ крестьянъ и казаковъ по всей Малороссіи.

Для сверженія гетмана Директорія стала на путь, близкій къ большевизму, и вскорѣ стала подпадать подъ вліяніе большевизма сначала внутренняго, а затѣмъ и внѣшняго. Всюду появились совѣты рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ и возобновился красный терроръ по отношенію къ офицерамъ и интеллигенціи.

Со всѣхъ мѣстъ, угрожаемыхъ анархіей, къ командованію Добровольческой арміи стали поступать просьбы о помощи.

Для обезпеченія отъ захвата большевиками Донецкаго угольнаго раіона, а также обезпеченія отъ анархіи сѣвернаго побережья Азовскаго моря, въ началѣ/серединѣ декабря въ Донецкій бассейнъ была двинута изъ состава Добровольческой арміи одна пѣхотная дивизія.

6/19 декабря въ г. Одессѣ высадился дессантъ союзниковъ (части 56-й пѣхотной французской дивизіи), подъ начальствомъ генерала Боріусъ.

При поддержкѣ огня съ французскихъ судовъ, отрядъ русскихъ добровольцевъ — офицеровъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гришина-Алмазова, очистилъ городъ Одессу отъ бандъ петлюровцевъ.

Генералъ-маіоръ Гришинъ-Алмазовъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Одессы.

Высадка союзныхъ дессантовъ въ Одессѣ, а затѣмъ въ Крыму и освобожденіе, по ихъ настоянію, г. Николаева отъ петлюровскихъ бандъ германскими войсками, поставили передъ Украинской директоріей вопросъ объ отношеніяхъ ихъ къ союзникамъ.

Это въ директоріи вызвало расколъ; во главѣ партіи непримиримаго отношенія къ союзникамъ сталъ Винниченко, а за соглашеніе съ союзниками — Петлюра.

Крымъ. какъ самостоятельное государственное новообразованіе, началъ существовать съ прихода нѣмцевъ и изгнанія ими большевиковъ.

Образовавшееся правительство генерала Сулькевича опредѣленной политики не вело; подъ давленіемъ нѣмцевъ оно поддерживало мѣстные татарскіе элементы во вредъ русскому большинству. Образовавшійся татарскій парламентъ «Курултай» придерживался туркофильской оріентаціи.

Въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ была сдѣлана попытка объединиться съ Украиной; однако требованія послѣдней о полномъ подчиненіи Крыма встрѣтило отказъ послѣдняго. Разрывъ съ Украиной привелъ къ таможенной войнѣ.

Правительство Сулькевича, не пользовавшееся въ странѣ популярностью, пало съ оставленіемъ Крыма нѣмцами.

Новое правительство, во главѣ съ С. С. Крымомъ, обратилось къ командованію Добровольческой арміи съ просьбой прислать войска для обезпеченія края, какъ отъ вторженія большевиковъ извнѣ, такъ и для огражденія отъ возстаній мѣстныхъ большевиковъ.

Просьба была исполнена, и небольшіе отряды высажены въ Керчи и въ Севастополѣ.

Въ Крымъ былъ назначенъ особый командующій войсками; ему было поручено объявить мобилизацію въ Крыму офицеровъ и приступить къ формированію мѣстныхъ добровольческихъ отрядовъ.

Съ крымскимъ правительствомъ установились вполнѣ согласованныя дѣйствія.

Донъ. Послѣ геройской, упорной восьми-мѣсячной борьбы, донское казачество очистило отъ большевиковъ всю свою область, и къ серединѣ декабря 1919 года были даже заняты южные уѣзды Саратовской и Воронежской губерній.

Съ выдвиженіемъ части Добровольческой арміи въ Донецкій бассейнъ возникъ вопросъ о необходимости образовать единый фронтъ въ направленіи на сѣверъ и, въ связи съ этимъ, осуществить идею единаго командованія.

Благодаря воздѣйствію на атамана войска Донского начальника британской миссіи при Добровольческой арміи

генерала Пуль, генералъ Красновъ, наконецъ, согласился на подчиненіе Донской арміи главнокомандующему Добровольческой арміи, и 26 декабря 1918 г./8 января 1919 г. генералъ Деникинъ отдалъ приказъ, что по соглашенію съ атаманами Войскъ Донского и Кубанскаго онъ вступилъ въ командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими на югѣ Россіи.

Терская область. Въ концѣ октября около пяти тысячъ казаковъ, не желавшихъ признать большевистскую власть, пройдя черезъ Кабарду, присоединились къ Добровольческой арміи.

Къ концу декабря Терская область находилась еще подъ властью большевистскаго правительства, образовавшагося во Владикавказѣ; многіе раіоны области къ этому времени находились въ полной анархіи, вытекавшей изъ сложныхъ взаимоотношеній между казаками и горцами.

Закавказье. Образовавшійся въ 1917 году въ Закавказьѣ высшій органъ власти — Закавказскій Сеймъ не призналъ совѣтскую власть и заключенный ею Брестскій договоръ, по которому къ Турціи должны были отойти Карская область и Батумскій округъ.

Для заключенія мира съ Турціей 17 февраля/2 марта 1918 г. въ Трапезондъ сеймомъ была командирована делегація съ Чхенкели во главѣ.

Переговоры затянулись, и 28 марта/10 апрѣля турки предъявили делегаціи Чхенкели ультиматумъ: признать Брестскій договоръ, или провозгласить отдѣленіе отъ Россіи, какъ основу для начала переговоровъ о перемиріи.

Первоначальное согласіе Чхенкели признать Брестскій договоръ вызвало расколъ въ Закавказскомъ сеймѣ.

Послѣ этого, по иниціативѣ того же Чхенкели, сеймъ 1/14 апрѣля провозгласилъ Закавказье независимой федеративной республикой.

Провозглашеніе независимости Закавказья развязало руки Турціи, она отказалась признать Брестскій договоръ и предъявила новыя требованія. Она потребовала присоединенія къ ней половины Эриванской губерніи и части Тиф-

лисской и Кутаисской губерній. Въ подкрѣпленіе ультиматума турки двинули войска въ Закавказьѣ.

Грузинское правительство, заручившись согласіемъ Германіи обезпечить охрану границъ Грузіи нѣмецкими войсками, объявило независимость Грузіи.

13/26 мая, по предложенію грузинскаго правительства, Закавказскій сеймъ объявилъ себя распущеннымъ, и Закавказье распалось на три самостоятельныхъ республики: Грузію, Азербейджанъ и Арменію.

Грузія. 13/26 мая Грузія объявила себя самостоятельной соціалистической республикой подъ протекторатомъ Германіи.

Дѣятельность грузинскаго правительства, съ первыхъ же дней его существованія, ознаменовалась преслѣдованіемъ всего русскаго. Все оставшееся имущество Кавказскаго фронта было объявлено собственностью Грузіи.

Гоненію подверглось въ первую очередь русское офицерство и русскіе чиновники. Былъ проведенъ законъ о принудительномъ гражданствѣ въ Грузіи. Пользуясь поддержкой Германіи, Грузія заняла противъ воли населенія Абхазію и Сочинскій округъ Черноморской губерніи, откуда начался вывозъ продуктовъ въ Грузію и въ Германію.

Азербейджанъ. Азербейджанская республика занимала Елисаветпольскую губернію, Бакинское градоначальство и Закатальскій округъ.

Съ распаденіемъ общаго закавказскаго правительства власть перешла въ Азербейджанскій республикѣ къ Національному мусульманскому совѣту, выдѣлившему изъ своего состава правительство изъ партіи Муссаватъ (буржуазно — умѣренная, туркофильскаго направленія) во главѣ съ ханомъ Хойскимъ.

Съ углубленіемъ турокъ въ Закавказіи оно потеряло свое значеніе, и власть въ странѣ фактически перешла къ турецкому командованію въ Елисаветполѣ.

Арменія. Несмотря на оккупацію Арменіи турками, она неизмѣнно стремилась сохранить вѣрность Россіи и имѣла своего представителя при Добровольческой арміи.

Сибирь. На государственномъ совѣщаніи въ Уфѣ, съ 26 августа по 23 сентября/8 сентября по 6 октября, въ которомъ участвовали представители всѣхъ восточныхъ частей Россіи, освобожденныхъ отъ власти большевиковъ, члены учредительнаго собранія 1917 года и представители различныхъ политическихъ партій и организацій, было избрано и назначено «всероссійское» правительство. Въ составъ провозглашенной директоріи вошли: Н. И. Астровъ *), Н. Д. Авксентьевъ, генералъ Болдыревъ, П. В. Вологодскій и Н. В. Чайковскій. Замѣстителями имъ были выбраны: В. А. Аргуновъ, М. В. Алексѣевъ, В. В. Сапожниковъ, В. М. Зензиновъ и В. А. Виноградовъ.

18 ноября/1 декабря нами было получено извѣстіе отъ Русскаго посла въ Афинахъ о происшедшемъ государственномъ переворотѣ въ Омскѣ. Директорія была распущена, и вся полнота власти перешла къ адмиралу Колчаку.

* * *

Въ серединѣ декабря 1918 года командованіе Добровольческой арміей ставило себѣ первой задачей очистить отъ большевиковъ Сѣверный Кавказъ и Ставропольскую губернію. Представлялось необходимымъ прежде всего установить въ этомъ краѣ полный порядокъ и нормальныя условія жизни.

Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ тылъ и получивъ въ этомъ раіонѣ, вмѣстѣ съ Кубанской и Донской областями, богатѣйшую продовольственную базу, какъ для арміи, такъ и для голодающихъ раіоновъ центральной Россіи, было рѣшено приступить къ операціямъ для освобожденія отъ большевиковъ Европейской Россіи.

Командованіе Добровольческой арміей всегда считало, что освобожденіе Россіи отъ большевиковъ должно быть сдѣлано русскими руками, при помощи исключительно русской вооруженной силы.

---

*) Н. И. Астровъ въ Сибирь не поѣхалъ, а, прибывъ въ Екатеринодаръ, вошелъ въ составъ Особаго Совѣщанія при генералѣ Деникинѣ. Н. В. Чайковскій былъ потомъ въ составѣ правительства при генералѣ Миллерѣ.

Участіе военной силы союзниковъ признавалось крайне желательнымъ лишь для поддержанія порядка на той территоріи юга и юго-запада Россіи, которая будетъ очищена для формированія русской арміи.

Считалось, что занятіе на этой территоріи главнѣйшихъ центровъ вооруженными силами союзныхъ державъ дало бы возможность имѣвшимися въ распоряженіи командованія Добровольческой арміи силами обезпечить эту территорію отъ покушеній большевиковъ извнѣ, а на ней спокойно произвести мобилизацію и формированіе новой арміи. Присутствіе союзныхъ вооруженныхъ силъ должно было ускорить возстановленіе нормальной и спокойной жизни, а также работу торгово-промышленнаго аппарата.

Командованіе Добровольческой арміи разсчитывало, что при полученіи отъ союзниковъ необходимой матеріальной части въ теченіе января и февраля 1919 г. и при обезпеченіи ими, при помощи своихъ вооруженныхъ силъ, порядка и спокойствія въ тылу Добровольческой арміи, формированіе и организацію новой арміи можно закончить къ маю мѣсяцу 1919 г. и затѣмъ приступить, въ полномъ согласіи съ адмираломъ Колчакомъ, къ послѣдовательному очищенію Россіи отъ большевиковъ.

* * *

Въ серединѣ декабря начались крупные успѣхи на Терскомъ фронтѣ Добровольческой арміи.

Послѣ ряда блестящихъ побѣдъ была захвачена желѣзно-дорожная линія Святой Крестъ — Георгіевскъ.

7/20 января 1919 г. была занята группа Минеральныхъ Водъ.

Ударъ, нанесенный по важнѣйшимъ коммуникаціоннымъ сообщеніямъ противника, привелъ къ полному разгрому его арміи. Она разбилась на отдѣльныя группы, лишенныя единства командованія и связи между собой.

Большая часть разстроенныхъ большевистскихъ частей бросилась на юго-востокъ вдоль желѣзной дороги на Владикавказъ, гдѣ была встрѣчена терскими войсками генералъ-маіора Колесникова *).

*) Войска генералъ-маіоръ Колесникова, оперировавшія въ районѣ Петровска и къ югу отъ Кизляра и Грознаго, состояли изъ бывшаго

Одновременно колонна англичанъ, высадившаяся въ Петровскѣ, была направлена вдоль желѣзной дороги на Грозный, который большевики начали эвакуировать.

26 января/8 февраля былъ занятъ войсками Добровольческой арміи Владикавказъ и Грозный и фактически закончилось очищеніе отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа.

Въ связи съ очищеніемъ отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа, намѣчавшейся переброской частей Добровольческой арміи въ Малороссію и распространеніемъ вліянія на западъ, было предположено Ставку и центральныя управленія перевести въ февралѣ мѣсяцѣ въ Севастополь.

Этотъ переводъ признавался желательнымъ и по внутреннимъ политическимъ соображеніямъ. Нахожденіе Ставки и центральныхъ управленій Добровольческой арміи въ Екатеринодарѣ создавало все болѣе и болѣе тяжелую атмосферу въ отношеніяхъ съ кубанскими политическими дѣятелями. Была увѣренность, что, при переходѣ на неказачью территорію, повседневныя мелкія дрязги и недоразумѣнія отпадутъ и отношенія наладятся.

Но, съ одной стороны, встрѣтился совершенно неожиданный протестъ противъ перехода Ставки въ Севастополь со стороны французскаго командованія, а съ другой стороны, что главнымъ образомъ и измѣнило первоначальное намѣреніе, этому помѣшали событія на фронтѣ.

На Донецкомъ фронтѣ неудачи начались еще въ серединѣ/концѣ декабря 1918 года, когда, послѣ ряда серьезныхъ боевъ, донцамъ пришлось очистить почти полностью занятые ими раньше уѣзды Воронежской и Саратовской губерній.

Въ теченіе января неуспѣхи на Донскомъ фронтѣ продолжались, и донцы, подъ давленіемъ большевиковъ,

---

отряда полковника Бичерахова и различныхъ мѣстныхъ, Терскихъ и туземныхъ формированій.

Генералъ-маіоръ Колесниковъ, еще до соединенія съ Добровольческой арміей, прислалъ донесеніе, что онъ съ отрядомъ считаетъ себя подчиненнымъ генералу Деникину.

отошли на своихъ сѣверномъ и восточномъ участкахъ фронта, а также очистили ст. Миллерово и г. Бахмутъ.

Собравшійся въ Новочеркасскѣ большой войсковой кругъ выразилъ недовѣріе командующему Донской арміи, и войсковой атаманъ, генералъ Красновъ, считая, что этимъ выражается недовѣріе и ему, подалъ 1/14 февраля въ отставку.

6/19 февраля донскимъ атаманомъ былъ выбранъ генералъ Богаевскій.

Въ теченіе февраля и марта усиленные бои продолжались по всему фронту Донской арміи, которая постепенно отходила къ югу, и на фронтѣ Добровольческой арміи въ Донецкомъ угольномъ бассейнѣ, которымъ большевики стремились овладѣть.

Угольный Донецкій бассейнъ частямъ Добровольческой арміи удалось отстоять; донцы же къ концу марта принуждены были отойти къ переправамъ на р. Манычѣ.

Большевистское командованіе, сумѣвшее къ этому времени создать значительную по численности армію, одновременно съ направленіемъ главныхъ силъ противъ казачества и Добровольческой арміи повело наступленіе отъ Екатеринослава и Харькова на Крымъ и приступило къ очищенію правобережной Мароссіи отъ петлюровскихъ бандъ.

Ошибочная политика французскаго командованія въ Одессѣ, не допуствшаго командованіе Добровольческой арміи создать въ раіонѣ Одессы прочную армію, привело къ тому, что, ко времени наступленія большевиковъ на Херсонъ и Одессу, въ этой зонѣ, кромѣ французскихъ и греческихъ войскъ, была только слабая по численности русская бригада генерала Тимановскаго.

При наступленіи большевиковъ на Украину, украинская директорія объявила войну совѣтской Россіи и, черезъ командированнаго въ Одессу генерала Грекова, вступила въ переговоры съ французскимъ командованіемъ. Послѣднее, запутавшись въ сложной политической обстановкѣ въ Одессѣ, повѣрило заявленію директоріи (находившейся въ то время въ Винницѣ), что она, опираясь на довѣріе къ ней крестьянства, выставитъ пятисоттысячную армію. Но ди-

ректорія ничего серьезнаго создать не могла, и выставленное ею ополченіе почти безъ сопротивленія отходило передъ войсками совѣтскаго правительства.

26 февраля/11 марта большевики аттаковали французскія войска у города Херсона. Французы и небольшой греческій отрядъ очистили Херсонъ и Николаевъ и на транспортахъ отошли къ Одессѣ.

Директорія переѣхала въ Тарнополь.

Неудача подъ Херсономъ, гдѣ союзники потеряли 400 человѣкъ (въ томъ числѣ 14 офицеровъ), произвела тяжелое впечатлѣніе на французское командованіе.

Къ этому времени въ Одесскомъ раіонѣ находились:

а) Части вооруженныхъ силъ юга Россіи: бригада генерала Тимановскаго — 3350 штыковъ, 1600 сабель, 18 легкихъ орудій, 8 гаубицъ и 6 броневыхъ машинъ.

б) Союзныя войска: двѣ французскихъ, двѣ греческихъ и часть румынской дивизіи, всего 30—35 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Противъ этихъ силъ, со стороны большевиковъ, дѣйствовало два совѣтскихъ полка мѣстнаго формированія и рядъ многочисленныхъ, наскоро организованныхъ отрядовъ, всего не болѣе 15 тысячъ штыковъ и сабель.

Послѣ занятія большевиками Херсона, вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій мѣстнаго французскаго командованія, большевики одержали рядъ частныхъ успѣховъ, несмотря на численное превосходство войскъ союзниковъ.

Опасаясь потерь и, повидимому, не вполнѣ увѣренное въ устойчивости своихъ войскъ, французское командованіе рѣшило, по опыту Салоникскаго укрѣпленнаго раіона, создать въ Одесскомъ раіонѣ «укрѣпленный лагерь».

15/28 марта было приступлено къ инженернымъ работамъ.

До 20 марта/2 апрѣля не было абсолютно никакихъ признаковъ, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ Одесскаго раіона.

Вечеромъ 20 марта/2 апрѣля французское командованіе въ Одессѣ получило директивы изъ Парижа и 21 марта/

3 апрѣля заявило начальнику штаба русскихъ войскъ въ Одессѣ, что отъ г. Пишона получена телеграмма о выводѣ всѣхъ войскъ изъ предѣловъ Россіи въ трехдневный срокъ.

Генералъ Д'Ансельмъ, командовавшій союзными войсками въ южной Россіи, приказалъ закончить эвакуацію Одессы въ 48 часовъ.

Эвакуація какъ русскихъ учрежденій, бывшихъ въ Одессѣ, и гражданскаго населенія, такъ и французскихъ войскъ, началась 21 марта/3 апрѣля и носила сумбурный, паническій характеръ.

23 марта/5 апрѣля въ Одессѣ уже хозяйничалъ мѣстный совѣтъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ.

Послѣднія французскія суда покинули рейдъ Одессы 26 марта/8 апрѣля; такимъ образомъ закончить эвакуацію въ 48-ми часовый срокъ, естественно оказалось невозможнымъ.

Назначенный чрезмѣрно короткій срокъ эвакуаціи Одессы отнюдь не вызывался обстановкой — ни военной, ни политической и могъ быть смѣло увеличенъ до недѣли, въ теченіе которой, при спокойныхъ и надлежащихъ распоряженіяхъ, можно было бы упорядочить эвакуацію, вывезти всѣхъ бѣженцевъ и наиболѣе цѣнное имущество.

При этой же эвакуаціи, носившей характеръ паническаго постыднаго бѣгства, тяжело пострадало лойяльное населеніе города и въ особенности семьи чиновъ Добровольческой арміи. Брошенныя на произволъ судьбы, потерявъ послѣднее свое достояніе, онѣ въ небольшомъ лишь числѣ, голодныя и нищія, спаслись на транспортахъ. Большая же часть ихъ была брошена и обречена на всѣ ужасы большевистскаго насилія.

Бригада генерала Тимановскаго принуждена была отойти въ Румынію, гдѣ по распоряженію французскихъ властей была обезоружена и затѣмъ, испытавъ массу униженій и оскорбленій, была на транспортахъ доставлена въ Новороссійскъ.

Изъ англійскихъ источниковъ мы впослѣдствіи получили свѣдѣнія, что эвакуація Одессы, вопреки мнѣнію англичанъ, послѣдовала по постановленію Совѣта «Десяти»

въ Парижѣ, на основаніи донесеній генерала Д'Ансельма и полковника Фрейденберга (начальника штаба при генералѣ Д'Ансельмъ) о катастрофическомъ продовольственномъ положеніи и «прекрасномъ» состояніи большевистскихъ войскъ.

* * *

Еще въ концѣ декабря 1918 года небольшія части Добровольческой арміи были выдвинуты на сѣверъ Таврической губерніи для прикрытія сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи, сохраненіе которыхъ за нами представлялось крайне важнымъ, такъ какъ въ нихъ имѣлись богатые продовольственные запасы.

Съ оставленіемъ союзными войсками Херсона и Николаева, положеніе частей вооруженныхъ силъ юга Россіи, дѣйствовавшихъ въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Тавріи и защищавшихъ Крымскій полуостровъ, стало крайне тяжелымъ. На лѣвомъ берегу нижней части Днѣпра появились регулярныя совѣтскія войска, и бывшія въ этомъ раіонѣ разрозненныя грабительскія банды начали принимать правильную организацію; украинскія войска атамана Григорьева перешли на сторону большевиковъ.

Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, слабыя части Крымско-Азовской Добровольческой арміи принуждены были отойти на Крымскій полуостровъ.

Прорывъ нашего фронта у Перекопа и дессантъ противника, произведенный у Геническа, заставилъ части арміи продолжать отходъ и къ 1/14 апрѣля они заняли у Ѳеодосіи Акманайскую позицію, фланги которой обезпечивались огнемъ судовой артиллеріи русскихъ, французскихъ и британскихъ кораблей.

Непрочность положенія въ Крыму сознавалась и прибывшимъ въ Севастополь 13/26 марта генераломъ Франше Д'Эспере, который тогда указалъ, что надо постараться продержаться въ теченіе двухъ недѣль, послѣ чего французами будетъ оказана помощь.

Гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ двухъ батальоновъ 175-го пѣх. французскаго полка, одного батальона грековъ, двухъ батарей и небольшого числа вспомогатель-

ныхъ французскихъ войскъ; на берегу находился экипажъ сѣвшаго на мель французскаго корабля «Мирабо». На рейдѣ были французскія, британскія и греческія суда. Со дня на день ожидалось прибытіе колоніальныхъ французскихъ войскъ.

Французское командованіе заявило, что Севастополь ими оставленъ не будетъ.

30 марта/12 апрѣля прибыло 2 000 алжирцевъ, а 1/14 апрѣля столько же сенегальцевъ.

Командовалъ всѣми союзными частями французской службы полковникъ Труссонъ.

30 марта/12 апрѣля полковникъ Труссонъ и адміралъ Аметъ (командующій французской эскадрой) предложили коменданту крѣпости генералу Субботину, и командующему русскимъ флотомъ, адміралу Саблину, отдать распоряженіе, чтобы всѣ добровольцы, находящіеся въ Севастополѣ, и всѣ учрежденія Добровольческой арміи немедленно покинули Севастополь.

Эвакуація гражданскаго населенія началась еще 20 марта/2 апрѣля.

Около 2-хъ часовъ ночи со 2/15 на 3/16 апрѣля адміралъ Аметъ потребовалъ, чтобы всѣ суда, которыя предположено было увести въ Новороссійскъ, вышли въ море въ теченіе ночи и утра 3/16 апрѣля.

Днемъ 3/16 апрѣля ушелъ изъ Севастополя послѣдній русскій пароходъ «Георгій», на которомъ былъ штабъ крѣпости, и крейсеръ Кагулъ подъ флагомъ командующаго флотомъ.

Послѣ этого французы заключили съ большевиками недѣльное перемиріе, въ теченіе котораго закончили снятіе съ мели корабля «Мирабо», и затѣмъ оставили Севастополь.

* * *

Въ связи съ неудачами на фронтѣ начались волненія въ Сочинскомъ округѣ Черноморской губерніи, а 4/17 апрѣля и грузинскія войска перешли р. Бзыбь.

Главнокомандующій англійскими силами генералъ Мильнъ пригрозилъ грузинскому правительству, что если

наступленіе не будетъ прекращено, то онъ пошлетъ британскія войска. Инцидентъ былъ ликвидированъ.

* * *

Въ этотъ тяжелый для вооруженныхъ силъ юга Россіи періодъ положеніе на главномъ фронтѣ было спасено благодаря тому, что весь Сѣверный Кавказъ былъ очищенъ отъ большевиковъ и явилась возможность освободившіяся части Добровольческой арміи, Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ сосредоточить къ угрожаемымъ раіонамъ.

Большевики, къ апрѣлю мѣсяцу, сломивъ сопротивленіе донскихъ частей, подошли къ Манычу.

Это направленіе наступленія большевиковъ, грозившее разрѣзать на двѣ части вооруженныя силы юга Россіи, было наиболѣе опасно.

Генералъ Деникинъ все, что только возможно, сосредоточилъ на этомъ направленіи.

Положеніе было настолько серьезно, что въ Екатеринодарѣ, какъ общій резервъ, было приказано сформировать изъ тыловыхъ учрежденій офицерскій отрядъ, къ которому должны были быть приданы недавно передъ тѣмъ привезенные англичанами танки.

Группа войскъ, сосредоточенная на Манычѣ, подъ начальствомъ генерала барона Врангеля и подъ непосредственнымъ руководствомъ генерала Деникина, должна была рѣшить участь всей операціи.

Послѣ ряда ожесточенныхъ боевъ, преимущественно кавалерійскихъ, генералу Врангелю удалось 7/20 мая сломить противника, который сталъ отходить.

Явилась возможность усилить части, дѣйствовавшія въ Донецкомъ угольномъ раіонѣ.

* * *

Въ серединѣ/концѣ декабря 1918 года въ Батумѣ высадилась англійская дивизія, подъ начальствомъ генерала Форестье Уоккера, продвинувшаяся до Тифлиса.

Бакинскій раіонъ былъ занятъ англійскимъ отрядомъ подъ начальствомъ генерала Томсонъ, подчиненнаго генералу Форестье Уоккеру.

Въ Батумскую область, въ качествѣ генералъ-губернатора, былъ назначенъ британскій генералъ Кукъ-Коллисъ.

Отношеніе этихъ начальствующихъ лицъ къ вооруженнымъ силамъ юга Россіи было различное.

Въ Баку нашъ представитель встрѣтилъ къ себѣ сначала самое корректное отношеніе, и получалось впечатлѣніе, что съ русскими интересами въ Бакинскомъ раіонѣ англичане считаться будутъ.

Въ Тифлисѣ генералъ Форестье Уоккеръ съ самаго начала своего тамъ пребыванія сталъ опредѣленно на сторону грузинскаго правительства, поддерживая его въ разногласіяхъ съ командованіемъ вооруженныхъ силъ юга Россіи изъ-за Сочинскаго округа.

Въ Батумской области для управленія областью былъ образованъ при генералъ-губернаторѣ «Совѣтъ» въ составѣ 9 лицъ. Права вооруженныхъ силъ юга Россіи на Батумскую область англичанами совершенно не признавались, и ясно было, что они, оккупировавъ область, впредь до выясненія въ будущемъ вопроса о ея судьбѣ Державами Согласія, считаютъ только себя хозяевами въ ней.

Получалось отчетливое впечатлѣніе, что англичане собираются въ Закавказьѣ вести особую политику, поддерживая отдѣленіе отъ Россіи образовавшихся тамъ республикъ, а Батумъ, какъ вывозной портъ для нефти, насколько возможно дольше сохранить въ своихъ рукахъ.

* * *

Весенній періодъ 1919 года ознаменовался не только крупными неудачами на фронтѣ вооруженныхъ силъ юга Россіи, но и полнымъ разочарованіемъ въ размѣрахъ той помощи, которую мы ожидали отъ союзниковъ, основываясь на заявленіяхъ ихъ представителей при арміи.

Несмотря на рядъ телеграммъ, посылавшихся въ Англію военнымъ представителемъ Британіи, генераломъ Пуль, транспорты съ обѣщаннымъ матеріаломъ и вооруженіемъ не приходили.

3/16 февраля 1919 года прибылъ генералъ Бригсъ, замѣнившій генерала Пуль.

6/19 февраля прибылъ въ Новороссійскъ первый транспортъ съ вооруженіемъ, снаряженіемъ, одеждой и другимъ снабженіемъ; вслѣдъ за этимъ транспортомъ должны были придти другіе и доставить все необходимое по расчету на 250-тысячную армію.

Еще въ ноябрѣ 1918 года, согласно заявленію, сдѣланному генераломъ Бертело (былъ главнокомандующимъ арміями союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи) генералу Щербачеву (былъ военнымъ представителемъ генерала Деникина сначала въ Румыніи, а затѣмъ адмирала Колчака и генерала Деникина въ Парижѣ) для занятія важнѣйшихъ центровъ на югѣ Россіи было предположено двинуть двѣнадцать дивизій союзныхъ войскъ (французскихъ и греческихъ).

Присылка союзныхъ войскъ въ Одессу и Крымъ разсматривалась, какъ начало проведенія въ исполненіе намѣченнаго плана.

Послѣ же эвакуаціи Одессы и Крыма стало ясно, что на новую присылку союзныхъ войскъ мы разсчитывать не можемъ.

Намѣченный первоначально планъ спокойнаго формированія арміи въ раіонахъ, обезпеченныхъ союзными войсками и прикрытыхъ со стороны большевиковъ вооруженными силами юга Россіи, рухнулъ.

Послѣ пріѣзда въ Екатеринодаръ главнокомандующаго британскими войсками на ближнемъ Востокѣ, генерала Мильна *), стало ясно, что помощь союзниковъ ограничится присылкой снабженія для арміи и моральной поддержкой.

Размѣръ снабженія по расчету на 250 тысячную армію, на первый взглядъ, казался достаточнымъ, но если принять во вниманіе, что это снабженіе должно было прибывать постепенно, на протяженіи долгаго времени, то, при громадной убыли въ арміи (ранеными, убитыми, плѣнными и дезертирами), ясно было, какъ это впослѣдствіи и подтвердилось, что нѣкоторыхъ категорій снабженія, особенно обмундированія, должно было не хватить.

*) Весной 1919 года.

Передъ командованіемъ вооруженныхъ силъ юга Россіи стала задача выполнить тотъ же планъ по освобожденію отъ большевиковъ Россіи, но въ несравненно болѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ это намѣчалось первоначально.

Положеніе затруднялось еще тѣмъ, что съ потерей Одессы, сѣвернаго побережья Чернаго моря и Крыма и невозможности разсчитывать на скорое возвращеніе обратно оставляемыхъ раіоновъ, утрачивалась надежда на скорое возстановленіе нормальной торгово-промышленной жизни края, а вмѣстѣ съ этимъ терялась возможность получить отъ союзниковъ кредитъ, безъ котораго являлось почти безнадежнымъ возсоздать и наладить нормальную жизнь въ Россіи.

* * *

Одесская добровольческая бригада генерала Тимановскаго, отошедшая въ Румынію при оставленіи Одессы французами, стала прибывать на судахъ въ Новороссійскъ 21 апрѣля/4 мая.

Въ результатѣ своихъ мытарствъ, прибывшія части бригады не имѣли ни одной лошади, ни одной походной кухни, ни одной повозки, ни одной палатки.

Артиллерія представляла только одинъ личный составъ.

Люди два мѣсяца не были въ банѣ и многіе два мѣсяца не мѣняли бѣлья. Вообще видъ людей былъ самый жалкій, ободранный.

Надо сказать правду — прибытіе въ такомъ видѣ бригады, работавшей подъ Одессой совмѣстно съ французами, отошедшей по ихъ же требованію въ Румынію и тамъ разоруженной, произвело удручающее впечатлѣніе и вызвало взрывъ негодованія противъ французовъ.

* * *

Къ маю вся Малороссія снова превратилась въ театръ гражданской войны. Въ ней боролись самыя разнообразныя теченія, объединенныя лишь общей ненавистью къ совѣтской власти и къ установленному ею режиму.

Наиболѣе крупными возстаніями противъ совѣтской

власти руководили на югѣ Малороссіи — Григорьевъ (первоначально ставшій на сторону совѣтской власти) и Махно.

Возстанія въ Екатеринославской губерніи облегчали боевую работу Добровольческой арміи въ Донецкомъ каменноугольномъ раіонѣ.

Появленіе, въ первыхъ числахъ мая, въ этомъ раіонѣ танковъ произвело ошеломляющее впечатлѣніе на дрогнувшія совѣтскія войска.

Въ общемъ, періодъ съ 21 апрѣля/4 мая по 15/28 мая ознаменовался полнымъ разгромомъ красныхъ на р. Манычѣ и въ каменноугольномъ Донецкомъ раіонѣ.

Кавказская армія, подъ начальствомъ генерала Врангеля, одержала рядъ серьезныхъ успѣховъ на Царицынскомъ направленіи.

Послѣ 15/28 мая боевые успѣхи продолжали развиваться на всѣхъ фронтахъ армій юга Россіи.

Преслѣдуя разбитаго на линіи Манычскихъ озеръ противника, части Кавказской арміи къ 31 мая/12 іюня подошли къ самому городу Царицыну. Послѣ упорныхъ боевъ 17/30 іюня, заранѣе укрѣпленная красными позиція была взята, и г. Царицынъ былъ занятъ арміей генерала Врангеля.

На фронтѣ Донской арміи донцы вошли въ связь съ возставшими казаками Верхне-Донского округа, а къ 15/28 іюня очистили отъ большевиковъ всю свою область.

Къ этому же времени были очищены отъ большевиковъ большая часть губерній Харьковской (Харьковъ былъ нами занятъ 11/24 іюня) и Екатеринославской и почти вся территорія Крыма. Развивая достигнутые успѣхи, наши части вступили въ предѣлы Саратовской, Тамбовской, Воронежской и Полтавской губерній.

Столь успѣшному продвиженію нашихъ войскъ въ значительной степени способствовала начавшаяся деморализація совѣтскихъ войскъ.

Получалось впечатлѣніе, что сопротивленіе большевиковъ окончательно сломлено и что они не въ силахъ сдерживать наступленіе нашихъ войскъ на сѣверъ.

Но главнокомандующій и его штабъ отлично понимали, что наше положеніе недостаточно прочно, такъ какъ фронтъ Добровольческой арміи страшно растянулся, вездѣ былъ слабъ и не было свободныхъ резервовъ.

Съ одной стороны требовалось остановиться, пополнить убыль въ рядахъ, образовать резервы, привести въ порядокъ тылъ; но съ другой стороны, рискованно было давать противнику передышку, являлся соблазнъ развивать успѣхъ, не давать оправиться разстроеннымъ частямъ войскъ совѣтскаго правительства.

Послѣ занятія Харькова и Царицына, для развитія дальнѣйшихъ операцій, можно было поступить двояко:

Перейдя къ оборонѣ у Царицына, взять изъ состава Кавказской арміи генерала Врангеля все, что только возможно (считали, что можно взять 3 — 4 конныхъ дивизіи), перевезти ихъ на Харьковскій фронтъ и развивать наступленіе по кратчайшему направленію на Москву.

Или же, перейдя къ оборонѣ на Харьково-Московскомъ направленіи, развивать операціи отъ Царицына на Саратовъ, съ цѣлью занятія этого важнаго пункта и затѣмъ уже, съ юга-востока, перейти въ наступленіе на Москву.

Первое рѣшеніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, сулило болѣе быстрое занятіе Москвы и скорѣйшее завершеніе борьбы.

Другіе же считали, что лучше принять второе рѣшеніе, которое дастъ возможность оказать болѣе дѣйствительную помощь арміямъ адмирала Колчака и, кромѣ того, облегчить пополненіе и приведеніе въ порядокъ Добровольческой арміи, которая, когда обстановка потребуетъ, перейдетъ въ наступленіе на Москву съ юга.

Генералъ Деникинъ приказалъ командующему Кавказской арміей генералу Врангелю начать операціи въ направленіи на Саратовъ.

Командующему Добровольческой арміей генералу Май Маевскому приказано было, не зарываясь впередъ, продвинуть къ сѣверу и западу авангарды для надежнаго прикрытія Харьковскаго раіона и принять самыя энергичныя мѣры для пополненія арміи и для устройства ея тыла.

Несмотря на благопріятное развитіе военныхъ операцій на всѣхъ фронтахъ армій юга Россіи, внутреннее политическое состояніе къ 1/14 іюня приняло крайне тревожное положеніе.

По мѣрѣ отдаленія большевистской опасности, политическіе дѣятели казачьихъ областей стали проявлять все большее и большее стремленіе отдѣлаться отъ какого бы то ни было вмѣшательства генерала Деникина и состоящихъ при немъ органовъ власти въ государственную жизнь казачьихъ областей. Затѣмъ политическіе дѣятели казачьихъ областей указывали, что такъ какъ казачество въ рядахъ вооруженныхъ силъ юга Россіи является по численности главной силой, на которую опирается главное командованіе, то оно не только имѣетъ право, но должно принимать непосредственное участіе въ государственномъ строительствѣ въ освобождаемыхъ отъ большевиковъ раіонахъ Россіи.

Будучи совершенно несогласными съ конструкціей власти, установленной генераломъ Деникинымъ и отрицая правильность назначенія министровъ (начальниковъ управленій) единоличной властью главнокомандующаго, они продолжали настаивать на созданіи юго-восточнаго союза, со включеніемъ въ него и Кавказскихъ государственныхъ новообразованій. Добровольческая же армія, по ихъ мнѣнію, могла войти въ составъ союза, лишь какъ равноправный членъ.

При этихъ условіяхъ значеніе командованія Добровольческой арміи совершенно обезличивалось бы, и являлось серьезное опасеніе, что цѣли и идеи борьбы съ большевиками, по возсозданію Единой-Великой Россіи, провозглашенные адмираломъ Колчакомъ и генераломъ Деникинымъ, будутъ совершенно извращены.

Генералъ Деникинъ, не отрицая необходимости договориться съ казачествомъ и устранить всѣ тренія, не соглашался на разрѣшеніе вопроса въ томъ видѣ, какъ предлагали представители казачества, и отношенія между ними и командованіемъ все болѣе и болѣе портились.

Не возражали представители казачества лишь противъ полнаго подчиненія казачьихъ войскъ генералу Деникину въ оперативномъ отношеніи. Но и здѣсь чувствовалась возможность въ будущемъ серьезныхъ недоразумѣній: среди политическихъ дѣятелей казачества было много такихъ, которые свои личные и мѣстные интересы ставили выше интересовъ государственныхъ, и которые не возражали противъ полнаго подчиненія казачьихъ воинскихъ частей ген. Деникину только вслѣдствіе того, что знали, что весь казачій командный составъ будетъ подчиняться генералу Деникину и что этотъ вопросъ открыто они оставить не могутъ. Эти господа начали агитацію и пропаганду въ казачьихъ войскахъ и пытались проводить мысль, что казачество должно вести борьбу съ большевиками лишь до полнаго освобожденія казачьихъ областей отъ посягательствъ со стороны совѣтской власти.

Особое неудовольствіе и даже ненависть политическихъ дѣятелей казачьихъ войскъ было направлено противъ Особаго Совѣщанія, состоявшаго при генералѣ Деникинѣ и проводившаго въ жизнь программу, имъ провозглашенную.

Интересно отмѣтить, что этими лицами Особое Совѣщаніе никогда гласно не отождествлялось съ генераломъ Деникинымъ, какъ будто это былъ какой-то совершенно обособленный, зловредный органъ, проводившій свою, а не генерала Деникина, политику.

Но это понятно. Большинство изъ этихъ «политиковъ» были мелкіе мѣстные дѣятели, не отличавшіеся достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ и не смѣвшіе вступить въ открытую борьбу съ генераломъ Деникинымъ, за которымъ стояла не только Добровольческая армія, но и казачьи войска.

Зато Особое Совѣщаніе и его отдѣльные члены мѣшались съ грязью и противъ нихъ велась открытая и непримиримая борьба, какъ путемъ выступленій въ казачьихъ законодательныхъ учрежденіяхъ, такъ и путемъ печати и пропаганды въ раіонахъ казачьихъ областей.

Особенно старались представители такъ называемыхъ «самостійныхъ» круговъ кубанскаго казачьяго войска.

Серьезность создавшагося положенія въ тылу борющихся за освобожденіе Россіи армій не могло не безпокоить главное командованіе.

Прибывшая къ этому времени (25 мая/7 іюня) изъ Парижа делегація отъ политическаго совѣщанія, въ составѣ генерала Щербачева, Аджемова и Вырубова, освѣтила положеніе русскаго вопроса на мирной конференціи въ смыслѣ возможности признанія единаго Всероссійскаго правительства въ лицѣ Верховнаго Правителя адмирала Колчака, въ случаѣ признанія его всѣми борющимися противъ большевиковъ въ Россіи силами.

Подобное признаніе, несомнѣнно, повліяло бы на отношеніе правительствъ Державъ Согласія къ домогательствамъ отдѣльныхъ государственныхъ новообразованій въ отрицательную для нихъ сторону и тѣмъ самымъ вырвало бы почву изъ подъ ихъ ногъ.

Генералъ Деникинъ рѣшилъ признать адмирала Колчака и 30 мая/12 іюня отдалъ слѣдующій приказъ:

«Безмѣрными подвигами Добровольческой арміи, Кубанскихъ, Донскихъ и Терскихъ казаковъ и Горскихъ народовъ освобожденъ югъ Россіи, и русскія арміи неудержимо движутся впередъ къ сердцу Россіи.

Съ замираніемъ сердца весь русскій народъ слѣдитъ за успѣхами русскихъ армій, съ вѣрой, надеждой и любовью.

Но наряду съ боевыми успѣхами, въ глубокомъ тылу, зрѣетъ предательство на почвѣ личныхъ честолюбій, не останавливающихся передъ расчлененіемъ Великой, Единой Россіи.

Спасеніе нашей Родины заключается въ единой Верховной власти и нераздѣльномъ съ нею единомъ Верховномъ командованіи.

Исходя изъ глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой Родинѣ и ставя превыше всего ея счастіе, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ Верхов-

ному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русской арміи.

Да благословитъ Господь его крестный путь и да даруетъ спасеніе Россіи».

Къ сожалѣнію начавшіяся неудачи на Сибирскомъ фронтѣ аннулировали значеніе этого приказа.

* * *

Военный представитель Великобританскаго правительства при генералѣ Деникинѣ Бригсъ былъ замѣненъ генераломъ Хольманомъ.

Мы всѣ были крайне огорчены отъѣздомъ генерала Бригса, показавшаго себя искреннимъ другомъ Россіи и помогавшаго вооруженнымъ силамъ юга Россіи всѣмъ, чѣмъ только онъ могъ.

На прощальномъ обѣдѣ, дававшемся въ честь генерала Бригса 30 мая/12 іюня, онъ между прочимъ сказалъ: «Здѣсь въ Екатеринодарѣ творится великое дѣло. Дѣла на всѣхъ фронтахъ блестящи. Не то въ тылу. Здѣсь мелкіе политиканы занимаются мелкими интригами, въ то время какъ необходимо единство.... Я надѣюсь, что смогу принести Добровольческой арміи въ Лондонѣ большую пользу, чѣмъ я могъ бы сдѣлать, оставаясь въ Екатеринодарѣ».

Генералъ Хальманъ привезъ генералу Деникину письмо отъ военнаго министра Великобританіи Винстона Черчиля, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Цѣль пріѣзда генерала Хольмана — всяческимъ образомъ помочь Вамъ въ Вашей задачѣ сломить большевистскую тиранію».

Генералъ Хольманъ, какъ и французскіе военные представители, до самаго конца самымъ горячимъ образомъ поддерживалъ генерала Деникина.

* * *

Съ продвиженіемъ нашихъ армій вглубь Россіи сталъ на очереди вопросъ о возстановленіи въ освобождаемыхъ раіонахъ органовъ администраціи и разрушенныхъ въ корнѣ аппаратовъ мѣстнаго городского и земскаго самоуправленій.

Было отдано распоряженіе, чтобы немедленно послѣ освобожденія отъ большевиковъ новыхъ территорій назначалась на мѣста губернская и уѣздная администрація, устраивался судебный аппаратъ, формировались въ каждой губерніи бригады государственной стражи и возстанавливалась дѣятельность органовъ городского и земскаго самоуправленій.

Отчасти недостатокъ выбора для назначенія подходящихъ лицъ, а отчасти ничтожное денежное содержаніе, установленное для оплаты служащихъ, крайне затрудняло назначеніе на должности, и на отвѣтственныя мѣста часто попадали совершенно неподходящіе люди, или несправлявшіеся со своимъ дѣломъ, или бравшіе съ населенія взятки и допускавшіе всевозможныя злоупотребленія.

По этимъ же причинамъ, а также вслѣдствіе недостатка вооруженія и обмундированія, формированіе государственной стражи встрѣтило большія затрудненія, и порядокъ въ тылу не налаживался.

Нѣкоторыя затрудненія и недоразумѣнія вызвала попытка донского войскового круга установить свой порядокъ управленія въ тѣхъ раіонахъ Россіи, которые занимались Донской арміей. Это было тѣмъ опасно, что законы, проводившіеся черезъ донской кругъ, были отличны отъ законовъ, проводимыхъ главнокомандующимъ черезъ Особое Совѣщаніе.

Не допуская установленія разнообразнаго порядка управленія въ освобождаемыхъ смежныхъ губерніяхъ, генералъ Деникинъ принужденъ былъ 6/19 іюня отдать слѣдующій приказъ: «Всѣ занимаемыя на югѣ Россіи территоріи, лежащія внѣ предѣловъ областей казачьихъ войскъ, въ границахъ ихъ существованія до 28 октября/10 ноября 1917 года, поступаютъ въ управленіе Верховнаго Правителя Россіи, а временно — въ управленіе главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи».

Крупные успѣхи армій на фронтѣ омрачались донесеніями, что крестьяне освобожденныхъ отъ большевиковъ раіоновъ начинаютъ измѣнять свое первоначальное отношеніе къ арміи вслѣдствіе того, что во многихъ мѣстахъ нача-

лось, при помощи войскъ, возстановленіе въ правахъ помѣщиковъ.

Генералъ Деникинъ, 9/22 іюня, обратился къ командующимъ арміями со слѣдующей телеграммой: «По дошедшимъ свѣдѣніямъ, вслѣдъ за войсками при наступленіи въ очищенныя отъ большевиковъ мѣста являются владѣльцы, насильственно возстанавливающіе, нерѣдко при прямой поддержкѣ воинскихъ командъ, свои нарушенныя въ разное время права, прибѣгая при этомъ къ дѣйствіямъ, имѣющимъ характеръ сведенія личныхъ счетовъ и мести.

При томъ смятеніи и путаницѣ, которыя внесены въ жизнь гражданской войной и большевистскимъ владычествомъ, при полномъ разрушеніи судебнаго и административнаго аппаратовъ, воинскія части не могутъ принимать на себя обязанности разбираться съ должными гарантіями справедливости въ спорныхъ правовыхъ взаимоотношеніяхъ.

Власти обязаны въ переходное время, впредь до установленія законнаго порядка, предупреждать всякіе новые очевидные захваты правъ, не разрѣшая прежнихъ споровъ и не допуская насилія съ чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы оно ни дѣлалось.

Урегулированіе этого вопроса принадлежитъ законодательной власти.

Насильниковъ, какъ съ той, такъ и другой стороны буду привлекать къ суду. Всякія направленныя къ тому самочинныя, путемъ насилія, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ или группъ, должны пресѣкаться самымъ настойчивымъ образомъ. Иначе порядку не скоро суждено возстановиться; взаимное ожесточеніе будетъ расти, авторитетъ и популярность арміи падетъ; вмѣсто одного насилія появится другое, населеніе не будетъ видѣть въ войскахъ Добровольческой арміи избавителей отъ произвола, а пристрастныхъ заступниковъ за интересы одного класса въ ущербъ другимъ».

* * *

Въ связи съ признаніемъ генераломъ Деникинымъ власти адмирала Колчака, у главнокомандующаго состоя-

лось засѣданіе при участіи атамановъ и предсѣдателей правительствъ казачьихъ войскъ.

Представители казачьихъ войскъ не возражали противъ признанія адмирала Колчака Верховнымъ Главнокомандующимъ, но относительно признанія его Верховнымъ Правителемъ Россіи высказались, что рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ компетенціи законодательныхъ учрежденій областей. Вмѣстѣ съ этимъ представители казачества указали на то, что при созданіи Всероссійской власти и опредѣленія ея задачъ казачество считаетъ необходимымъ руководствоваться деклараціей Донского Войскового круга, объявленной 1/14 іюня. *)

***) Декларація Войскового Круга Всевеликаго Войска Донского.**

„Войсковой Кругъ Всевеликаго Войска Донского, прерывая свои работы до слѣдующей сессіи, считаетъ необходимымъ огласить во всеобщее свѣдѣніе основныя начала, коими онъ руководствуется въ дѣлѣ государственнаго строительства, и указать ближайшія задачи законодательства.

1) Главнѣйшей цѣлью въ настоящее время Войсковой Кругъ считаетъ рѣшительную борьбу съ большевизмомъ, поправшимъ законъ, разорившимъ трудовое состояніе народа и повергшимъ Россію въ бездну анархіи. Продолженіе этой борьбы, необходимой для спасенія Россіи, Кругъ мыслитъ въ условіяхъ вѣрности доблестнымъ Союзникамъ нашимъ и въ непремѣнномъ боевомъ сотрудничествѣ не только съ арміями Колчака, Деникина, казачествомъ и горцами, но и самимъ русскимъ народомъ, по мѣрѣ продвиженія боевыхъ силъ за предѣлы Войска.

2) Войсковой Кругъ считаетъ виновными въ постигшемъ Россію развалѣ главнымъ образомъ вдохновителей большевизма-комиссаровъ и такъ называемыхъ коммунистовъ, насилующихъ русскій народъ терроромъ въ своекорыстныхъ цѣляхъ, и не допускаетъ мысли о мести въ отношеніи къ широкимъ народнымъ массамъ, хотя бы и брошеннымъ въ братоубійственную бойню безумной рукой политическихъ проходимцевъ.

3) Будущую Россію Войсковой Кругъ мыслитъ, какъ единую свободную демократическую страну съ государственнымъ устройствомъ, какое будетъ дано ей волей и разумомъ самого народа на новомъ Учредительномъ Собраніи, которое должно быть созвано на началахъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, при тайномъ голосованіи. Войсковой Кругъ считаетъ, что это право—самому рѣшить свою судьбу—есть неотъемлемое достояніе русскаго народа, оправданное его страданіями, и не допускаетъ мысли, чтобы кто бы ни было и какимъ бы то ни было способомъ посягнулъ на это право.

4) Непремѣнными условіями будущаго устройства Россіи Кругъ считаетъ: а) государственную автономію съ правомъ законодательства по вопросамъ мѣстнаго значенія и правомъ заключенія областныхъ политическихъ, экономическихъ и національныхъ союзовъ, и б) правовой порядокъ, дѣйствительно обезпечивающій гражданскія свободы, огражденныя закономъ и системой управленія.

5) Неотложной задачей строительства жизни на мѣстахъ, по мѣрѣ продвиженія боевыхъ силъ за предѣлы Войска, Войсковой Кругъ считаетъ принятіе всѣхъ мѣръ къ незамедлительному возстановленію тамъ

Ясно было, что никакое признаніе адмирала Колчака не измѣнитъ запутаннаго положенія на югѣ Россіи до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся договориться съ казачествомъ.

Совѣщаніе, собранное генераломъ Деникинымъ, признало необходимымъ въ возможно ближайшее время достигнуть соглашенія между казачествомъ и представителями главнаго командованія по вопросамъ о созданіи на югѣ Россіи единой правительственной власти.

Для участія въ работахъ конференціи казачьихъ

нормальнаго правопорядка, основаннаго на законѣ, съ отмѣной исключительныхъ положеній, и возстановленіе органовъ земскаго и городского самоуправленія.

Непремѣннымъ условіемъ такого строительства жизни на мѣстахъ Кругъ считаетъ организацію временной, до Учредительнаго Собранія, Всероссійской власти, въ которой принимали бы участіе государственныя образованія, ведущія активную борьбу за возстановленіе Россіи.

6) Очередной задачей рабочаго законодательства, строительство котораго должно проходить въ сотрудничествѣ съ рабочимъ представительствомъ, Войсковой Кругъ ставитъ повышеніе производительности и обезпеченіе труда отъ эксплоатаціи государствомъ или капиталомъ. Въ частности основаніями рабочаго законодательства Войсковой Кругъ полагаетъ: а) право профессіональныхъ союзовъ для обезпеченія экономическихъ интересовъ рабочихъ, б) 8-ми часовой рабочій день въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, в) учрежденіе примирительныхъ камеръ и промысловыхъ судовъ, г) развитіе государственнаго страхованія рабочихъ, д) охрану здоровья трудящихся, въ частности женщинъ и дѣтей, и е) борьбу съ безработицей.

7) Кругъ уже принялъ законъ о землѣ, утвержденный на принципѣ, что земля принадлежитъ трудящимся на ней, и отчужденныя земли крупнаго и средняго частнаго землевладѣнія выдѣлилъ въ особый фондъ для надѣленія землей малоземельнаго и безземельнаго казачьяго и коренного крестьянскаго населенія Войска.

Убѣжденный въ исключительной политической важности земельной реформы, Кругъ считаетъ недопустимымъ рѣшеніе земельнаго вопроса за предѣлами Войска въ формѣ возвращенія дореволюціонныхъ земельныхъ отношеній, или ликвидацію земельныхъ отношеній революціоннаго времени въ порядкѣ административныхъ штрафовъ и изысканій.

8) Коренное крестьянское населеніе области Воойсковой Кругъ мыслитъ, какъ полноправный въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи элементъ, и озабоченъ вопросомъ объ обезпеченіи его права на участіе въ самоуправленіи и законодательствѣ.

9) Неотложной ближайшей заботой Войсковой Кругъ считаетъ заключеніе въ кратчайшій срокъ Юго-Восточнаго Союза, въ первую очередь съ Терекомъ и Кубанью, для укрѣпленія экономической мощи края и утвержденія кровью добытыхъ автономныхъ правъ, при дружномъ боевомъ содружествѣ съ Главнымъ Командованіемъ Юга-Россіи въ дѣлѣ осуществленія общихъ задачъ по возсозданію единой Великой Родины-Россіи.

10) Разработку законопроектовъ по содержанію настоящей деклараціи Кругъ поручаетъ правительству и комиссіи законодательныхъ предположеній Войскового Круга."

войскъ по созданію Южно-русской власти представителями отъ главнаго командованія были назначены: М. М. Федоровъ, Н. В. Савичъ, В. Н. Челищевъ, А. С. Щетининъ и В. П. Носовичъ.

Представители политическихъ группъ (Союза Возрожденія, Совѣта государственнаго объединенія и Всероссійскаго національнаго центра), съ цѣлью поддержать генерала Деникина и укрѣпить его положеніе, на объединенномъ засѣданіи 5/18 іюня приняли слѣдующую резолюцію:

«Пятаго іюня, собравшись въ торжественномъ объединенномъ засѣданіи, значительнѣйшія русскія политическія организаціи: Союзъ Возрожденія Россіи, Совѣтъ Государственнаго Объединенія Россіи и Всероссійскій Національный центръ засвидѣтельствовали общее согласіе взглядовъ и полное единодушіе въ высокой оцѣнкѣ историческаго акта, изданнаго генераломъ Деникинымъ 30 сего мая.

Названныя организаціи, объединяющія въ своемъ составѣ представителей самыхъ различныхъ партій и группъ и имѣющія свои развѣтвленія по всей странѣ, сомкнутымъ національнымъ фронтомъ встрѣчаютъ радостную и волнующую вѣсть о воскрешеніи Русскаго государства, какъ Единаго Цѣлаго. Видя въ этомъ событіи залогъ дальнѣйшаго исцѣленія, возрожденія и преуспѣянія Россіи, русскія политическія организаціи привѣтствуютъ генерала Деникина, въ самозабвенномъ подвигѣ служенія Россіи неуклонно сохранившаго идею единства Россіи и провозгласившаго ея государственное объединеніе подъ властью Верховнаго Правителя.

Политическія организаціи, собравшіяся въ настоящемъ засѣданіи, выражаютъ твердую увѣренность, что Верховный Правитель Россіи, торжественно возвѣстившій о своемъ обязательствѣ довести страну до Учредительнаго Собранія, имѣющаго заложить основы новой жизни согласно волѣ народа, будетъ привѣтствованъ широкими народными массами, какъ избавитель отъ тираніи большевиковъ и глава объединенной Россіи; Всероссійское же правительство, возглавляемое адмираломъ Колчакомъ, получитъ санкцію международнаго признанія.

Да здравствуетъ воскресшая Россія. Да здравствуетъ Единое Русское Государство и его доблестные вожди адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ, взявшіе на себя подвигъ возрожденія Россіи къ новой свободной жизни. Подписали: Предсѣдатель Національнаго центра Федоровъ, Предсѣдатель Совѣта государственнаго объединенія Россіи Кривошеинъ, Предсѣдатель Союза Возрожденія Мякотинъ».

* * *

Признаніе власти адмирала Колчака вызвало необходимость разрѣшенія ряда вопросовъ первостепенной государственной важности. Главнокомандующимъ 8/21 іюня была командирована въ Парижъ спеціальная делегація въ составѣ предсѣдателя Особаго Совѣщанія генерала А. М. Драгомирова и членовъ Особаго Совѣщанія Н. И. Астрова, К. Н. Соколова и А. А. Нератова. Впослѣдствіи къ ней долженъ былъ присоединиться М. В. Бернацкій.

Делегаціи было поручено передать изъ Парижа адмиралу Колчаку подробный докладъ объ организаціи управленія на югѣ Россіи и получить отъ Верховнаго Правителя соотвѣтствующія указанія. Затѣмъ на делегацію была возложена задача постараться познакомить политическихъ дѣятелей въ Парижѣ и Лондонѣ съ истиннымъ положеніемъ дѣла на югѣ Россіи и разрѣшить рядъ экономическихъ, финансовыхъ и торговыхъ вопросовъ, не терпящихъ отлагательства.

На время отсутствія генерала Драгомирова я былъ назначенъ временно исполняющимъ обязанности предсѣдателя Особаго Совѣщанія, съ оставленіемъ въ должности начальника военнаго управленія.

* * *

Въ ночь на 14/27 іюня въ Ростовѣ былъ убитъ предсѣдатель краевой кубанской рады Н. С. Рябоволъ, бывшій членомъ конференціи по созданію Южно-Русскаго союза.

Убійца не былъ открытъ, но упорно распространялись слухи, что онъ офицеръ Добровольческой арміи, гвардеецъ-монархистъ.

Въ Кубанскомъ оффиціальномъ органѣ «Вольная Кубань» появилась статья за подписью «Ю. Разумовскій», ко-

торая кончалась такъ: «Говорятъ о возможности ухода кубанцевъ съ фронта. Говорятъ и сами пугаются, такъ какъ всѣ отлично сознаютъ, что на фронтѣ, тамъ далеко — кубанцы, терцы, донцы, а добровольцы ютятся въ штабахъ, театрахъ и интендантствахъ».

На торжественномъ засѣданіи въ Екатеринодарѣ двухъ кубанскихъ радъ (краевой и законодательной), посвященномъ памяти Н. С. Рябовола, нѣкоторые ораторы, опредѣленно намекая, что убійство совершенно офицеромъ Добровольческой арміи — монархистомъ, открыто возбуждали противъ Особаго Совѣщанія, проводящаго якобы преступную помѣщичью политику и стремящагося, вопреки волѣ народа, вернуть Россію къ «старому режиму».

Начиная съ этого времени, агитація на Кубани и среди кубанскихъ частей, направленная противъ идей, проводимыхъ главнымъ командованіемъ, а въ частности противъ Особаго Совѣщанія — усилилась.

* * *

Успѣхи Добровольческой арміи, занятіе Харькова и Екатеринослава, вступленіе передовыхъ отрядовъ въ Полтавскую губернію — серьезно отразилось на положеніи совѣтской власти въ Малороссіи.

Въ Полтавской губерніи, послѣ 15/28 іюня, возстаніе противъ «совѣтовъ» охватило весь раіонъ губерніи. Повстанческое командованіе предъявило Украинскому совѣтскому правительству ультиматумъ, требуя немедленно отказаться отъ власти.

Совѣтская власть объявила Кіевъ, Одессу, Херсонъ и Николаевъ на осадномъ положеніи. Въ то же время Петлюра, учитывая возможность занятія въ ближайшее время всей Малороссіи войсками Добровольческой арміи, собралъ остатки своихъ войскъ и повелъ рѣшительное наступленіе отъ Галиційской границы на Кіевъ. Разложившіяся большевистскія войска не могли дать отпора даже петлюровскимъ, почти неорганизованнымъ войскамъ, и 26 іюня/9 іюля войска Петлюры прорвали сообщеніе Кіева съ Одессой, заняли Жмеринку и повели наступленіе на Кіевъ.

Въ этотъ же періодъ, 16/29 іюня, нашими войсками было закончено очищеніе отъ большевиковъ Крыма.

Несмотря на первоначальное рѣшеніе не зарываться впередъ и не растягивать свои и безъ того слабыя силы, слагавшаяся обстановка на правомъ берегу Днѣпра соблазняла отступить отъ первоначальнаго плана. Занятіе такихъ центровъ, какъ Одесса и Кіевъ, представлялось слишкомъ заманчивымъ.

29 іюля/11 августа былъ занятъ Кременчугъ, 1/14 августа части Добровольческой арміи подошли къ Курску, а затѣмъ были заняты Одесса и Кіевъ (18/31 августа).

Кавказская армія, послѣ занятія 15/28 іюля Камышина, приблизилась на 60 верстъ къ Саратову. Дальнѣйшія операціи въ направленіи на Саратовъ успѣхомъ не увѣнчались.

Противникъ понялъ всю серьезность угрозы коммуникаціоннымъ путямъ своего восточнаго фронта и, временно пренебрегая продвиженіемъ Добровольческой арміи отъ Харькова къ сѣверу, сосредоточилъ все, что могъ, къ Саратову и перешелъ въ наступленіе противъ Кавказской арміи.

Значительныя силы противникъ перевелъ къ Саратову съ Сибирскаго фронта.

Обрушившись на Кавказскую армію, ослабленную тысячеверстнымъ походомъ и выдѣленіемъ части своихъ силъ на Харьковскій фронтъ, противникъ отбросилъ ее къ югу.

Отошедшія къ Царицыну части Кавказской арміи были настолько ослаблены, что не представляли изъ себя уже серьезной силы, и на армію была возложена задача удержать Царицынъ и способствовать съ сѣвера операціямъ генерала Эрдели противъ Астрахани (развивались вдоль побережья Каспійскаго моря).

* * *

Съ освобожденіемъ отъ большевиковъ Крыма, Екатеринославской и Харьковской губерній, признано было возможнымъ осуществить прежде намѣчавшійся переводъ штаба главнокомандующаго и Особаго Совѣщанія съ территоріи Кубанскаго казачьяго войска.

Было стремленіе расположить эти учрежденія вообще внѣ территоріи казачьихъ войскъ. Но вслѣдствіе невозможности имѣть достаточно помѣщеній въ небольшихъ городахъ юга Россіи, пришлось остановиться на выборѣ Таганрога для штаба и Ростова для учрежденій Особаго Совѣщанія.

Ставка 15/28 іюля перешла въ Таганрогъ, а центральныя управленія Особаго Совѣщанія нѣсколько позже въ Ростовъ.

Размѣщеніе главнокомандующаго со штабомъ въ одномъ мѣстѣ, а управленій Особаго Совѣщанія въ другомъ, при скверномъ желѣзнодорожномъ сообщеніи, вызывавшемъ на поѣздки главнокомандующаго въ Ростовъ или начальниковъ управленій въ Таганрогъ потерю цѣлаго дня, было болѣе чѣмъ неудачно.

Правда, главнокомандующій при этихъ условіяхъ имѣлъ возможность располагать большимъ временемъ для работъ съ начальникомъ штаба, но дѣло гражданскаго управленія отъ этого страдало.

Если прибавить къ этому, что у насъ вообще не была строго разграничена компетенція штаба и нѣкоторыхъ центральныхъ управленій, то станетъ понятно, что съ размѣщеніемъ ихъ въ разныхъ пунктахъ стали возникать различныя тренія и недоразумѣнія.

24 августа/6 сентября вернулась изъ Парижа делегація во главѣ съ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія.

Генералъ Драгомировъ былъ назначенъ главноначальствующимъ и командующимъ войсками Кіевской области, а мнѣ было указано продолжать исполнять обязанности предсѣдателя Особаго Совѣщанія.

* * *

Съ переходомъ штаба въ Таганрогъ я видѣлъ главнокомандующаго только разъ въ недѣлю и не былъ поэтому въ курсѣ всѣхъ текущихъ ежедневныхъ оперативныхъ распоряженій.

Издали получалось впечатлѣніе, что основная директива не зарываться впередъ, а заняться приведеніемъ въ порядокъ войскъ и устройствомъ тыла, нарушалась вой-

сками Добровольческой арміи самовольно; при чемъ, съ продвиже[illegible]ъ войскъ впередъ и занятіемъ все новыхъ и новыхъ пу[illegible]товъ штабъ мирился, какъ съ совершившимся, и при томъ пріятнымъ, фактомъ.

Курскъ былъ занятъ для болѣе надежнаго прикрытія Хар[illegible] и обезпеченія желѣзнодорожнаго сообщенія въ пред[illegible]ахъ Харьковской области.

Ч[illegible]сти же войскъ, выдвинутыя для обезпеченія Курска, какъ магнитомъ тянулись къ сѣверу.

Противникъ серьезнаго сопротивленія не оказывалъ, и части постепенно продвигались впередъ, стараясь скорѣй приблизиться къ Москвѣ.

Въ октябрѣ былъ занятъ Орелъ.

Но, наряду съ успѣхами на фронтѣ, изъ тыловыхъ раіоновъ арміи все чаще и чаще стали поступать свѣдѣнія о возрастающемъ неудовольствіи среди крестьянъ и рабочихъ.

Неудовольствія и возмущенія среди крестьянъ происходили вслѣдствіе участившихся случаевъ безплатныхъ реквизицій, грабежей и поддержки войсками помѣщиковъ, вымещавшихъ на крестьянахъ свои потери и убытки.

Недовольство рабочихъ объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ, что приходъ Добровольческой арміи не улучшалъ условій ихъ жизни, которыя становились все болѣе и болѣе трудными.

Въ концѣ сентября генералу Деникину была представлена слѣдующая справка:

«Всюду, куда приходитъ Добровольческая армія, крестьянство — и великорусское и малорусское — встрѣчаетъ ее съ радостью, какъ избавительницу отъ безчинствъ, творимыхъ до нея большевиками, петлюровцами и различными атаманами и батьками. Крестьяне ждутъ отъ добрарміи внесенія въ ихъ жизнь началъ правопорядка, считая ее большой силой, которая все устроитъ и все наладитъ.

Къ укрѣпленію указанныхъ началъ направлены всѣ стремленія центральной власти. Однако на мѣстахъ далеко не всѣ администраторы исполнены тѣхъ же стремленій. Нѣкоторые изъ нихъ придаютъ всей своей дѣятельности

характеръ защиты интересовъ одного, немногочисленнаго и непопулярнаго въ широкихъ кругахъ населенія, класса, а именно — крупныхъ землевладѣльцевъ. Другіе, получивъ видное мѣсто, стараются какъ можно скорѣе вознаградить себя сторицею за мѣсяцы вынужденной нищеты и униженія, проявляя «полноту власти», причемъ, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, начинаютъ съ того, что обращаютъ свое особенное вниманіе на крестьянство, начинаютъ извлекать изъ его среды виновныхъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ еще въ 1917 году, заставляютъ крестьянъ платить убытки, причиненные когда-то, по цѣнамъ, существующимъ въ настоящее время, и пр. Наконецъ, администраторы третьяго типа уклоняются отъ вмѣшательства во взаимоотношенія между возвращающимися въ свои имѣнія помѣщиками и крестьянами, предоставляя событіямъ идти своимъ порядкомъ. Въ результатѣ страдательной стороной являются опять таки крестьяне.

Среди крестьянъ найдутся, быть можетъ, лишь ничтожныя единицы, не принимавшія активнаго участія въ разореніи и обезземеливаніи помѣщичьихъ хозяйствъ. Это — истина непреложная. Но вычитываніемъ всѣхъ винъ крестьянству въ настоящее время, немедленнымъ наложеніемъ на него, быть можетъ вполнѣ имъ заслуженныхъ каръ, мѣстная администрація содѣйствуетъ въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ чья угодно агитація, необезпеченности тыла Добрарміи.

Общій голосъ съ мѣстъ: крестьяне встрѣтили Добрармію очень хорошо, сейчасъ отношеніе къ ней въ корнѣ измѣнилось. Конечно, въ этомъ виноваты не одни администраторы, виноваты также и тѣ войсковыя единицы и отдѣльные воинскіе чины, особенно изъ числа обозныхъ и туземцевъ, которые позволяютъ себѣ совершенно откровенный грабежъ населенія, но при благожелательной администраціи это зло было бы и легче устранимо и не играло бы роли послѣдней капли, переполняющей чашу крестьянскаго долготерпѣнія, каковую оно играетъ сейчасъ.

Полковникъ, недавно пріѣхавшій въ Ростовъ изъ Острогожскаго уѣзда, самъ крупный помѣщикъ, разсказы-

ваетъ, что крестьяне въ этомъ уѣздѣ, вооружившіеся противъ большевиковъ и имѣющіе хорошо спрятанными гдѣ-то не только винтовки и пулеметы, но даже орудія, теперь готовы пустить все это въ ходъ противъ Добарміи, доведенные до этого грабежами, чинимыми войсками, а также безудержно разыгравшимися аппетитами помѣщиковъ, поощряемыхъ мѣстной администраціей. Составленнымъ большевиками въ тылу нашихъ войскъ ячейкамъ для организаціи возстаній, такимъ образомъ, задача до нельзя облегчается, а насколько банды въ тылу нашихъ войскъ обѣщаютъ быть хорошо организованными, можетъ служить доказательствомъ то, что въ Острогожскомъ уѣздѣ у крестьянъ, въ укромныхъ уголкахъ, скрыты отличныя верховыя лошади съ полной конной аммуниціей. Помощникъ уѣзднаго начальника одного изъ уѣздовъ Тамбовской губерніи, нынѣ возвратившійся въ Ростовъ, такъ какъ его уѣздъ снова занятъ большевиками, говоритъ, что уйдетъ въ отставку, такъ какъ вся администрація и войска наперерывъ стараются возбудить противъ себя населеніе, и онъ чувствуетъ свою полную безпомощность. Бывшій предводитель дворянства, крупный помѣщикъ, пишетъ изъ Курска: «У насъ въ губерніи благодаря... администраціи царитъ полный кавардакъ, который выльется не сегодня - завтра въ махновщину и зеленыхъ. Предѣла аппетитамъ помѣщиковъ не существуетъ, при этомъ все это дѣлается чортъ знаетъ какъ».

Все вышеизложенное побуждаетъ придти къ заключенію, что безъ оздоровленія администраціи и принятія реальныхъ мѣръ противъ грабительства отдѣльныхъ представителей арміи всѣ успѣхи Добарміи на фронтѣ будутъ аннулированы созданіемъ въ тылу новыхъ кадровъ махновцевъ, зеленоармейцевъ и прочихъ бандъ, пополняемыхъ, главнымъ образомъ, отчаявшимися во внесеніи въ его жизнь началъ права и порядка, такъ какъ вѣра въ организацію и силу Добарміи утеряна крестьянствомъ».

Главнокомандующимъ приказано было вновь подтвердить войскамъ и гражданской администраціи о необходимости не допускать въ тылу какихъ либо злоупотребленій.

Были командированы въ тыловые раіоны фронта осо-

бія комиссіи, на обязанности коихъ было разбирать всѣ случаи злоупотребленій, и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности.

Но это мало чему помогло.

Неустройство тыла арміи становилось все болѣе и болѣе грознымъ.

* * *

Командованіе совѣтской арміи, еще зимой 1918 года, поняло, что безъ конницы оно потерпитъ пораженіе и, въ теченіе зимы 1918—1919 годовъ, весны и лѣта 1919 г., настойчиво и крайне энергично приступило къ ея формированію.

Въ октябрѣ 1919 года сформированныя конныя части, усиленныя пѣхотой, посаженной на подводы, и сильными пулеметными командами, были выдвинуты противъ Добровольческой арміи, очень растянутой по фронту и не пополненной въ должной степени.

Успѣхи большевиковъ противъ армій адмирала Колчака и отступленіе Кавказской арміи генерала Врангеля къ Царицыну дали возможность совѣтскому командованію сосредоточить главныя силы противъ Добровольческой арміи и лѣваго фланга Донской арміи.

Когда противникъ сталъ тѣснить части Добровольческой арміи отъ Орла, 20 октября/2 ноября, было приказано изъ Кавказской арміи перебросить въ раіонъ Харькова сначала двѣ кубанскихъ конныхъ дивизіи, а затѣмъ еще полторы конныхъ дивизіи.

Но время уже было упущено, да и перевозимыя дивизіи, сильно потрепанныя въ бояхъ къ сѣверу отъ Царицына, были слабаго состава.

Подъ натискомъ противника Добровольческая армія стала отходить къ югу.

Командующій Добровольческой арміи генералъ Май Маевскій былъ смѣщенъ, и на его мѣсто былъ назначенъ командующій Кавказской арміи — генералъ Врангель. *)

---

*) При описаніи этого періода я совсѣмъ не касаюсь событій, происшедшихъ на Кубани въ началѣ ноября. Не касаюсь—не потому, что это я признавалъ бы преждевременнымъ, а просто потому, что въ моемъ

Генералъ Врангель прибылъ въ Добровольческую армію 26 ноября/9 декабря, послѣ оставленія Харькова, и нашелъ армію въ полномъ отступленіи.

Въ своемъ донесеніи на имя главнокомандующаго генералъ Врангель указывалъ, что ко дню его пріѣзда въ армію въ боевомъ составѣ числилось всего около 3600 штыковъ и 4700 сабель и въ тылу находилась отведенная для пополненія Алексѣевская дивизія, насчитывавшая не болѣе 300 штыковъ. Силы противника, по даннымъ развѣдки, состояли изъ 51.000 штыковъ, 7000 сабель и 205 орудій.

Генералъ Врангель доносилъ: «Войска, вслѣдствіе безпрерывныхъ переходовъ и распутицы, переутомлены до крайности; лошади изнурены совершенно, и артиллерія и обозы сплошь и рядомъ бросаются, такъ какъ лошади падаютъ на дорогѣ.

Состояніе конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованныя, всѣ подбиты. Масса истощенныхъ съ набитыми холками.

распоряженіи нѣтъ никакихъ документовъ. Подробностей же я не помню, такъ какъ указанія были даны генералу Врангелю генераломъ Деникинымъ черезъ К. Н. Соколова.

Въ двухъ словахъ, эти событія заключались въ слѣдующемъ:

Кубанская делегація въ Парижѣ, въ составѣ Быча, Калабухова, Намитокова и Савицкаго, вела крайне вредную агитацію заграницей, направленную противъ командованія Добровольческой арміи и за отдѣленіе Кубани отъ Россіи. Подписаніе этой делегаціей союзнаго договора съ меджилисомъ горскихъ народностей переполнило чашу терпѣнія, и генералъ Деникинъ приказалъ, въ случаѣ возвращенія на Кубань членовъ этой делегаціи. ихъ арестовать и предать военно-полевому суду.

Нѣкоторые члены краевой рады, во главѣ съ замѣстителемъ предсѣдателя рады, И. Л. Макаренко, находясь въ постоянной связи съ „парижской делегаціей“ и получая указанія отъ Быча, къ концу октября, опредѣленно выступили противъ командованія Добровольческой арміи и начали открытую пропаганду среди кубанскихъ войсковыхъ частей.

Чтобы положить конецъ измѣнническимъ дѣйствіямъ этой группы противъ русскаго дѣла, генералъ Деникинъ приказалъ включить Кубань въ тыловой раіонъ Кавказской арміи, съ назначеніемъ генерала Покровскаго командующимъ войсками этого раіона.

Генералу Врангелю было поручено наблюсти за приведеніемъ въ порядокъ тыла.

Калабуховъ, пріѣхавшій изъ Парижа, и группа членовъ рады, такъ называемыхъ „самостійниковъ“, были арестованы. И. Л. Макаренко успѣлъ скрыться.

Калабуховъ, по приговору военно-полевого суда, былъ 7/20 ноября повѣшенъ въ Екатеринодарѣ, а остальные арестованные члены рады были высланы за границу.

По свидѣтельству командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій боеспособность частей совершенно утеряна.

Вотъ горькая правда. Арміи, какъ боевой силы, — нѣтъ...»

Касаясь причинъ развала арміи, генералъ Врангель, въ своемъ рапортѣ, излагаетъ такъ:

«Безпрерывно двигаясь впередъ, армія растягивалась, части разстраивались, тылы непомѣрно разрастались. Разстройство арміи увеличилось еще и допущенной командующимъ арміей *) мѣрой «самоснабженія» частей.

Сложивъ съ себя всѣ заботы о довольствіи войскъ, штабъ арміи предоставилъ войскамъ довольствоваться исключительно мѣстными средствами, используя ихъ попеченіемъ самихъ частей и обращая въ свою пользу захваченную военную добычу.

Война обратилась въ средство наживы, а довольствіе мѣстными средствами — въ грабежъ и спекуляцію...

Каждая часть спѣшила захватить побольше. Бралось все; что не могло быть использовано на мѣстѣ, отправлялось въ тылъ для товарообмѣна и обращенія въ денежные знаки...

Подвижные запасы войскъ достигли гомерическихъ размѣровъ, — нѣкоторыя части имѣли до двухсотъ вагоновъ подъ своими полковыми запасами... Огромное число чиновъ обслуживало тылъ. Цѣлый рядъ офицеровъ находился въ длительныхъ командировкахъ по реализаціи военной добычи частей, для товарообмѣна и т. под.

Армія развращалась...

Въ рукахъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе соприкасался съ дѣломъ «самоснабженія», оказались бѣшенныя деньги, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего явились развратъ, игра и пьянство...

Къ несчастью, примѣръ подавали нѣкоторые изъ старшихъ начальниковъ, гомерическіе кутежи и бросаніе бѣшенныхъ денегъ которыми производилось на глазахъ всей арміи...»

---

*) Генераломъ Май Маевскимъ.

Большевики, сломивъ сопротивленіе Добровольческой арміи, рѣшительно и настойчиво развивали преслѣдованіе.

Остатки Добровольческой арміи, теряя артиллерію и обозы, обходимые съ фланговъ конницей противника, безостановочно отходили.

Пораженіе Добровольческой арміи немедленно отразилось на другихъ фронтахъ.

Царицынъ былъ оставленъ. Стала отступать по всему фронту Донская армія; пришлось эвакуировать Кіевъ...

Добровольческая армія была переименована въ Добровольческій корпусъ. *)

Для этого корпуса было два направленія отступленія: или на Крымъ, или на Ростовъ.

Преимущество перваго заключалось въ томъ, что остатки Добровольческой арміи можно было оттянуть туда съ гораздо меньшими потерями и спасти большее количество имущества. Но при этомъ направленіи отступленія, Добровольческій корпусъ терялъ непосредственную связь съ казачьими областями и бросались на произволъ судьбы всѣ семейства служащихъ.

Второе направленіе, на Ростовъ, было болѣе трудное, при насѣданіи съ фланговъ конницы противника; но связь съ казачествомъ не терялась.

Генералъ Деникинъ выбралъ второе направленіе. Онъ сказалъ: «Я бросить казачество не могу. Мы совмѣстно съ нимъ начали борьбу и должны ее вмѣстѣ и продолжать». *)

---

*) Генералъ Врангель получилъ особое назначеніе на Кубань — принять мѣры по подъему казачества и руководить укрѣпленіемъ Новороссійскаго раіона.

**) Я совершенно упускаю описаніе хода переговоровъ съ представителями казачества о конструкціи южно-русской власти и не останавливаюсь на переформированіи Особаго Совѣщанія въ правительство. Предсѣдателемъ правительства былъ назначенъ я.

Приказъ о преобразованіи Особаго Совѣщанія въ правительство состоялся 17/30 декабря 1919 года.

Въ связи съ послѣдовавшимъ кореннымъ измѣненіемъ направленія внутренней политики генерала Деникина, многое изъ событій этого періода не вполнѣ ясно мнѣ до настоящаго времени. Надо полагать, что генералъ Деникинъ, въ своемъ описаніи, дастъ достаточно подробное и ясное освѣщеніе.

Привожу лишь слѣдующіе документы: Наказъ Особому Совѣщанію (отъ 14/27 декабря 1919 г.) и приказъ о преобразованіи Особаго Совѣщанія въ правительство (отъ 17/30 дакабря 1919 г.).

Къ 25 декабря/7 января 1920 года части Добровольческаго корпуса уже заняли позицію непосредственно у Ростова.

Генералъ Деникинъ надѣялся удержать Ростовъ и переправы черезъ Донъ, затѣмъ, удерживая примѣрно линію долины р. Маныча, переформировать и пополнить части.

26 декабря/8 января 1920 г. палъ Новочеркасскъ.

Штабъ главнокомандующаго перешелъ въ Батайскъ на лѣвый берегъ Дона, а 27 декабря/9 января — на станцію Тихорѣцкую.

Я выѣхалъ изъ Ростова 27 декабря/9 января вечеромъ. Къ этому времени уже шла перестрѣлка на сѣверной окраинѣ города.

28 декабря/10 января я былъ на ст. Тихорѣцкой у главнокомандующаго.

НАКАЗЪ ОСОБОМУ СОВѢЩАНІЮ.

Приказываю Особому Совѣщанію принять въ основаніе своей дѣятельности слѣдующія положенія:

1) Единая, Великая, Недѣлимая Россія. Защита вѣры. Установленіе порядка. Возстановленіе производительныхъ силъ страны и народнаго хозяйства. Поднятіе производительности труда.

2) Борьба съ большевизмомъ до конца.

3) Военная диктатура. Всякое давленіе политическихъ партій отметать. Всякое противодѣйствіе власти—и справа, и слѣва—карать.

Вопросъ о формѣ правленія—дѣло будущаго. Русскій народъ создастъ верховную власть безъ давленія и безъ навязыванія.

Единеніе съ народомъ.

Скорѣйшее соединеніе съ казачествомъ путемъ созданія южно-русской власти, отнюдь не растрачивая при этомъ правъ обще-государственной власти.

4) Внѣшняя политика только національная русская.

Не взирая на возникающія иногда колебанія въ русскомъ вопросѣ у союзниковъ,—идти съ ними. Ибо другая комбинація морально недопустимм и реально неосуществима.

Славянское единеніе.

За помощь—ни пяди русской земли.

5) Всѣ силы, средства—для арміи, борьбы и побѣды.

Всемѣрное обезпеченіе семействъ бойцовъ.

Органамъ снабженія выйти, наконецъ, на путь самостоятельной дѣятельности, использовавъ все еще богатыя средства страны и не разсчитывая исключительно на помощь извнѣ.

Усилить собственное производство.

Извлечь изъ состоятельнаго населенія обмундированіе и снабженіе войскъ.

Давать арміи достаточное количество денежныхъ знаковъ, преимущественно передъ всѣми. Одновременно карать безпощадно за „безплатныя реквизиціи“ и хищеніе „военной добычи“.

Генералъ Деникинъ мнѣ сказалъ, что представители казачества настаиваютъ на измѣненіи состава правительства и на назначеніи предсѣдателемъ правительства одного изъ общественныхъ дѣятелей казачьихъ войскъ; но что онъ пока никакихъ перемѣнъ въ составѣ правительства дѣлать не предполагаетъ.

29 декабря/11 января, будучи въ Екатеринодарѣ, я получилъ телеграмму, что мнѣ надо подождать пріѣзда Донского атамана, генерала Богаевскаго (я хотѣлъ ѣхать въ Новороссійскъ, куда эвакуировались гражданскія управленія), который везетъ мнѣ письмо отъ главнокомандующаго.

Генералъ Деникинъ, въ письмѣ на мое имя, сообщалъ о томъ, что обстановка его заставила согласиться на назначеніе предсѣдателемъ правительства Донского Войскового атамана генерала Богаевскаго; меня же онъ просилъ остаться въ составѣ правительства въ качествѣ начальника военнаго управленія.

---

6) Внутренняя политика:

Проявленіе заботливости о всемъ населеніи безъ различія.

Продолжать разработку аграрнаго и рабочаго закона въ духѣ моей деклараціи; также и закона о земствѣ.

Общественнымъ организаціямъ, направленнымъ къ развитію народнаго хозяйства и улучшенію экономическихъ условій (кооперативы, профессіональные союзы и проч.)—содѣйствовать.

Противогосударственную дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ пресѣкать, не останавливаясь передъ крайними мѣрами.

Прессѣ—содѣйствующей—помогать, несогласную—терпѣть, разрушающую—уничтожать.

Никакихъ классовыхъ привилегій, никакой преимущественной поддержки—административной, финансовой и моральной.

Суровыми карами—за бунтъ, руководительство анархическими теченіями, спекуляціи, грабежъ, взяточничество, дезертирство и проч. смертные грѣхи—не пугать только, а осуществлять ихъ при посредствѣ активнаго вмѣшательства Управленія Юстиціи, Главнаго военнаго прокурора, Управленія Внутреннихъ Дѣлъ и Контроля. Смертная казнь—наиболѣе соотвѣтственное наказаніе.

Ускорить и упростить порядокъ реабилитаціи не вполнѣ благополучныхъ по большевизму, петлюровщинѣ и т. д. Если была только ошибка, а къ дѣлу годны—снисхожденіе.

Назначеніе на службу—исключительно по признакамъ дѣловитости, отмѣтая изувѣровъ и справа, и слѣва.

Мѣстный служилый элементъ, за уклоненіе отъ политики центральной власти, за насилія, самоуправство, сведеніе счетовъ съ населеніемъ, равно какъ и за бездѣятельность — не только отрѣшать, но и карать.

Привлекать мѣстное населеніе къ самооборонѣ.

Для меня было ясно, что въ составъ коалиціоннаго правительства отъ кубанскаго казачьяго войска войдутъ представители «самостійнаго» теченія, работа съ которыми у меня не пойдетъ.

Поэтому я категорически отказался отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія.

Послѣ этого состоялось мое назначеніе главнокомандующимъ и командующимъ войсками Черноморской губерніи, и генералъ Деникинъ предложилъ, впредь до образованія новаго правительства, старому правительству продолжать работу.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Новороссійскъ, генералъ Врангель, не получая никакого назначенія въ армію, подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку и временно, до приказа объ увольненіи, взялъ отпускъ.

Положеніе въ Черноморской губерніи и въ частности въ Новороссійскѣ было тяжелое. Большая часть губерніи была охвачена возстаніемъ; возстаніемъ руководили большевики, свободно пропускавшіеся въ губернію изъ Грузіи. Изъ Грузіи же, въ Черноморскую губернію, проникъ неболь-

---

7) Оздоровить фронтъ и войсковой тылъ—работою особо назначенныхъ генераловъ съ большими полномочьями, составомъ полевого суда и примѣненіемъ крайнихъ репрессій.

Сильно почистить контръ-развѣдку и уголовный сыскъ, вливъ въ нихъ судебный (бѣженскій) элементъ.

8) Поднятіе рубля, транспорта и производства преимущественно для государственной обороны.

Налоговой прессъ главнымъ образомъ для состоятельныхъ, а также для не несущихъ воинской повинности.

Товарообмѣнъ—исключительно за боевое снаряженіе и предметы необходимые для страны.

9) Временная милитаризація воднаго транспорта, съ цѣлью полнаго использованія его для войны, не разрушая, однако торгово-промышленнаго аппарата.

10) Облегчить положеніе служилаго элемента и семействъ чиновъ частичнымъ переводомъ на натуральное довольствіе (усиліями Управленія Продовольствія и вѣдомства военныхъ снабженій). Содержаніе не должно быть меньше прожиточнаго минимума.

11) Пропагандѣ служить исключительно прямому назначенію—популяризаціи идей, проводимыхъ властью, разоблаченію сущности большевизма, поднятію народнаго самосознанія и воли для борьбы съ анархіей.

Главнокомандующій Вооруженными Силами на Югѣ-Россіи,
генералъ-лейтенантъ (подп.) Деникинъ.

14 декабря 1919 г.
г. Таганрогъ.

шой большевистскій отрядъ, ставшій ядромъ для формировавшихся повстанческихъ отрядовъ.

Войскъ въ моемъ распоряженіи для подавленія возстанія, въ сущности говоря, не было; бывшія въ губерніи войсковыя части были совершенно деморализованы.

На мои просьбы прислать хоть какую нибудь надежную часть была прислана 2-ая пѣхотная дивизія. Но она была въ такомъ видѣ, что ее нужно было сначала пополнить, а только потомъ пустить въ дѣло. Составъ всей дивизіи не превышалъ одного батальона мирнаго времени.

Надежныхъ пополненій на мѣстѣ не было.

Между тѣмъ положеніе въ Туапсе было критическое и я, вливъ въ одинъ изъ полковъ дивизіи 400 человѣкъ пополненія, перевезъ этотъ полкъ на пароходѣ въ Туапсе. Но черезъ нѣсколько дней, во время боя подъ Туапсе, этотъ полкъ потерялъ почти всѣхъ офицеровъ, а пополненіе, влитое въ полкъ, перешло къ повстанцамъ.

ПРИКАЗЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГѢ РОССІИ № 176.

г. Таганрогъ. 17 декабря 1919 года.

Современная обстановка требуетъ реорганизаціи гражданскаго управленія.

Предписываю:

1) Особое Совѣщаніе упразднить.

2) Отдѣлъ Законовъ и Управленіе Продовольствія упразднить.

3) Должность Главнаго Начальника Военныхъ Сообщеній соединить съ должностью Начальника Путей Сообщеній, поставивъ во главѣ Главнаго Начальника Военныхъ Сообщеній.

4) Военное и Морское Управленія соединить, поставивъ во главѣ Начальника Военнаго и Морского Управленія.

5) Учредить должность Главнаго Начальника Снабженій, подчинивъ ему бывшихъ Главныхъ Начальниковъ Снабженій, и Санитарной части на правахъ помощниковъ, съ оставленіемъ за послѣдними правъ прежнимъ должностямъ присвоенныхъ.

Передать въ вѣдѣніе Главнаго Начальника Снабженій функціи Управленія Продовольствія.

Приказы о чинахъ военныхъ проводить по Венному Управленію.

6) Отдѣлъ Пропаганды подчинить Начальнику Управленія Внутреннихъ Дѣлъ.

7) Образовать при мнѣ правительство въ слѣдующемъ составѣ:

а) Предсѣдатель Правительства (можетъ быть въ то же время Начальникомъ одного изъ управленій);

б) Начальникъ Военнаго и Морского Управленія;

в) Начальникъ Управленія Внутреннихъ Дѣлъ;

г) Начальникъ Управленія Финансовъ;

Въ самомъ Новороссійскѣ творилось что-то неописуемое.

Всѣ лѣчебныя заведенія были переполнены большей частью сыпнотифозными, а раненыхъ, привозимыхъ съ сѣвера, некуда было размѣщать.

Въ Новороссійскъ направилась лавина семействъ служащихъ и бѣженцевъ, подлежавшихъ эвакуаціи, а союзники для эвакуаціи прислали крайне ничтожное число судовъ. Своими же судами, изъ за недостатка угля, мы воспользоваться не могли.

Вслѣдствіе полной невозможности выполнить нѣкоторыя получавшіяся мною распоряженія, на выполненіи которыхъ настаивалъ штабъ главнокомандующаго, несмотря на мои протесты, я просилъ объ освобожденіи меня отъ должности Черноморскаго главноначальствующаго и объ увольненіи въ отставку.

Получивъ въ концѣ января/началѣ февраля телеграмму изъ Севастополя о томъ, что моя мать при смерти, я, съ разрѣшенія генерала Деникина, выѣхалъ туда.

Въ Севастополѣ я засталъ полный развалъ среди офицерской среды.

Въ крайне неудачной эвакуаціи Одессы, произведенной въ концѣ января, всѣ винили главнокомандующаго Новороссійской области генерала Шиллинга.

д) Главный Начальникъ Военныхъ Сообщеній;
е) Главный Начальникъ Снабженій;
ж) Начальникъ Управленія Торговли и Промышленности;
з) Начальникъ Управленія Юстиціи;

8) Начальникъ Управленія Иностранныхъ Дѣлъ и Государственный Контролеръ, не входя въ составъ Правительства, подчиняются непосредственно мнѣ.

9) Начальникъ Управленій: Земледѣлія и Землеустройства, Народнаго Просвѣщенія и Исповѣданій, не входя въ составъ Правительства, по вопросамъ, превышающимъ ихъ права, входятъ съ представленіями къ Правительству при мнѣ состоящему.

10) Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія наименовать Управляющимъ Дѣлами Правительства, при мнѣ состоящаго, и передать въ его вѣдѣніе функціи Отдѣла Законовъ.

11) Образовать при Правительствѣ, при мнѣ состоящемъ, Совѣщаніе по законодательнымъ предположеніямъ, которое должно обсуждать всѣ законопроекты, поступающіе изъ вѣдомствъ или передаваемые мною, и представлять на разсмотрѣніе Правительства, при мнѣ состоящее.

Подписалъ: Генералъ-лейтенантъ Деникинъ.

Пріѣздъ его въ Севастополь и вступленіе въ командованіе войсками, находившимися въ Крыму, вызвали сильное возбужденіе, какъ среди старшихъ, такъ и среди младшихъ чиновъ.

Общее положеніе осложнялось еще тѣмъ, что на южномъ берегу Крыма появился отрядъ капитана Орлова, поднявшаго возстаніе противъ существовавшаго строя. Возстаніе носило явно большевистскій характеръ, но лозунгами была выставлена необходимость бороться съ разрухой тыла и добиться улучшенія положенія строевого офицерства.

При начавшемся развалѣ арміи и дѣйствительной разрухѣ тыла, лозунги капитана Орлова находили много сочувствующихъ, и являлось серьезное опасеніе, что движеніе можетъ разростись.

Познакомившись съ обстановкой, я пришелъ къ убѣжденію, что совершенно независимо отъ правильности или неправильности обвиненій, которыя предъявлялись къ генералу Шиллингу, онъ при создавшейся обстановкѣ не будетъ въ силахъ возстановить порядокъ въ Крыму и что ему нельзя оставаться главнокомандующимъ.

Въ Севастополѣ былъ въ это время генералъ Врангель, который, по общему въ Севастополѣ, а также и по моему, мнѣнію, могъ остановить развалъ Крымскихъ войсковыхъ частей и водворить порядокъ въ тылу.

Генералъ Врангель соглашался принять должность главнокомандующаго.

Содержаніе наказа указываетъ, что генералъ Деникинъ твердо рѣшилъ продолжать проводить въ жизнь принципы, неоднократно имъ провозглашавшіеся.

Приказомъ о преобразованіи Особаго Совѣщанія въ Правительство клался предѣлъ неопредѣленному положенію, которое получилось вслѣдствіе того, что вопросъ объ образованіи Правительства откладывался до соглашенія съ казачествомъ о созданіи Южно-Русской власти.

Преобразованное правительство въ своей дѣятельности, должно было руководствоваться „Наказомъ" отъ 14/27 декабря 1919 года.

Но, подъ вліяніемъ неуспѣховъ на фронтѣ и настояній представителей казачества, съ 28 декабря 1919 г./10 января 1920 г., генералъ Деникинъ постепенно идетъ на уступки и соглашается на образованіе коалиціоннаго правительства съ участіемъ соціалистовъ и на образованіе при немъ законодательнаго, а не законосовѣщательнаго органа, передъ которымъ правительство, конечно, является уже отвѣтственнымъ.

Никто изъ насъ, членовъ бывшаго Особаго Совѣщанія и Правительства, къ разрѣшенію этихъ вопросовъ не привлекался.

Переговоривъ съ генераломъ Шиллингомъ и убѣдившись въ томъ, что и онъ видитъ и понимаетъ всю трудность для него наладить порядокъ въ Крыму, я условился съ нимъ, что онъ переговоритъ по прямому проводу съ генераломъ Деникинымъ, очертитъ ему всю обстановку и испроситъ разрѣшеніе передать свою должность генералу Врангелю.

Онъ такъ и сдѣлалъ; но въ отвѣтъ получилъ указаніе, что онъ долженъ оставаться на своемъ посту и что на назначеніе генерала Врангеля согласіе не можетъ быть дано. *)

Утромъ 8/21 февраля я получилъ телеграмму отъ генерала Деникина, съ предложеніемъ «всей силой вашего авторитета», какъ было сказано въ телеграммѣ, поддержать престижъ генерала Шиллинга, который остается главноначальствующимъ въ Крыму.

Я отвѣтилъ, что чувствую себя въ этомъ отношеніи совершенно безсильнымъ, и въ тотъ же день отправился на пароходѣ обратно въ Новороссійскъ.

Прибывъ въ Новороссійскъ, я узналъ о послѣдовавшемъ приказѣ объ увольненіи въ отставку меня, генераловъ Врангеля и Шатилова, а также командующаго Черноморскимъ флотомъ и его начальника штаба.

Телеграмма о нашемъ увольненіи въ отставку была «срочная» и разослана штабомъ главнокомандующаго по всѣмъ инстанціямъ.

Всѣми было понято, что перечисленныя въ телеграм-

---

*) Захватившій въ это время Ялту капитанъ Орловъ объявилъ, что онъ безпрекословно подчинится только одному генералу Врангелю.

Въ отвѣтъ на это воззваніе генералъ Врангель послалъ капитану Орлову (копіи генералу Шиллингу и мнѣ) слѣдующую телеграмму:

„Мнѣ доставлено воззваніе за вашей подписью, въ коемъ вы заявляете о желаніи, минуя всѣхъ вашихъ начальниковъ, подчиниться мнѣ, хотя я нынѣ не у дѣлъ.

Еще недавно присяга, обязывая воина подчиненію начальникамъ, дѣлала русскую армію непобѣдимой.

Клятвопреступленіе привело Россію къ братоубійственной войнѣ. Въ настоящей борьбѣ мы связали себя вмѣсто присяги добровольнымъ подчиненіемъ, нарушить которое безъ гибели нашего общаго дѣла не можете ни вы, ни я. Какъ старый офицеръ, отдавшій Родинѣ двадцать лѣтъ жизни, я горячо призываю васъ, во имя блага ея, подчиниться требованіямъ вашихъ начальниковъ. 8/21 февраля 7 час. № 627 Врангель.“

мѣ лица увольняются въ отставку яко бы за то, что интригуютъ противъ генерала Шиллинга и вмѣшиваются не въ свое дѣло, возбуждая вопросъ о назначенiи генерала Врангеля.

* * *

Оставшись не у дѣлъ и получивъ право на эвакуацiю, я рѣшилъ съ семьей не ѣхать на иждивенiе союзниковъ, а устроиться гдѣ либо поближе къ Россiи. Выбрали г. Самсунъ на Черноморскомъ побережьѣ Малой Азiи, гдѣ, по слухамъ, жизнь была очень дешева. Съ небольшой компанiей, подходящей для устройства маленькой сельско-хозяйственной колонiи, я и моя семья, 21 февраля/6 марта, отправились сначала въ Батумъ. Оттуда, воспользовавшись случаемъ безплатнаго проѣзда на моторной шхунѣ, груженной керосиномъ, отправились въ Самсунъ.

Устроились на шхунѣ на палубѣ, соорудивъ изъ парусовъ подобiе палатокъ.

До Самсуна дошли благополучно, но тамошнiй британскiй комендантъ, подъ предлогомъ, что турецкiя власти категорически не разрѣшаютъ русскимъ селиться въ Малой Азiи, не только не позволилъ намъ высадиться, но даже не разрѣшилъ съѣхать на берегъ на короткiй срокъ.

Мои спутники, смѣясь, говорили, что англичане боялись, чтобы я не поступилъ на службу къ Кемаль-Пашѣ въ качествѣ начальника штаба.

Пришлось направиться въ Константинополь.

Послѣ цѣлаго ряда злоключенiй и чуть не погибнувъ въ морѣ во время шторма, въ ночь на 26 марта/9 апрѣля мы пришли въ Константинополь.

На другой день послѣ прихода нашей шхуны въ Босфоръ, на нее прибылъ флагъ-офицеръ главнокомандующаго британской эскадры въ Средиземномъ морѣ, адмирала де-Робека (бывшаго въ то же время Верховнымъ Великобританскимъ комиссаромъ въ Константинополѣ) и, отъ имени адмирала, пригласилъ меня отправиться съ нимъ къ адмиралу на флагманскiй корабль.

Адмиралъ де-Робекъ встрѣтилъ меня крайне любезно

и сказалъ, что меня уже нѣсколько дней розыскиваютъ по всему Черному морю.

Отъ него я узналъ, что, послѣ эвакуацiи Новороссiйска (14/27 марта), войска Добровольческаго корпуса и часть казачьихъ войскъ сосредоточены въ Крыму; что генералъ Деникинъ отказался отъ званiя главнокомандующаго и уѣзжаетъ въ Англiю; что главнокомандующимъ вооруженныхъ силъ Юга Россiи, приказомъ генерала Деникина, назначенъ генералъ баронъ Врангель; что генералъ Врангель предлагаетъ мнѣ быть его представителемъ въ Константинополѣ.

Отъ него же я узналъ объ убiйствѣ въ Константинополѣ, въ зданiи русскаго посольства, бывшаго начальника штаба генерала Романовскаго.

Съ броненосца меня доставили въ русское посольство.

Здѣсь я встрѣтился съ новымъ помощникомъ главнокомандующаго генерала Врангеля — генераломъ Шатиловымъ, который, отъ имени генерала Врангеля, предложилъ мнѣ быть представителемъ главнокомандующаго при союзномъ командованiи въ Косстантинополѣ.

Я согласился.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Если всякая крупная государственная или общественная работа и при нормальныхъ условіяхъ вызываетъ критику, то естественно, что въ условіяхъ гражданской войны дѣятельность командованія Добровольческой арміи и Особаго Совѣщанія (правительства) вызывали постоянную, какъ доброжелательную, такъ и недоброжелательную критику.

Въ работѣ какъ командованія Добровольческой арміи, такъ и Особаго Совѣщанія, конечно было много крупныхъ ошибокъ. Но, какъ мнѣ преставляется, если въ настоящее время для безпристрастнаго критика и возможно правильно разобрать и указать ошибки политическія, правильно оцѣнить еще не возможно.

Ни одинъ добросовѣстный политическій дѣятель, къ какой бы онъ партіи не принадлежалъ, не можетъ еще сказать, какой политическій лозунгъ, какая линія поведенія были нужны и нашли бы откликъ въ массѣ русскаго народа, чтобы онъ за ними пошелъ.

Необходимо имѣть въ виду, что на югѣ Россіи до конца 1918 года рабочіе и крестьяне еще не испытали на себѣ полностью всѣхъ прелестей большевистскаго режима.

Въ казачьихъ областяхъ иногороднее, не казачье населеніе, во время владычества большевиковъ въ концѣ 1917 и въ 1918 годахъ было, въ массѣ, на ихъ сторонѣ и, при богатствѣ края, также не испытало серьезныхъ лишеній.

При этихъ условіяхъ лозунги «земля и воля», «диктатура пролетаріата» и самоуправленіе черезъ «совѣты рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ» — для массы знаменовали еще истинное народоправство, избавленіе отъ помѣщиковъ и правительственной администраціи, право на казенныя монастырскія и помѣщичьи земли, право устраивать жизнь по собственному желанію, а главное — безнаказанно грабить и распоряжаться награбленнымъ, какъ своей собственностью.

Всякое возвращеніе къ государственному порядку, для значительной массы населенія, знаменовало собой стѣсненіе правъ и страхъ отвѣтственности за тѣ грабежи и насилія, въ которыхъ былъ повиненъ громадный % населенія.

Только испытавъ на себѣ ужасы совѣтской власти, крестьяне и рабочіе стали сознавать необходимость возвращенія государственнаго порядка.

Если теперь, въ 1922 году, судя по свѣдѣніямъ, поступающимъ изъ Россіи, крестьянство въ своей массѣ мечтаетъ о «хозяинѣ», то въ 1918 и 1919 годахъ провозглашеніе монархическаго лозунга не могло встрѣтить сочувствія не только среди интеллигенціи, но и среди крестьянской и рабочей массы.

Угаръ послѣ «революціи — бунта» 1917 года былъ еще слишкомъ силенъ и этотъ лозунгъ знаменовалъ бы явную «контръ-революцію», возвращеніе къ «старому режиму», «городовому», «помѣщику» и другимъ жупеламъ.

Провозглашеніе же республиканскихъ лозунговъ не дало бы возможность сформировать маломальски приличную армію, такъ какъ кадровое офицерство, испытавшее на себѣ всѣ прелести революціоннаго режима, за ними не пошло бы.

Надо было идти по пути, который былъ пріемлемъ для главной массы населенія и для офицерства.

Будущій историкъ подробно разберетъ причины неуспѣха «бѣлыхъ армій». Теперь это преждевременно, а намъ, участникамъ борьбы съ совѣтской властью, совершенно и не подъ силу.

Я остановлюсь лишь на главнѣйшихъ нападкахъ на дѣятельность командованія Добровольческой арміи и Особаго Совѣщанія, которыя приходилось слышать и встрѣчать въ печати.

Программа Добровольческой арміи (Политическое лицо арміи; партійный флагъ).

Впервые о необходимости объявить программу Добровольческой арміи, открыть свое политическое лицо — заговорилъ въ Новочеркасскѣ, въ декабрѣ 1917 года, Б. Савинковъ.

Онъ убѣдилъ тогда генераловъ Алексѣева, Корнилова и Каледина заявить, съ цѣлью опровергнуть слухи о реакціонныхъ замыслахъ, что Добровольческая армія имѣетъ цѣлью, свергнувъ большевиковъ, довести Россію до учредительнаго собранія.

Генералъ Деникинъ, въ своей программной рѣчи, на открытіи, 1/14 ноября 1918 г., Кубанской Краевой Рады, заявилъ, что «армія не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предрѣшаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими русскій народъ объявитъ свою волю». Но это не удовлетворило — ни правыхъ, ни лѣвыхъ. Правые говорили: «Безъ монархическаго лозунга вамъ не создать мощной арміи. Офицеры должны знать, за что они проливаютъ кровь и вы должны это опредѣленно сказать».

Лѣвые, наоборотъ, указывали, что неопредѣленность политическаго лица арміи — отталкиваетъ отъ нея симпатіи массы; что надо провозгласить чисто демократическіе лозунги, подтвердить, что возврата къ старому нѣтъ.

Генералъ Деникинъ твердо стоялъ на своемъ мнѣніи, указывая, что никто изъ насъ не можетъ предрѣшать ни будущей формы правленія, ни того, будетъ ли собрано учредительное или національное собраніе, или земской соборъ, или, наконецъ, можетъ быть воля народа выльется въ такой формѣ, которую мы теперь и не предвидимъ.

Впослѣдствіи, въ значительной степени по настоянію представителей союзнаго командованія, была составлена и подписана генераломъ Деникинымъ и членами Особаго Со-

вѣщанія (правительства) политическая программа Добровольческой арміи; въ ней было указано, что армія должна довести Россію до національнаго собранія.

Представители «демократіи» увѣряли, что только опредѣленное указаніе на республиканскую форму правленія привлечетъ сердца народа къ Добровольческой арміи; другіе не менѣе подлинные демократы (какъ писатель Наживинъ), указывали, что народъ жаждетъ только порядка, ждетъ «хозяина земли русской», т. е. Царя.

Въ казачьихъ хатахъ, при первомъ господствѣ большевиковъ, съ рискомъ для жизни, казачки сохраняли подъ половицами портреты Царской Семьи.

Махно (разбойникъ и народный атаманъ, дѣйствовавшій въ раіонѣ Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерній), по доходившимъ до насъ слухамъ, то провозглашалъ лозунгъ «земля и воля народу», то «земля крестьянамъ, а Царь народу».

Изъ центральныхъ губерній шли разнообразныя свѣдѣнія; въ однихъ раіонахъ мечтали о «Хозяинѣ земли русской», а въ другихъ провозглашали тотъ же лозунгъ, который былъ объявленъ и возставшимъ Кронштадтомъ противъ совѣтской власти (въ мартѣ 1921 г.): «противъ коммунистовъ, но за совѣты».

Наконецъ, лицамъ обвиняющимъ командованіе Добровольческой арміи въ неправильномъ направленіи политики, надо вспомнить, что были «бѣлыя арміи» и съ опредѣленными политическими лозунгами:

Армія учредительнаго собранія, созданная на Волгѣ Самарскимъ правительствомъ, имѣла чисто демократическіе — соціалистическіе лозунги, но успѣха никакого не имѣла. Самарское правительство было замѣнено сначала Уфимской директоріей, а затѣмъ адмираломъ Колчакомъ.

Савинковъ, формируя части для борьбы съ большевиками, провозглашалъ чисто демократическіе лозунги.

Правительства генераловъ Миллера и Юденича были также достаточно демократичны.

Южная армія и Астраханскій корпусъ, формировавші-

еся на германскія деньги на территоріи Дона, имѣли чисто монархическіе лозунги.

Но ни одна изъ этихъ армій и ни одно изъ ихъ возглавлявшихъ правительствъ успѣха не имѣли.

Добровольческая армія оказалась, все-же, наиболѣе жизнеспособной.

Все это показываетъ, что горе не въ томъ, что генералъ Деникинъ не провозгласилъ того или иного лозунга, а скорѣй въ томъ, что наши политическія партіи, преслѣдуя свои партійныя программы, не объединились для достиженія первой и главнѣйшей цѣли — ниспровергнуть совѣтскую власть.

Конструкція власти. Генералъ Деникинъ, въ своей программной рѣчи 1/14 ноября 1918 г., заявилъ:

«Должна быть единая русская армія, съ единымъ фронтомъ, единымъ командованіемъ, облеченнымъ полной мощью и отвѣтственнымъ лишь передъ русскимъ народомъ въ лицѣ его будущей законной верховной власти».

«Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть. . .»

Въ своемъ послѣднемъ наказѣ «Особому Совѣщанію» (14/27 декабря 1919 г.), наканунѣ краха и коренного измѣненія своей программы, главнокомандующій опредѣленно указалъ на необходимость проведенія военной диктатуры.

Въ первый періодъ послѣ занятія Екатеринодара, т. е. въ теченіе второй половины 1918 г., генералъ Деникинъ не допускалъ и мысли, чтобы рядомъ съ его правительствомъ (Особымъ Совѣщаніемъ) былъ какой нибудь органъ съ законодательными или законовѣщательными функціями (законосовѣщательный органъ намѣчался лишь въ случаѣ достиженія соглашенія съ казачествомъ и образованія единаго правительства).

Первымъ поднявшимъ вопросъ объ образованіи при генералѣ Деникинѣ законосовѣщательнаго органа былъ бывшій предсѣдатель Государственной Думы — М. В. Родзянко.

Онъ нѣсколько разъ просилъ генерала Деникина согласиться образовать такой органъ, въ составъ котораго во-

шли бы члены четырехъ Государственныхъ Думъ и Государственнаго Совѣта.

Генералъ Деникинъ эти предложенія отклонилъ, указывая, что бывшіе члены прежнихъ русскихъ законодательныхъ учрежденій не могутъ считаться правомочными представителями народа; а относительно другихъ предложеній представителей различныхъ политическихъ партій образовать при немъ законодательный органъ — отвѣтилъ, что образовавшіеся на югѣ Россіи различные политическіе союзы — являются, опять таки, выразителями взглядовъ отдѣльныхъ партій, относящихся нетерпимо къ программамъ другихъ политическихъ партій, не вошедшихъ въ составъ ихъ союза, и не могутъ претендовать быть выразителями мнѣнія страны.

Всѣ эти проекты отвергались въ надеждѣ достигнуть соглашенія съ казачествомъ и создать «южное объединеніе».

На поднятый мною вопросъ о желательности, не дожидаясь соглашенія съ казачествомъ, образовать при Особомъ Совѣщаніи, первоначально изъ состава членовъ «Государственнаго Объединенія», Государственнаго Совѣта и Государственныхъ Думъ, законосовѣщательный органъ, генералъ Деникинъ, запиской отъ 24 октября/6 ноября 1918 г., мнѣ отвѣтилъ: «Добровольческая армія отнюдь не можетъ стать орудіемъ политической партіи, особливо съ шаткой оріентаціей.

Строить «южное объединеніе» и бросить его на полпути, чтобы начать новую комбинацію — нельзя.

То, что предлагаютъ теперь, было предложено Родзянкой еще въ Мечеткѣ, строилось ими въ Кіевѣ, но неудачно. Противополагать эту комбинацію всѣмъ другимъ — нецѣлесобразно.

Вооруженная сила никогда не «останется въ одиночествѣ. *)

Ее всегда пожелаютъ! Во всякомъ случаѣ, до рѣшенія вопроса объ «южномъ объединеніи» нельзя разрѣшать вопросъ о новой комбинаціи, которая можетъ только затруднить соглашеніе.

*) Это послѣднее выраженіе взято изъ моего доклада.

Если же эта комбинація возникнетъ сама собой, безъ нашего участія, если она дѣйствительно будетъ имѣть нравственный авторитетъ въ странѣ и поддержитъ идеи и цѣли, преслѣдуемыя Добровольческой арміей, то тѣмъ лучше для всѣхъ насъ, а паче всего для Россіи».

Въ началѣ 1919 года явилась надежда добиться скораго соглашенія съ казачьими войсками и образовать общее правительство.

Предполагалось въ составъ его привлечь по одному представителю отъ казачьихъ войскъ и при главнокомандующемъ образовать законосовѣщательный органъ, члены котораго выбирались бы, какъ населеніемъ казачьихъ областей, такъ и другихъ раіоновъ государства, освобождаемыхъ отъ большевиковъ; предполагалось, что часть членовъ законосовѣщательнаго органа будетъ назначаться главнокомандующимъ.

Въ теченіе всего 1919 года велись переговоры съ представителями казачьихъ войскъ, но ни до чего договориться не могли. И только въ декабрѣ 1919 года, въ періодъ серьезныхъ неудачъ на фронтѣ, соглашеніе было близко къ осуществленію; но разразившаяся катастрофа, какъ мною уже было отмѣчено въ одиннадцатой главѣ, повліяла на полное измѣненіе взгляда генерала Деникина на конструкцію власти.

Нападокъ на генерала Деникина и на состоявшее при немъ Особое Совѣщаніе было много; указывали, что законодательная работа ведется въ замкнутомъ небольшомъ кружкѣ членовъ Особаго Совѣщанія людьми недостаточно понимавшими окружающую обстановку и что издаваемые законы не жизненны и не отвѣчаютъ интересамъ населенія.

Трудно, конечно, сказать, насколько болѣе жизненна была бы работа Особаго Совѣщанія при существованіи законосовѣщательнаго органа, но несомнѣнно, что еслибъ онъ существовалъ, то работа Особаго Совѣщанія была бы болѣе на виду, и оно, вѣроятно, не стало бы столь «одіозно».

Работой Особаго Совѣщанія были недовольны всѣ — и правые, и лѣвые; это надо признать откровенно.

Еслибъ существовалъ законосовѣщательный органъ и была бы кафедра, съ которой раздавалась бы критика законопроектовъ или дѣятельности начальниковъ управленій, а послѣдніе могли бы давать свои объясненія или разъясненія, то работа Особаго Совѣщанія отъ этого только бы выиграла.

Особое Совѣщаніе (правительство).

Представители лѣвыхъ партій обвиняли генерала Деникина въ томъ, что онъ сформировалъ чуть ли не черносотенное правительство, которое не могло вызвать довѣрія народной массы.

Представители правыхъ теченій, наоборотъ, указывали на то, что дѣятельность Особаго Совѣщанія, при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, носила слишкомъ лѣвое направленіе.

Генералъ Деникинъ неоднократно говорилъ: «Во главѣ правительственныхъ учрежденій должны ставиться люди по признаку дѣловитости, а не по признаку партійности.

Недопустимы лишь изувѣры справа и слѣва».

Включать въ составъ Особаго Совѣщанія соціалистовъ признавалось не допустимымъ; они и въ періодъ борьбы съ большевиками пытались неоднократно продолжать свою разрушительную работу, начатую съ первыхъ дней революціи.

Изъ членовъ Особаго Совѣщанія къ партіи к. д. принадлежало пять-шесть человѣкъ, т. е. половина изъ числа гражданскихъ членовъ совѣщанія. Но правда, что къ ихъ голосу прислушивалось главное командованіе, а потому и было распространено мнѣніе о, яко-бы, «кадетскомъ» засиліи.

Лѣтомъ 1919 года нѣкоторые члены «кадетской» партіи нѣсколько разъ возбуждали вопросъ о слишкомъ правомъ составѣ Особаго Совѣщанія.

При разсмотрѣніи однажды въ засѣданіи Особаго Совѣщанія вопроса о привлеченіи въ составъ Совѣщанія кандидата изъ болѣе праваго крыла одинъ изъ видныхъ представителей партіи к. д. сказалъ: «Насъ и такъ упрекаютъ, что составъ Особаго Совѣщанія слишкомъ правый; ничего

не возражая противъ предложеннаго кандидата, котораго я знаю, какъ безукоризненно чистаго и высоко-порядочнаго человѣка и отличнаго работника, я только позволяю себѣ поставить вопросъ: не слишкомъ ли мы сильно перегружаемъ нашъ правый бортъ?»

Но, въ началѣ декабря 1919 года, тотъ же представитель партiи к. д. сказалъ: «я пришелъ къ убѣжденiю, что намъ надо вести болѣе лѣвую политику, но болѣе правыми руками». И послѣ этого, представители партiи к. д. просили генерала Деникина о включенiи въ составъ Особаго Совѣщанiя А. В. Кривошеина.

Въ январѣ 1920 года, когда разразилась катастрофа. генералъ Деникинъ, надѣясь спасти положенiе и устранить всѣ бывшiя тренiя съ представителями казачества, согласился на образованiе нацiональнаго министерства и на образованiе при себѣ законодательнаго органа.

Но это, конечно, положенiя не спасло и, вѣроятно, если-бы это было сдѣлано раньше, то и тогда пользы не принесло-бы; а расколъ въ армiю внесло бы навѣрное, такъ какъ и безъ того Особое Совѣщанiе, за свою яко-бы лѣвизну, не пользовалось популярностью среди офицерства.

Очень многiе (въ томъ числѣ и нѣкоторые видные военные дѣятели) объяснили неудачу борьбы на югѣ Россiи прежде всего тѣмъ, что мы вели слишкомъ правую политику.

Безусловно вѣрно, что Особое Совѣщанiе, въ общемъ, и начальники отдѣльныхъ управленiй въ частности не справились съ задачей. Но, думаю, что «политика» въ этомъ отношенiи менѣе всего виновата.

Обстановка была слишкомъ сложна, работу приходилось вести въ неимовѣрно тяжелыхъ условiяхъ, и конечный неуспѣхъ явился слѣдствiемъ цѣлаго ряда другихъ причинъ.

Отдѣлъ пропаганды.

Для широкаго распространенiя среди населенiя идей, проводимыхъ командованiемъ армiи, для привлеченiя симпатiй населенiя на свою сторону, для освѣщенiя вопросовъ въ желательномъ для командованiя смыслѣ — было обра-

зовано лѣтомъ 1918 года освѣдомительное отдѣленіе, преобразованное потомъ въ освѣдомительное агентство (Освагъ). Оно должно было вести работу при посредствѣ прессы, выпуска отдѣльныхъ брошюръ, театра и кинематографа и, наконецъ, устной пропагандой.

Для оріентированія заграницы постепенно открывались заграничные освѣдомительные пункты.

Кромѣ центральнаго управленія, по мѣрѣ освобожденія раіоновъ Государства отъ большевиковъ, открывались освѣдомительно — агитаціонные пункты въ городахъ и крупныхъ селеніяхъ.

16/29 января 1919 года освѣдомительное агентство было преобразовано въ отдѣлъ пропаганды и во главѣ его сталъ донской общественый дѣятель Н. Е. Парамоновъ.

Центральное управленіе отдѣла открыло свою дѣятельность въ Ростовѣ.

Средства на дѣятельность отдѣла пропаганды были отпущены большія, и надѣялись, что дѣло будетъ поставлено хорошо.

Къ этому времени дѣятельность освѣдомительнаго агентства («Освага») вызывала уже много нареканій: одни указывали на привлеченіе къ работѣ совершенно неподходящихъ лицъ, которыя стали вести чуть ли не большевистскую пропаганду; другіе указывали на погромное направленіе, проводимое нѣкоторыми мѣстными агентами «Освага»; представители кубанскаго правительства указывали на то, что на Кубанской территоріи агенты «Освага» проводили идеи, которыя находились въ рѣзкомъ противорѣчьи со взглядами кубанскаго правительства.

Надежда на то, что новый начальникъ отдѣла пропаганды наладитъ работу, не оправдалась; да и взгляды на работу отдѣла у главнаго командованія и у Парамонова были различны.

Парамоновъ считалъ необходимымъ сильный уклонъ «влѣво» и не желалъ особенно считаться съ Особымъ Совѣщаніемъ, полагая, повидимому, что онъ долженъ имѣть дѣло съ генераломъ Деникинымъ.

24 февраля/9 марта, въ письмѣ на имя генерала Дени-

кина, Н. Е. Парамоновъ писалъ: «Я очень огорченъ, что у меня туго подвигается наборъ видныхъ сотрудниковъ, стоящихъ теоретически въ рядахъ соціалистическихъ партій. Окруженіе себя сотрудниками изъ кадетъ и направо будетъ коренной ошибкой. Привлеченіе видныхъ болѣе лѣвыхъ элементовъ — необходимое условіе успѣха. . .»

Генералъ Деникинъ, въ отвѣтномъ письмѣ отъ 25 февраля/10 марта, между прочимъ, написалъ: «Вашу программу — вести дѣло пропаганды съ излишнимъ уклономъ влѣво считаю опасной.

До меня начинаютъ уже доходить свѣдѣнія, крайне волнующія армію, что подборъ Вашихъ сотрудниковъ далекъ отъ идеала. . . .»

Вслѣдствіе принципіальныхъ несогласій между Особымъ Совѣщаніемъ и Парамоновымъ относительно направленія дѣятельности отдѣла пропаганды и нѣкоторыхъ треній, возникшихъ на почвѣ взаимоотношеній, Парамоновъ 4/17 марта отказался отъ должности, и профессору К. Н. Соколову было предложено стать во главѣ отдѣла пропаганды.

К. Н. Соколовъ согласился принять эту должность временно, съ тѣмъ, что, послѣ своего ознакомленія съ дѣятельностью отдѣла и съ постановкой дѣла, онъ сдѣлаетъ подробный докладъ Особому Совѣщанію и только послѣ этого рѣшитъ, можетъ ли онъ принять на себя руководство отдѣломъ пропаганды.

Примѣрно черезъ мѣсяцъ Соколовъ сдѣлалъ Особому Совѣщанію болѣе чѣмъ безотрадный докладъ. Приведя цѣлый рядъ фактовъ, иллюстрирующихъ совершенно неправильную постановку дѣла, онъ доложилъ, что исправить работу отдѣла пропаганды невозможно; что выходъ одинъ: немедленно совершенно расформировать весь отдѣлъ пропаганды со всѣми его мѣстными отдѣленіями и поставить дѣло на ново. «Но на это потребуется, вѣроятно 1 — 2 мѣсяца», — добавилъ Соколовъ.

Генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе признали невозможнымъ на такой срокъ оказаться безъ органа пропаганды.

К. Н. Соколовъ сказалъ, что брать на себя безнадежное исправленіе совершенно испорченнаго дѣла онъ не можетъ и проситъ его отъ этого назначенія избавить.

Послѣ настояній генерала Деникина, К. Н. Соколовъ принялъ должность, но предупредилъ: «Я опредѣленно заявляю, что вполнѣ исправить дѣло нельзя. Постараюсь сдѣлать — что могу, но заранѣе прошу быть готовыми къ тому, что изъ этого ничего не выйдетъ».

Онъ оказался правъ.

Нападки на отдѣлъ пропаганды не только не прекращались, но все болѣе и болѣе усиливались.

Начиная съ самого начальника отдѣла, всѣ видѣли и сознавали, что дѣло идетъ болѣе чѣмъ неудовлетворительно и исправить его не могли.

Въ декабрѣ 1919 года генералъ Деникинъ даже хотѣлъ совсѣмъ закрыть отдѣлъ и перестроить его наново; т. е. сдѣлать то, что предлагалъ сдѣлать К. Н. Соколовъ въ началѣ 1919 года.

Надо откровенно признаться, что съ дѣломъ постановки «пропаганды» и правильнаго освѣдомленія населенія мы совсѣмъ не справились и наша «пропаганда» пользы ник - кой не принесла. Составъ же сотрудниковъ на мѣстахъ былъ такъ слабъ и такъ неподготовленъ къ работѣ, что ихъ дѣятельность часто была явно вредна.

Земельный вопросъ.

Вокругъ земельнаго вопроса страсти разгорались.

Одни считали, что генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе ведутъ слишкомъ лѣвую политику и разоряютъ прочныя помѣщичьи хозяйства, что, съ государственной точки зрѣнія, преступно; другіе, наоборотъ, указывали, что политика командованія Добровольческой арміи слишкомъ правая, «помѣщичья», которая отталкиваетъ отъ арміи крестьянское населеніе.

Многіе указывали, что получается совершенно ненормальное положеніе: генералъ Деникинъ, черезъ Особое Совѣщаніе, проводитъ земельный законъ для неказачьихъ раіоновъ иной, чѣмъ законы, проводимые на Дону, Кубани и Терекѣ; что это подрываетъ значеніе вырабатываемаго за-

кона и вызываетъ на него нападки массъ, какъ на «контръ-революціонный». Послѣднее указаніе было совершенно справедливо, но командованіе Добровольческой арміи и Особое Совѣщаніе не считали возможнымъ базироваться на законы, проводимые казачьими правительствами, а послѣднія, считая себя независимыми отъ командованія Добровольческой арміи, въ проведеніи своего законодательства не находили нужнымъ считаться съ законопроектами, вырабатываемыми Особымъ Совѣщаніемъ.

Въ основаніе земельнаго закона, разрабатывавшагося особой комиссіей при Особомъ Совѣщаніи, были положены слѣдующія указанія генерала Деникина (23 марта/5 апрѣля 1919 г.), данныя предсѣдателю Особаго Совѣщанія:

«Государственная польза Россіи властно требуетъ возрожденія и подъема сельскаго хозяйства.

Полное разрѣшеніе земельнаго вопроса для всей страны и составленіе для всей необъятной Россіи земельнаго закона будетъ принадлежать законодательнымъ учрежденіямъ, черезъ которыя русскій народъ выразитъ свою волю.

Но жизнь не ждетъ. Необходимо избавить страну отъ голода и принять неотложныя мѣры, которыя должны быть осуществлены незамедлительно. Поэтому Особому Совѣщанію надлежитъ теперь же приступить къ разработкѣ и составленію положеній и правилъ для мѣстностей, находящихся подъ управленіемъ главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи.

Считаю необходимымъ указать тѣ начала, которыя должны быть положены въ основу этихъ правилъ и положеній:

1) Обезпеченіе интересовъ трудящагося населенія.

2) Созданіе и укрѣпленіе прочныхъ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ за счетъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель.

3) Сохраненіе за собственниками ихъ правъ на землю. При этомъ въ каждой отдѣльной мѣстности долженъ быть опредѣленъ размѣръ земли, которая можетъ быть сохранена въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ и установленъ поря-

докъ перехода остальной частновладѣльческой земли къ малоземельнымъ.

Переходы эти могутъ совершаться путемъ добровольныхъ соглашеній или путемъ принудительнаго отчужденія, но обязательно за плату.

За новыми владѣльцами земля, не превышающая установленныхъ размѣровъ, укрѣпляется на правахъ незыблемой собственности.

4) Отчужденію не подлежатъ земли казачьи, надѣльныя, лѣса, земли высоко-производительнаго сельско-хозяйственнаго назначенія, но составляющія необходимую принадлежность горнозаводскихъ и иныхъ промышленныхъ предпріятій; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ — въ установленныхъ для каждой мѣстности повышенныхъ размѣрахъ.

5) Всемѣрное содѣйствіе землевладѣльцамъ путемъ техническихъ улучшеній земли (меліорація), агрономической помощи, кредита, средствъ производства, снабженія сѣменами, живымъ и мертвымъ инвентаремъ и проч.

Не ожидая окончательной разработки земельнаго положенія, надлежитъ принять теперь же мѣры къ облегченію перехода земель къ малоземельнымъ и поднятію производительности сельско-хозяйственнаго труда.

При этомъ власть не должна допускать мести и классовой вражды, подчиняя частные интересы благу Государства».

Пріѣзжавшій на югъ Россіи чешскій профессоръ Крамаржъ указывалъ, что правильное и срочное разрѣшеніе земельнаго вопроса явится однимъ изъ способовъ привлечь къ себѣ симпатіи крестьянскаго населенія и должно помочь свергнуть совѣтскую власть.

Профессоръ Крамаржъ говорилъ такъ: Крестьяне должны получить землю и быть увѣренными, что ее у нихъ никто не отниметъ. Но, при этомъ, нельзя вышвырнуть за бортъ и разорить культурный помѣщичій классъ, который, въ будущемъ, будетъ необходимъ для улучшенія и развитія въ Россіи культурнаго хозяйства.

По мнѣнію Крамаржа надо было при усадьбахъ оставить помѣщикамъ минимальное, необходимое для культур-

наго хозяйства, количество земли, а остальную землю, давъ обязательство помѣщикамъ, что она будетъ у нихъ выкуплена государствомъ на золото, немедленно передать крестьянамъ.

При подобномъ разрѣшеніи вопроса помѣщики не оказались бы разоренными и, впослѣдствіи, сѣли бы опять на землю. При этомъ профессоръ Крамаржъ указывалъ на то, что передачу помѣщичьей земли въ руки крестьянства должна взять на себя правительственная власть, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, отношенія между помѣщиками и крестьянами еще болѣе обострятся.

Не будучи совершенно компетентнымъ въ этомъ вопросѣ, не берусь судить о правильности того или иного его разрѣшенія, но долженъ отмѣтить, что, фактически, никакого земельнаго закона (или положенія) командованіемъ Добровольческой арміи издано не было. Законъ былъ выработанъ *) незадолго до катастрофы, случившейся на фронтѣ въ декабрѣ 1919 г.; но если бы катастрофы, и не случилось, то на проведеніе его въ жизнь потребовалось, вѣроятно, не менѣе года.

А въ этомъ вопросѣ, какъ правильно было указано профессоромъ Крамаржемъ, срочность его разрѣшенія должна была играть существенную роль.

Въ освобождаемыхъ отъ большевиковъ раіонахъ крестьяне относились крайне недовѣрчиво ко всѣмъ указаніямъ, что сборъ урожая за ними обезпечивается... Русскій крестьянинъ непреклонный собственникъ и крестьяне успокоились бы только тогда, когда получили бы въ руки законный документъ, удостовѣряющій, что земля дѣйствительно принадлежитъ имъ.

Пока же это не было сдѣлано — каждый крестьянинъ, работавшій на землѣ, отобранной отъ помѣщика, со дня на день ожидалъ, что или у него эту землю отберутъ, или его посадятъ въ тюрьму, какъ захватчика чужой собственности.

Къ сожалѣнію, при продвиженіи арміи на сѣверъ, какъ мною уже было указано, были случаи когда помѣщи-

*) Онъ даже не разсматривался Особымъ Совѣщаніемъ.

ки, подъ прикрытіемъ войскъ и при помощи сочувствовавшихъ имъ офицеровъ и мѣстной администраціи, не только отбирали у крестьянъ скотъ и инвентарь, награбленный въ ихъ экономіяхъ, но и расправлялись съ крестьянами, мстя за свое разореніе.

Эти случаи обобщались, быстро распространялись между крестьянами, и возбуждали полное недовѣріе къ заявленіямъ и обѣщаніямъ, объявлявшимся отъ имени генерала Деникина.

Выборный законъ. При возстановленіи городского и земскаго самоуправленій необходимо было установить порядокъ производства выборовъ, т. е. выборный законъ.

Вопросъ былъ очень серьезный, такъ какъ опредѣленіе порядка выборовъ въ городскія и уѣздныя земскія самоуправленія предрѣшалъ общій выборный законъ.

Споровъ было много. Одни указывали на недопустимость примѣнять систему выборовъ — всеобщихъ, прямыхъ, равныхъ и тайныхъ, справедливо доказывая, что, при этой системѣ, будутъ проводиться крайніе лѣвые элементы, не исключая и большевиковъ. Другіе признавали совершенно недопустимымъ идти по опредѣленно контръ-революціонному пути (многіе говорили — по черносотенному пути) и вводить въ выборы какія-либо ограниченія.

Эта группа указывала, что должно быть только одно ограниченіе — совершеннолѣтіе. Всѣ же граждане, достигшіе совершеннолѣтія и не лишенные по суду своихъ правъ, должны быть правомочными избирателями.

Особое Совѣщаніе рѣшило необходимымъ, признавая всеобщее избирательное право, внести въ него ограниченіе въ смыслѣ возрастного ценза (25 лѣтъ) и времени проживанія въ данномъ городѣ, уѣздѣ (не менѣе двухъ лѣтъ).

Отношеніе къ новымъ государственнымъ образованіямъ на территоріи Россіи.

Польша, конечно, признавалась какъ самостоятельное государство, но генералъ Деникинъ категорически отвергалъ возможность санкціонировать захватъ Польшей исконныхъ русскихъ земель и указывалъ, что границы съ ней

будутъ установлены впослѣдствіи, когда въ Россіи будетъ законная всероссійская власть.

Польша же добивалась получить отъ генерала Деникина вексель впередъ и опредѣленно уклонялась оказать помощь въ борьбѣ съ большевиками до соглашенія съ нимъ относительно ея границъ съ Россіей.

Относительно фактическаго признанія самостоятельности правительствъ Грузіи, Азербайджана и Арменіи возраженій не было — до рѣшенія этого вопроса будущей всероссійской властью.

Подъ давленіемъ союзниковъ, такое признаніе пришлось сдѣлать и относительно прибалтійскихъ государственныхъ новообразованій.

Что же касается Украины, Дона, Кубани, Терека, то противъ признанія полной ихъ самостоятельности опредѣленно высказывались генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе.

Считая, что указанныя части государства Россійскаго должны будутъ получить широкую автономію, мы всѣ боролись противъ домогательствъ расчленять Россію и создавать новыя «суверенныя» государства.

За эту политику насъ многіе упрекали. Даже многіе изъ тѣхъ, которые были противъ расчлененія Россіи, говорили, что эта прямолинейная политика неразумна; что надо идти на соглашенія лишь бы объединить всѣ силы для борьбы противъ большевиковъ; что для возрожденія Россіи не будутъ опасны никакія обѣщанія генерала Деникина и что Россія, когда придетъ время, во всемъ разберется, и каждый будетъ поставленъ на свое мѣсто.

Но генералъ Деникинъ на это не шелъ, говоря, что это путь опасный, нечестный и недопустимый.

Торговля и промышленность. Что касается промышленности, то, конечно, не было ни времени, ни возможности ее наладить, какъ слѣдуетъ.

Ограничились лишь тѣмъ, что все, что можно было, приспосабливали для обслуживанія арміи, флота и желѣзныхъ дорогъ.

Серьезные упреки дѣлались относительно того, что не сумѣли добиться большой добычи угля въ Донецкомъ бассейнѣ и подачи излишка угля къ портамъ.

Эти обвиненія дѣйствительно справедливы, но финансовыя затрудненія не позволили идти на установленіе цѣнъ за уголь въ томъ размѣрѣ, какъ на этомъ настаивали углепромышленники.

Съ правильнымъ разрѣшеніемъ вопросовъ торговли мы совсѣмъ не справились.

Обстановка была крайне сложная. Донъ, Кубань и Терекъ окружили себя таможенными рогатками и пропускали черезъ нихъ безпрепятственно только грузы, предназначаемые на довольствіе арміи и ея надобности и всѣ проходящіе черезъ ихъ раіоны транзитомъ.

Все же, не предназначавшееся непосредственно для арміи, правительства Дона, Кубани и Терека соглашались выпускать за свои предѣлы только на товарообмѣнъ.

На этой почвѣ возникало много треній и недоразумѣній. Получались иногда самыя невѣроятныя положенія. Кубань была полна хлѣбомъ и другими продовольственными продуктами, а неселеніе прилегавшей къ ней Черноморской губерніи, въ нѣкоторые періоды, буквально голодало; бывали случаи, когда намъ приходилось посылать поѣзда съ продовольствіемъ съ Кубани въ Черноморскую губернію въ сопровожденіи военной охраны, чтобы продовольствіе не было задержано таможенной заставой.

Создавшееся положеніе особенно тягостно отражалось на правильномъ разрѣшеніи вопросовъ внѣшней торговли.

Генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе не считали возможнымъ допустить, чтобы каждое изъ казачьихъ правительствъ вело самостоятельную внѣшнюю торговлю. Въ результатѣ же получалось то, что на ихъ территоріяхъ имѣлось не использованнымъ большое количество хлѣба и сырья, а управленіе торговли и промышленности не могло подать къ портамъ, находившимся въ вѣдѣніи командованія арміей, продукты, которые можно было бы направить за границу для полученія столь необходимой валюты, или для товарообмѣна.

Но, кромѣ того, и Особое Совѣщаніе, отвергая первоначально принципъ свободной внѣшней торговли и желая ее монополизировать въ рукахъ правительства, съ этимъ вопросомъ не справилось.

Только осенью 1919 года, убѣдившись, что казенный аппаратъ не можетъ какъ слѣдуетъ наладить внѣшнюю торговлю и товарообмѣнъ, рѣшили объявить свободу торговли, отчисляя, за вывозимые товары, извѣстный % въ валютѣ въ пользу государственной казны.

Въ связи съ вопросомъ о внѣшней торговлѣ, неоднократно подымался вопросъ о предоставленіи нашимъ союзникамъ различныхъ концессій.

Сторонники концессій указывали, что это единственный способъ получить значительныя средства въ иностранной валютѣ; что это экономически затянетъ союзниковъ въ русскія дѣла и они будутъ болѣе рѣшительно помогать въ дѣлѣ сверженія совѣтской власти и установленія въ Россіи порядка.

Генералъ Деникинъ опредѣленно былъ противъ концессій, считая, что онъ не имѣетъ права связывать будущее всероссійское правительство какими либо долгосрочными обязательствами и заниматься распродажей Россіи по частямъ.

Только въ декабрѣ 1919 года генералъ Деникинъ, съ большой неохотой, далъ согласіе на предоставленіе союзникамъ концессій на эксплоатаціи лѣсовъ въ Черноморской губерніи. Но это предположеніе, вслѣдствіе развернувшихся событій, не было осуществлено.

Гражданская администрація въ тылу.

Генералъ Деникинъ постоянно требовалъ, чтобы на подборъ администраціи обращалось самое серьезное вниманіе. Требовалось, чтобы въ распоряженіи начальника управленія Внутреннихъ Дѣлъ были заранѣе намѣченные кандидаты на должности начальниковъ губерній и уѣздовъ, которыхъ можно было бы посылать на мѣста немедленно по освобожденіи раіоновъ отъ власти большевиковъ.

Но для занятія этихъ должностей не было много охотниковъ, а потому выборъ былъ очень малъ. Надо признать,

что среди назначенныхъ начальниками губерній, а особенно начальниками уѣздовъ, оказалось много совершенно неподходящихъ и не соотвѣтствующихъ лицъ.

Плохой подборъ служащихъ и ничтожное жалованіе, дававшееся имъ и обрекавшее ихъ на полунищенское существованіе, привело скоро къ тому, что среди младшихъ служащихъ стали процвѣтать взятки и поборы съ населенія.

А это, естественно, способствовало развалу тыла и возбуждало населеніе противъ администраціи.

Контръ-развѣдка. Задача органовъ контръ-развѣдки, бывшей въ подчиненіи штабу главнокомандующаго, заключалась: въ арестѣ большевистскихъ агитаторовъ и видныхъ большевистскихъ дѣятелей, оставляемыхъ большевиками въ раіонахъ, которые они принуждены были очищать при наступленіи нашей арміи; въ производствѣ предварительнаго дознанія относительно тѣхъ мѣстныхъ жителей, которые, во время господства большевиковъ въ данной мѣстности, своей дѣятельностью особо способствовали укрѣпленію совѣтской власти; въ арестѣ въ войсковыхъ раіонахъ вновь проникавшихъ туда большевистскихъ агентовъ. Въ приморскихъ пунктахъ органы контръ-развѣдки обязаны были наблюдать за всѣми въѣзжающими и выѣзжающими, вылавливая и передавая слѣдственнымъ властямъ большевистскихъ агентовъ.

Дѣятельность органовъ контръ-развѣдки вызывала не только серьезныя жалобы, но и всеобщее возмущеніе.

На службу въ контръ-развѣдку, нормально, шелъ худшій элементъ, а соблазновъ было много: при арестахъ большевистскихъ дѣятелей обыкновенно находили много награбленныхъ драгоцѣнностей и крупныя суммы денегъ; такъ какъ отвѣтственнымъ большевистскимъ дѣятелямъ грозила смертная казнь, то за свое освобожденіе многіе изъ нихъ, предлагали крупныя взятки; за полученіе разрѣшенія на выѣздъ за границу многіе также предлагали крупныя суммы. Наконецъ, вообще характеръ дѣятельности органовъ контръ-развѣдки открывалъ широкое поприще для всевозможныхъ злоупотребленій и преступныхъ дѣйствій.

Многіе изъ членовъ контръ-развѣдки были отданы

подъ судъ, но общее мнѣніе было, что это дѣла не измѣнило, и грабежъ, и взяточничество среди членовъ контръ-развѣдки продолжали процвѣтать.

Особое Совѣщаніе нѣсколько разъ возбуждало передъ главнокомандующимъ ходатайство о передачѣ функцій контръ-развѣдки въ уголовно-розыскную часть управленія внутреннихъ дѣлъ, составъ чиновъ которой (преимущественно судебнаго вѣдомства) въ значительной степени гарантировалъ честное отношеніе къ дѣлу.

Но штабъ главнокомандующаго доказывалъ, что безъ органовъ контръ-развѣдки онъ обойтись не можетъ, и дѣло осталось безъ измѣненія до конца.

Суровыя же мѣры, которыя генералъ Деникинъ требовалъ примѣнять по отношенію къ преступнымъ элементамъ контръ-развѣдки, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привели.

Снабженіе арміи.

Снабженіе арміи производилось, главнымъ образомъ, двумя способами: черезъ союзниковъ и заготовленіемъ черезъ органы снабженія. Былъ еще третій способъ — это захватъ «военной добычи» отъ большевиковъ.

Союзники (привозили англичане, а французы принимали на себя половину стоимости предметовъ, доставляемыхъ англичанами) доставляли предметы вооруженія, снаряженія, боевые припасы, авіаціонное имущество, предметы инженернаго снабженія и обмундированіе.

По численности арміи, на первое время доставляемыхъ предметовъ снабженія было достаточно, но обмундированія было совершенно недостаточно; при постоянной перемѣнѣ личнаго состава (убитые, раненые, больные, плѣнные, дезертиры *) армія не могла быть одѣта даже сносно.

Заготовленіе предметовъ снабженія на своей территоріи средствами органовъ снабженія, мы наладить, какъ слѣдуетъ, не могли.

Отчасти, конечно, это происходило вслѣдствіе неналаженности работы управленія снабженія, но главная причи-

*) Во время гражданской войны, въ періодъ неудачъ, особенно великъ % убыли сдающимися въ плѣнъ и дезертирами.

на заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ и невозможности пріобрѣтать за границей то, чего нельзя было достать на мѣстѣ.

Съ денежнымъ довольствіемъ также происходили постоянныя задержки, и части войскъ по 2, по 3 мѣсяца не получали денегъ для выдачи жалованія чинамъ и на текущее довольствіе.

Что касается такъ называвшейся «военной добычи», то съ ней дѣло обстояло совсѣмъ плохо.

Хотя въ тылу армій имѣлись особыя комиссіи, которыя должны были принимать все захваченное имущество и его сортировать (для выдачи на довольствіе войскъ; для возвращенія владѣльцамъ, у которыхъ оно было отобрано большевиками; для продажи), но фактически въ эти комиссіи попадали жалкіе остатки.

Части войскъ, захватившія то или иное имущество, прежде всего старались устроить свои собственные запасы, а часть посылали въ тылъ для продажи или обмѣна на что нибудь другое, нужное для нихъ.

При этомъ, конечно были злоупотребленія, и многіе чины, занимавшіеся «товарообмѣномъ» и продажей имущества, старались обогатиться сами.

Все это являлось, какъ слѣдствіе плохо организованнаго снабженія и попустительства со стороны командпаго состава.

А если къ этому добавить, что командованіе армій совершенно не считалось съ общимъ органомъ снабженія, а считало, что все захваченное на фронтѣ принадлежитъ по праву «военной добычи» данной арміи (Донское командованіе перевозило къ себѣ на Донъ даже станки съ заводовъ не — Донской территоріи), то ясна будетъ та картина безобразія, которая происходила при продвиженіи арміи впередъ, вызывая, со стороны населенія и владѣльцевъ различнаго имущества, жалобы и нареканія.

Вслѣдствіе неналаженности снабженія и несвоевременнаго полученія всего необходимаго, командный составъ армій и войсковыя части прибѣгали къ реквизиціямъ у населенія.

Платныя реквизиціи въ этихъ случаяхъ были вполнѣ законными; но такъ какъ были часто случаи, что войсковыя части не получали своевременно причитавшихся имъ денежныхъ средствъ, то реквизиціи производились и безплатныя. Сначала случаи безплатныхъ реквизицій были рѣдкіе и при производствѣ ихъ выдавались населенію квитанціи на забранные продукты, но впослѣдствіи, къ концу лѣта 1919 года, они не только участились, но стали обыденнымъ явленіемъ.

Войска называли это «самоснабженіемъ», а, фактически, эти реквизиціи превратились просто въ грабежъ, возбуждавшій населеніе противъ арміи.

Финансовый вопросъ. Между главнымъ командованіемъ и казачествомъ состоялось соглашеніе о необходимости образовать единый государственный банкъ и перейти къ единому денежному знаку, но фактически это не было проведено въ жизнь.

Ростовская экспедиція заготовленія денежныхъ знаковъ осталась въ вѣдѣніи донского правительства, которое согласилось часть выпускаемыхъ денежныхъ знаковъ передавать въ распоряженіе управленія финансовъ Добровольческой арміи, а также кубанскому и терскому правительствмъ. Но количество получаемыхъ денежныхъ знаковъ совершенно не удовлетворяло потребности въ нихъ.

Управленіе финансовъ Добровольческой арміи хотя и оказало помощь донскому правительству по лучшему оборудованію Ростовской экспедиціи, но, параллельно съ этимъ, принуждено было оборудовать въ Кіевѣ, Одессѣ и Новороссійскѣ (впослѣдствіе и въ Θеодосіи) свои экспедиціи. Кромѣ того, въ Англіи были заказаны, по особому образцу, денежные знаки различныхъ достоинствъ. Заграничный заказъ сталъ выполняться не задолго до катастрофы 1919 года, и эти денежные знаки не были пущены въ обращеніе.

Кіевская и Одесская экспедиціи, вскорѣ послѣ ихъ оборудованія, должны были быть эвакуированы; Новороссійская и Θеодосійская экспедиціи были окончательно оборудованы къ концу 1919 года.

Въ результатѣ мы почти все время ощущали острую нужду въ денежныхъ знакахъ и, изъ-за этого генералъ Деникинъ не могъ своевременно увеличить содержаніе служащимъ *) въ соотвѣтствіи съ вздорожаніемъ жизни.

Недостаточное же содержаніе и жизнь впроголодь толкали очень многихъ на преступные поступки; поборы и взяточничество развивались.

Конечно, нельзя говорить, что это единственная причина, развившая взяточничество и поборы, но, при вообще значительно понизившемся моральномъ уровнѣ за періодъ войны и революціи, это была одной изъ главныхъ причинъ.

Недостатокъ денежныхъ знаковъ вліялъ на скупку зерна, на широкія угольныя заготовки и на развитіе работъ по заготовкамъ всего необходимаго для арміи.

Несвоевременные переводы денегъ на довольствіе войскъ, какъ я уже отмѣтилъ, вызывали производство безплатныхъ реквизицій.

Управленіе финансовъ доказывало, что дѣлало все,

---

*) Плохо были обезпечены не только младшіе, но и старшіе чины.

При первоначальномъ формированіи Добровольческой арміи въ 1917 г., когда жизнь уже сильно вздорожала, оклады были приняты минимальные. Генералъ Корниловъ получалъ 1000 рублей въ мѣсяцъ, а ближайшіе его сотрудники, генералъ Деникинъ и я, по 700 рублей въ мѣсяцъ.

Разбирая документы, я нашелъ слѣдующаго содержанія записку генерала Алексѣева на имя завѣдующаго контрольно-финансовымъ отдѣломъ Добровольческой арміи, которая мнѣ объяснила причину, почему семья генерала Алексѣева, бывшая на Донской территоріи во время перваго кубанскаго похода, очень бѣдствовала:

„Лично мнѣ за время дѣятельности въ организаціи опредѣлено вознагражденіе отъ Московскаго центра по 1500 рублей въ мѣсяцъ.

Вслѣдствіе потери связи я не получаю этого вознагражденія за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1918 г.

Прошу, позаимствовавъ эту сумму изъ общихъ запасовъ организаціи и проведя ее по отчетамъ, выдать мнѣ впредь до расчета съ Московскимъ центромъ. Генералъ Алексѣевъ. 22 апрѣля 1918 г. Егорлыкская".

Значительное повышеніе окладовъ содержанія послѣдовало только осенью 1919 г. Лѣтомъ же 1919 г. моя, напримѣръ, семья хотя я тогда получалъ уже 1800 р. въ мѣсяцъ, едва сводила концы съ концами и то только благодаря тому, что жена и дочь сами готовили обѣдъ и стирали бѣлье.

Одинъ изъ губернаторовъ жаловался мнѣ на то, что онъ не только не можетъ пригласить къ своему столу кого либо изъ вызванныхъ къ нему изъ уѣздовъ по дѣламъ службы, но и самъ съ семьей буквально голодаетъ.

что только было возможно, для полученія большаго числа денежныхъ знаковъ, но обстановка не позволяла, какъ слѣдуетъ, наладить дѣло.

Судить не берусь, можно ли было сдѣлать больше, но всѣ обвиняли управленіе финансовъ въ неумѣніи наладить печатаніе достаточнаго количества денежныхъ знаковъ, въ то время когда большевики налаживали печатаніе чуть ли не въ вагонахъ.

Положеніе управленія финансовъ было чрезвычайно трудное. Но думаю, что если-бъ ему вначалѣ и удалось наладить работу печатнаго станка, то надолго этого не хватило бы, и это, конечно, не было разрѣшеніемъ вопроса.

Курсъ бумажныхъ денегъ такъ катастрофически падалъ, что какъ бы много ни печаталось денегъ — ихъ, все равно, скоро перестало бы хватать.

Заемъ заграницей или значительный кредитъ получить не удалось, а наладить вывозъ хлѣба и сырья мы не сумѣли.

Изъ русскихъ средствъ, находившихся заграницей, Добровольческая армія получила право располагать, сравнительно, незначительной суммой, которой было недостаточно, былъ еще способъ получить въ распоряженіе казны значительное количество цѣнностей—путемъ скупки золота и драгоцѣнностей у частныхъ лицъ и въ магазинахъ. На это нѣсколько разъ обращали вниманіе управленія финансовъ; было предположено поручить это дѣло нѣсколькимъ агентамъ, но, насколько мнѣ извѣстно, это осуществлено не было. Думаю, что если-бы это было организовано и за драгоцѣнности казна платила бы нѣсколько выше рыночной цѣны то можно было бы скупить ихъ очень много и образовать довольно значительный валютный фондъ. Надо имѣть въ виду, что, какъ ни грабили большевики, но бѣженцы, все же умудрялись провозить съ собой много драгоцѣнностей, и ихъ на югѣ Россіи накопилось не мало.

Очень сложнымъ былъ вопросъ съ признаніемъ или непризнаніемъ совѣтскихъ денегъ.

Населеніе, у котораго скопилось много этихъ денегъ, было недовольство отказомъ командованія ихъ признавать

войска, при продвиженіи впередъ, при захватѣ военноплѣнныхъ, совѣтскихъ штабовъ и различныхъ учрежденій, насыщались этими деньгами и также были недовольны ихъ непризнаніемъ.

Особое Совѣщаніе считало недопустимымъ признать эти деньги, хотя бы и временно. *) При временномъ ихъ признаніи, т. е. назначеніи срока для обмѣна ихъ на денежные знаки, имѣющіе хожденіе на освобожденной отъ большевиковъ территорій, у насъ не хватило бы денегъ для производства этой операціи. Свободное же допущеніе въ обращеніи совѣтскихъ денежныхъ знаковъ давало бы въ руки совѣтскаго правительства слишкомъ могучее оружіе для борьбы съ нами.

Генералъ Деникинъ, при объѣздѣ фронта, прислалъ мнѣ изъ Харькова (23 іюня/6 іюля 1919 г.) телеграмму, въ которой между прочимъ, указывая, что распоряженіе о непризнаніи совѣтскихъ, въ частности «пятаковскихъ», денегъ волнуетъ населеніе, въ которое выпущено ихъ около милліарда, сообщилъ, что генералъ Май Маевскій это распоряженіе пріостановилъ, и просилъ дать объясненія.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму я послалъ (24 іюня/7 іюля) главнокомандующему слѣдующій отвѣтъ:

«Вопросъ о совѣтскихъ деньгахъ, въ частности «пятаковскихъ», подробно обсуждался Особымъ Совѣщаніемъ и съ практической и съ научной точекъ зрѣнія. Единогласно признано, что если допустить и признать эти деньги, то мы оставляемъ страшное орудіе въ рукахъ совѣтской власти и ведемъ Россію къ вѣрному банкротству. Вѣдь при дальнѣйшемъ продвиженіи мы встрѣтимъ еще большее количество милліардовъ этихъ денегъ. То, что населеніе, имѣющее конечно и романовскія и керенки, и украинскія, выбрасываетъ на рынокъ именно совѣтскія, прежде всего, указываетъ на то, что оно само сознаетъ непрочность этихъ денегъ. Конечно, и у войскъ совѣтскихъ денегъ оказалось много. Характеренъ одинъ изъ мотивовъ Май Маевскаго, что на

*) Исключеніе изъ этого правила, въ смыслѣ временнаго признанія совѣтскихъ денегъ, насколько помню, было допущено только для раіона Сѣвернаго Кавказа.

армію жертвуется много этихъ денегъ. Конечно эта операція (т. е. непризнаніе совѣтскихъ денегъ) болѣзненная, но Особое Совѣщаніе и Управляющій финансами другого выхода не видѣли. Постановлено предложить всѣ совѣтскія деньги сдавать на текущій счетъ, объявивъ населенію, что пока ихъ судьба не рѣшается; но выдавать можно каждому, независимо отъ принесенной суммы, не болѣе пятисотъ рублей признаваемыми знаками *) съ отмѣткой на видѣ на жительство. Единственно, что возможно — это нѣсколько увеличить выдачу, но врядъ ли допустимо эти деньги признавать».

Генералъ Деникинъ согласился съ этимъ объясненіемъ, и были преподаны соотвѣтствующія указанія.

Но эта мѣра, особенно среди рабочихъ, вызвала большое неудовольствіе противъ «бѣлой арміи».

Вопросы организаціонные и оперативные.

Вести правильно работу по формированію и организаціи арміи въ условіяхъ гражданской войны, не имѣя устроеннаго тыла и не будучи хозяевами на территоріи казачьихъ войскъ, было крайне трудно.

Въ этой области ошибокъ было, конечно, много, но я остановлюсь только на вопросѣ форированія новыхъ войсковыхъ частей и, въ частности, на созданіи регулярной кавалеріи.

Отъ «добровольческаго» принципа генералъ Деникинъ отказался съ началомъ 2-го кубанскаго похода, т. е. примѣрно, съ мая 1918 года.

Хотя армія и продолжала называться «Добровольческой», но какъ на территоріи Кубанскаго казачьяго войска, такъ и въ освобождаемыхъ неказачьихъ раіонахъ, были образованы управленія уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, и военнообязанные, какъ запасные, такъ и новобранцы, призывались на службу въ войска.

Всѣ офицеры, находившіеся въ освобождаемыхъ раіо-

---

*) Эту уступку, т. е. незначительный размѣнъ, признано было необходимымъ сдѣлать, такъ какъ дѣйствительно городское населеніе, а особенно рабочіе, при полномъ непризнаніи совѣтскихъ денегъ ставились въ очень тяжелое положеніе.

нахъ, также обязаны были поступить на службу. Перешли, такимъ образомъ, къ принципу обязательной службы.

Съ расширеніемъ территоріи, въ распоряженіи командованія арміи оказался значительный контигентъ военнообязанныхъ, и явилась возможность приступить къ значительному увеличенію арміи.

Увеличеніе арміи могло производиться двумя путями: или развертываніемъ существующихъ полковъ въ бригады, бригадъ въ дивизіи, дивизій въ корпуса; или формированіемъ новыхъ полковъ и сведеніемъ ихъ въ новыя болѣе крупныя соединенія.

У насъ были примѣнены оба способа, но первому, какъ обезпечивающему болѣе прочныя части, было отдано преимущественное предпочтеніе.

Увеличеніе арміи путемъ новыхъ формированій производилось въ раіонахъ, гдѣ не было старыхъ частей Добровольческой арміи (въ Крыму, въ Новороссіи, въ Кіевской области, на Сѣверномъ Кавказѣ) и при возсозданіи старыхъ полковъ Императорской арміи.

Эти рѣшенія не вызывали сомнѣнія, да и другихъ рѣшеній быть не могло; но способъ формированія частей вызывалъ критику. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе растерянности фронта и его слабости, штабъ главнокомандующаго примѣнялъ способъ формированія новыхъ частей **на фронтѣ.** Получая укомплектованіе, скажемъ, Корниловскій полкъ — выдѣлялъ кадръ и тутъ же на фронтѣ формировалъ новый 3-й или 4-й Корниловскій полкъ.

Вновь сформированный полкъ, въ который на укомплектованіе поступали и присланныя пополненія изъ запасныхъ батальоновъ и только что взятые въ плѣнъ красноармейцы, въ ближайшіе же дни попадалъ въ бой и какъ недостаточно сплоченный, при малѣйшей боевой неудачѣ, несъ большія потери дезертирами и плѣнными.

Противники развертыванія частей на фронтѣ указывали и на другой существенный недостатокъ этой системы, а именно, начальники дивизій, желая скорѣй развернуть свои части, скрывали отъ органовъ снабженія число захваченныхъ у большевиковъ орудій, пулеметовъ, винтовокъ и

боевыхъ припасовъ; образовывали свои запасы, и это, при общемъ недостаткѣ всякихъ запасовъ, естественно, отражалось на планомѣрности формированій. А захваченное имущество, безъ должнаго ремонта, который произвести на фронтѣ было невозможно, скоро приходило въ полную негодность.

Штабъ главнокомандующаго не соглашался на выдѣленіе кадровъ изъ дѣйствующихъ частей и на отправку ихъ для формированій новыхъ частей въ глубокій тылъ, указывая на невозможность ослаблять фронтъ.

Конечно, при формированіи новыхъ частей въ глубокомъ тылу, фронтъ усиливался бы новыми частями значительно позже, и это, естественно, должно было бы уменьшить темпъ развитія операціи и не позволяло бы сильно растягивать фронтъ. Но, по мнѣнію многихъ, при формированіи новыхъ частей въ глубокомъ тылу — усиленіе арміи было бы поставлено болѣе основательно и болѣе прочно, а новыя части были бы крѣпче.

Что касается развитія формированій частей регулярной кавалеріи, то на это не было обращено должнаго вниманія.

Командованіе Добровольческой арміи отлично понимало, что въ гражданской войнѣ, при сравнительной слабости пѣхоты противника, конница должна играть громадную роль. Но у насъ на развитіе формированій регулярной конницы было обращено большее вниманіе лишь лѣтомъ 1919 года, но и то не въ достаточной степени.

Между тѣмъ, если бъ этотъ вопросъ былъ правильно поставленъ съ осени 1918 года, то, при наличіи большого числа кавалерійскихъ офицеровъ, можно было бы преодолѣть всѣ трудности и къ осени 1919 года имѣть значительную регулярную конницу.

Оперативные планы главнаго командованія подвергались также критикѣ.

Я остановлюсь только на тѣхъ нападкахъ, которые, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія.

Указывалось на то, что весной 1919 года, послѣ очищенія отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа, было бы болѣе

правильно, не занимая Донецкаго бассейна, и лишь удерживая ва правомъ берегу Дона плацдармъ у Ростова, всѣ силы сосредоточить на Царицынскомъ направленіи и, занявъ Царицынъ, развивать операціи вдоль Волги, что нарушило бы операціи большевиковъ противъ армій адмирала Колчака и дало бы возможность войти въ связь съ послѣднимъ.

Трудно сказать, конечно, насколько такая операція была бы удачна. Если бы удалось удержать Ростовъ и Новочеркасскъ, то она могла дать блестящіе результаты; но если бъ линію Дона удержать не удалось и если бъ большевики, опрокинувъ заслонъ и потѣснивъ Донскую армію, отрѣзали группу войскъ, оперирующую на Царицынскомъ направленіи, отъ ея базы на Кубани, то это могло бы окончиться плохо.

Затѣмъ многіе обвиняли главное командованіе что оно, гонясь за захватомъ большей территоріи, не сообразуясь съ наличными силами, слишкомъ продвинуло армію впередъ, растянуло войска и въ результатѣ, не имѣя нигдѣ резервовъ, потерпѣло пораженіе.

Этотъ упрекъ, въ связи съ общимъ неустройствомъ тыла, надо признать правильнымъ.

* * *

Въ главѣ десятой я, можетъ быть, излишне подробно остановился на несогласіяхъ, существовавшихъ между главнымъ командованіемъ и представителями казачьихъ войскъ.

Чтобы не было никакихъ недоразумѣній — я еще разъ долженъ подчеркнуть, что всѣ эти несогласія зиждились на непримиримомъ расхожденіи во взглядахъ на государственное строительство Россіи.

Небольшая группа политическихъ дѣятелей въ казачьихъ войскахъ, сумѣвшая вліять на большинство въ собираемыхъ представительныхъ органахъ (Кругъ, Рада) добивались образованія самостоятельныхъ государствъ: Дона, Кубани, Терека; а затѣмъ уже объединенія Россіи на федеративныхъ началахъ.

Главное же командованіе арміи и Особое Совѣщаніе,

нисколько не посягая на самобытный укладъ казачьей жизни, говорили; Вы — прежде всего русскіе. Вы должны составлять единое съ Россіей, но пользоваться самой широкой автономіей.

Многіе насъ упрекали за нашу непримиримую въ этомъ отношеніи позицію, указывая, что, въ сущности говоря, безразлично какъ называть — «федерація», или «автономія», лишь бы было единое командованіе и единые — внѣшнія сношенія, финансы, контроль и таможенная политика.

Къ сожалѣнію, дѣятельность нѣкоторыхъ ярыхъ самостійниковъ показывала, что это не безразлично, и если бы командованіе Добровольческой арміи на эту уступку пошло, то могли получиться самые невѣроятные результаты.

Что же касается всего простого казачества (Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго и всего командпаго казачьяго состава, то они, кровно спаянные съ Добровольческой арміей, совмѣстно съ ней, совершенно не занимаясь политикой, которую вела небольшая кучка людей, безропотно и самоотверженно дѣлали великое дѣло спасенія Россіи отъ ига насильниковъ и вели борьбу до конца.

* * *

Значительный % преступнаго элемента среди воинскихъ чиновъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, объясняется, прежде всего, тѣмъ, что съ лѣта 1918 года, вооруженныя силы юга Россіи фактически перестали быть Добровольческой арміей.

Ряды арміи пополнялись не только идейными людьми, какъ это было въ первый періодъ существованія арміи, а также по набору, по принужденію, по повинности; много въ армію попадало и изъ числа военноплѣнныхъ и перебѣжчиковъ красной, большевистской арміи.

При общемъ пониженіи моральнаго уровня за періодъ Европейской войны и русской смуты, естественно, что и въ ряды вооруженныхъ силъ юга Россіи попадалъ значительный процентъ преступнаго элемента.

Но тѣ преступныя дѣянія, которыя омрачали дѣятельность вооруженныхъ силъ юга Россіи, тонули въ геройскомъ

поведенiи и самоотверженной работѣ русскаго *) офицерства, русской *) молодежи (студентовъ, гимназистовъ, юнкеровъ и кадетъ) и многихъ простыхъ казаковъ и солдатъ, которые, неся страшныя тяготы и лишенiя, безстрашно и безропотно шли на смерть ради спасенiя несчастной, опозоренной Родины.

* * *

Конечную неудачу такъ называемаго «Деникинскаго перiода» большинство приписываетъ тому, что руководители армiи и Особое Совѣщанiе совершенно не справились съ устройствомъ тыла и не уберегли армiю отъ развала.

Какъ конечный выводъ — это вѣрно. Но обстановка была такъ сложна, условiя работы по государственному строительству были такъ трудны, что неудачи этого перiода врядъ ли можно объяснить только неправильной политикой генерала Деникина и его правительства, ошибками послѣдняго и неудачнымъ подборомъ сотрудниковъ.

Не знаю, насколько удачно, но въ своемъ изложенiи я хотѣлъ очертить ту совокупность условiй, которыя и привели къ конечной неудачѣ.

Что касается собственно Добровольческой армiи, то, несмотря на многiя тѣневыя стороны, ея самоотверженная и патрiотическая работа будетъ отмѣчена исторiей.

Въ заключенiе я позволю себѣ привести выдержки изъ статьи «Побѣда духа» (Газета Свободная Рѣчь отъ 30 марта (12 апрѣля 1919 г. № 71) чистаго сердцемъ, большого русскаго патрiота профессора князя Евгенiя Трубецкого:

«Главное отличiе Добровольческой армiи отъ большевистской — дiаметрально противоположной жизненный укладъ..... у нихъ (добровольцевъ) есть то, чего нѣтъ у большевиковъ. Есть воинская честь и несокрушимая сила духа.

Въ дни всеобщаго униженiя и разложенiя, Добровольческая армiя явила эту силу. Въ этомъ ея заслуга, которая больше всѣхъ одержанныхъ ею побѣдъ. Въ эпохи нацiо-

---

*) Я, конечно казачества не отдѣляю отъ русскаго офицерства и русской молодежи. Да для нихъ, вопреки мнѣнiю нѣкоторыхъ „самостiйниковъ", это было бы и кровнымъ оскорбленiемъ.

нальнаго упадка самое ужасное — это тотъ духовный параличъ, который наступаетъ, когда народъ утрачиваетъ вѣру въ себя. Сколько разъ Россія переживала это мучительное состояніе! Съ него началась русская исторія, когда отчаявшись въ себѣ, наши предки послали за варягами. Потомъ то же отчаяніе — въ дни татарщины и въ тяжкое лихолѣтіе смутнаго времени.

Чѣмъ спасаются въ такія времена? Конечно, не какими либо великими дѣлами массъ, которыя всегда сѣры, безцвѣтны и малодушны, а героическими подвигами избранныхъ, лучшихъ людей...

А народъ былъ тогда, какъ и теперь, все та же колеблющаяся, измѣнчивая масса, которая то звѣрѣетъ и неистовствуетъ, то кается въ своихъ грѣхахъ и подчиняется національному инстинкту, то коснѣетъ въ тупомъ равнодушіи. Не масса дѣлаетъ исторію, а личность.

Она зажигаетъ массы; отъ нея рождаются стихійныя, неудержимыя народныя движенія.

Вотъ почему намъ такъ безконечно дороги тѣ героическіе подвиги, которые были явлены на Кубани и на Терекѣ.

Они пробуждаютъ въ насъ вѣру въ Россію...

Въ заключеніе помянемъ еще заслугу, за которую мы должны отвѣсить земной поклонъ Добровольческой арміи. Мы живемъ въ эпоху неслыханнаго упадка патріотизма. Одни мѣняютъ родину на выгоду личную, другіе на выгоду классовую. Третьи дѣлаютъ видъ, что ее любятъ, но, на самомъ дѣлѣ, дѣлаютъ карьеру на патріотизмѣ.

И вотъ теперь, среди этой деморализаціи и разложенія, — ясный проблескъ національнаго возрожденія. Мы видимъ людей, которые любятъ Россію беззавѣтно и безгранично, ради нея самой, какъ любятъ безконечно дорогого человѣка. Ибо какой корысти ждутъ отъ Россіи тѣ, кто, добровольно, безъ принужденія, жертвуютъ для нея жизнью или становятся ради нея калѣками.

Въ минуту, когда мы не знали, жива Россія или мертва, — добровольцы явили горячую, пламенную любовь къ

родинѣ и тѣмъ засвидѣтельствовали о таящейся въ ней жизненной силѣ.

Нѣтъ того народа, который въ теченіе многихъ вѣковъ своей исторіи не переживалъ бы критическіе, страшные дни упадка и смуты.

Но отличіе великаго народа — въ его способности подниматься изъ глубины паденія на высоту, недоступную слабымъ и малодушнымъ.

Теперь мы видимъ начало такого подъема, онъ засвидѣтельствованъ не словами, а дѣлами, которыя перейдутъ въ исторію и останутся навсегда предметомъ восхищенія и гордости.

Часть шестая.

Врангелевскій періодъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Послѣ всякой крупной боевой неудачи, слѣдствіемъ которой является не частичное пораженіе какой нибудь группы войскъ, находящихся на фронтѣ, а отступленіе по всему фронту и общая потеря арміей способности оказывать сопротивленіе преслѣдующему противнику, всегда наступаетъ, за развалομъ фронта, развалъ тыла.

Возстановить боеспособность арміи возможно въ этихъ случаяхъ только при условіи, если удастся вывести войска изъ-подъ ударовъ противника и затѣмъ пополнить ихъ и привести въ порядокъ.

Но приведеніе въ порядокъ разстроенной арміи и возстановленіе правильной дѣятельности армейскаго тыла является всегда операціей очень сложной и трудной.

Нормально это достижимо лишь при условіи наличія здороваго глубокаго тыла, сохраненія арміей вѣры въ своихъ вождей и имѣнія достаточныхъ и хорошо подготовленныхъ укомплектованій, а также запасовъ для пополненія въ арміи всего недостающаго.

Ни одного изъ этихъ обязательныхъ условій для возстановленія боеспособности арміи, послѣ ея эвакуаціи въ Крымъ, въ наличности не было.

Какъ мною было отмѣчено въ пятой части моихъ «Воспоминаній», здороваго тыла у нашей арміи не было. Развалъ тыла начался задолго до развала арміи.

Послѣ занятія большевиками въ концѣ декбря 1919 г. Ростовъ — Новочеркасскаго плацдарма, вооруженныя силы юга Россіи, на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, для прикрытія Кубани и Сѣвернаго Кавказа, были отведены за рѣки Манычъ и Донъ.

Въ половинѣ января противникъ вновь повелъ наступленіе, но былъ встрѣченъ контръ-ударомъ, и нами было захвачено свыше 5000 плѣнныхъ, 65 орудій, 100 пулеметовъ и много другой военной добычи.

Для многихъ казалось, что въ ходѣ операцій можетъ произойти переломъ *); но этотъ успѣхъ, въ дѣйствитель-

---

*) Привожу краткій обзоръ военныхъ дѣйствій вооруженныхъ силъ на югѣ Россіи съ 15/28 января по 1/14 февраля 1920 года.

„Противникъ, занявъ въ концѣ декабря Ростово-Новочеркасскій плацдармъ и сосредоточивъ въ низовьяхъ Маныча и Дона свои лучшія— конную, 8-ю и 9-ю арміи, поставилъ себѣ цѣлью прорваться здѣсь на Кубань.

Одиннадцатая и десятая его арміи получили задачу овладѣть Ставрополемъ и Торговой, а 13-я, 14-я и 12-я—наступать на Крымъ и Одессу.

Вооруженныя силы юга Россіи, съ задачей прикрывать Сѣверный Кавказъ, Кубань, Крымъ и Одесскій раіонъ, отошли—на востокъ за Манычъ и Донъ, а на западѣ на сѣверное побережье Крыма, Перекопъ на правый берегъ Буга и Саврани.

Въ половинѣ января противникъ, пользуясь тѣмъ, что рѣки замерзли, переправившись въ низовьяхъ Маныча и Дона, повелъ наступленіе на югъ.

Наши части встрѣтили его контръ-ударомъ.

Конница наша разбила конную армію красныхъ, которая въ паникѣ, оставивъ въ нашихъ рукахъ всю артиллерію, бѣжала за Манычъ; пѣхота также не вынесла нашего стремительнаго удара и повернула назадъ, бросая пушки и цѣлыми частями сдаваясь въ плѣнъ.

Послѣдующія попытки противника наступать окончились для него также неудачно. Всюду противникъ отброшенъ за Манычъ и Донъ.

Нами захвачено свыше 5000 плѣнныхъ, 65 орудій, 100 пулеметовъ и много другой военной добычи.

Наступательный порывъ совѣтскихъ армій значительно понизился и дезертирство изъ ихъ рядовъ сильно возрасло.

Въ тылу у нихъ начались возстанія казаковъ и рабочихъ Ростова.

Повстанцы въ Новочеркасскѣ и прилежащихъ станицахъ разогнали совдепы и перебили комиссаровъ. О дальнѣйшемъ ходѣ возстаній пока новыхъ свѣдѣній нѣтъ.

Въ то же время на флангахъ — на правомъ наши войска сдерживаютъ красныхъ въ Кизлярскомъ, Свято-Крестовскомъ и Ставропольскомъ раіонахъ; на лѣвомъ — въ Крыму наступленіе совѣтскихъ войскъ на Чонгаръ и Перекопъ отбито нами, краснымъ нанесенъ тяжелый уронъ; нами захвачено свыше 2000 плѣнныхъ, пушки и пулеметы.

Одесскій раіонъ эвакуированъ нами.

Въ ближайшее время заканчиваются организаціонныя работы въ тылу и арміи юга перейдутъ въ наступленіе. Подписалъ: Начальникъ штаба генералъ-лейтенантъ Романовскій."

ности, былъ лебединой пѣсней вооруженыхъ силъ Юга Россіи.

Хотя и послѣ этого было нѣсколько удачныхъ дѣлъ, но армія быстро разваливалась, и взоры громаднаго большинства офицеровъ обращались назадъ, гдѣ находились ихъ жены, дѣти, родители, за участь которыхъ они безпокоились, опасаясь, что ихъ не эвакуируютъ.

Желѣзная дорога отъ арміи къ Новороссійску была забита поѣздами съ ранеными, больными, эвакуируемыми и бѣженцами.

Въ тылу царилъ хаосъ, а въ Новороссійскѣ чуть не штурмомъ брались на пароходахъ мѣста, предоставленныя для эвакуируемыхъ.

Къ концу февраля (по старому стилю) командованію вооруженныхъ силъ на югѣ Россіи стало ясно, что арміи больше нѣтъ и что для возможности дальнѣйшей борьбы съ большевиками надо сохранившіяся части эвакуировать въ Крымъ.

Въ Крымъ было эвакуировано то, что отошло на Новороссійскъ.

Значительное же число казачьихъ частей (Донскихъ, Кубанскихъ, Астраханскихъ и Терскихъ), отошедшихъ на Туапсе и далѣе на Сочи, эвакуировать не удалось (впослѣдствіи часть изъ нихъ, распоряженіемъ генерала Врангеля, была перевезена изъ Сочи въ Крымъ). Перевезены были въ Крымъ и 3000 человѣкъ изъ состава группы войскъ, отошедшей черезъ Владикавказъ на Тифлисъ и интернированной грузинами въ Поти.

Эвакуація войскъ изъ Новороссійска въ Крымъ была произведена крайне безпорядочно и, вслѣдствіе недостатка угля для имѣвшихся транспортныхъ средствъ, пришлось бросить въ Новороссійскѣ колоссальное количество матеріальной части и боевыхъ припасовъ. Почти вся конница была перевезена въ Крымъ безъ лошадей.

Съ первыхъ же дней послѣ эвакуаціи арміи въ Крымъ рѣзко опредѣлилось самое ужасное, что можетъ случиться съ арміей, — это недовѣріе къ командованію.

Очень многіе изъ команднаго состава и рядового офи-

церства въ неудачахъ, постигшихъ армію, обвиняли начальника штаба генерала Романовскаго.

Генералъ Деникинъ, чтобы успокоить взволнованныя страсти, рѣшился на смѣну начальника штаба, но затѣмъ рѣшилъ и самъ уйти.

Для всѣхъ въ арміи было ясно, что единственнымъ авторитетнымъ замѣстителемъ генерала Деникина могъ быть генералъ баронъ Врангель.

Иначе ли думалъ генералъ Деникинъ, или у него были какія либо другія причины, чтобы отстранить отъ себя единоличный выборъ себѣ замѣстителя, но онъ приказалъ генералу А. М. Драгомирову собрать совѣщаніе изъ старшихъ начальниковъ и предложить имъ высказаться о желательномъ кандидатѣ на постъ главнокомандующаго вооруженными силами юга Россіи.

Со словъ участниковъ этого совѣщанія я знаю, что командующіе корпусами прибыли въ сопровожденіи значительно большаго числа лицъ, чѣмъ это было указано.

Получилось впечатлѣніе, что со стороны нѣкоторыхъ лицъ имѣлось намѣреніе, путемъ увеличенія числа участниковъ совѣщанія, провести желательныхъ для нихъ кандидатовъ.

Генералъ Драгомировъ удалилъ изъ совѣщанія всѣхъ тѣхъ, которые не были приглашены.

Послѣ обсужденія возникшаго положенія, совѣщаніе постановило обратиться къ генералу Деникину съ просьбой самому назначить себѣ замѣстителя, а не рѣшать этотъ вопросъ, вводя опасный и чреватый послѣдствіями принципъ выборнаго начала.

Какъ мнѣ потомъ передавали, генералъ Деникинъ все же выразилъ желаніе узнать мнѣніе старшихъ начальниковъ о желательномъ кандидатѣ, сообщивъ, что окончательное рѣшеніе о назначеніи того или иного лица онъ, во всякомъ случаѣ, оставляетъ за собой.

На совѣщаніи опредѣленно выяснилось, что только назначеніе генерала Врангеля можетъ успокоить взбудораженныя страсти.

Генералъ Деникинъ приказалъ вызвать генерала Вран-

геля изъ Константинополя, гдѣ послѣднiй находился послѣ своей отставки и собирался, какъ частный человѣкъ, переѣхать въ Сербiю.

Ко времени прiѣзда генерала Врангеля въ Севастополь генераломъ Деникинымъ былъ отданъ приказъ о назначенiи его своимъ замѣстителемъ.

Что же засталъ генералъ Врангель въ Крыму?

Вооруженныхъ силъ юга Россiи, какъ армiи — не существовало.

Было только нѣсколько отдѣльныхъ частей, но слабаго состава, сохранившихъ полную боеспособность.

Остальныя части, при колоссально разросшихся тыловыхъ учрежденiяхъ, были въ полномъ разстройствѣ.

Какъ среди старшихъ, такъ и среди младшихъ чиновъ былъ большой процентъ потерявшихъ всякое понятiе о воинской дисциплинѣ.

Какъ слѣдствiе болѣе чѣмъ распущенной жизни предыдущаго перiода, въ армiи былъ значительный процентъ преступнаго элемента.

Но, вмѣстѣ съ этимъ, эти остатки вооруженныхъ силъ юга Россiи, по своей доблести и по своимъ основнымъ качествамъ, лишь затемненнымъ и загрязненнымъ за перiодъ развала армiи, являлись великолѣпнымъ матерiаломъ для созданiя отличной армiи.

Для этого требовалось — твердая рука, желѣзная дисциплина и время.

Разсчитывать, что противникъ дастъ много времени на приведенiе армiи въ порядокъ — было трудно. Но, кромѣ этого, для приведенiя армiи въ порядокъ требовалось обмундированiе, вооруженiе, боевые припасы и конскiй составъ.

Всего этого въ Крыму было очень мало. Даже вопросъ продовольствiя встрѣчалъ серьезныя затрудненiя: въ Крыму совсѣмъ не было сахару и ничтожное количество жировъ и мяса.

Тылъ былъ — море и Константинополь, поддерживать связь съ которымъ, вслѣдствiе отсутствiя угля, было трудно.

Для пріобрѣтенія же всего необходимаго изъ-за границы требовались деньги въ иностранной валютѣ, а ихъ въ распоряженіи Командованія арміи было немного.

Крымъ былъ переполненъ бѣженцами, настроенными, естественно, панически; тыловыя учрежденія бывшаго крымскаго корпуса находились въ полномъ разстройствѣ, а въ Крымскихъ горахъ бродили шайки, такъ называемыхъ «зеленыхъ», наводившихъ страхъ на мирныхъ жителей.

Общая обстановка усложнялась ультимативнымъ требованіемъ Великобританіи не выдвигать войска къ сѣверу отъ Перекопскаго перешейка и явнымъ ея стремленіемъ заставить прекратить дальнѣйшую борьбу вооруженныхъ силъ юга Россіи противъ совѣтской власти.

Генералъ Врангель, принявъ командованіе при такой, почти безнадежной, обстановкѣ, поставилъ себѣ первоначальной задачей: удержать Крымъ отъ натиска большевиковъ, возстановить боеспособность арміи и установить порядокъ въ Крыму.

Въ письмѣ на мое имя, отъ 2/15 апрѣля 1920 г., онъ сообщилъ: «Насущнѣйшихъ вопроса два: 1) срочная доставка въ возможно большомъ количествѣ угля, дабы поставить на рейсы флотъ, и 2) открытіе границъ Сербіей и другими государствами для бѣженцевъ, безъ чего мнѣ не разгрузить Крыма отъ всего лишняго и не возстановить порядка и спокойной работы въ тылу. Эти два вопроса требуютъ незамедлительнаго рѣшенія, и я очень прошу Васъ мнѣ въ этомъ помочь».

Въ другомъ письмѣ на мое имя, отъ 19 апрѣля/ 2 мая, генералъ Врангель болѣе подробно останавливается на томъ, что необходимо сдѣлать и что уже было сдѣлано со времени принятія имъ главнокомандованія.

Привожу выдержки изъ этого письма:

«1) Армія спѣшно приводится въ порядокъ; безчисленныя мелкія части съ громоздкими тылами сведены въ 2 корпуса (1-й — бывшій Добровольческій и 2-й бывшій Крымскій), Донцы — въ одинъ (пока еще небоеспособный, раздѣтый и безоружный), Кубанцы — въ бригаду.

Изъ Сочинскаго округа, гдѣ борьба подходитъ къ кон-

цу, перебрасываются наиболѣе боеспособныя части — пока прибыли части: Терцы, Астраханцы и ожидаются 2-я и 3-я кубанскія дивизіи... Изъ раіона Поти переброска закончена и прибывшія войска (около 3000) укомплектуютъ части 1-го и 2-го корпусовъ.

Подъ общимъ руководствомъ генерала Юзефовича спѣшно укрѣпляется Перекопскій и Чонгарскій раіоны; вторая укрѣпленная позиція подготовляется близъ г. Севастополя.

Командный составъ значительно обновленъ....

Предпринятъ рядъ мѣръ по борьбѣ съ грабежами и для поднятія дисциплины въ войскахъ.

Все дѣло снабженія арміи и населенія сосредоточено въ однѣхъ рукахъ начальника снабженій...

2) Принятъ рядъ мѣръ для облегченія торговли... Заключенъ контрактъ по реализаціи старыхъ судовъ, портоваго лома и т. д., что обѣщаетъ дать значительный доходъ. Въ видахъ сокращенія расходовъ пересмотрѣны и сокращены до минимума штаты по всѣмъ отдѣламъ. Разрабатывается вопросъ о налогахъ.

3) Производится парцелляція земель, числящихся за крестьянскимъ банкомъ, государственныхъ и т. д.; учреждаются комиссіи для облегченія передачи земли мелкимъ землевладѣльцамъ и т. д. — дѣлается все возможное для повышенія производительности края.

4) Предпринятъ рядъ мѣръ для пропаганды въ тылу противника...

5) ..... Англичане опредѣленно выходятъ изъ игры. Чрезвычайно благопріятно, повидимому, отношеніе къ намъ американцевъ — ихъ помощь могла бы быть весьма существенна, какъ въ смыслѣ дипломатической поддержки, такъ въ случаѣ благопріятнаго оборота вещей, и въ смыслѣ финансовой поддержки....

Въ нашихъ переговорахъ съ Польшей и Румыніей большую роль должны играть французы, позиція коихъ отлична отъ англичанъ.

6) Мой планъ — держать Крымъ, приводя въ порядокъ армію и тылъ, поддерживать борьбу на Кавказѣ и въ

Новороссіи и ждать благопріятной обстановки, которую можно было бы использовать.

Уголь, уголь и уголь — вотъ что надо прежде всего; затѣмъ обезпеченіе боевыми припасами въ случаѣ прекращенія снабженія Англіей. И одновременно со всѣмъ этимъ политическая работа въ Европѣ съ цѣлью доказать, что не миромъ съ большевиками прекратится анархія въ Россіи, а созданіемъ такого ядра, вокругъ котораго могли бы объединиться стихійныя народныя противобольшевистскія силы, не могущія вынести совѣтской тираніи.

Такимъ ядромъ былъ бы Крымъ.

7) Готовясь къ продолженію борьбы и не теряя вѣры въ успѣхъ, дѣлаю все возможное, дабы, въ случаѣ неудачи, не быть застигнутымъ врасплохъ. И здѣсь, прежде всего, надо имѣть уголь, и созданіе его запаса на случай эвакуаціи — моя задача.

Тоннажемъ мы сейчасъ обезпечены, планъ эвакуаціи разработанъ во всѣхъ деталяхъ, но угля пока еще недостаточно.

Подготовка на случай неудачи базы въ Сербіи, о которой Вы мнѣ писали, необходима....»

Послѣднее письмо, какъ заключающее въ себѣ опредѣленный планъ дѣйствій, представляетъ интересъ для сравненія съ тѣмъ, что въ дѣйствительности было достигнуто генераломъ Врангелемъ, и для исторической оцѣнки такъ называемаго «Крымскаго періода».

* * *

Генералъ Шатиловъ, передавая мнѣ предложеніе генерала Врангеля быть представителемъ главнокомандующаго въ Константинополѣ, сказалъ, что признается необходимымъ подчинить мнѣ всѣхъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ русскихъ представителей (не исключая и дипломатическихъ) въ Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Греціи и Турція.

Но письмомъ отъ 1/14 апрѣля 1920 г. генералъ Врангель, измѣняя свое первоначальное рѣшеніе, сообщилъ мнѣ объ этомъ такъ:

«Тщательно обсудивъ, вмѣстѣ съ П. Н. Шатиловымъ,

А. А. Нератовымъ и П. Б. Струве, которому я поручилъ Управленіе Иностранныхъ Дѣлъ, всю политическую и иную обстановку, создавшуюся для насъ въ Константинополѣ, я пришелъ къ слѣдующему рѣшенію о томъ, какъ въ настоящій моментъ должно быть поставлено представительство вооруженныхъ силъ юга Россіи въ Константинополѣ.

Одновременно съ назначеніемъ Васъ главнымъ военно-морскимъ представителемъ вооруженныхъ силъ юга Россіи въ Константинополѣ и прилегающихъ къ нему странахъ (Греція, Сербія, Болгарія и Румынія), я возлагаю на А. А. Нератова управленіе дипломатическою миссіей въ Константинополѣ и руководство работою нашихъ дипломатическихъ представителей въ Греціи, Сербіи, Болгаріи и Румыніи.

Это рѣшеніе представляетъ нѣсколько иную конструкцію Константинопольскаго представительства и означаетъ иной объемъ Вашихъ полномочій, чѣмъ тотъ, который Вы предполагаете въ Вашемъ письмѣ и который имѣлся въ виду при Вашихъ бесѣдахъ съ П. Н. Шатиловымъ.

Но прошу Васъ вѣрить мнѣ, что повелительныя соображенія дѣлового характера продиктовали мнѣ это рѣшеніе вопроса.

Привлеченіе такихъ крупныхъ лицъ, какъ Вы и А. А. Нератовъ, исключающее подчиненное соотношеніе между ними, требуется обстановкой, въ которую мы поставлены. Необходимо поднять престижъ нашъ, который былъ уроненъ не только нашими военными неудачами, но и неудачнымъ представительствомъ какъ военнымъ, такъ и дипломатическимъ.

Дипломатическое представительство въ Константинополѣ поставлено, въ формальномъ отношеніи, независимо отъ представительства союзниковъ.

Военное представительство состоитъ при союзномъ командованіи.

Отсюда вытекаетъ необходимость, при опредѣленіи компетенціи и взаимоотношеній дипломатическаго и военнаго представительствъ, исходить изъ той точки зрѣнія, что вопросы внѣшне-политическаго характера должны вестись

органомъ, независимымъ отъ союзниковъ, а военно-морскіе вопросы и вопросы снабженія, а равно все, что касается бѣженцевъ, эвакуаціи и проч. должны находиться въ вѣдѣніи военно-морского представителя.

При этомъ возможность сношеній по вопросамъ этого рода съ иностранными представительствами, не участвующими въ оккупаціи Константинополя, требуетъ, въ этихъ случаяхъ, предпринимать всѣ сношенія и дѣйствія по соглашенію между военнымъ и дипломатическимъ представителями нашими въ Константинополѣ.

Та же общая точка зрѣнія на разграниченіе компетенціи должна проводиться и въ вопросахъ, возникающихъ въ сношеніяхъ съ Балканскими государствами, въ коихъ представители военные и дипломатическіе подчиняются руководству — первые Вашему, а вторые А. А. Нератова.

Не сомнѣваюсь, что въ стремленіи помочь Вашимъ опытомъ русскому дѣлу, Вы сотрудничество съ А. А. Нератовымъ въ областяхъ, хотя и трудно поддающихся разграниченію, но различныхъ по характеру и требующихъ совершенно различной подготовки, поставите плодотворно и безъ всякихъ треній, тѣмъ болѣе, что А. А. Нератовъ лично хорошо Вамъ извѣстенъ и обладаетъ счастливыми въ этомъ отношеніи свойствами».

Новое рѣшеніе генерала Врангеля, на мой взглядъ, было не правильно, но просить вернуться къ прежнему рѣшенію я считалъ неудобнымъ, такъ какъ это могло имѣть характеръ, что я хочу играть первенствующую роль. Кромѣ того, личныя свойства А. А. Нератова давали мнѣ дѣйствительно полное основаніе считать, что у меня съ нимъ не будетъ никакихъ недоразумѣній и мы съ нимъ какъ нибудь размежуемся.

По существу же дѣла, повторяю, новое рѣшеніе было не правильно.

Дѣйствительно, собственно «дипломатическое» представительство имѣло для насъ серьезное значеніе лишь въ Сербіи и Болгаріи, правительства которыхъ считались съ правительствомъ юга Россіи и фактически насъ признава-

ли. Въ Румыніи и въ Греціи сохраненіе дипломатическаго представительства имѣло лишь политическое значеніе.

Въ Константинополѣ дипломатическое представительство, конечно, имѣло значеніе, но собственно «дипломатическихъ» вопросовъ почти не было, а ежедневно возникали вопросы, связанные со снабженіемъ арміи, бѣженцами и эвакуаціей. Всѣ же эти вопросы въ Константинополѣ съ нашей стороны были сосредоточены въ моихъ рукахъ, а не дипломатическаго представителя; а у англичанъ и французовъ, съ которыми и приходилось имѣть больше всего дѣла, были сосредоточены въ рукахъ Верховныхъ комиссаровъ, а не въ рукахъ командованія.

Командующіе союзными войсками вѣдали чисто военными вопросами и имѣли отношеніе къ снабженію нашей арміи лишь въ случаѣ выдачи предметовъ снабженія изъ складовъ, находившихся въ ихъ распоряженіи.

А такъ какъ союзные Верховные комиссары считали возможнымъ для себя поддерживать непосредственныя офиціальныя сношенія лишь съ дипломатическимъ представителемъ главнокомандующаго А. А. Нератовымъ, то, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ нужно было къ нимъ обращаться по вопросамъ, находившимся въ моемъ и ихъ вѣдѣніи, приходилось эти обращенія дѣлать или черезъ А. А. Нератова, или ѣздить къ нимъ совмѣстно съ нашимъ дипломатическимъ представителемъ и, въ его присутствіи, вести переговоры.

Все это, конечно, затрудняло веденіе дѣла и создавало ненужныя тренія.

Впослѣдствіи я съ фактами въ рукахъ докладывалъ это генералу Врангелю и предсѣдателю правительства А. В. Кривошеину, указывая на то, что, при создавшемся положеніи, нужно имѣть въ Константинополѣ единаго представителя. А такъ какъ считали необходимымъ имѣть въ Константинополѣ настоящаго дипломата, то слѣдовало подчинить ему военнаго представителя. Такъ въ концѣ и было рѣшено сдѣлать; но разрѣшеніе этого вопроса затянулось до Крымской катастрофы.

* * *

Обстановка, которую я засталъ, вступивъ въ должность представителя Главнокомандующаго при союзномъ командованіи въ Константинополѣ, была слѣдующая:

Бѣженскій вопросъ. При эвакуаціи Одессы въ январѣ и Новороссійска въ февралѣ и мартѣ 1920 года гражданское населеніе, опасавшееся остаться во власти большевиковъ, семейства служащихъ вооруженныхъ силъ юга Россіи, а также больные и раненые были эвакуированы частью въ Крымъ, а частью въ Болгарію, Сербію, Константинополь, Грецію, на острова Лемносъ и Кипръ и въ Египетъ. Часть гражданскаго населенія Крыма, въ періодъ эвакуаціи Новороссійска, также была вывезена англичанами въ Константинополь и размѣщена частью на Принцевыхъ островахъ на Мраморномъ морѣ, а частью размѣщена въ лагеряхъ въ Египтѣ.

Въ Болгаріи первоначально осѣло около 4000 бѣженцевъ, въ Сербіи около 10.000, въ Греціи около 2000, въ Константинополѣ и на Принцевыхъ островахъ около 10.000, на островахъ Лемносѣ и Кипрѣ и въ Египтѣ около 10.000 (считая въ этихъ цифрахъ раненыхъ и больныхъ).

Въ Болгаріи первоначальное отношеніе къ эвакуированнымъ русскимъ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны населенія было хорошее, но помощь была оказана крайне незначительная: было отведено нѣсколько помѣщеній для ихъ размѣщенія, но почти не оборудованныхъ, было оказано содѣйствіе для полученія на льготныхъ условіяхъ нѣкотораго количества продовольствія и выдано незначительное количество обмундированія. Большая часть эвакуированныхъ оказалась въ Болгаріи въ очень тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Только отдѣльная группа эвакуированныхъ изъ Одессы была, до нѣкоторой степени, обезпечена заботой штаба Новороссійскаго края.

Въ Сербіи, благодаря исключительно сердечному и братскому отношенію къ русскимъ со стороны Королевича, сербскаго правительства и народа, было сдѣлано все, что только было возможно, для лучшаго ихъ размѣщенія, и былъ установленъ льготный размѣнъ денегъ вооруженныхъ силъ юга Россіи на сербскіе динары.

Въ Греціи русскимъ оказывалась небольшая благотворительная помощь и поддерживалось содержаніе больныхъ и раненыхъ въ лазаретахъ въ Пиреѣ и Салоникахъ.

Бѣженцы, осѣвшіе въ самомъ Константинополѣ, никакой помощи отъ союзниковъ не получали; неимущіе просили кровъ и пищу у представителей командованія вооруженныхъ силъ юга Россіи.

На Принцевыхъ островахъ бѣженцы были приняты на полное содержаніе союзниковъ, предоставившихъ имъ кровъ и пищу: на островѣ Принкипо завѣдывали англичане, на Халкѣ — французы, на Антигонѣ — итальянцы и на Проти — американцы.

Эвакуированные, направленные на острова Лемносъ и Кипръ и въ Египетъ, находились на иждивеніи у англичанъ.

Для завѣдыванія бѣженскими вопросами, еще при генералѣ Деникинѣ, въ Сербію и въ Константинополь были назначены особые уполномоченные.

Уполномоченный, назначеный въ Бѣлградъ, долженъ былъ вѣдать бѣженскими вопросами въ Сербіи и Болгаріи и организовать пріемъ бѣженцевъ, направлявшихся черезъ Салоники.

Константинопольскій уполномоченный долженъ былъ вѣдать бѣженскими вопросами, возникавшими въ Константинополѣ, на Принцевыхъ островахъ, въ Греціи, на Лемносѣ, Кипрѣ и въ Египтѣ.

Средства, какъ тому, такъ и другому были отпущены очень незначительныя, а расходы требовались большіе.

Въ Болгаріи, изъ размѣщенныхъ тамъ бѣженцевъ, многіе оказались совершенно безъ всякихъ средствъ.

Въ Сербіи, хотя и былъ установленъ для бѣженцевъ льготный размѣнъ, но требовались значительные расходы на содержаніе лазаретовъ, кадетскаго корпуса и двухъ дѣвичьихъ институтовъ.

Въ Константинополѣ нужно было устроить для бѣженцевъ общежитія и столовыя.

Многіе изъ бѣженцевъ, находившихся на Принцевыхъ островахъ и на Лемносѣ, не имѣя никакихъ средствъ, просили выдавать имъ хоть самыя незначительныя пособія, чтобы имѣть возможность приводить въ порядокъ платье и обувь, а семейные умоляли имъ помочь для улучшенія питанія дѣтей.

Съ Лемноса доходили письма, въ которыхъ бѣженцы рисовали въ самыхъ мрачныхъ краскахъ свое существованіе: лагерь оказался совершенно не устроеннымъ, прѣсной воды чувствовался недостатокъ, спали въ палаткахъ на землѣ изъ-за отсутствія кроватей, и среди дѣтей стали развиваться эпидемическія заболѣванія, вызвавшія большую смертность. Бѣженцы жаловались на безсердечное и грубое отношеніе англійской администраціи.

Относительно условій размѣщенія бѣженцевъ на Кипрѣ и въ Египтѣ никто ничего опредѣленнаго не зналъ, но слухи доходили самые ужасные.

Въ Крыму были опредѣленно недовольны дѣятельностью уполномоченнаго по бѣженской части въ Константинополѣ, котораго обвиняли въ томъ, что онъ не сумѣлъ добиться хорошаго устройства бѣженцевъ союзниками на Принцевыхъ островахъ и англичанами на островахъ Лемносѣ и Кипрѣ и въ Египтѣ и что онъ самъ не устроилъ сносно тѣхъ бѣженцевъ, которые осѣли въ Константинополѣ.

Въ дѣйствительности Константинопольскій уполномоченный ничего сереьзнаго и сдѣлать не могъ; въ его распоряженіи, если не ошибаюсь, было отпущено всего 20.000 турецкихъ лиръ, а союзное командованіе совершенно не допускало его вмѣшательства въ устройство бѣженцевъ, принятыхъ ими на свое попеченіе.

Что касается уполномоченнаго по бѣженской части въ Сербіи, то поступало много жалобъ и на него. Указывалось, что онъ совершенно не заботится о бѣженцахъ, находящихся въ Болгаріи, а бѣженское управленіе, устроенное имъ въ Сербіи, слишкомъ громоздко, составлено изъ людей, заботящихся лишь о своемъ благополучіи, а не о бѣженцахъ; его управленіе, дѣйствовавшее въ Бѣлградѣ, иначе не называли, какъ «чрезвычайка».

Серьезной заботы о бѣженцахъ, попавшихъ въ Болгарію, онъ не могъ проявить опять таки вслѣдствіе недостатка средствъ; а нападки на дѣятельность бѣженской организаціи въ Сербіи имѣли подъ собой основанія, вслѣдствіе неудачнаго назначенія нѣкоторыхъ лицъ и нѣсколькихъ случаевъ злоупотребленій со стороны исполнителей, причастныхъ къ выдачѣ пособій (льготнаго размѣна). Но послѣ эвакуаціи у всѣхъ было такое повышенное настроеніе, что отдѣльные случаи злоупотребленій и невниманія обобщались.

Заготовки для надобностей Крыма. Еще въ январѣ 1920 года, послѣ потери Донецкаго угольнаго бассейна, командованіе вооруженными силами юга Россіи командировало въ Константинополь одного морского офицера и одного инженера съ порученіемъ закупить уголь и направить его въ Новороссійскъ и въ Крымъ. На эту операцію было ассигновано 200.000 турецкихъ лиръ. Этотъ уголь требовался въ дополненіе къ 12.000 тоннъ, обѣщанныхъ англичанами. Командированныя лица, совмѣстно съ представителемъ отъ русской морской базы, образовали въ Константинополѣ закупочную комиссію.

Къ началу апрѣля въ распоряженіи этой комиссіи не было средствъ, а потребность въ углѣ предвидѣлась большая. Надо было достать необходимыя денежныя средства и работу комиссіи поставить на болѣе прочныя начала, такъ какъ, до моего вступленія въ должность, ея работа протекала безъ участія представителя государственнаго контроля.

Послѣ эвакуаціи Новороссійска и переброски войскъ въ Крымъ возникалъ рядъ существенныхъ вопросовъ по заготовкамъ всего необходимаго для арміи.

На первое время хлѣба въ Крыму должно было хватить, но съ первыхъ же дней выяснилась необходимость купить заграницей и направить въ Крымъ жиры и консервы, такъ какъ мяса и жировъ въ Крыму почти не было.

Я засталъ въ Константинополѣ помощника начальника управленія продовольствія, кн. Трубецкого, которому еще правительствомъ генерала Деникина были ассигнова-

ны крупныя суммы и было дано порученіе заготовить жиры и мясные консервы.

Я предвидѣлъ, что въ ближайшій же періодъ получу требованія на заготовку бензина, керосина, нефти и обмундированія. Все это требовало средствъ и созданія органа, который могъ бы вѣдать этимъ дѣломъ.

Главнѣйшей моей задачей, такимъ образомъ, являлось наладить заграничное снабженіе арміи и упорядочить бѣженскій вопросъ. Успѣшное же выполненіе этой задачи всецѣло зависѣло отъ того, будутъ ли въ мое распоряженіе отпущены достаточныя денежныя средства.

Бывшій въ Константинополѣ, проѣздомъ въ Парижъ, начальникъ управленія финансовъ въ новомъ правительствѣ генерала Врангеля М. В. Бернацкій сдѣлалъ распоряженіе объ ассигнованіи на первое время въ мое распоряженіе 200.000 фунтовъ стерлинговъ и обѣщалъ принять мѣры, чтобы по мѣрѣ израсходованія кредита онъ пополнялся.

Но онъ, да и я, зная обстановку, отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что разсчитывать на значительныя средства бывшаго Императорскаго правительства, оставшіяся за границей, не приходится.

М. В. Бернацкій ѣхалъ въ Парижъ въ надеждѣ добиться кредита и, кромѣ того, надѣялся, что мѣры, принимаемыя по продажѣ въ Севастополѣ излишняго портоваго имущества, металлическаго лома и старыхъ судовъ дадутъ казнѣ значительныя средства.

Для провѣрки и выдачи разрѣшеній на испрашиваемые расходы при мнѣ было образовано совѣщаніе съ участіемъ представителей управленія финансовъ и государственнаго контроля.

По предварительному подсчету получалось, что на бѣженскую часть, т. е. на помощь бѣженцамъ, школы, общежитія, столовыя и прочее нельзя расходовать много, такъ какъ большая часть отпущенной сумы должна была пойти на удовлетвореніе потребностей арміи.

Правильная же постановка бѣженскаго вопроса была необходима не только въ цѣляхъ улучшить бѣдственное положеніе значительной части бѣженцевъ и эвакуирован-

ныхъ, ради нихъ самихъ, но и для внесенія успокоенія въ ряды арміи.

Слухи о безотрадномъ положеніи эвакуированныхъ семей офицеровъ страшно волновали оставшихся въ Крыму главъ семействъ, и это затрудняло работу генерала Врангеля по приведенію въ порядокъ арміи.

Къ работѣ по оказаніи помощи бѣженцамъ были привлечены общественныя организаціи — Красный Крестъ и всероссійскіе земскій и городской союзы.

Заботу по устройству санитарной и медицинской части принялъ на себя Красный Крестъ; устройство гимназій, школъ и дѣтскихъ домовъ для дѣтей дошкольнаго возраста было передано городскому союзу; забота о непосредственной помощи бѣженцамъ, главнымъ образомъ трудовой, была передана земскому союзу.

Съ одной стороны вслѣдствіе недостатка средствъ, а, съ другой стороны вслѣдствіе того, что оказаніе денежныхъ пособій на жизнь способствуетъ лишь развитію дармоѣдства, было проведено, какъ принципъ, что денежныя пособія земскимъ союзомъ должны выдаваться, какъ ссуды, на созданіе различныхъ предпріятій, а отдѣльнымъ лицамъ — лишь при наличіи гарантій, что отпускаемыя имъ деньги будутъ употреблены на устройство какого нибудь дѣла.

Забота объ эвакуированныхъ воинскихъ чинахъ, поддержаніе кадетскихъ корпусовъ, институтовъ, устройство общежитій и столовыхъ, оказаніе, въ исключительныхъ случаяхъ, персональной денежной помощи или помощи выдачею предметовъ одежды — было сохранено въ рукахъ завѣдывающихъ бѣженской частью, назначенныхъ генераломъ Врангелемъ.

Такихъ завѣдывающихъ было назначено три — въ Константинополѣ, въ Сербіи и Болгаріи; при нихъ были образованы совѣты съ участіемъ представителей общественныхъ организацій, финансовъ и государственнаго контроля.

Совѣтъ по бѣженской части, образованный въ Константинополѣ, носилъ характеръ центральнаго и черезъ не-

го проходили всѣ представленія и ходатайства, поступавшія изъ Сербіи и Болгаріи.

Разрѣшеніе же всѣхъ смѣтныхъ ассигнованій и принципіальныхъ вопросовъ производилось лишь послѣ разсмотрѣнія представленій въ совѣтѣ, состоявшимъ подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Нѣсколько сложная постройка всѣхъ организацій бѣженскаго дѣла и доминирующее значеніе представителей правительства генерала Врангеля объясняется тѣмъ, что общественныя организаціи фактически своихъ капиталовъ не имѣли и всѣ расходы относились на средства казны.

Содержаніе бѣженцевъ на Принцевыхъ островахъ, принятое на себя французами, англичанами, американцами и итальянцами, было вполнѣ удовлетворительно. Только питаніе дѣтей, вслѣдствіе несоотвѣтствующаго состава выдаваемаго пайка, было поставлено крайне неудовлетворительно, и бѣженская организація приняла на себя обязанность по улучшенію дѣтскаго питанія.

Бѣженцы, находившіеся на попеченіи англичанъ на островѣ Лемносѣ, первоначально, вслѣдствіе полнаго неустройства бѣженскаго лагеря, находились въ неимовѣрно тяжелыхъ условіяхъ. Среди дѣтей, какъ мною уже было отмѣчено, стали распространяться эпидемическія болѣзни и, опять таки, вслѣдствіе болѣе чѣмъ плохого устройства лазарета и отсутствія должнаго ухода, среди нихъ началась большая смертность.

Британская администрація на островѣ, вѣроятно ради предупрежденія распространенія эпидеміи, затруднила сообщеніе между лагеремъ и лазаретомъ, часто не допуская родителей къ больнымъ дѣтямъ.

Все это служило основаніемъ для присылки бѣженцами самыхъ отчаянныхъ писемъ.

Главы семействъ, находившіеся въ Крыму, страшно волновались и настаивали на спасеніи ихъ семействъ, которыя, какъ имъ казалось, оставаясь на попеченіи у англичанъ, обрекались на гибель.

Съ острова Кипра и изъ Египта получались письма,

рисовавшія еще болѣе ужасное положеніе эвакуированныхъ туда бѣженцевъ.

Верховный комиссаръ Великобританіи въ Константинополѣ, адмиралъ Де Робекъ, къ которому я обратился съ заявленіемъ о необходимости улучшить положеніе бѣженцевъ, находившихся на попеченіи англичанъ, и съ настояніемъ послать на острова Лемносъ и Кипръ, а также въ Египетъ, моихъ представителей, которые могли бы на мѣстѣ ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, отвѣтилъ, что противъ посылки моего представителя на Лемносъ онъ ничего не имѣетъ и что для улучшенія положенія бѣженцевъ на островѣ Лемносѣ онъ принимаетъ рядъ мѣръ; что же касается улучшенія положенія бѣженцевъ на островѣ Кипрѣ и въ Египтѣ, а также посылки туда моихъ представителей, онъ ничего сдѣлать не можетъ и не можетъ дать согласія на эти командировки, такъ какъ администрація на Кипрѣ и въ Египтѣ не подчинена ему; что онъ сдѣлаетъ необходимыя сношенія и сообщитъ мнѣ отвѣты, которые получитъ.

Относительно улучшенія содержанія бѣженцевъ на островѣ Лемносѣ адмираломъ Де Робекъ были дѣйствительно приняты необходимыя мѣры и, черезъ нѣсколько времени, находившіеся тамъ бѣженцы были устроены сравнительно сносно.

Что же касается Кипра и Египта, то, несмотря на самыя рѣшительныя мѣры, чтобы получить разрѣшеніе послать туда моихъ представителей, я его не могъ добиться въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ.

Впослѣдствіи подтвердилось, что, какъ бѣженцы, такъ и эвакуированные воинскіе чины, на Кипрѣ и въ Египтѣ были вначалѣ обставлены болѣе чѣмъ плохо и въ моральномъ отношеніи испытывали рядъ униженій и оскорбленій со стороны младшихъ чиновъ мѣстной британской администраціи.

Правда, было много случаевъ дурного и даже преступнаго поведенія, проявленнаго бѣженцами и эвакуированными воинскими чинами, но, къ сожалѣнію, мѣстная англійская администрація на прибывшихъ на попеченіе Велико-

британскаго правительства бѣженцевъ и эвакуированныхъ раненыхъ и больныхъ офицеровъ и солдатъ смотрѣло не какъ на «гостей Англійскаго Короля», какъ они были названы британскимъ военнымъ представителемъ при эвакуаціи изъ Новороссійска, а скорѣй какъ на военно-плѣнныхъ.

Отдѣльные случаи дурного и преступнаго поведенія среди нихъ обобщались, и принимаемыя суровыя и предупредительныя мѣры распространялись на всѣхъ.

Много недоразумѣній происходило вслѣдствіе грубаго и нетактичнаго поведенія младшихъ чиновъ британской администраціи.

Я не буду здѣсь касаться подробно всѣхъ жалобъ на дурное обращеніе и плохое содержаніе; объ этомъ писалось много и, въ будущемъ, на основаніи имѣющихся документальныхъ данныхъ, вопросъ о содержаніи англичанами бѣженцевъ и эвакуированныхъ будетъ, вѣроятно, освѣщенъ всесторонне.

Но долженъ сказать, что постепенно содержаніе ихъ на Кипрѣ и въ Египтѣ улучшалось и осенью 1920 года, когда англичанами былъ рѣшенъ вопросъ о перевозкѣ всѣхъ оставшихся на ихъ попеченіи въ Сербію, я получилъ изъ Александріи, отъ имени всѣхъ оставшихся къ этому времени въ Египтѣ бѣженцевъ, телеграмму съ просьбой ихъ въ Сербію не перевозить; въ телеграммѣ указывалось, что содержаніе ихъ въ Египтѣ отличное и что отношеніе къ нимъ британской администраціи самое лучшее.

Къ концу лѣта 1920 года, въ предѣлахъ скромныхъ средствъ, отпускаемыхъ на улучшеніе положенія бѣженцевъ, было сдѣлано все, что только возможно.

Къ осени выяснилось, что, на удовлетвореніе различныхъ потребностей арміи, средствъ не хватаетъ, и я получилъ указаніе постепенно сокращать расходы на бѣженцевъ, а съ 1-го октября прекратить отпускъ новыхъ средствъ въ распоряженіе общественныхъ организацій.

* * *

Требованіе генерала Врангеля добиться широкаго открытія границъ Сербіей и другими государствами для прі-

ема новыхъ бѣженцевъ, дабы разгрузить Крымъ, провести не удалось.

Сербское правительство отвѣтило, что оно радо помочь, но не въ силахъ принять на себя новые расходы, а другія государства отвѣтили простымъ отказомъ.

* * *

Первоначальныя требованія изъ Крыма поступали главнымъ образомъ на уголь, бензинъ и керосинъ.

Заготовительному органу, находившемуся въ моемъ распоряженіи, удалось наладить покупку и регулярную доставку всего этого въ Севастополь.

Что касается удовлетворенія арміи предметами артиллерійскаго и интендантскаго довольствія, то, до осени 1920 года, я не получалъ значительныхъ заказовъ на ихъ заготовку.

Объяснялось это отчасти тѣмъ, что въ Крымскихъ складахъ оказались довольно значительные запасы, и отдѣлъ снабженій предполагалъ, что онъ будетъ въ состояніи наладить изготовленіе необходимыхъ предметовъ на мѣстѣ, а отчасти тѣмъ, что изъ Франціи, Америки, Румыніи и Дальняго Востока было направлено въ Крымъ значительное количество матеріаловъ и вещей, принадлежавшихъ русскому правительству, что также давало основаніе считать, что большая часть потребности будетъ удовлетворена.

Изъ Константинопольскихъ турецкихъ складовъ, сначала при помощи англичанъ, а потомъ французовъ, удалось направить въ Крымъ значительное количество боевыхъ припасовъ, принадлежавшихъ русской арміи и захваченныхъ турками въ Трапезундѣ, Батумѣ и въ передовыхъ складахъ бывшаго Кавказскаго фронта.

Для меня было ясно, что, при увеличеніи арміи и въ случаѣ, если не удастся захватить у большевиковъ какихълибо крупныхъ складовъ артиллерійскаго и интендантскаго имущества, потребность арміи, тѣмъ что имѣлось въ Крыму и получалось изъ за границы изъ прежнихъ русскихъ складовъ, не будетъ удовлетворена.

Я предвидѣлъ, что ко мнѣ будутъ предъявлены требованія на крупныя заграничныя закупки, а по даннымъ,

бывшимъ въ моемъ распоряженіи, наши заграничныя денежныя средства начинали изсякать.

Я писалъ объ этомъ предсѣдателю правительства генерала Врангеля А. В. Кривошеину, указывая, что если не будетъ найденъ источникъ для полученія достаточныхъ денежныхъ средствъ, то къ январю 1921 года можетъ наступить полный крахъ и, какъ бы ни были блестящи побѣды арміи на фронтѣ, наше дѣло будетъ проиграно изъ-за недостатка денежныхъ средствъ.

Мнѣ отвѣтили, что мѣры для полученія кредита во Франціи принимаются, а изъ Крыма налаживается отправка за границу зерна, вина и портоваго металлическаго лома изъ Севастополя.

Къ осени дѣйствительно выяснилось, что расчеты управленія снабженій на удовлетвореніе арміи мѣстными средствами не оправдались, и въ Константинополь была прислана особая заготовительная комиссія, а я получилъ приказаніе передать въ ея распоряженіе всѣ свободныя средства, имѣвшіяся у состоявшаго при мнѣ представителя управленія финансовъ; вмѣстѣ съ этимъ я получилъ новое приказаніе сократить до крайнихъ предѣловъ расходы на бѣженскую организацію.

Новые наряды на заготовки за границей всего необходимаго для арміи явно превышали имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи средства, и пришлось, по соглашенію съ начальникомъ снабженій, отказаться отъ заготовки многаго изъ того, что было намѣчено. Несмотря на сокращеніе намѣченныхъ заказовъ для арміи, къ серединѣ октября выяснилось съ полной очевидностью, что если не удастся получить крупнаго кредита во Франціи или Америкѣ, должна черезъ 2—3 мѣсяца наступить полная финансовая катастрофа.

* * *

Находясь въ теченіе всего Крымскаго періода въ Константинополѣ и не принимая непосредственнаго участія въ напряженной и трудной работѣ, которой руководилъ генералъ Врангель, я не берусь дать подробное описаніе всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, которыя велись по возсозданію арміи,

укрѣпленію тыла и по продолженію борьбы съ большевиками, а ограничусь лишь общимъ краткимъ очеркомъ.

Работа по возсозданію боеспособной арміи генералу Врангелю блестяще удалась.

Уже 23 апрѣля/10 мая я получилъ изъ Севастополя письмо, въ которомъ мнѣ сообщалось: «Общее настроеніе крѣпнетъ. Надежда удержать Крымъ — полная. Мира съ большевиками, по счастью, кажется не будетъ, ибо сами инціаторы сего предложенія — союзники — чувствуютъ всю тщету надеждъ сговориться съ этими бандитами.

Фронтъ держится хорошо. Къ кавалеріи, которая долго одна держала подступы къ Крыму, нынѣ подошла хорошая пѣхота въ лицѣ 1-го (бывшаго Добровольческаго) корпуса, которая сильно подняла настроеніе».

Но, укрѣпивъ положеніе въ Крыму и вернувъ боеспособность арміи, генералъ Врангель, естественно, сталъ передъ дилеммой: или покориться ультимативному требованію англичанъ не переходить къ сѣверу отъ Крымскаго перешейка и тѣмъ поставить себя въ невозможность не только произвести дальнѣйшее усиленіе арміи и получить необходимый конскій составъ, но и обречь все предпринятое имъ дѣло на постепенную и скорую гибель, вслѣдствіе отсутствія въ Крыму достаточнаго количества хлѣба, фуража, мяса и жировъ; или — пренебречь сдѣланнымъ ему заявленіемъ и занять сѣверные уѣзды Таврической губерніи, которые своимъ богатствомъ обезпечивали бы содержаніе арміи и населенія и дали бы возможность получить столь необходимый конскій составъ и пополнить ряды арміи новымъ контингентомъ бойцовъ.

Генералъ Врангель принялъ второе рѣшеніе, и оно было выполнено успѣшно.

Союзники, какъ это и надо было ожидать, признали совершившійся фактъ.

Укрѣпивъ положеніе въ Крыму и обезпечивъ его продовольствіемъ занятіемъ трехъ сѣверныхъ уѣздовъ Таврической губерніи, генералъ Врангель поставилъ себѣ новую задачу: расширить противобольшевистскій фронтъ, не позволить совѣтскому правительству сосредоточить всѣ свои

силы противъ Крыма и затѣмъ, создавъ благопріятную обстановку, приступить къ планомѣрному развитію операцій противъ большевиковъ.

Для осуществленія этой задачи требовалось объединеніе всѣхъ противобольшевистскихъ силъ, и генералъ Врангель пошелъ по пути, вызвавшему впослѣдствіи столько критики, — соглашенія съ Грузіей, украинцами, поляками и проч...

Для достиженія той же цѣли было необходимо поддержать возстанія, начавшіяся въ казачьихъ областяхъ и на правомъ берегу Днѣстра.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ были получены свѣдѣнія, что противобольшевистское движеніе на Дону и на Кубани разрастается и нужна лишь небольшая внѣшняя поддержка и объединеніе этого движенія, чтобы совѣтская власть въ этихъ областяхъ была свергнута.

Генералъ Врангель рѣшилъ воспользоваться создавшейся обстановкой; для дѣйствія на Кубани былъ направленъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Улагая (въ составѣ 8.000 человѣкъ, изъ коихъ 2.000 было конныхъ) и для дѣйствій на Дону, на Азовскомъ побережьѣ былъ высаженъ небольшой донской отрядъ подъ начальствомъ полковника Назарова.

Первоначальный успѣхъ предпринятыхъ операцій былъ очень крупный: генералъ Улагай разбилъ дивизію совѣтскихъ войскъ, и къ 5/18 августа имъ были заняты станицы Брюховецкая и Тимашевская (60 верстъ сѣвернѣе Екатеринодара); со дня на день ожидалось занятіе Екатеринодара и Новороссійска. Полковникъ Назаровъ, поднимая возстаніе противъ большевиковъ среди донцовъ, продвигался успѣшно впередъ.

Но большевики успѣли сосредоточить къ угрожаемымъ раіонамъ значительныя силы, а возставшіе казаки испытывали большой недостатокъ въ вооруженіи и боевыхъ припасахъ. Дессантные отряды оказались въ тяжеломъ положеніи.

Между тѣмъ опредѣлилось, что противникъ сосредоточиваетъ противъ Крымскихъ войскъ большія силы.

Чтобы не разбрасываться и имѣть на Крымскомъ фронтѣ достаточный кулакъ, а также вслѣдствіе начавшей выясняться неудачи на Кубани, генералъ Врангель рѣшилъ отозвать обратно отрядъ генерала Улагая.

Какъ мнѣ сообщилъ начальникъ военнаго управленія (письмомъ отъ 22 августа/4 сентября), отрядъ Улагая, отправленный на Кубань въ составѣ 8.000 человѣкъ (въ томъ числѣ 2.000 конныхъ), вернулся въ составѣ 20.000 людей и 5.000 лошадей. Такой случай возможенъ лишь во время гражданской войны.

Къ сентябрю мѣсяцу *) общій составъ арміи, по числу состоявшихъ на довольствіи, опредѣлялся въ 50.000 офицеровъ и 270.000 солдатъ; ихъ нихъ на фронтѣ было 19.000 офицеровъ и 152.000 солдатъ, при чемъ, изъ послѣднихъ, бойцовъ было — 6.000 офицеровъ и 52.000 солдатъ; слѣдовательно, ближайшій тылъ арміи обслуживало 13.000 офицеровъ и 100.000 солдатъ, а глубокій тылъ — 31.000 офицеровъ и 118.000 солдатъ. Другими словами, считая кругло, на офицера бойца приходилось 7 офицеровъ въ тылу и на одного солдата бойца — 4 солдата въ тылу. **)

Это соотношеніе, при отсутствіи глубокаго тыла и значительныхъ запасныхъ частей, надо признать ненормальнымъ и показывающимъ, что и въ Крымскій періодъ борьбы съ большевиками организація тыла была поставлена неправильно и тыловыя учрежденія чрезмѣрно разбухли.

Всѣ письма, которыя я получалъ, какъ изъ арміи, такъ и изъ Севастополя, давали совершенно опредѣленное впечатлѣніе, что настроеніе фронта прекрасное, а въ тылу начинаетъ портиться.

Жизнь въ Крыму дорожала со дня на день, жалованія служащимъ не хватало и, несмотря на самыя суровыя репрессіи, въ тылу началась очень сильная спекуляція.

Настроеніе въ Крыму ухудшалось еще вслѣдствіе переполненія городовъ, такъ какъ генералу Врангелю не уда-

---

*) Эти данныя были мнѣ сообщены начальникомъ военнаго управленія.

**) Въ дѣйствительности число обслуживающихъ тылъ было нѣсколько меньше, такъ какъ въ число тыловыхъ включены раненые и больные, которые были эвакуированы въ тыловыя лечебныя заведенія.

лось, какъ онъ хотѣлъ, разгрузить тылъ, отправивъ изъ него заграницу всѣхъ излишнихъ; наоборотъ, вслѣдствіе ходатайствъ чиновъ арміи, пришлось согласиться на возвращеніе въ сентябрѣ въ Крымъ значительнаго числа семействъ служащихъ изъ Константинополя, изъ острововъ Лемноса и Кипра и изъ Египта.

Но, несмотря на нездоровую атмосферу тыла, положеніе на фронтѣ было крѣпкое.

Нѣкоторе безпокойство командованію арміи доставлялъ такъ называемый Каховскій тетъ-де-понъ занятый большевиками и позволявшій имъ, владѣя переправой на Днѣпрѣ у Каховки, постоянно угрожать ударомъ въ направленіи на Перекопъ.

Съ цѣлью ликвидировать эту угрозу и заставить противника очистить низовья Днѣпра, а, съ другой стороны, дѣйствіями на правомъ берегу Днѣпра поднять и поддержать возстанія въ раіонѣ правобережной Малороссіи, командованіе арміей въ октябрѣ предприняло крупную операцію, съ переброской на правый берегъ Днѣпра значительной конной массы, поддержанной пѣхотой.

Но операція не удалась, и войска, выдвинутыя за Днѣпръ, пришлось оттянуть обратно.

Противникъ же, сосредоточившій къ октябрю значительныя силы противъ нашей арміи, повелъ наступленіе, какъ съ сѣвера на Мелитополь, такъ и отъ Каховки на Перекопъ.

Послѣ ряда тяжелыхъ боевъ, при неожиданно наступившихъ суровыхъ морозахъ, генералъ Врангель приказалъ арміи отойти на Крымскій полуостровъ.

Отъ 23 октября/5 ноября я получилъ изъ Севастополя сообщеніе, что наша армія очистила сѣверную Таврію и сравнительно благополучно заняла перешейки; сообщалось, что положеніе прочно, но большое безпокойство вызываетъ то, что Крымъ не обезпеченъ достаточнымъ количествомъ продовольствія.

Крымъ столько разъ видѣлъ у своихъ перешейковъ врага, что и на этотъ разъ отходъ арміи на полуостровъ не вызвалъ ни въ комъ серьезнаго опасенія. Всѣ были убѣ-

ждены, что укрѣпленная позиція, построенная на сѣверѣ Крыма, очень сильна, армія вполнѣ боеспособна и никакой серьезной опасности не угрожаетъ.

Но поѣхавшій на фронтъ генералъ Врангель, ознакомившись со всей обстановкой, приказалъ отступать арміи къ портамъ и начать эвакуацію.

Крымъ былъ оставленъ; армія, семьи служащихъ и значительное число гражданскаго населенія въ ноябрѣ были эвакуированы въ Константинополь.

* * *

Къ 6/19 ноября на Босфорѣ сосредоточилось 127 вымпеловъ, имѣя на борту 140.000 человѣкъ, какъ чиновъ русской арміи, такъ и гражданскаго населенія, искавшаго на чужбинѣ временнаго убѣжища отъ кошмара краснаго рабства и террора.

Поразительную картину въ это время представлялъ Константинополь и Босфоръ.

Древній Царьградъ еще со времени Новороссійской эвакуаціи 1919 года обратился въ полурусскій городъ; много появилось надъ магазинами русскихъ вывѣсокъ, открылись русскіе рестораны, на улицахъ всюду была слышна русская рѣчь.

Въ эти же ноябрьскіе дни, когда улицы Константинополя заполнились массой русскихъ офицеровъ и солдатъ, а Босфоръ былъ покрытъ судами подъ русскими флагами — военнымъ Андреевскимъ и національнымъ трехцвѣтнымъ, и когда съ Босфора доносились привѣтствія русскихъ солдатъ начальствующимъ лицамъ, объѣзжавшимъ приходившія суда, а по вечерамъ разносилась по водамъ Босфора русская православная вечерняя молитва, казалось, что исполнялась старинная русская мечта, и Царьградъ сталъ русскимъ городомъ.

Но эта мечта, долженствовавшая осуществиться, если-бы Россія не была потрясена революціей въ 1917 году и не вышла бы изъ Европейской борьбы, замѣнилась суровой дѣйствительностью, прибившей къ берегамъ Босфора осколки русской государственности: не побѣдителей и хозяевъ,

а несчастныхъ эмигрантовъ, покинувшихъ родину и ищущихъ временнаго пріюта на чужбинѣ.

Сердце сжималось, глядя на армаду русскихъ судовъ, сбившихся въ кучу на указанномъ имъ мѣстѣ — при выходѣ изъ Босфора въ Мраморное море. Ничтожный процентъ изъ нихъ былъ въ полномъ порядкѣ, или не перегруженъ до чрезвычайности (былъ пароходъ, на которомъ, вмѣсто нормально допускавшихся двухъ тысячъ пассажировъ, было погружено одиннадцать тысячъ); были небольшія яхты и шхуны каботажнаго плаванія; пришелъ изъ Керчи маленькій пароходъ — маякъ, который, вѣроятно, при нормальныхъ условіяхъ, не рискнулъ бы перейти черезъ Керченскій проливъ.

Какъ всѣ эти суда благополучно дошли отъ Крыма до Константинополя — одному Богу извѣстно (не дошелъ, пропавъ безъ вѣсти, только одинъ неисправный контръ-миноносецъ!)

Къ счастью, въ теченіе эвакуаціи Крыма, стояла хорошая погода. Въ противномъ случаѣ — много судовъ не дошло бы по назначенію и много тысячъ воиновъ и бѣженцевъ нашли бы свой конецъ на днѣ Чернаго моря.

При объѣздѣ Главнокомандующимъ генераломъ Врангелемъ судовъ, навстрѣчу ему неслось могучее, громовое «ура», ясно показывающее, что вѣра въ вождя не ослабѣла, что надежда на свѣтлое будущее арміей не потеряна.

Чувствовалось, что душа арміи осталась непобѣжденной, и это подкрѣпляло рѣшеніе генерала Врангеля добиться во что бы то ни стало спасенія многострадальной арміи и сохраненія ея для будущей Россіи.

* * *

Крымскій періодъ борьбы съ большевиками закончился; и закончился не пораженіемъ на Крымскихъ поляхъ битвы, а совершенно неожиданнымъ для большинства — «исходомъ» изъ Крыма еще вполнѣ боеспособной арміи и всей русской интеллигенціи, которая жила въ Крыму, вѣря въ армію, ей помогая въ борьбѣ противъ совѣтской власти, и которая не могла оставаться въ Россіи подъ властью большевиковъ.

Прекращеніе борьбы на фронтѣ и эвакуація арміи вызвала среди многихъ военныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, рѣзкую критику, основанную на томъ, что эвакуація Крыма не соотвѣтствовала обстановкѣ на фронтѣ и что Крымъ удержать въ своихъ рукахъ — для арміи была полная возможность.

Борьба въ теченіе еще нѣкотораго времени была, конечно, возможна. Но обстановка была болѣе сложная, чѣмъ представляютъ себѣ тѣ, которые говорятъ о томъ, что борьбу необходимо было продолжать.

Прежде всего укрѣпленная позиція, приготовленная на сѣверной окраинѣ Крыма и преграждавшая подступы черезъ Перекопскій перешеекъ и у Чонгарскаго моста, не была обезпечена достаточнымъ количествомъ убѣжищъ для войскъ, укрывающихъ ихъ отъ огня тяжелой артиллеріи и отъ мороза, а теплой одежды было недостаточное количество; наконецъ, не было за позиціей устроено необходимыхъ складовъ продовольствія обезпечивающихъ правильное и своевременное питаніе войскъ.

Удержать эту позицію, особенно послѣ замерзанія Сиваша, было болѣе, чѣмъ трудно.

Основывать же оборону Крыма на полевыхъ бояхъ, давъ противнику перейти черезъ укрѣпленную позицію, было бы слишкомъ рискованно.

Въ случаѣ неуспѣха на фронтѣ уже нельзя было бы думать о планомѣрной эвакуаціи, и погибла бы не только армія, но и всѣ тѣ, кого армія прикрывала.

Нельзя забывать, что тылъ былъ переполненъ различными тыловыми учрежденіями, семьями служащихъ и бѣженцами со всей Россіи, скопившимися на послѣднемъ клочкѣ русской земли, неподвластномъ большевикамъ. При естественно панически настроенномъ тылѣ не была бы возможна спокойная работа и на фронтѣ.

Наконецъ, многіе изъ офицеровъ, семьи которыхъ были въ тылу, какъ это было и при эвакуаціи Новороссійска, въ случаѣ неудачи на фронтѣ, бросились бы спасать своихъ близкихъ, и это разстроило бы боеспособность частей.

Приходилось еще слышать мнѣніе, что генералу Вран-

гелю нужно было, при отходѣ арміи къ Крымскимъ перешейкамъ, немедленно эвакуировать заграницу всѣ семьи служащихъ и бѣженцевъ, а съ арміей оставаться въ Крыму и продолжать борьбу съ большевиками.

Но надо сказать, что вслѣдствіе недостатка продовольствія въ Крыму и отсутствія денежныхъ средствъ для пріобрѣтенія всего необходимаго для арміи изъ-за границы, борьбу съ большевиками пришлось бы все равно прекратить.

Учтя всю эту обстановку, генералъ Врангель и рѣшился на эвакуацію арміи и всѣхъ тѣхъ, кто съ нею былъ связанъ.

Нападокъ на направленіе политики генерала Врангеля и на дѣятельность его гражданскаго управленія было, конечно, много.

Особенно нападали на него за политику «соглашенія».

Вотъ выдержка изъ письма, которое я получилъ изъ Крыма и которое ясно опредѣляетъ сомнѣнія, волновавшія многихъ:

«Общая наша политика соглашеній съ расчленителями Россіи (Грузіей, Украинцами, Поляками и проч.) пока реальныхъ результатовъ не дала, но зато грозитъ поставить насъ въ дикое положеніе. Мы незамѣтно мѣняемся ролями съ большевиками: послѣдніе стали мощными «собирателями земли Русской» и покоряютъ подъ нози всю бывшую Имперію, а мы вынуждены поощрять «самостійности», ибо иного пути для соглашеній не имѣется. Но страшно подумать, что эта политика можетъ испортить окончательно нашу работу. . .»

Но, допуская даже нѣкоторую справедливость высказанныхъ въ этомъ письмѣ опасеній, необходимо отмѣтить, что другого выхода у генерала Врангеля не было, а допущенныя ошибки сторицею покрываются громадными заслугами, за которыя Россія всегда будетъ благодарна генералу Врангелю: послѣ эвакуаціи Новороссійска онъ возродилъ армію и, эвакуировавъ ее изъ Крыма, сумѣлъ ее сохранить для работы по возсозданію Великой Россіи и какъ безцѣнный національный кадръ будущей Русской Арміи.

Часть седьмая.

Отношеніе Франціи и Великобританіи къ борьбѣ съ совѣтской властью въ Россіи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Приступая къ изложенію этого въ высшей степени деликатнаго и очень запутаннаго вопроса, я считаю необходимымъ объяснить, что къ этому меня побуждаетъ не желаніе лишній разъ подчеркнуть ошибки, допущенныя союзниками, и этимъ обострить и безъ того болѣзненно натянутыя отношенія между русской противо-большевистской военной массой и значительной частью русскихъ эмигрантовъ съ одной стороны и нашими бывшими союзниками съ другой стороны.

Наоборотъ, я хочу, основываясь на имѣющемся въ моемъ распоряженіи матеріалѣ, давъ безпристрастное и правдивое описаніе событій, остановиться на объясненіи ихъ причинъ, въ надеждѣ, что это сгладитъ возникшія недоразумѣнія и поможетъ, какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, разобраться въ дѣйствительной обстановкѣ.

Политика англичанъ въ Закавказьѣ; спѣшная, не отвѣчавшая обстановкѣ, эвакуація фрнцузами весной 1919 года Одессы и Крыма; полный отказъ Великобританіи оказывать какую либо поддержку вооруженнымъ силамъ юга Россіи послѣ эвакуаціи Новороссійска весной 1920 года, и, наконецъ, странная политика по отношенію къ совѣтскому правительству въ Россіи Великобританскаго премьера Ллойдъ Джорджа — все это сдѣлало то, что многіе русскіе изъ прежнихъ искреннихъ друзей Франціи и Англіи пре-

вратились въ ихъ враговъ и обратили свои взоры на Германію, въ надеждѣ, что дѣйствительная помощь можетъ придти оттуда.

Составленный, въ маѣ 1919 года, въ штабѣ главнокомандующаго вооруженными силами юга Россіи «Очеркъ взаимоотношеній Вооруженныхъ силъ юга Россіи и представителей французскаго командованія», хотя и содержитъ въ себѣ лишь документальныя данныя, но онѣ подобраны нѣсколько односторонне, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшедшихъ печальныхъ событій. Содержаніе этого документа, названнаго «Оранжевой книгой Добровольческой арміи», хотя и съ надписью «совершенно секретно», стало очень скоро извѣстно многимъ.

Выпускъ его произвелъ очень непріятное впечатлѣніе на французское правительство и значительно способствовалъ охлажденію и безъ того нѣсколько испорченныхъ отношеній.

Между тѣмъ въ тѣхъ событіяхъ, которыя предшествовали эвакуаціи Одессы, виновны прежде всего — мы русскіе и сваливать всю вину на французское командованіе, которое не разобралось въ обстановкѣ, неправильно и несправедливо.

Но и всѣ истинные сторонники союза съ Россіей во Франціи и въ Великобританіи должны понять, что на будущую политику возрожденной Великой Россіи естественно должны будутъ повліять нынѣшнія отношенія нашихъ прежнихъ союзниковъ къ противо-большевистской Россіи.

Ошибочна политика тѣхъ великобританскихъ дѣятелей, которые думаютъ, что они смогутъ помѣшать возсозданію сильной Великой Россіи и, пользуясь отсутствіемъ голоса Россіи въ концертѣ Великихъ Державъ, разрѣшить безъ ея участія, задачи на ближнемъ Востокѣ и устранить такъ ихъ всегда пугавшую, угрозу Индіи.

Нѣсколько задержать возсозданіе Великой Россіи, конечно, удастся, но добиться, чтобы полутораста-милліонная Россія не стала опять Великой и грозной, — это не удастся.

Чѣмъ больше будутъ мѣшать возсозданію Россіи,

тѣмъ это будетъ хуже для тѣхъ, кто къ этому приложитъ руку.

Россія будетъ Великой, и тогда она будетъ свободна въ выборѣ себѣ союзниковъ, она разберетъ, кто ей былъ другъ и кто врагъ, потребуетъ возстановленія своихъ попранныхъ правъ и расплатится за все то добро и зло, которое испытала въ дни своего историческаго несчастія.

* * *

Уже послѣ перваго выступленія большевиковъ въ Петроградѣ, 3/16 іюля 1917 года, подавленнаго войсками, оставшимися вѣрными временному правительству, нѣкоторымъ наблюдательнымъ иностранцамъ, бывшимъ въ Россіи, стало ясно, что большевистская спасность угрожаетъ не только Россіи, но и всей Западной Европѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Петроградскаго выступленія большевиковъ ко мнѣ, какъ къ начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, пришелъ по какому то дѣлу военный представитель Великобританскаго правительства при Ставкѣ, генералъ Бартеръ.

Закончивъ дѣловой разговоръ, мы стали обсуждать Петроградскія событія и возможныя послѣдствія развитія большевизма.

Генералъ Бартеръ, отвѣчая на высказанное мною опасеніе, что временное правительство не сумѣетъ справиться съ большевистской опасностью и что большевизмъ можетъ скоро окончательно разрушить армію и ввергнуть въ анархію всю Россію, сказалъ, что опасность для Россіи, конечно, велика; что лозунги, выдвинутые большевиками, слишкомъ заманчивы для крестьянъ и рабочихъ; что онъ также боится, что большевизмъ и анархія охватятъ Россію; но что онъ считаетъ, что большевистская опасность угрожаетъ Великобританіи еще въ большей степени, чѣмъ Россіи.

На мой вопросъ: «какъ такъ?» — генералъ Бартеръ отвѣтилъ: *) «Россіи конечно, угрожаетъ непосредственная опасность и, вѣроятно, большевизмъ ее охватитъ. Я не знаю,

*) Я не помню *дословно* сказаннаго генераломъ Бартеромъ, но суть его отвѣта настолько врѣзалась мнѣ въ память, что смыслъ его я передаю совершенно точно и потому позволяю себѣ взять его слова въ ковычки.

долго ли будетъ Россія болѣть, но думаю, что эта болѣзнь для нея не будетъ смертельна.

Большевизмъ болѣе опасенъ для странъ, въ которыхъ преобладаетъ рабочее населеніе.

Россія, главнымъ образомъ, земледѣльческая страна, а земледѣльцы, какъ собственники, съ большевизмомъ не помирятся. Русскіе крестьяне и мелкіе земельные собственники спасутъ Россію.

Другое дѣло Англія. У насъ преобладаетъ рабочее населеніе. У насъ, при возрастающемъ неудовольствіи среди рабочихъ различныхъ фабрично-заводскихъ и угольныхъ предпріятій, почва для большевизма вполнѣ подготовлена.

Если большевизмъ перекинется въ Англію, то для нея это можетъ быть смертельная болѣзнь. Если же и удастся не допустить развитія большевизма въ Англіи, то я все же предвижу, что ей придется пережить глубокія потрясенія, которыя могутъ страшно повліять на ея будущность».

Но думаю, что, за исключеніемъ отдѣльныхъ личностей, въ западной Европѣ, всецѣло поглощенной страшной борьбой, отъ исхода которой зависѣло самое существованіе государствъ, долго еще не сознавали той опасности, которая на нихъ надвигалась въ видѣ большевистскаго интернаціонала.

Послѣ захвата, 25 октября/7 ноября 1917 года, большевиками власти въ Россіи, большевистская опасность представлялась для Державъ Согласія въ смыслѣ захвата власти въ Россіи ставленниками германцевъ, которые, заключивъ сепаратный миръ съ Германіей, вывели окончательно Россію изъ міровой борьбы и могли предоставить нѣмцамъ пользоваться Россіей, какъ продовольственной базой, для продолженія борьбы на западномъ фронтѣ.

Начавшееся на Дону формированіе Добровольческой арміи заинтересовало Францію и Великобританію. Ихъ представители въ Россіи получили указаніе войти въ связь съ Московскимъ національнымъ центромъ и генераломъ Алексѣевымъ и выяснить, насколько серьезнымъ является начатое дѣло.

Военные представители Франціи и Великобританіи въ

декабрѣ 1917 года, были въ Новочеркасскѣ и, познакомившись съ тѣмъ, что дѣлается, обѣщали отъ имени своихъ правительствъ значительную денежную помощь.

Весной 1918 года казалось, что Добровольческая армія, возглавляемая генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ, должна будетъ прекратить свое существованіе, и союзники, считая, повидимому, что помогать ей безполезно, никакой поддержки ей не оказали.

Въ этотъ періодъ, представители Франціи и Англіи, продолжая поддерживать связь съ Московскимъ Національнымъ Центромъ, оказывали небольшую денежную поддержку Б. Савинкову, на дѣятельность котораго по организаціи противобольшевистскаго выступленія они смотрѣли, повидимому, съ довѣріемъ.

Къ лѣту 1918 года, въ связи съ передвиженіемъ въ Сибирь чехо-словакскаго корпуса и начавшимися въ Сибири противобольшевистскими выступленіями, у союзниковъ появился планъ созданія по Волгѣ восточнаго фронта, ядромъ для котораго долженъ былъ явиться этотъ корпусъ.

Созданіе вновь восточнаго фронта, который заставилъ бы германцевъ ослабить свои силы на западномъ фронтѣ, было для союзниковъ крайне заманчиво, и они обратили все свое вниманіе на Сибирь.

Начавшіеся лѣтомъ 1918 года успѣхи Добровольческой арміи на Кубани и борьба съ большевиками Дона вновь привлекли вниманіе союзниковъ къ югу Россіи, но отсутствіе какой либо связи не позволяло имъ оказать непосредственную помощь крѣпнувшей тамъ Добровольческой арміи.

Ко времени побѣды Державъ Согласія надъ Центральными Державами, для западныхъ Державъ стало выясняться, что опасность большевизма была страшна не только выводомъ Россіи изъ міровой борьбы и предоставленіемъ рессурсовъ Россіи въ распоряженіе Германіи, но и тѣмъ, что лозунги большевизма, крайне заманчивые для рабочихъ массъ, а также для низовъ населенія, какъ чувствующихъ себя неудовлетворимыми и обиженными, такъ и для вездѣ значительнаго преступнаго элемента, въ случаѣ распростра-

ненія въ Европѣ и Азіи, могутъ повести къ новымъ и тяжкимъ государственнымъ потрясеніямъ.

При этомъ, цѣлый рядъ фактовъ указывалъ на то, что Германія, принужденная прекратить открытую борьбу съ Державами Согласія и капитулировать, продолжаетъ пользоваться ею же насажденнымъ въ Россіи большевизмомъ для продолженія скрытой борьбы противъ Державъ Согласія.

Кромѣ помощи, которую совѣтское правительство получало отъ Германіи на территоріи Россіи, чувствовалось, что къ организаціи большевистской пропаганды, начавшейся какъ въ западныхъ государствахъ, такъ и въ Азіи, причастны германскіе агенты.

Опасность распространенія большевизма, повидимому, прежде всего была сознана Франціей.

Въ Англіи въ этомъ отношеніи рѣзко опредѣлилось два теченія.

Одно, во главѣ котораго стоялъ великобританскій премьеръ Ллойдъ Джорджъ, было противъ активной помощи борющимся противъ большевиковъ русскимъ вооруженнымъ силамъ. Политическіе дѣятели, возглавлявшіе это теченіе, повидимому, считали, что путемъ, такъ сказать, моральнаго воздѣйствія на совѣтское правительство въ Россіи, можно его заставить эволюціонировать и пойти по пути созданія демократическаго правительства, обезпечивающаго интересы какъ русскаго населенія, такъ и интересы иностранныхъ державъ.

Другое теченіе, возглавляемое Винстономъ Черчилемъ, было за самую рѣшительную помощь русскимъ, которые борются противъ большевиковъ.

Руководители этого теченія считали, что никакого соглашенія нельзя достигнуть съ международной шайкой разбойниковъ, которые, выполнивъ заданіе Германіи по развалу русской арміи и заключенію сепаратнаго мира съ Центральными Державами, предаютъ Россію огню и мечу и угрожаютъ государственному строю всѣхъ странъ міра.

Вліяніе Франціи и общественнаго мнѣнія Англіи заставили великобританское правительство стать на путь рѣ-

шительной поддержки противобольшевистскихъ силъ России.

Но внутренняя борьба различныхъ теченій Англійскаго общественнаго мнѣнія продолжалась и всѣмъ неожиданное предложеніе г. Ллойдъ Джорджа, въ январѣ 1919 года, собраться на Принцевыхъ островахъ представителямъ совѣтской Россіи, государственныхъ новообразованій Россіи и представителямъ русскихъ вооруженныхъ силъ, борящихся противъ большевиковъ, для обсужденія, въ присутствіи представителей Державъ Согласія, возможности придти къ мирному разрѣшенію всѣхъ вопросовъ, вызывающихъ борьбу, — было отвергнуто всѣми, за исключеніемъ совѣтскаго и эстонскаго правительствъ.

Опубликованный Собственной Королевской канцеляріей въ Лондонѣ и представленный великобританскому Парламенту въ апрѣлѣ 1919 года «Сборникъ донесеній о большевизмѣ въ Россіи» (Англійская «Бѣлая книга») произвелъ сильное впечатлѣніе на англійское общественное мнѣніе и укрѣпилъ рѣшимость энергично помогать русскимъ противо-большевистскимъ вооруженнымъ силамъ и организаціямъ въ ихъ борьбѣ съ совѣтской властью.

Англійская «Бѣлая книга» сопровождалась слѣдующимъ предисловіемъ: «Настоящій сборникъ донесеній оффиціальныхъ представителей Его Величества въ Россіи, англійско-подданныхъ, недавно возвратившихся изъ этой страны, и независимыхъ свидѣтелей различныхъ національностей, обнимаетъ періодъ владычества большевиковъ, начиная съ лѣта 1918 года до настоящаго времени.

Донесенія эти становятся достояніемъ гласности по постановленію, вынесенному Военнымъ Кабинетомъ въ январѣ сего года и не сопровождаются ни введеніемъ, ни комментаріями, а лишь говорятъ сами за себя, представляя картину принциповъ и методовъ власти большевиковъ, ужасающихъ проступковъ, которыми эта власть сопровождается; проистекающихъ отъ нея экономическихъ послѣдствій и всѣхъ неисчислимыхъ бѣдствій, происходящихъ отъ нея».

Дѣйствительно, уже къ началу 1919 года накопилось столько ужасающаго матеріала о совѣтскомъ режимѣ въ Россіи и объ опасности, которая при господствѣ большевиковъ въ Россіи угрожаетъ всему міру, что «Бѣлая книга», содержащая, главнымъ образомъ, донесенія и сообщенія не какой либо заинтересованной стороны, а своихъ же британскихъ подданныхъ, не вызывающія никакихъ сомнѣній въ достовѣрности, не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на англійское общественное мнѣніе.

Но къ сожалѣнію, вскорѣ — отчасти, вѣроятно, подъ давленіемъ лѣвыхъ демократическихъ круговъ, отчасти вслѣдствіе того, что г. Ллойдъ Джорджъ призналъ полезнымъ вновь вернуться къ старой политикѣ Великобританіи временъ Пальмерстона и Биконсфильда о выгодности для Англіи имѣть Россію не сильную, а слабую, — теченіе противъ вмѣшательства въ дѣла Россіи опять усилилось.

Рѣчь великобританскаго военнаго министра Винстона Черчиля, произнесенная имъ на банкетѣ Британско-Русскаго клуба 4/17 іюля 1919 года, освѣщаетъ многія стороны этого вопроса.

Привожу выдержки изъ этой рѣчи:

«. . . еслибы даже забыли это современники (о заслугахъ, оказанныхъ Россіей союзническому дѣлу), то исторія занесетъ на свои страницы подвигъ русскаго народа, который всей своей огромной массой человѣческихъ усилій и стремленій, ему присущихъ, ринулся на бой съ германцами съ однимъ исключительнымъ желаніемъ и намѣреніемъ пожертвовать послѣдней каплей крови ради торжества праведнаго дѣла. Мы хорошо знаемъ, что, вѣроятно, не былъ бы спасенъ Парижъ и битва на Марнѣ не была бы выиграна, если бы еще при Царѣ, до завершенія мобилизаціи, русскія войска не бросились впередъ и не пожертвовали огромными потоками крови ради выигрыша нѣсколькихъ дней, даже нѣсколькихъ часовъ на западномъ фронтѣ. Забыть этого мы не можемъ.

. . . Я хочу, чтобы въ эти заполненные событіями дни, когда общественное вниманіе отвлекается столькими разнообразными интересами, британскій народъ не забывалъ

важнаго значенія Россіи для него. Къ счастью или къ несчастью, но значеніе Россіи для всѣхъ народовъ міра, также какъ и для британскаго народа, что насъ главнымъ образомъ и интересуетъ, является фактомъ высочайшей важности, наличность котораго неоспорима.

... Я не могу отдѣлаться отъ чувствъ безпокойства, симпатій и сожалѣнія, вызванныхъ тѣмъ, что дѣлается въ Россіи, и отъ глубокаго предчувствія опасности, которой подвергаемся или можемъ подвергнуться мы на этомъ островѣ, и многія изъ союзныхъ державъ по всему міру, изъза того, что происходитъ въ Россіи...

Великіе результаты, послѣдовавшіе вслѣдствіе мѣръ помощи, принять которыя мы сочли правильнымъ, доказываютъ, что еслибы съ самаго начала русское положеніе подвергнуто было воздѣйствію концерта пяти великихъ державъ побѣдительницъ, если бы онѣ нашли въ себѣ способность дѣйствовать по отношенію къ Россіи съ реальной силой и мощью и въ незаинтересованномъ единеніи, положеніе въ Россіи могло быть уже вполнѣ возстановленнымъ къ настоящему времени....

Теперь я долженъ сказать, что въ нашей странѣ имѣется значительное число людей, которыхъ я не назову патріотами, такъ какъ они первые протестовали бы противъ такого наименованія. Однако, они все же наши соотечественники и ихъ участь связана съ нашей. И эти люди искренно и непритворно торжествовали бы, еслибы Колчакъ и Деникинъ, ихъ правительства и войска, со всѣми полагающимися на ихъ защиту, были уничтожены, разбиты и подчинены большевистскому управленію, еслибы Ленинъ и Троцкій и окружающая ихъ эта странная, мрачная банда еврейскихъ анархистовъ и искателей приключеній, вступили безъ сопротивленія и безъ соперниковъ на высокій тронъ царей и съ деспотизмомъ стариннаго режима соединили тиранію разрушительной пропаганды.

Эти люди этому бы порадовались. Они поспѣшили бы даже пасть ницъ передъ новой тираніей, постарались бы объяснить и даже оправдать ея самые ненавистные эксцессы и провозгласили бы прогрессомъ на пути къ міровому

спасенію и міровой свободѣ то, что въ сущности является лишь самымъ ужаснымъ возвращеніемъ къ варварству и звѣрству, изо всего подобнаго, что когда либо случалось.

Но позвольте же намъ кинуть взглядъ, милорды и джентельмены, на то, что произошло бы затѣмъ. Вдоль всей этой восточной стороны Европы война, какъ напомнилъ намъ сэръ Джорджъ Бьюкэненъ, вызвала въ жизни цѣлую цѣпь небольшихъ и слабыхъ государствъ, которыя сами, до извѣстной степени, проникнуты большевистскими идеями, подавлены гнетомъ банкротства и голоданія и лишены дисциплинированныхъ армій, и на этотъ-то колюблющійся, трескающійся оплотъ мы здѣсь разсчитываемъ для предотвращенія наступательнаго движенія на западъ большевистскихъ войскъ и большевистской анархіи; на него же мы разсчитываемъ и для предотвращенія объединенія этихъ войскъ и этого ученія съ недовольствомъ могучей германской націи.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ никто не вѣрилъ, чтобы эти новыя слабыя державы могли удержаться безъ могущественной поддержки союзническими деньгами и союзническими войсками. Но къ нашему великому облегченію, онѣ удержались. Онѣ удержались безъ обращенія къ намъ за какой-либо непосредственной поддержкой.

Эстонія, Литва, Польша, Чехо-Словакія, Румынія, все еще выступаютъ жизненными факторами міровой общественной и національной жизни и вся западная Европа, въ настоящее время, укрывается за ихъ слабымъ оплотомъ. Но почему же онѣ оказались способными поддержать свое существованіе? Потому, что никто на нихъ серьезно не нападалъ. Усилія большевиковъ захватить ихъ были слабыми, и съ ними справились потому, что усилія эти были слабы.

А по той причинѣ, что по меньшей мѣрѣ двѣ трети всей большевистской арміи, по меньшей мѣрѣ двѣ трети всѣхъ силъ, были заняты борьбой съ силами Колчака и Деникина, которыхъ не существовало совсѣмъ годъ тому назадъ и которыя теперь борются отчаянно, но съ основа-

тельной надеждой на побѣду противъ трехъ сотъ тысячъ организованныхъ большевистскихъ боевыхъ войскъ.

И еслибы эти арміи были разбиты и уничтожены, и вся Россія со всѣми своими рессурсами попала подъ неоспоримую власть Ленина и Троцкаго, то вся сила большевистскаго войска могла бы обрушиться — и обрушилась бы — на линію еле держащихся небольшихъ государствъ съ послѣдствіями, въ которыхъ никто изъ знакомыхъ съ ихъ пожеланіями не можетъ сомнѣваться.

А этимъ всѣмъ государствамъ сэромъ Джорджемъ Бьюкэненъ), было обѣщано въ той или иной формѣ, покровительство Лиги Націй, поскольку эта Лига существуетъ, и если на нихъ нападутъ и они станутъ разрушаться и начнутъ вопить о помощи, то или Британіи, Франціи и Соединеннымъ Штатамъ придется сдѣлать серьезныя усилія, или же Лига Націй и Союзныя Державы побѣдительницы, на которыхъ и вокругъ которыхъ эта Лига по необходимости основана, покажутъ себя совершенно безсильными, и контроль надъ центральной Европой, а весьма вѣроятно и контроль надъ Россіей, перейдетъ въ руки Германіи.

Такъ что, когда наши нацифисты, или большевистскія «пуховыя головы» въ нашей странѣ возвышаютъ свои пронзительные голоса въ истерическихъ вопляхъ при каждой побѣдѣ надъ силами Колчака и Деникина, пусть они помнятъ — если же они забудутъ, то мы должны помнить — что если бы не эти силы и ихъ тягостная борьба, вся мощь большевистскаго нападенія обрушилась бы на тѣ небольшія государства, за будущность которыхъ Лига Націй торжественно приняла на себя обязывающую ее отвѣтственность.

Я поражаюсь, джентельмены, видя, какъ слѣпы, какъ безнадежно слѣпы нѣкоторые люди въ этихъ дѣлахъ. Только пришибленностью и переутомленіемъ послѣ ужасной войны можно объяснить недостатокъ пониманія опасностей, затрагивающихъ всѣхъ насъ, опасностей столь неизбѣжныхъ и реальныхъ....

... Если же въ какое либо время, въ будущемъ, эти арміи (Колчака и Деникина) будутъ уничтожены, то про-

изойдетъ несчастіе, которое незамедлительно затронетъ насъ и затронетъ оно насъ въ такой большой степени, которую теперь почти невозможно опредѣлить. . . .

. . . «Но», говорятъ намъ, «большевики преобразуются подъ гнетомъ войны, управленія и внутреннихъ дѣлъ; они отбросили уже три четверти своихъ прежнихъ принциповъ, тѣхъ утопичныхъ принциповъ, во имя которыхъ они начали борьбу; они уже утвердили дисциплину, основанную на смертной казни (примѣняемой во многихъ случаяхъ не только къ офицерамъ и солдатамъ, но также къ ихъ женамъ и дѣтямъ); они уже выплачиваютъ крупныя жалованія экспертамъ интеллигентамъ, идущимъ къ нимъ на службу и значительная часть русской торговли уже ведется отдѣльными лицами, дѣйствующими индивидуально, а не коллективно, несмотря на то, что это признается серьезнымъ преступленіемъ. . .» Такова выставляемая нынѣ система защиты. Система эта странная. На мой взглядъ, она лишаетъ ихъ послѣдняго шанса на оправданіе. Единственнымъ смягчающимъ ихъ вину обстоятельствомъ, на которое они могли сослаться, является то, что они фанатики. . . А теперь, какъ оказывается по словамъ ихъ защитниковъ, они готовы пожертвовать тремя четвертями этихъ самыхъ принциповъ, лишь бы продержаться нѣсколько дольше у дѣлъ и у власти. . . .

Но тутъ то именно, представляется мнѣ, и наростаетъ новая болѣе значительная опасность. Я говорю чередъ британской публикой, смотрящей на эти вопросы съ британской точки зрѣнія и только съ этой, именно, британской точки зрѣнія я и разсматриваю эти вопросы. Мы видимъ, что двѣ отрасли человѣческой расы — славянская и тевтонская — погружены въ бездну несчастія; одна изъ нихъ — наша вѣрная, но несчастная союзница, другая — нашъ непримиримый врагъ. Но обѣ онѣ совершенно различными путями, при обстоятельствахъ поразительно несхожихъ, дошли до несчастнаго ослабленнаго положенія, которое, какъ мы всѣ знаемъ, является лишь переходящей фазой въ міровой исторіи. По мѣрѣ того, какъ большевики станутъ болѣе практичными, весьма возможно, что они постепенно

все болѣе и болѣе приблизятся къ такому состоянію соціальнаго и военнаго развитія, въ особенности военнаго, которое приведетъ ихъ къ тѣснѣйшему сближенію съ Германіей и возбудитъ между ними и германцами взаимныя симпатіи, все болѣе и болѣе обусловливающія возможность объединеннаго выступленія. Подумайте только, какую это представитъ опасность Европѣ, міру и всѣмъ намъ увѣреннымъ теперь, что мы выиграли великую войну.

Если предположить, что отъ Китая до Рейна образуется одна сплошная масса людей, вооруженныхъ и вооружающихся, одухотворенныхъ ненавистью ко всѣмъ Союзнымъ Державамъ, къ Британіи, Соединеннымъ Штатамъ, Франціи и подгоняемыхъ на грабежъ и отомщеніе, если предположить наличность такого ужаснаго положенія, съ которымъ, быть можетъ, придется встрѣтиться не нашимъ дѣтямъ, а намъ самимъ въ теченіе предстоящихъ годовъ, положенія, съ которымъ послѣ серьезныхъ усилій, сдѣланныхъ нами въ великую войну, мы, можетъ быть, управимся успѣшно, но предотвратить которое, разъ навсегда, является главною обязанностью нашихъ государственныхъ дѣятелей. Я считаю необходимымъ высказать это предупрежденіе, чтобы въ томъ случаѣ, если событія сложатся неблагопріятно, было бы отмѣчено, что факты не были скрыты отъ британской публики.

Россія, милорды и джентельмэны, является въ настоящее время рѣшительнымъ факторомъ міровой исторіи. Спасеніе России изъ ея теперешняго ужасающаго положенія составляетъ первѣйшую обязанность Лиги Націй и насущный интересъ Союзныхъ Державъ. Онѣ должны дѣйствовать въ согласіи, съ убѣжденіемъ и энергично. Если онѣ пренебрегутъ этой обязанностью, или выполненіе ея имъ не удастся, половина плодовъ побѣды будетъ потеряна. Россія, какъ всѣ великія націи, неразрушима. Или страданія ея будутъ продолжаться, нарушать покой всего міра и охватятъ его своими конвульсіями, или ее надо спасать. Она не можетъ быть спасена одной Британіей. У насъ для этого недостаточно силъ, у насъ, какъ отдѣльной націи, недоста-

точно авторитета, чтобы выступать въ этомъ огромномъ дѣлѣ.

Сила Лиги Націй будетъ испытана въ русскомъ вопросѣ. Если Лига Націй не сможетъ спасти Россію, Россія въ своей агоніи разрушитъ Лигу Націй. Всѣмъ легкомысленнымъ, всѣмъ неосвѣдомленнымъ, всѣмъ простосердечнымъ, всѣмъ поглощеннымъ личными дѣлами — я говорю: вы можете покинуть Россію, но Россія васъ не покинетъ.

Веселіе царило на улицахъ, когда я ѣхалъ сюда нынче вечеромъ. Улицы были залиты тысячами, десятками тысячъ народа, чувствующаго, что насталъ моментъ, когда онъ можетъ радоваться и торжествовать великую побѣду въ великой войнѣ; и есть ли здѣсь кто нибудь, кто станетъ отрицать, что народъ сполна заплатилъ за свое право оглашать воздухъ радостными кликами и радоваться? На декоративныхъ щитахъ, на улицахъ, начертаны наименованія всѣхъ полей битвъ, разсѣянныхъ по всему міру, на которыхъ ради праведнаго дѣла дралась наша молодежь, завоевывая себѣ мѣсто въ исторіи.

Но видѣлъ я также, рядомъ съ этими счастливыми толпами, мрачную фигуру русскаго медвѣдя. Переваливаясь, ступалъ медвѣдь черезъ степи, черезъ снѣга, шествуя на окровавленныхъ лапахъ, и онъ здѣсь среди насъ. Его тѣнь падаетъ на наше веселье. Онъ стоитъ на стражѣ снаружи, у дверей залы совѣта Союзныхъ Державъ.

Въ Версальской Галлереѣ Зеркалъ онъ пребывалъ неподалеку отъ насъ. И здѣсь, нынче вечеромъ, мы ощущаемъ гнетъ его присутствія. Міръ передѣлать невозможно безъ участія Россіи. Невозможно итти по пути побѣды, благоденствія и мира и предоставить эту огромную часть человѣческой расы на жертву мученіямъ во тьмѣ варварства.

Я обращаюсь къ тѣмъ, кто дорожитъ будущимъ миромъ всего міра; я обращаюсь къ великимъ побѣдившимъ государствамъ и ихъ довѣреннымъ вождямъ; я обращаюсь къ Лигѣ Націй съ воззваніемъ разсмотрѣть все положеніе въ Россіи и произвести объединенное, сконцентрированное усиліе для освобожденія русскаго народа отъ его ужасаю-

щей муки и для возстановленія мира въ измученномъ мірѣ».

Предупрежденіе Винстона Черчиля не было услышано ни Лигой Націей, ни его соотечественниками.

Послѣ катастрофы на Сибирскомъ и Южно-Русскомъ фронтахъ помощь противо-большевистской Россіи союзниками, за исключеніемъ Франціи, была прекращена.

Послѣ эвакуаціи Крыма генераломъ Врангелемъ прекратила помощь въ борьбѣ противъ совѣтской власти и Франція.

Русскій медвѣдь брошенъ одними на произволъ судьбы совершенно, другіе же пошли по опасному пути соглашательства съ шайкой бандитовъ, захватившихъ грязными руками власть въ Россіи; предупрежденіе Винстона Черчиля о грозной опасности, которая можетъ произойти, если будетъ избранъ этотъ путь, — ихъ не испугало.

Но русскій медвѣдь не погибнетъ и не превратится въ дойную покорную корову, а зализавъ свои глубокія раны и оправившись, займетъ въ мірѣ свое прежнее царственное мѣсто и потребуетъ на судъ тѣхъ, кто его рвалъ, терзалъ и предавалъ.

* * *

Одной изъ основныхъ идей Добровольческой арміи была вѣрность союзническимъ обязательствамъ Россіи.

Трактуя себя непосредственной преемницей Русской Императорской арміи, Добровольческая армія считала для себя вопросомъ чести оставаться вѣрной Союзникамъ и не допускала мысли пойти на какое либо соглашеніе съ германцами.

Весной 1918 года, послѣ отхода Добровольческой арміи изъ подъ Екатеринодара на территорію Дона, когда германцы заняли Таганрогскій округъ и Ростовъ, вопросъ объ отношеніяхъ къ германцамъ, находившимся въ близкомъ сосѣдствѣ съ арміей, принялъ острый характеръ. Для новыхъ формированій и предстоящихъ боевъ требовалось вооруженіе, снаряженіе и боевые припасы. Получить же ихъ можно было только отъ германцевъ, или, съ согласія послѣднихъ, отъ гетмана Украины.

Германское командованіе, сейчасъ же послѣ занятія Ростова, учитывая трудное положеніе Добровольческой арміи, дѣлало попытки войти въ переговоры съ Командованіемъ арміи, но они были категорически отвергнуты. *)

Позднѣе германское командованіе, черезъ своего представителя при Донскомъ атаманѣ, маіора фонъ Кохенгузенъ, пробовало завязать сношенія съ командованіемъ Добровольческой арміи. Эти попытки остались также безъ отвѣта.

Безъ отвѣта же было оставлено ультимативное требованіе по вопросу объ обезпеченіи германскому командованію пользованія англо-индійскимъ телеграфомъ для сношеній съ Тифлисомъ. Германскіе же телеграфные чины, которыхъ германское командованіе хотѣло направить на Кубань для обслуживанія этого телеграфа, не были допущены на территорію, находившуюся въ сферѣ вліянія Добровольческой арміи.

Съ занятіемъ Германцами Грузіи и Сочинскаго округа, германское командованіе, оказавъ давленіе на Грузію, добилось, чтобы отношенія, первоначально установившіяся между Добровольческой арміей и грузинскими частями, боровшимися съ большевиками въ Сочинскомъ округѣ, рѣзко измѣнились.

Такое отношеніе Добровольческой арміи къ союзническимъ обязательствамъ Россіи и къ германцамъ давало основаніе, какъ командованію Добровольческой арміи, такъ и всѣмъ чинамъ арміи, быть убѣжденными, что, какъ только установится связь съ союзниками, армія получитъ полную, какъ моральную, такъ и матеріальную поддержку.

---

*) Недоброжелатели Добровольческой арміи любили говорить, что этимъ нечего хвастаться, такъ какъ командованіе Добровольческой арміи получало неоднократно вооруженіе, снаряженіе и боевые припасы отъ Дона, зная, что Донъ ихъ получаетъ отъ германцевъ и что это было равносильно полученію непосредственно изъ нѣмецкихъ рукъ.

Но это, конечно, было не равносильно. Получая отъ Дона, мы ни въ какія обязательства въ отношеніи германцевъ не вступали. Еслибы Добровольческая армія нарушила принципъ не имѣть никакого дѣла съ германцами, то, конечно, послѣдніе взамѣнъ этого предъявили бы свои требованія, и командованіе Добровольческой арміей (какъ это и случилось съ гетманомъ Украины и Донскимъ атаманомъ) стало бы на скользкій путь соглашенія съ нѣмцами.

Момента установленія непосредственной связи съ союзниками армія ожидала съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ. Съ этимъ связывалась возможность, прежде всего, получить вооруженіе и боевые припасы, такъ какъ въ этомъ отношеніи армія періодически испытывала острую нужду.

Главнымъ источникомъ снабженія были большевики, у которыхъ получали, что могли, послѣ боя. Но періодами положеніе было крайне тяжелое; случалось, что въ складахъ не было ни одного снаряда, ни одного патрона, а войска доносили, что у нихъ ничего нѣтъ. Командованіе Добровольческой арміи, въ этихъ случаяхъ, указывало на необходимость продвигаться впередъ и пополнять недостающее изъ запасовъ противника.

Нетерпѣніе скорѣй увидѣть помощь союзниковъ, въ теченіе осени 1918 года, нѣсколько разъ порождало преждевременные слухи о появленіи въ Черномъ морѣ ихъ флота.

Наконецъ, 9/22 ноября была получена радіотелеграмма, что эскадра союзниковъ направляется въ Новороссійскъ.

Ликованіе было общее.

10/23 ноября эскадра союзниковъ пришла въ Новороссійскъ, а 14/27 ноября пріѣхали въ Екатеринодаръ представители Англіи и Франціи.

На оффиціальномъ пріемѣ прибывшіе представители Франціи опредѣленно заявили, что союзники хотятъ возможно скорѣй увидѣть возрожденную Единую Россію, единый русскій фронтъ и единое русское командованіе; что всѣ борющіеся открыто или путемъ интригъ противъ этихъ идей, являются не только врагами Россіи, но и врагами союзниковъ; что русскимъ главнокомандующимъ на югѣ Россіи является генералъ Деникинъ и что теперь, когда Дарданеллы и Босфоръ открыты, союзники всѣмъ, чѣмъ могутъ, придутъ на помощь братской и союзнической Добровольческой арміи.

Нѣсколько позже, на имя генерала Деникина, было получено изъ Бухареста письмо генерала Щербачева отъ 3/16 ноября. Въ письмѣ было сказано:

«Я посѣтилъ генерала Бертело *) въ его главной квартирѣ въ Бухарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ проѣздѣ въ главную квартиру генерала Франше Д'Эспере и далѣе въ Парижъ, съ цѣлью ускорить прибытіе союзныхъ войскъ и средствъ войны въ Россію.

Въ Бухарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли мои предположенія. . . . .

Рѣшено нижеслѣдующее:

1) Для оккупаціи юга Россіи будетъ двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на этихъ же дняхъ.

2) Дивизіи будутъ французскія и греческія.

3) Я буду состоять, по предложенію союзниковъ и генерала Бертело, при послѣднемъ и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.

4) База союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ также быстро.

5) Союзными войсками юга Россіи первое время будетъ командовать генералъ Д'Ансельмъ съ главной квартирой въ Одессѣ, гдѣ буду находиться и я съ состоящими при мнѣ Вамъ извѣстными лицами.

6) Генералъ Бертело, до времени, со своей главной квартирой остается въ Бухарестѣ.

7) По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ, несомнѣнно, заняты ко времени полученія Вами этого письма, союзники займутъ быстро Кіевъ и Харьковъ съ Криворожскимъ и Донскимъ (Донецкимъ) бассейнами, Донъ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской арміямъ прочнѣй сорганизоваться и быть свободными для болѣе широкихъ активныхъ операцій.

8) Подъ прикрытіемъ союзной оккупаціи, необходимо немедленное формированіе русскихъ армій на югѣ Россіи, во имя возрожденія Великой Единой Россіи. Съ этой цѣ-

*) Былъ главнокомандующимъ союзными арміями въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи.

лью теперь же долженъ быть рѣшенъ и разработанъ вопросъ о способахъ и раіонахъ формированій этихъ армій по мѣрѣ продвиженія Союзниковъ. Только при такомъ условіи будетъ обезпечено скорѣйшее наступленіе всѣхъ русскихъ южныхъ армій, подъ единымъ командованіемъ, на Москву.

9) Въ Одессу, какъ главную базу союзниковъ, прибудетъ огромное количество всякаго рода военныхъ средствъ, оружія, боевыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, одежды, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, аэронавтики, продовольствія и проч.

10) Богатые запасы бывшаго Румынскаго фронта, Бессарабіи и Малороссіи, равно какъ и таковые Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось сдѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ коихъ обезпеченъ, такъ какъ онъ опирается на все могущество Союзниковъ.

11) Относительно финансовой поддержки намъ, у союзниковъ вырабатывается особый, спеціальный планъ».

Это письмо указывало, что всѣ пожеланія командованія Добровольческой арміи, съ которыми генералъ Щербачевъ долженъ былъ обратиться къ союзному командованію, будутъ удовлетворены.

Генералъ Эрдели, командированный къ главнокомандующему союзными силами на Востокѣ генералу Франше Д'Эспере, по возвращеніи изъ командировки, представилъ полученное имъ отъ генерала Франше Д'Эспере письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

«Будьте увѣрены, что Францiя, которая была всегда вѣрна и лояльна союзникамъ, достойнымъ этого имени, не забудетъ истинно русскихъ и не оставитъ Добровольческую армію.

Тотчасъ же, какъ только это будетъ возможно, я прикажу направить въ Новороссійскъ военное судно и прислать боевые припасы и матеріалы, въ коихъ Вы нуждаетесь и о которыхъ Вы мнѣ говорили».

По прибытіи 14/27 ноября въ Екатеринодаръ представителей Англіи и Франціи, командованіе Добровольче-

ской арміи было нѣсколько разочаровано тѣмъ, что прибывшіе въ небольшихъ чинахъ офицеры являлись явно лишь офицерами, присланными для связи, а не полномочными представителями. Къ ихъ заявленіямъ командованіе Добровольческой арміи могло относиться скептически, но письма генерала Щербачева и генерала Франше Д'Эспере разсѣяли всѣ сомнѣнія, и мы были увѣрены, что Державы Согласія опредѣленно рѣшили оказать самую широкую помощь въ борьбѣ противъ совѣтскаго правительства.

Для полной оріентировки Союзнаго командованія, въ серединѣ/концѣ ноября 1918 года штабомъ главнокомандующаго Добровольческй арміи былъ составленъ подробный докладъ о политическомъ и стратегическомъ положеніи на югѣ Россіи и о планѣ формированія и развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ для наступленія вглубь страны.

Для обезпеченія развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ и для обезпеченія ихъ операцій указывалось на необходимость занятія союзными войсками важнѣйшихъ въ политическомъ и мобилизаціонномъ отношеніи раіоновъ.

Силы союзниковъ, необходимыя для выполненія плана обезпеченія территоріи юга Россіи, были исчислены командованіемъ Добровольческой арміи въ 18 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ дивизій; при чемъ было указано, что онѣ ни въ какихъ активныхъ дѣйствіяхъ не должны будутъ принимать участія.

Одновременно былъ составленъ подробный перечень всего необходимаго для снабженія существующихъ (Добровольческой и Донской) и намѣченныхъ къ формированію армій.

20 ноября/3 декабря этотъ докладъ со всѣми приложеніями былъ посланъ въ Бухарестъ генералу Бертело и переданъ офицеру для связи съ французскимъ командованіемъ капитану Фуке для передачи генералу Франше Д'Эспере.

Никакого отвѣта на этотъ докладъ не послѣдовало; но неполученіе отвѣта, въ ближайшій періодъ послѣ его передачи, командованіе Добровольческой арміи не безпокои-

ло, такъ какъ данныя, которыя были сообщены генераломъ Щербачевымъ со словъ генерала Бертело, давали увѣренность, что фактически рѣшеніе, принятое союзниками, вполнѣ согласуется съ пожеланіями, высказанными Добровольческой арміей, и что нѣкоторая задержка въ выполненіи намѣченнаго плана помощи вооруженнымъ силамъ юга Россіи можетъ произойти изъ-за различныхъ техническихъ затрудненій; посланный же докладъ будетъ принятъ во вниманіе при проведеніи принятаго плана въ жизнь.

Событія, разыгравшіяся къ этому времени на югѣ Россіи, въ связи съ очищеніемъ германцами занятыхъ ими областей и началомъ Петлюровскаго движенія на Украинѣ, указывали на необходимость приступить къ проведенію намѣченнаго плана въ жизнь, хотя бы только въ своихъ основныхъ чертахъ.

По просьбѣ Крымскаго правительства, для обезпеченія спокойствія и безопасности въ краѣ, оставляемомъ германцами, въ Крымъ были перевезены части Добровольческой арміи.

Въ связи съ эвакуаціей германскихъ войскъ изъ Украины и начавшимися тамъ волненіями, представлялось нужнымъ принять мѣры для огражденія ея отъ большевизма и для сохраненія въ ней порядка, какъ въ раіонѣ, гдѣ въ будущемъ намѣчалось формированіе и развертываніе русскихъ вооруженныхъ силъ.

24 ноября/7 декабря главнокомандующій Добровольческой арміи телеграфировалъ генералу Франше Д'Эспере:

«Чтобы сохранить югъ Россіи, богатый продовольствіемъ и военными запасами, необходимо какъ можно скорѣй двинуть хотя бы двѣ дивизіи союзныхъ войскъ въ раіонъ Харькова и Екатеринослава».

1/14 декабря была послана просьба, чтобы союзники временно задержали эвакуацію германцами Харькова, дабы сохранить тамъ порядокъ.

Въ отвѣтъ на эти просьбы офицеръ для связи съ французскимъ командованіемъ, капитанъ Фуке, вручилъ генералу Деникину копію телеграммы генерала Франше Д'Эс-

пере, въ которой указывалось, что одна французская дивизія 5/18 декабря начнетъ высаживаться въ Одессѣ.

Это увѣдомленіе также не указывало на измѣненіе первоначальнаго плана союзниковъ, а было понято, какъ начало его выполненія.

Еще долго происходили недоразумѣнія на почвѣ полной неосвѣдомленности командованія Добровольческой арміи о дѣйствительной помощи, которая будетъ оказана союзниками.

Присылая къ командованію Добровольческой арміи просто офицеровъ для связи, союзники совершенно не позаботились о томъ, чтобы насъ полно информировать о своихъ намѣреніяхъ.

Только постепенно, съ ходомъ событій и съ присылкой на югъ Россіи дѣйствительно полномочныхъ военныхъ представителей, командованіе Добровольческой арміи узнавало о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ и планахъ союзниковъ.

Тѣ измѣненія, которыя постепенно претерпѣли планы союзниковъ въ дѣлѣ оказанія помощи вооруженнымъ силамъ юга Россіи, узнавались нами по большей части случайно, изъ донесеній нашихъ представителей въ Константинополѣ, Одессѣ и Крыму или по сообщеніямъ, часто сильно запаздывавшимъ отъ нашихъ представителей въ Парижѣ. А это вызывало недоразумѣнія, тренія и полное непониманіе того, что происходитъ.

Командованіе Добровольческой арміи долго не знало о рѣшеніи союзниковъ не посылать на югъ Россіи своихъ войскъ, за исключеніемъ частей, предназначенныхъ для занятія Одессы, Севастополя и Закавказья.

Занятіе союзниками только этихъ раіоновъ произвело впечатлѣніе, что они имѣютъ въ виду лишь свои экономическіе и политическіе интересы, занимая войсками лишь интересующіе ихъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, пункты и раіоны.

Представлялось непонятнымъ, почему можно послать въ Закавказье значительныя силы, а нельзя послать одну дивизію въ Донецкій бассейнъ или на Донъ.

Командованіе Добровольческой арміи долго не знало, къ кому изъ союзниковъ и по какимъ вопросамъ надо обращаться.

Французское командованіе спрашивало отъ насъ перечни всего того, что намъ надо; но мы только значительно позднѣй узнали о томъ, что Франція принимаетъ на себя 50% стоимости всего того, что присылалось на югъ Россіи распоряженіемъ великобританскаго правительства, а что за все, сверхъ отправляемаго по расчету на 250.000 человѣкъ, надо уплачивать хлѣбомъ или сырьемъ; что безъ товарообмѣна мы можемъ получить изъ Франціи лишь часть запасовъ изъ оставшихся тамъ по заказамъ Россіи во время войны.

Совершенно неясенъ былъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ на югѣ Россіи между командованіями французскимъ и Добровольческой арміи.

Долго командованіе Добровольческой арміи не могло разобраться въ «сферахъ вліянія» на югѣ Россіи Франціи и Великобританіи.

Вначалѣ представлялось непонятнымъ, почему англичане категорически отказываются часть запасовъ направлять въ Крымъ для надобностей Добровольческой арміи, а ихъ всѣ надо было выгружать въ Новороссійскѣ, а затѣмъ уже, послѣ сдачи начальнику русской базы, мы могли ихъ сами направлять въ Севастополь. Оказалось, что это необходимо, такъ какъ Крымъ входилъ во французскую сферу вліянія.

Часто не только командованіе Добровольческой арміи, но и представители союзнаго командованія (а таковыми нѣсколько позже были дѣйствительно полномочныя лица) были недостаточно оріентированы въ намѣреніяхъ и предположеніяхъ своихъ правительствъ. Получая инструкціи всемѣрно поддерживать командованіе Добровольческой арміи, всѣ они дѣйствительно дѣлали все отъ нихъ зависящее, но часто и они недоумѣвали относительно направленія политики своихъ правительствъ, которая иногда не соотвѣтствовала обстановкѣ на мѣстѣ, о которой они доносили.

* * *

Не имѣя детальныхъ данныхъ о помощи, которая оказывалась союзными Великими Державами противобольшевистскимъ организаціямъ въ Сибирѣ, въ Архангельской зонѣ и на сѣверо-западѣ Россіи, я коснусь ея лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, основываясь главнымъ образомъ, на тѣхъ сообщеніяхъ, которыя штабъ генерала Деникина получалъ періодически съ мѣстъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 11/24 января 1919 года) адмиралъ Колчакъ писалъ генералу Деникину:

«Союзники въ лицѣ Англичанъ и Французовъ относятся благожелательно, но помощь ихъ пока ограничена, и мы получили до сихъ поръ только ружья и патроны. Мы испытываемъ большія затрудненія въ зимнемъ обмундированіи арміи. . .

Крайне тяжело положеніе Дальняго Востока, фактически оккупированнаго японцами, ведущими враждебную политику хищническихъ захватовъ. . .

Что касается американцевъ, то пока они ограничиваются только обѣщаніями помощи, но реальнаго отъ нихъ пока мы ничего не получаемъ. Повторяю, что единственно, на что можно разсчитывать — это только на англичанъ и отчасти отъ французовъ. . .»

Въ томъ же письмѣ адмиралъ Колчакъ указываетъ, что враждебная по отношенію къ нему политика такъ называемыхъ «атамановъ» поддерживается японцами.

Отдѣленіе англичанъ отъ французовъ ясно указываетъ, что адмиралу Колчаку было въ этотъ періодъ неизвѣстно, что хотя матеріальная часть доставлялась Великобританіей, но Франція принимала на себя половину вызываемыхъ этимъ расходовъ; т. е. другими словами, адмиралъ Колчакъ не былъ оріентированъ въ должной степени о той помощи, которая ему оказывалась союзниками.

Отношенія у адмирала Колчака съ «атаманами» впослѣдствіи наладились и сгладились отношенія съ представителями Японіи; но все же, до самаго конца, оставалось впечатлѣніе, что Японія преслѣдуетъ лишь свои эгоистическія цѣли. Небольшія японскія войсковыя части, бывшія въ Сибири, частью охраняли движеніе по восточно-китай-

ской желѣзной дорогѣ, частью охраняли раіоны, въ которыхъ находилось значительное число японскихъ подданныхъ и въ охраненіи порядка въ которыхъ Японія была заинтересована по коммерческимъ соображеніямъ.

Американская помощь ограничилась разрѣшеніемъ доставки въ Сибирь матеріаловъ и боевыхъ припасовъ, заказанныхъ въ Америкѣ еще Императорскимъ русскимъ правительствомъ, въ присылкѣ небольшого числа войсковыхъ частей для охраны восточно-китайской желѣзной дороги и нѣкоторыхъ пунктовъ въ Приморской области, а также въ присылкѣ отрядовъ **Joung men christian Association (У.М.С.А.)** — для благотворительной и краснокрестовской помощи.

По свѣдѣніямъ, поступавшимъ изъ Сибири, присутствіе тамъ представителей и небольшихъ американскихъ войсковыхъ частей въ значительной степени умѣряло первоначальную, какъ выразился въ своемъ письмѣ адмиралъ Колчакъ, «политику хищническихъ захватовъ» Японіи.

По тѣмъ же свѣдѣніямъ, американцы, желая имѣть въ составѣ своихъ войсковыхъ частей, направленныхъ въ Сибирь, лицъ, знающихъ русскій языкъ, подбирали соотвѣтствующихъ добровольцевъ; а такъ какъ знающими русскій языкъ въ Америкѣ являются преимущественно евреи, то процентъ послѣднихъ въ войсковыхъ частяхъ былъ значительный. Изъ нихъ большинство было проникнуто соціалистическими идеями, смотрѣло на противобольшевистскія организаціи, какъ на реакціонныя и черносотенныя, и на этой почвѣ происходилъ рядъ недоразумѣній.

Въ общемъ значительная помощь была оказана въ Сибири адмиралу Колчаку только Англіей и Франціей, но и эта помощь была совершенно не достаточная. Столь необходимаго кредита для пріобрѣтенія недостающаго заграницей открыто не было.

* * *

Лѣтомъ 1918 года великобританское правительство послало англійскія войска сначала въ Мурманскъ, а потомъ въ Архангельскъ. Туда же были посланы небольшіе американскіе и французскіе отряды.

Цѣли, которыя при этомъ преслѣдовались, были слѣдующія:

1) Захватить оба порта, которые могли служить базами для германскихъ подводныхъ лодокъ.

2) Захватить всѣ громадные боевые запасы, сосредоточенные въ обоихъ портахъ въ теченіе 1917 года (доставлялись для русской арміи изъ Америки, Англіи и Франціи) и не вывезенные внутрь Россіи, во избѣжаніе передачи ихъ большевиками германцамъ.

3) Созданіе, при помощи русскаго населенія, арміи для образованія фронта, могущаго отвлечь часть германскихъ силъ, ибо въ силу подчиненія большевиковъ нѣмцамъ во всѣхъ отношеніяхъ, всѣ военныя дѣйствія, привлекающія вниманіе и силы большевиковъ, до извѣстной степени отражались и на томъ или иномъ сосредоточеніи германскихъ войскъ; на это, въ частности, повліяло занятіе въ 1918 году Финляндіи германскими войсками и угроза съ ихъ стороны Мурманской желѣзной дорогѣ.

Съ заключеніемъ Державами Согласія перемирія съ Германіей эти цѣли, въ значительной степени, теряли для нихъ свое значеніе.

Воевать съ большевиками Державы Согласія не хотѣли, да и настроеніе ихъ войскъ, бывшихъ на сѣверѣ Россіи, опредѣленно указывало, что, послѣ окончанія войны съ Германіей, начинать непонятную для солдатъ борьбу съ большевиками болѣе, чѣмъ рискованно.

Въ началѣ февраля 1919 года, послѣ перехода въ наступленіе большевиковъ и неудачи подъ Шенкурскомъ, было получено приказаніе изъ Лондона немедленно приступить къ эвакуаціи британскихъ войскъ. Но, вслѣдствіе того, что Бѣлое море было сплошь покрыто льдомъ, это распоряженіе не было приведено въ исполненіе.

Прибытіе въ маѣ и іюнѣ 1919 года въ Архангельскъ двухъ британскихъ добровольческихъ бригадъ создало впечатлѣніе, что великобританское правительство рѣшило энергично поддержать борьбу русскихъ противо-большевистскихъ силъ съ совѣтской властью.

И дѣйствительно, хотя британскія войска не прини-

мали непосредственнаго участія въ наступательныхъ операціяхъ на фронтѣ, которыя велись сформированными русскими войсками, но все же частью находились на фронтѣ, частью поддерживали порядокъ въ тылу, а англійскій главнокомандующій принялъ участіе въ разработкѣ операціи, чтобы войти въ связь съ наступавшей арміей адмирала Колчака и снабдить сибирскія войска продовольствіемъ, обмундированіемъ, вооруженіемъ и боевыми припасами.

Начало наступленія, сдѣланное русскими войсками 20 іюня 1919 года, было удачно; но затѣмъ скоро обнаружился отходъ арміи Колчака, и намѣченное наступленіе потеряло смыслъ. Въ это же время въ нѣкоторыхъ русскихъ частяхъ обнаружились большевистскіе заговоры; а въ одной англо-русской части были ночью перебиты офицеры (8 англійскихъ и 8 русскихъ).

Послѣ этого, въ концѣ іюля, было получено распоряженіе изъ Лондона произвести эвакуацію всѣхъ британскихъ войскъ до начала ледостава.

Уходъ англичанъ съ сѣвера предрѣшилъ собой прекращеніе борьбы съ большевиками и русскими войсковыми частями, такъ какъ это подорвало духъ войскъ и населенія.

Что касается внутренней политики англичанъ въ Архангельскомъ и Мурманскомъ краяхъ, то надо отмѣтить, что отдѣльные англичане добивались получить крупныя концессіи, особенно въ Мурманскомъ краѣ, вдоль желѣзныхъ дорогъ, къ сѣверу отъ Печорского озера и въ Печорскихъ лѣсахъ; но сѣверное правительство не считало себя въ правѣ распродавать русскія національныя богатства и, когда соглашеніе не состоялось, сразу почувствовалось, что интересъ англичанъ къ сѣверной области пропалъ.

* * *

Въ прибатійскомъ раіонѣ, къ лѣту 1919 года, была сформирована сѣверо-западная армія подъ начальствомъ генерала Юденича.

Для успѣшнаго наступленія на Петроградъ, въ союзѣ съ Финляндіей и совмѣстно съ эстонскими войсками, нужно было, прежде всего, обмундировать, вооружить и снабдить эту армію боевыми припасами, а затѣмъ достигнуть

полнаго политическаго соглашенія между генераломъ Юденичемъ, Финляндіей и Эстоніей.

Снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ приняла на себя Англія и было обѣщано, что все нужное будетъ прислано въ теченіе іюня мѣсяца.

Въ дѣйствительности, помощь, обѣщанная союзниками вооруженіемъ, снаряженіемъ и обмундированіемъ, запоздала прибытіемъ болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ.

Это запозданіе, въ связи съ тѣмъ, что эстонскія войска уже получили обмундированіе отъ англичанъ, а прибывшій въ раіонъ арміи отрядъ князя Ливена былъ прекрасно обмундированъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ германцами, вызвало среди сѣверо-западной арміи большое неудовольствіе противъ англичанъ, и появилось сильное германофильское теченіе. *)

Переговоры представителей генерала Юденича съ Эстонскимъ правительствомъ затянулись и къ августу даже приняли нѣсколько острый характеръ.

Стоявшіе во главѣ англійской военной миссіи генералы Гофъ и Маршъ, считая, повидимому, что они не состоятъ при генералѣ Юденичѣ, а являются распорядителями по всѣмъ вопросамъ, **) рѣшили ликвидировать всѣ возникшія недоразумѣнія. ***)

---

*) Германское вліяніе было очень сильно въ Финляндіи и во всемъ сѣверо-западномъ краѣ. Борьба вліяній нѣмецкаго и Антанты продолжалось и послѣ крушенія германскаго фронта, причемъ союзники обнаруживали большую нервность и подозрительность. Симпатіи къ нѣмцамъ и надежда на ихъ помощь въ нѣкоторыхъ политическихъ группахъ въ Прибалтійскомъ краѣ всегда были сильны, и генералу Юденичу приходилось выдерживать натискъ и бороться съ ними еще въ бытность его въ Финляндіи.

**) Впослѣдствіи, яко бы на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, утверждали, что генералъ Гофъ имѣлъ опредѣленную инструкцію не допустить выступленія Финляндіи совмѣстно съ генераломъ Юденичемъ.

Много вниманія генералы Гофъ и Маршъ удѣляли борьбѣ съ германскимъ вліяніемъ въ Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ и, по нѣкоторымъ даннымъ, многіе считали, что сѣверо-западное правительство было образовано изъ людей, ими выбранныхъ и возведенныхъ ими въ санъ министровъ, чтобы бороться противъ нѣмецкаго засилія на сѣверо-западѣ Россіи.

***) При составленіи описаній дѣйствій генераловъ Гофа и Марша я пользовался документами, напечатанными въ томѣ I „Архива Русской Революціи“, издающагося І. В. Гессеномъ, сообщеніями, полученными въ штабѣ генерала Деникина изъ арміи генерала Юденича, и, наконецъ, точность изложенія подтверждена мнѣ лично генераломъ Юденичемъ.

Генералъ Гофъ, стремясь пресѣчь возникшее неудовольствіе противъ союзниковъ въ арміи, обратился къ генералу Юденичу съ письмомъ отъ 4-го августа, которое онъ мотивировалъ желаніемъ помочь главнокомандующему сѣверо-западной арміи въ дѣлѣ борьбы съ недовольствомъ и интригами.

Перечисляя главныя причины неудовольствія, царившаго въ сѣверо-западной арміи (неприбытіе военнаго снаряженія; отсутствіе помощи со стороны союзниковъ; помощь предложенная Германіей безъ вознагражденія; прибытіе войскъ князя Ливена, хорошо снаряженныхъ нѣмцами; снабженіе эстонскихъ войскъ обмундированіемъ, тогда какъ русская армія таковаго не получаетъ), онъ даетъ разъясненія по каждому пункту отдѣльно. Но, при этомъ, въ письмѣ допущенъ былъ рядъ невѣроятно рѣзкихъ выраженій, которыя, конечно, не способствовали установленію добрыхъ отношеній.

Такъ, напримѣръ: «До моего прибытія Вамъ не было обѣщано никакой помощи.

Вы тогда наступали и забирали припасы у большевиковъ, сердца Вашихъ людей были вѣрны и ихъ лица были обращены въ сторону врага.

Наше обѣщаніе помочь Вамъ, повидимому, развело мягкотѣлость среди людей. . . .»

«Союзниковъ начинаетъ тяготить эта черная неблагодарность, и, имѣя дома столько неразрѣшенныхъ проблемъ, нельзя ожидать, чтобы они позволили такое отношеніе къ себѣ. . . .»

«За помощь Великой Россіи въ тѣ дни (т. е. въ первый годъ войны) союзники будутъ благодарны. Но мы уже болѣе чѣмъ возвратили нашъ долгъ натурой».

«Многіе русскіе командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки, что уже открыто говорятъ о необходимости обратиться за помощью къ нѣмцамъ, противъ воли Союзныхъ Державъ. . . .»

10 августа, прибывшіе изъ Финляндіи въ Ревель Кузьминъ-Караваевъ, Карташевъ и Суворовъ были приглашены немедленно прибыть въ англійское консульство.

Тамъ они застали генерала Марша и изъ русскихъ — Крузенштерна, Александрова, Маргуліеса, Филиппео, Ліанозова, Горна и Иванова.

Генералъ Маршъ охарактеризовалъ яко бы катастрофическое положеніе сѣверо-западнаго фронта *) и, указавъ на необходимость немедленнаго соглашенія съ эстонскимъ правительствомъ, предложилъ присутствующимъ, въ ультимативномъ и крайне рѣзкомъ тонѣ, немедленно, не выходя изъ комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое обязано будетъ въ тотъ же день заключить договоръ съ эстонскимъ правительствомъ; текстъ договора имъ тутъ же былъ оглашенъ и переданъ списокъ лицъ, которыхъ онъ предлагалъ включить въ составъ правительства.

Въ заключеніе генералъ Маршъ заявилъ, что если къ 19 часамъ (было 18 ч. 20 м.) правительство не будетъ образовано, то всякая помощь со стороны союзниковъ будетъ сейчасъ же прекращена.

Присутствовавшіе члены совѣщанія, состоявшаго при генералѣ Юденичѣ, не рискнувъ отказаться отъ требованія генерала Марша, посовѣтовавшись между собой, отвѣтили ему, что принимаютъ на себя обязательство въ кратчайшій срокъ образовать правительственную власть и, впредь до ея образованія, принимаютъ на себя общее руководство русскими дѣлами; но просятъ смотрѣть на переданный списокъ министровъ, какъ проектъ, и до пріѣзда генерала Юденича не принимать окончательнаго рѣшенія о конструкціи власти и составѣ правительства.

Генералъ Маршъ согласился, но потребовалъ, чтобы Ліанозовъ, Крузенштернъ и Суворовъ были уполномочены подписать соглашеніе съ представителями эстонскаго правительства.

Вслѣдствіе того, что прибывшіе представители эстонскаго правительства заявили, что у нихъ нѣтъ полномочій отъ Государственнаго совѣта на подписаніе соглашенія, ге-

---

*) Каковаго, по словамъ генерала Юденича, на самомъ дѣлѣ не было; фронтъ рухнулъ впослѣдствіи потому, что Эстонія заключила миръ съ большевиками.

нералъ Маршъ объявилъ, что всѣ лица, которыя войдутъ въ составъ правительства, должны подписать соглашеніе и для этого должны собраться въ англійскомъ консульствѣ 11 августа къ 18 часамъ.

Генералу Юденичу по телеграфу было сообщено о всемъ, что произошло; онъ отвѣтилъ, что вслѣдствіе порчи пути можетъ пріѣхать лишь въ ночь на 13 августа и просилъ передать генералу Маршу, что онъ требуетъ, чтобы до его пріѣзда не было принимаемо никакое окончательное рѣшеніе.

11 августа въ назначенный часъ всѣ собрались въ англійскомъ консульствѣ, и генералъ Маршъ потребовалъ подписи собравшихся лицъ подъ «заявленіемъ эстонскому правительству и представителямъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Великобританіи въ Ревелѣ».

Заявленіе подписали: Ліанозовъ, Маргуліесъ, Александровъ, Филиппео, Ивановъ и Горнъ. Отказались подписать Кузьминъ-Караваевъ и Суворовъ. Карташевъ отказался прибыть на это собраніе, заявивъ, что онъ въ составъ правительства не войдетъ.

На замѣчаніе одного изъ присутствующихъ, что генералъ Юденичъ можетъ это «заявленіе» не подписать, генералъ Маршъ отвѣтилъ, что, если генералъ Юденичъ «заявленія» не подпишетъ, «у насъ готовъ другой главнокомандующій».

Послѣ подписанія заявленія генералъ Маршъ привѣтствовалъ образовавшееся правительство и извинился за форму своихъ дѣйствій, объяснивъ, что, какъ солдатъ, онъ привыкъ дѣйствовать рѣшительно, не заботясь о формахъ.

Наступленіе на Петроградъ не удалось; сѣверо-западная армія принуждена была отойти въ Эстонію. *)

*) Сѣверо-западная армія не разложилась до конца. Въ январѣ 1920 года генералъ Юденичъ отдалъ приказъ о демобилизаціи съ цѣлью дать возможность уѣхать изъ Эстоніи тѣмъ, кто это могъ сдѣлать.

Армія была ограблена эстонцами еще задолго до заключенія ими мира съ большевиками: вся матеріальная часть, эвакуируемая изъ Нарвы, забиралась ими въ свои склады; отбиралось у частей войскъ оружіе и лошади; обозъ подвергся полному разграбленію. У чиновъ арміи отбиралось эстонцами даже личное имущество. Продать подвижной составъ и лошадей латышамъ эстонцы не позволили.

Эстонія, съ разрѣшенія Великобританіи, заключила миръ съ большевиками.

Командованіе сѣверо-западной арміи обвиняло союзниковъ въ томъ, что они не дали возможности эвакуировать армію изъ Эстоніи, гдѣ она, особенно офицерскій составъ, попала въ катастрофическое положеніе и испытала тяжкія оскорбленія и униженія со стороны эстонцевъ.

Между тѣмъ была полная возможность эту армію перевезти въ Крымъ и этимъ значительно усилить вооруженныя силы юга Россіи.

* * *

Взаимоотношенія съ французскимъ командованіемъ. 4/17 декабря 1918 года въ Одессѣ высадился первый эшелонъ французскихъ войскъ подъ командой генерала Боріуса.

Французы предполагали 5/18 декабря вступить въ городъ съ музыкой, но вслѣдствіе выяснившагося враждебнаго настроенія петлюровцевъ, занимавшихъ городъ, было рѣшено первоначально очистить его отъ нихъ.

Эта задача подъ прикрытіемъ огня съ французскихъ судовъ, была выполнена офицерскимъ добровольческимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гришина-Алмазова.

Потери добровольческаго отряда исчислялись въ 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

7/20 декабря генералъ Боріусъ, по соглашенію съ представителемъ Добровольческой арміи, возложилъ на генерала Гришина-Алмазова обязанности военнаго губернатора Одессы.

Командованіе Добровольческой арміи считало необходимымъ послѣ занятія Одессы немедленно занять уѣзды, ближайшіе къ городу, а также южную часть Новороссіи, прилегающую къ Черному морю, дабы обезпечить за собой богатый продовольственный раіонъ и такіе важные пункты, какъ Одесса, Херсонъ и Николаевъ.

Въ этихъ раіонахъ предполагалось немедленно объявить мобилизацію и приступить къ формированію арміи, которая могла бы, базируясь на занятый плацдармъ, прис-

тупить къ дальнѣйшему очищенію отъ большевиковъ и петлюровскихъ бандъ правобережной Малороссіи.

Считалось, что французское командованіе, всецѣло поддерживая Добровольческую армію, не будетъ вмѣшиваться въ вопросы гражданскаго управленія краемъ и въ распоряженія военно-организаціонныя и мобилизаціонныя.

Въ этомъ смыслѣ и преподаны были указанія генералу Гришину-Алмазову отъ генерала Деникина.

Между тѣмъ генералъ Боріусъ, получивъ приказаніе отъ своего высшаго командованія занять лишь Одессу, несмотря на указанія идти впередъ, съ цѣлью занятія важнѣйшихъ тактическихъ пунктовъ, обезпечивающихъ оборону города и для включенія въ сферу своего вліянія хотя бы ближайшихъ селеній, питающихъ Одессу, категорически отъ этого отказался и запретилъ выполнить эту операцію добровольческимъ частямъ.

Слѣдствіемъ этого было немедленное вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ въ Одессѣ и почти полное исчезновеніе ихъ съ рынка.

13/26 декабря, вслѣдствіе приказанія командованія Добровольческой арміи, генералъ Гришинъ-Алмазовъ вновь поднялъ этотъ вопросъ, передавъ генералу Боріусу памятную записку, въ которой указывалось на необходимость расширенія занимаемой союзными войсками зоны и дальнѣйшаго продвиженія, къ серединѣ/концу января, на линію Тирасполь-Раздѣльная-Николаевъ, къ каковому времени предполагалось закончить формированіе дивизіи военнаго состава Добровольческой арміи.

Генералъ Боріусъ отвѣтилъ, что онъ снесется со своимъ высшимъ командованіемъ, такъ какъ до полученія соотвѣтствующихъ указаній онъ долженъ строго придерживаться данной ему инструкціи.

* * *

Связь между Одессой и Новороссійскомъ была очень скверная, и донесенія получались съ большимъ запозданіемъ.

Главнокомандующаго Добровольческой арміи безпокоила позиція, занятая въ Одессѣ французами, а также от-

рывочныя свѣдѣнія, приходящія изъ Одессы о стремленіи тамошнихъ общественныхъ группъ образовать особое правительство для юго-западнаго раіона Россіи.

Чтобы разобраться на мѣстѣ во всѣхъ вопросахъ, 15/28 декабря, я былъ командированъ генераломъ Деникинымъ въ Одессу.

Въ Одессѣ я нашелъ обстановку крайне сложной.

Генералъ Боріусъ мнѣ сказалъ, что въ ближайшемъ будущемъ ожидается прибытіе въ Одессу генерала Д'Ансельмъ, который приметъ командованіе надъ всѣми союзническими войсками, направляемыми на югъ Россіи; что онъ, конечно, будетъ имѣть исчерпывающую директиву и что тогда будутъ устранены всѣ недоразумѣнія.

Ясно было, что до пріѣзда генерала Д'Ансельмъ совершенно безполезно убѣждать генерала Боріуса измѣнить характеръ его дѣйствій, ибо онъ точно руководствуется полученной имъ инструкціей.

Во внутреннія дѣла по управленію въ Одессѣ и въ распоряженія о мобилизаціи въ городѣ Одессѣ генералъ Боріусъ не вмѣшивался, предоставляя генералу Гришину-Алмазову полную самостоятельность.

Но, изъ словъ генерала Боріуса я понялъ, что представители различныхъ общественныхъ группъ, находившихся въ Одессѣ, очень недовольны полнымъ подчиненіемъ русской администраціи въ Одессѣ генералу Деникину и состоящему при немъ особому совѣщанію и неоднократно ему заявляли, что власть въ Одессѣ необходимо построить на автономныхъ началахъ, такъ какъ управлять всѣмъ изъ Екатеринодара невозможно.

Изъ доклада генерала Гришина-Алмазова я узналъ, что онъ, вслѣдствіе постояннаго перерыва сообщеній съ Новороссійскомъ и необходимости наладить въ Одессѣ правительственный аппаратъ, образовалъ при себѣ особый органъ для разрѣшенія возникающихъ вопросовъ въ составѣ отдѣловъ: гражданской части, торговли и промышленности, морской, юстиціи, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія, финансовъ, продовольствія и контроля.

Изъ дальнѣйшаго доклада ясно выяснилось, что и генералъ Гришинъ-Алмазовъ полагаетъ необходимымъ, основываясь на мнѣніи представителей общественныхъ круговъ и различныхъ организацій, имѣть въ Одессѣ особое — автономное правительство, которое должно руководствоваться лишь общими директивами отъ генерала Деникина.

Мотивами для такого предположенія Гришинъ-Алмазовъ выставилъ: отсутствіе должной связи съ правительствомъ (Особымъ Совѣщаніемъ) генерала Деникина; совершенно исключительное значеніе Одессы въ торгово-промышленномъ отношеніи и въ отношеніи правильнаго направленія дѣятельности морского транспорта черезъ правленія пароходныхъ обществъ, которыя всѣ сосредоточены въ Одессѣ; исключительнаго значенія Одессы въ смыслѣ установленія товарообмѣна съ заграницей; совершенно особаго значенія юго-западнаго края, который, по мѣрѣ освобожденія отъ большевиковъ, будетъ тяготѣть къ Одессѣ, и, наконецъ, необходимостью представителю главнокомандующаго самому имѣть право распоряжаться распредѣленіемъ денежныхъ ассигнованій, пользуясь имѣвшейся въ Одессѣ экспедиціей заготовленія денежныхъ знаковъ, такъ какъ опять таки, при отсутствіи связи съ Новороссійскомъ и Екатеринодаромъ, не будетъ никакой возможности своевременно испрашивать необходимые кредиты.

Затѣмъ генералъ Гришинъ-Алмазовъ указалъ еще на то, что мѣстныя условія въ Одессѣ и на юго-западѣ Россіи настолько отличны отъ раіона дѣйствія Добровольческой арміи на сѣверномъ Кавказѣ, что рѣшать вопросы, относящіеся до Новороссіи, въ Екатеринодарѣ врядъ ли будетъ возможно — вслѣдствіе невозможности своевременно знать въ Екатеринодарѣ о томъ, что дѣлается въ Одессѣ.

Я, соглашаясь съ трудностью рѣшать всѣ вопросы, касающіеся Одессы и Юго-Западнаго края, изъ Екатеринодара, категорически отвергъ допустимость образованія въ Одессѣ какого то автономнаго правительства, которое своими мѣропріятіями могло бы совершенно разойтись съ тѣмъ направленіемъ основныхъ вопросовъ, которое будетъ

проводиться генераломъ Деникинымъ черезъ состоящее при немъ Особое Совѣщаніе.

Я указалъ, что вопросъ долженъ былъ быть разрѣшенъ такъ: дѣйствующее при Гришинѣ-Алмазовѣ совѣщаніе должно быть сохранено, но исключительно въ качествѣ совѣщательнаго органа безъ правительственныхъ функцій, кои принадлежать лишь самому Гришину-Алмазову въ предѣлахъ предоставленныхъ ему полномочій.

Для неотложныхъ и непредвидѣнныхъ расходовъ онъ долженъ испрашивать достаточный кредитъ.

Въ случаяхъ неотложной необходимости или перерыва связи съ Новороссійскомъ и Екатеринодаромъ, онъ долженъ самостоятельно принимать рѣшенія, донося немедленно генералу Деникину.

Это рѣшеніе, ставшее, конечно, сейчасъ же извѣстнымъ въ Одессѣ и впослѣдствіи (1/14 января 1919 г.) подтвержденное телеграммой генерала Деникина, не удовлетворило многихъ изъ общественныхъ дѣятелей, нѣкоторыя политическія организаціи, пароходныя общества и торгово-промышленные круги.

Надо сказать, что къ этому времени, помимо мѣстныхъ дѣятелей, Одесса была переполнена представителями самыхъ разнообразныхъ политическихъ и общественныхъ группъ и организацій, представителями промышленности почти со всей Россіи, пароходовладѣльцами и, наконецъ, спекулянтами.

Одесса и въ обыкновенное время, какъ промышленный и торговый центръ юга, включала въ себѣ представителей цѣлаго ряда финансовыхъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Послѣ же паденія на Украинѣ гетманства, въ Одессу переселились всѣ дѣятели гетманскаго періода и всѣ тѣ, которые бѣжали изъ Великороссіи и временно нашли пріютъ на Украинѣ.

Нѣкоторые политическіе круги, каждый по своему недовольные политическимъ направленіемъ генерала Деникина, одни, считая его слишкомъ лѣвымъ, а другіе, наоборотъ, слишкомъ правымъ, полагали, что съ занятіемъ Новороссіи союзниками можно, базируясь на нихъ, приступить къ

возсозданію Россіи по ихъ политическимъ программамъ, а не по «расплывчатой и неясной», какъ они говорили, программѣ генерала Деникина.

Между этими дѣятелями были и недавніе сторонники германской оріентаціи — работники гетманскаго періода, которые, легко измѣнивъ свою оріентацію на «союзническую», мечтали о продолженіи своей дѣятельности, опираясь на новую силу.

Многіе изъ представителей торгово-промышленныхъ и финансовыхъ группъ, и просто спекулянты, недовольные запретительными распоряженіями о вывозѣ заграницу хлѣба и сырья, надѣялись, опираясь на тѣхъ же союзниковъ, какъ заинтересованныхъ въ установленіи полной свободы торговли, добиться отмѣны зпретительныхъ распоряженій Особаго Совѣщанія, состоявшаго при генералѣ Деникинѣ.

Судовладѣльцы, недовольные тѣмъ, что ихъ заставляютъ держать суда въ Черномъ морѣ и требуютъ установленія невыгодныхъ для нихъ опредѣленныхъ рейсовъ, надѣялись, при помощи тѣхъ же союзниковъ, добиться права свободнаго выхода судовъ изъ Чернаго моря и установленія выгодныхъ для нихъ заграничныхъ, оплачиваемыхъ валютой, рейсовъ.

Наконецъ, мѣстные Одесскіе дѣятели считали, что, при устройствѣ правительственной власти на юго-западѣ Россіи, они, какъ знающіе мѣстныя условія, должны быть призваны къ активной работѣ и получить отвѣтственныя правительственныя назначенія.

Словомъ, всѣ стремились принять непосредственное участіе въ государственномъ строительствѣ на юго-западѣ Россіи, и всѣ обращались со своими заявленіями, проектами, предложеніями и критикой распоряженій «Особаго Совѣщанія» къ французскому командованію.

Если къ этому прибавить, что отсутствіе угля вызвало прекращеніе дѣятельности электрической станціи, работу водопровода, затруднило выходъ въ море судовъ и явилась угроза полнаго экономическаго кризиса, а прекращеніе подвоза къ Одессѣ продовольствія вызвало страшное повышеніе всѣхъ цѣнъ, то при стремленіи во всемъ этомъ обвинить

«правительство Добровольческой арміи», которое «ни съ чѣмъ справиться не можетъ», станетъ понятнымъ желаніе мѣстныхъ дѣятелей образовать свое автономное правительство.

1/14 января 1919 года инженеръ Демченко, который въ совѣщаніи при генералѣ Гришинѣ-Алмазовѣ былъ въ качествѣ управляющаго отдѣломъ путей сообщенія, говоря по прямому проводу съ инженеромъ Шуберскимъ, бывшимъ начальникомъ отдѣла путей сообщенія Правительства (Особаго Совѣщанія) при генералѣ Деникинѣ, сказалъ, между прочимъ, что онъ, говоря отъ имени Совѣта государственнаго объединенія, Національнаго Центра, Союза Возрожденія Россіи и финансово-промышленныхъ организацій, считаетъ нужнымъ указать на необходимость созданія немедленно правительства, которое являлось бы правительствомъ для всего юга Россіи, гдѣ прежде была власть гетмана; правительство же при Добровольческой арміи должно считаться обще-Россійской властью.

Въ новомъ правительствѣ — военный министръ долженъ назначаться генераломъ Деникинымъ, а остальные — по соглашенію между политическими партіями и общественными организаціями. При этомъ инженеръ Демченко прибавилъ, что французы также считаютъ необходимымъ создать особое южно-русское правительство.

Впослѣдствіи представители политическихъ группъ, на которыя ссылался инженеръ Демченко, заявили, что, хотя этотъ вопросъ и обсуждался на ихъ совѣщаніи, но что они его не уполномачивали дѣлать подобное заявленіе.

Во всякомъ случаѣ заявленіе инженера Демченко вполнѣ точно отражало стремленія большинства политическихъ группъ и общественныхъ организацій бывшихъ въ Одессѣ и объ этомъ они говорили съ представителями французскаго командованія.

* * *

Къ этому періоду относится телеграмма, полученная въ Екатеринодарѣ (26 декабря 1918 г./8 января 1919 г.), подписанная генераломъ Бертело и скрѣпленная французскимъ консуломъ въ Кіевѣ г. Энно.

«Генералъ Бертело главнокомандующій войсками Согласія въ Румыніи и Южной Россіи, сообщилъ мнѣ для опубликованія во всѣхъ газетахъ и распространенія въ возможно большомъ числѣ экземпляровъ нижеслѣдующее: Жители Южной Россіи! Вотъ уже почти два года, какъ ваша богатая страна раздирается нескончемыми гражданскими войнами; злоумышленники захватили мѣстами власть, угрожая жизни и имуществу всѣхъ мирныхъ жителей и друзей порядка, создавая такимъ образомъ въ вашей странѣ подлинную анархію, ведущую къ полному разоренію. Ваши союзники, никогда не забывавшіе усилій, которыя вы приложили во имя общаго дѣла и желающіе вновь увидѣть вашу страну умиротворенной, процвѣтающей и великой, рѣшили, что наши войска высадятся въ Южной Россіи, чтобы дать возможность благонамѣреннымъ жителямъ возстановить порядокъ.

Окажите добрый пріемъ войскамъ союзниковъ. Они приходятъ къ вамъ, какъ друзья. Всѣ Державы Согласія идутъ вамъ на встрѣчу, чтобы снабдить васъ всѣмъ, въ чемъ вы нуждаетесь и чтобы дать вамъ, наконецъ, возможность свободно, а не подъ угрозами злоумышленниковъ, рѣшить, какую форму правленія вы желаете имѣть.

И такъ, войска созниковъ направляются къ вамъ только для того, чтобы дать вамъ порядокъ, свободу и безопасность. Они покинутъ Россію послѣ того, какъ спокойствіе будетъ возстановлено. Дайте рѣшительный отпоръ дурнымъ совѣтникамъ, имѣющимъ интересъ вызвать смуту въ странѣ, и встрѣчайте Державы Согласія съ довѣріемъ. Генералъ Бертело. Съ подлиннымъ вѣрно. Консулъ Франціи въ Кіевѣ съ особыми полномочіями Энно».

Это сообщеніе вновь подтвердило, что въ планѣ союзниковъ ничего не измѣнилось и лишь происходитъ, вѣроятно по техническимъ причинамъ, нѣкоторая задержка въ приведеніи его въ исполненіе.

Была полная увѣренность, что и въ Одессѣ, съ прибытіемъ генерала Д'Ансельмъ, всѣ недоразумѣнія будутъ устранены.

Генералъ Деникинъ, дабы имѣть въ Одессѣ вполнѣ авторитетнаго своего представителя, въ качествѣ главнокомандующаго назначилъ генерала Санникова, бывшаго во время войны начальникомъ снабженія Румынскаго фронта, а затѣмъ городскимъ головой въ Одессѣ, отлично знакомаго со всѣми мѣстными условіями.

1/14 января 1919 года, съ пріѣздомъ въ Одессу командующаго союзными войсками Д'Ансельмъ, генералъ Гришинъ-Алмазовъ обратился къ нему съ заявленіемъ о необходимости безотлагательно расширить зону, занимаемую союзными войсками и добровольческими частями до линіи Тирасполь-Раздѣльная-Березовка-Николаевъ-Херсонъ, указывая, что занятіемъ этой зоны достигается связь съ Бессарабіей и ликвидируется наступившій въ Одессѣ продовольственный кризисъ.

3/16 января генералъ Д'Ансельмъ отвѣтилъ, что атаману Грекову (командовавшему Петлюровскими войсками) предложено очистить указанную выше зону, причемъ ему было заявлено, что, въ случаѣ неисполненія указаннаго требованія французы заставятъ петлюровцевъ подчиниться силой.

Это опять таки показывало, что французское командованіе идетъ на встрѣчу дѣлаемымъ ему заявленіямъ.

Къ этому времени ясно опредѣлилось, что петлюровское движеніе выливается постепенно въ форму большевизма, и командованіе вооруженныхъ силъ юга Россіи очень было обезпокоено тѣмъ, что при этихъ условіяхъ можетъ возникнуть новый большевистскій фронтъ на правомъ берегу Днѣпра.

5/18 января по этому вопросу генераломъ Деникинымъ была послана телеграмма генералу Бертело, заканчивавшаяся такой фразой: «Для подавленія этого движенія (Петлюровскаго, выливавшагося въ чистый большевизмъ) необходима возможно скорѣйшая присылка союзныхъ войскъ на Украину, что дастъ намъ возможность перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и прекратить дальнѣйшее развитіе событій, явно вредныхъ для общаго дѣла и грозящихъ обратить въ пустыню богатѣвшій край».

Между тѣмъ донесенія, поступавшія изъ Одессы, указывали, что тамъ происходитъ что-то непонятное.

Съ пріѣздомъ въ Одессу генерала Д'Ансельма и его начальника штаба полковника Фрейденберга, консулъ Энно, крайне доброжелательно относившійся къ Добровольческой арміи и отлично освѣдомленный во всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ, былъ отстраненъ, и политика французскаго командованія рѣзко измѣнилась. Полковникъ Фрейденбергъ занялъ опредѣленно враждебное положеніе по отношенію къ представителямъ командованія Добровольческой арміи и совершенно не считался съ заявленіями, дѣлавшимися отъ имени генерала Деникина.

Къ этому же времени стали получаться, какъ изъ Парижа, такъ и изъ Одессы свѣдѣнія, что союзники отказываются отъ первоначальнаго плана присылки на югъ Россіи достаточныхъ силъ, рѣшивъ ограничиться присылкой незначительныхъ силъ для удержанія Одесской зоны и Севастополя.

Французское командованіе въ Одессѣ, считая положеніе недостаточно прочнымъ и стремясь усилить обороноспособность Одесской зоны путемъ использованія мѣстныхъ силъ, не разрѣшило этотъ вопросъ соглашеніемъ съ представителями командованія Добровольческой арміи по формированію и организаціи новыхъ частей, а, наоборотъ, не допуская производства мобилизаціи въ Одесской зонѣ распоряженіемъ командованія Добровольческой арміи, плохо освѣдомленное и не понимавшее сущности петлюровскаго движенія, стало на путь переговоровъ съ директоріей, не имѣвшей ни силы, ни власти, ни даже, подъ конецъ, территоріи, въ надеждѣ, что директорія въ состояніи будетъ выставить достаточныя силы для борьбы съ большевиками. *)

Не допуская производства мобилизаціи въ Одесской зонѣ и этимъ препятствуя развертыванію вооруженныхъ силъ юга Россіи, подчиненныхъ генералу Деникину, французское командованіе впослѣдствіи подняло вопросъ о фор-

*) Какъ впослѣдствіи выяснилось, директорія обѣщала выставить чуть ли не пятисоттысячную армію.

мированіи въ Одесскомъ раіонѣ смѣшанныхъ бригадъ (бригадъ — микстъ, какъ ихъ назвали) на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Офицерскій составъ этихъ бригадъ назначается властью командованія Добровольческой арміи, но комплектуется только изъ уроженцевъ Украины.

2) Солдаты пополняются путемъ добровольнаго найма съ жалованіемъ 200—250 рублей въ мѣсяцъ при казенномъ довольствіи.

3) Въ каждый полкъ, въ качествѣ инструкторовъ, придается небольшое число французскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

4) Въ командномъ отношеніи эти части командованію Добровольческой арміи не подчиняются.

5) Форма одежды, примѣнительно къ французской, безъ погонъ.

Такъ какъ въ такомъ видѣ эта мѣра пріобрѣтала характеръ формированія какой-то другой, во всякомъ случаѣ не русской арміи, главнокомандующій генералъ Деникинъ, 8/21 февраля, телеграфировалъ генералу Санникову, что онъ категорически запрещаетъ принимать какое либо участіе въ формированіи такихъ частей.

По этому же вопросу генералъ Деникинъ писалъ генералу Бертело:

«Идея формированія бригадъ изъ русскихъ людей съ иностранными офицерами, подчиненныхъ исключительно французскому командованію, не можетъ быть популярна, такъ какъ она идетъ въ разрѣзъ съ идеей возрожденія русской арміи, во имя чего борются лучшее офицерство и наиболѣе здоровые элементы страны.

Возможно лишь оперативное подчиненіе французскому командованію русскихъ формированій, возникающихъ или имѣющихся въ мѣстахъ преобладающаго развертыванія союзныхъ войскъ, въ случаѣ если создавшаяся обстановка этого потребуетъ.

Опасеніе шовинизма со стороны русскаго командованія по отношенію къ населенію Украины и намѣреніе укомплектовать формируемыя части мѣстными украинскими

уроженцами — лишній разъ подчеркиваютъ, насколько недостаточно французское командованіе въ Одессѣ оріентировано въ обстановкѣ. Русское офицерство, ясно отдавая себѣ отчетъ въ происходящемъ, не можетъ иначе относиться къ населенію Украины, чѣмъ ко всему русскому народу, съ которымъ она составляетъ одно цѣлое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ самостiйныхъ кругахъ, находящихъ поддержку въ многочисленныхъ австрійскихъ и германскихъ агентахъ, естественно стремленіе созданія особыхъ украинскихъ войскъ и, какъ ни странно, этотъ планъ, противный идеѣ возсозданія Единой могущественной Россіи, что казалось бы наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ французскаго народа, находитъ сочувствіе и поддержку французскаго командованія.

Отказъ въ юго-западномъ раіонѣ отъ принудительной мобилизаціи совершенно разрушитъ созданную съ такимъ трудомъ Добровольческую армію, уже перешедшую къ принципу обязательной воинской повинности. Изъ областей, въ коихъ формируются части путемъ призыва, лица, желающія уклониться отъ службы, начнутъ уходить въ мѣста, гдѣ отъ этого принципа отказались».

Въ отношеніи гражданскаго управленія въ Одесскомъ раіонѣ командованіе Добровольческой арміи постепенно отстранялось, и съ первыхъ дней пребыванія въ Одессѣ генерала Д'Ансельмъ, французское командованіе начало постепенно забирать въ свои руки гражданское управленіе раіона. Въ расширенной зонѣ было запрещено ввести русскую администрацію, а было оставлено въ ней управленіе украинской директоріи.

2/15 февраля генералъ Д'Ансельмъ былъ назначенъ командующимъ войсками въ южной Россіи, и на него было возложено руководство всѣми вопросами военной политики и администраціи.

Главнокомандующаго генерала Санникова, въ дѣлахъ политическихъ и административныхъ, французское командованіе подчиняло генералу Д'Ансельмъ.

Другими словами, получилась просто обыкновенная оккупація французскими войсками Одесской зоны, со всѣ-

ми отсюда проистекающими послѣдствіями. Ни о какой совмѣстной работѣ французскаго командованія и представителя генерала Деникина въ Одессѣ не приходилось и говорить.

Что же произошло? Почему первоначальные планы вылились въ такую неожиданную форму?

Первоначальное рѣшеніе союзниковъ направить достаточныя силы на югъ Россіи встрѣтило рядъ существенныхъ затрудненій.

Прежде всего явилось техническое затрудненіе въ смыслѣ недостатка тоннажа, такъ какъ весь свободный тоннажъ былъ употребленъ на перевозки, связанныя съ окончаніемъ войны, демобилизацiей и подвозомъ продовольствія въ Англію и Францію.

Затѣмъ опасеніе явилось относительно возникновенія неудовольствія среди войскъ, которыя по окончанію войны будутъ направленны въ Россію, а не на родину. Настроеніе въ частяхъ, направленныхъ въ Одессу, давало серьезныя основанія для этого опасенія.

И наконецъ, возраженія противъ первоначальнаго плана, возникшія среди политическихъ партій въ Англіи и Франціи.

Явилось предположеніе замѣнить этотъ планъ созданіемъ «кордона» изъ вновь образовавшихся государствъ (Эстонія, Латвія, Литва, Польша и Чехо-Словакія), а также Румыніи — для отдѣленія совѣтской Россіи отъ западной Европы. При этомъ признавалось желательнымъ поддержать украинскую директорію, на которую союзники ошибочно смотрѣли, какъ на народное правительство, способное установить въ странѣ порядокъ и выставить значительную армію для борьбы противъ большевиковъ.

Русскимъ же силамъ, ведущимъ борьбу противъ большевиковъ, оказывать моральную и матеріальную поддержку (но не живой силой).

Въ частности относительно юга России признавалось необходимымъ не допустить большевиковъ занять Одесскій раіонъ и Крымъ; для прочнаго удержанія этихъ раіоновъ

рѣшено было сохранить первоначальное предположеніе о занятіи ихъ французскими и греческими войсками.

Къ сожалѣнію, командованіе Добровольческой арміи совершенно не было оріентировано въ рѣшеніи союзниковъ измѣнить первоначальный планъ дѣйствій, и отсюда проистекали главнѣйшія недоразумѣнія и тренія.

Если бы союзники своевременно вполнѣ откровенно и ясно сказали командованію Добровольческой арміи объ измѣненіи своего плана и указали точно, на что именно мы можемъ разсчитывать, то 9/10 недоразумѣній было бы устранено и командованіе Добровольческой арміи, въ зависимости отъ новой обстановки, могло бы принять соотвѣтствующія рѣшенія.

Какъ мною уже было отмѣчено, политика французскаго командованія въ Одессѣ, съ прибытіемъ генерала Д'Ансельмъ и полковника Фрейденберга, рѣзко измѣнилась.

Переговоры съ атаманомъ Грековымъ, убѣждавшимъ въ необходимости базироваться на украинское движеніе, выслушиваніе представителей различныхъ политическихъ партій и различныхъ группъ населенія, имѣвшихъ основаніе быть недовольными распоряженіями командованія Добровольческой арміи, затрагивавшими ихъ личныя интересы, привело къ тому, что французское командованіе окончательно запуталось въ сложной обстановкѣ, создавшейся въ Одессѣ.

Полковникъ Фрейденбергъ подпалъ подъ вліяніе группъ населенія, относящихся недоброжелательно къ Добровольческой арміи, и совершенно не считался съ заявленіями представителя Добровольческой арміи.

30 января/12 февраля въ Екатеринодарѣ была получена изъ Одессы слѣдующая телеграмма: «Французскому командованію подано два меморандума, которые подписаны представителями: Дона — Черячукинымъ, Кубани — Бычемъ, Бѣлоруссіи — Бахановичемъ, Украины — Марголинымъ и Галипомъ..

Первый меморандумъ указываетъ на необходимость федераціи снизу путемъ сговора различныхъ областей, безъ участія какой либо центральной объединяющей верховной

власти. Въ секретной части меморандума говорится о ненужности единой арміи; желательны краевыя армейскія образованія, дѣятельность коихъ должна объединяться общимъ штабомъ.

Второй меморандумъ касается торговыхъ отношеній между областями и указываетъ на невозможность наладить эти отношенія, пока порты Чернаго моря находятся въ рукахъ силъ, чуждыхъ этимъ областямъ (т. е. въ рукахъ Добровольческой арміи)».

Эти меморандумы, естественно, должны были отразиться на отношеніи французскаго командованія къ командованію Добровольческой арміи, а создавшіяся на мѣстѣ отношенія между командованіями французскимъ и Добровольческой арміи повлекли за собой измѣненія въ отношеніяхъ къ Добровольческой арміи и ея командованію Союзныхъ правительствъ.

Мѣстные представители французскаго командованія, основываясь на мѣстной обстановкѣ, въ которой они не могли разобраться, на томъ, что они видѣли и слышали кругомъ, конечно, доносили, что командованіе Добровольческой арміи и Особое Совѣщаніе, состоявшее при генералѣ Деникинѣ, не пользуются никакимъ авторитетомъ и крайне не популярны; что особыя условія юго-запада Россіи и Одессы требуютъ созданія на мѣстѣ особой власти, опирающейся на мѣстные элементы; что формированіе въ Одесской зонѣ Добровольческихъ частей, по принципу обязательной воинской повинности, будетъ встрѣчено населеніемъ недоброжелательно; что Добровольческая армія реакціонная и прочее.

Какъ слѣдствіе этого, и явилось предложеніе формировать бригады — микстъ, оріентація на Украинское движеніе и полное недовѣріе къ мѣстнымъ представителямъ Добровольческой арміи и постепенное ихъ отстраненіе отъ какой либо дѣятельности въ Одесской зонѣ. Все это отразилось и на отношеніяхъ между французскимъ командованіемъ и командованіемъ Добровольческой арміей въ Крыму.

Обвинять во всемъ этомъ французское командованіе,

а тѣмъ болѣе французское правительство, было бы верхомъ несправедливости.

Во всемъ томъ, что произошло, виновны, прежде всего, тѣ русскіе, которые, являясь представителями партій, группъ населенія и различныхъ предпріятій и преслѣдуя свои политическія и личныя цѣли, своими обращеніями и заявленіями къ французскому командованію, сбили французовъ съ толка и подорвали у нихъ всякое довѣріе къ командованію Добровольческой арміи и ея мѣстнымъ представителямъ.

Къ 1/14 марта отношенія между французскимъ командованіемъ въ Одессѣ и представителями Добровольческой арміи напряглись до послѣдней степени.

Къ этому же времени, вслѣдствіе наступленія большевиковъ, серьезная опасность стала угрожать Крыму. Французское командованіе не присылало въ Крымъ обѣщанныхъ подкрѣпленій.

Генералъ Деникинъ рѣшилъ, для спасенія Крыма, перевезти изъ Одессы въ Севастополь добровольческую бригаду; но, въ отвѣтъ на это распоряженіе, отъ генерала Алмазова была получена телеграмма: «Херсонъ послѣ боевъ очищенъ союзниками. Николаевъ ими эвакуируется. Генералъ Д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ мнѣ, что генералъ Бертело приказалъ не выпускать добровольческую бригаду изъ раіона Одессы.»

4/17 марта генералъ Д'Ансельмъ объявилъ въ Одессѣ осадное положеніе и назначилъ своимъ помощникомъ по гражданской части г. Андро, выдвинутаго одной изъ политическихъ партій, но обсолютно не пользовавшагося довѣріемъ среди маломальски серьезныхъ политическихъ и общественныхъ круговъ.

Пріѣхавшій вслѣдъ за симъ въ Одессу генералъ Франше Д'Эспере отстранилъ отъ должности Главноначальствующаго въ Одессѣ генерала Санникова и военнаго губернатора генерала Гришина-Алмазова, предложивъ имъ немедленно отправиться въ Екатеринодаръ въ распоряженіе генерала Деникина, а военнымъ генералъ-губернаторомъ

Одессы назначилъ генерала Шварца,*) ничего общаго съ Добровольческой арміей не имѣвшаго.

Генералъ Франше Д'Эспере 21 марта/3 апрѣля (или ошибка въ датѣ, или телеграмма была послана поздно, такъ какъ все это произошло 12/25 марта) телеграфировалъ генералу Деникину:

«Положеніе въ Одессѣ крайне серьезно вслѣдствіе недоразумѣній, царящихъ между различными властями, въ то самое время, когда непріятель стоитъ у воротъ города.

Такое положеніе продолжаться не можетъ. Въ виду отдаленности и невозможности для насъ встрѣтиться или быстро снестись, мною приняты слѣдующія мѣры:

1) Генералъ Шварцъ, котораго знаетъ и цѣнитъ вся Европа, принимаетъ командованіе надъ русскими войсками и будетъ исполнять обязанности генералъ-губернатора.

Онъ періодически будетъ представлять вамъ рапорты и отчеты, но будетъ принимать тѣ рѣшенія, которыя требуетъ серьезность положенія.

2) Генералъ Тимановскій сохраняетъ командованіе бригадой Добровольческой арміи.

3) Генералы Санниковъ и Гришинъ-Алмазовъ предоставляются въ Ваше распоряженіе.

Таковыя мѣры согласованы съ желаніями союзныхъ правительствъ, въ томъ числѣ и русскаго правительства.

Я думаю, что эти мѣропріятія позволятъ намъ возстановить положеніе здѣсь и работать совмѣстно на возсозданіе Россіи, чего мы всѣ желаемъ.

Въ ожиданіи удовольствія встрѣчи съ Вами, я прошу вѣрить въ искренность моихъ пожеланій успѣха Вашей арміи.»

Совершенно было непонятно, о какомъ «Русскомъ пра-

---

*) Генералъ Шварцъ, военный инженеръ, отличившійся во время войны при оборонѣ Ивангорода, одно время находился на службѣ у большевиковъ.

По правиламъ же, принятымъ въ Добровольческой арміи, всѣ служившіе у большевиковъ предварительно должны были проходить черезъ особую комиссію, которая и опредѣляла, можетъ ли данное лицо быть принято въ армію.

Назначеніе генерала Шварца, помимо того, что вообще это было сдѣлано безъ согласія командованія Добровольческой арміи, опротестовывалось генераломъ Деникинымъ и вслѣдствіе персональнаго его выбора.

вительствѣ» было упомянуто въ телеграммѣ. Мы поняли, что рѣчь идетъ о Парижскомъ политическомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ князя Львова.

Странно было, что эти мѣропріятія «согласованы» съ какими то желаніями союзныхъ правительствъ, о коихъ никто ничего генералу Деникину не сообщалъ.

Телеграмма ясно указывала, что французское командованіе совершенно иначе, чѣмъ генералъ Деникинъ, толковало свои и его права на территоріи юга Россіи, но о проектѣ раздѣленія этихъ правъ и обязанностей командованію Добровольческой арміи никто ничего не сообщалъ.

Фактически же получалось, что французское командованіе явно отвергало право генерала Деникина распоряжаться въ Одессѣ и подчеркивало, что въ раіонѣ, ими занятомъ, они являются полными хозяевами.

23 марта/5 апрѣля, совершенно неожиданно и крайне спѣшно (что, по мнѣнію всѣхъ знавшихъ обстановку, не вызывалось необходимостью) была эвакуирована Одесса.

Эта эвакуація, при которой въ рукахъ большевиковъ осталась значительная часть населенія, — имѣвшаго основанія опасаться преслѣдованія со стороны совѣтской власти, и непонятное отношеніе французскаго командованія къ добровольческой бригадѣ, которая подверглась ряду тяжелыхъ оскорбленій и была вынуждена оставить въ Румыніи почти всю свою матеріальную часть, вызвало взрывъ негодованія противъ французовъ, какъ въ арміи, такъ и въ обществѣ.

Тренія и недоразумѣнія, сопровождавшія эвакуацію Севастополя, только подлили масла въ огонь, и общественное мнѣніе, не имѣвшее возможности объективно разобраться въ происшедшихъ событіяхъ, было крайне возбуждено противъ Франціи.

Первый представитель французскаго командованія въ Екатеринодарѣ капитанъ Фуке велъ странную и своеобразную политику по отношенію къ Дону.

Сначала вопросъ о присылкѣ союзныхъ войскъ въ Донскую область онъ ставилъ въ зависимость отъ признанія Донскимъ атаманомъ командованія въ лицѣ генерала

Деникина. Затѣмъ, черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ единое командованіе было установлено, 27 января/9 февраля 1919 года, капитанъ Фуке предложилъ Донскому атаману, въ письменной формѣ, подтвердить достигнутое имъ соглашеніе съ генераломъ Деникинымъ и признать въ лицѣ генерала Франше Д'Эспере «высшее командованіе и власть по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго характера.» Тогда же капитанъ Фуке заявилъ, что союзныя войска будутъ присланы на Донъ только въ случаѣ согласія Донского атамана на удовлетвореніе изъ средствъ донской казны лицъ и обществъ французскихъ и союзныхъ гражданъ донецкаго бассейна, «какъ на территоріи въ предѣлахъ Донского войска, такъ и въ сосѣднихъ раіонахъ», за погибшія человѣческія жизни и за всѣ понесенные убытки, происшедшіе отъ занятія раіона большевиками. 28 января/10 февраля все это было подтверждено имъ слѣдующей телеграммой на имя Донского атамана: «Исполненіе военной программы начнется не ранѣе того, какъ я буду имѣть документы въ рукахъ. Капитанъ Фуке.»

Все это было, конечно, сообщено генералу Франше Д'Эспере. Капитанъ Фуке былъ отозванъ и замѣщенъ вполнѣ серьезнымъ и достаточно полномочнымъ полковникомъ Корбейль.

Ясно, конечно, что столь своеобразная политика капитана Фуке велась имъ на собственный рискъ и страхъ, но впечатлѣніе. въ связи съ послѣдовавшими событіями въ Одессѣ, осталось тяжелое.

* * *

14/27 января 1919 года отъ генерала Франше Д'Эспере, на имя начальника французской военной миссіи, была получена телеграмма: «Получилъ Ваше извѣщеніе о предполагаемомъ переводѣ штаба генерала Деникина въ Севастополь. Нахожу, что генералъ Деникинъ долженъ быть при Добровольческой арміи, а не въ Севастополѣ, гдѣ стоятъ французскія войска, которыми онъ не командуетъ.»

Мы тогда не отдавали себѣ еще отчета въ томъ, что французское командованіе смотритъ на раіоны, въ которые

вводитъ свои войска, какъ на оккупированные, и не допускаетъ въ нихъ какого либо иного вліянія.

Все это опять таки явилось слѣдствіемъ взаимнаго непониманія и недоговоренности; а полученіе подобной телеграммы вызвало рѣзкій отвѣтъ и, конечно, отразилось на взаимныхъ отношеніяхъ.

* * *

27 мая/9 іюня 1919 года военные представители Франціи и Великобританіи передали генералу Деникину для свѣдѣнія текстъ протокола, выражающаго собой соглашеніе между французскимъ и великобританскимъ правительствами на засѣданіи въ Парижѣ 4 апрѣля.*)

Этотъ протоколъ, какъ сказано было въ препроводительныхъ бумагахъ, являлся дополненіемъ къ франко-англійскому соглашенію отъ 23 декабря (новая стиля) 1918 года, разграничивающему французскую и англійскую зоны дѣйствій.

Вотъ содержаніе протокола:

I.

«Высшее французское командованіе не будетъ чинить никакихъ препятствій къ набору русскихъ контингентовъ генераломъ Деникинымъ и офицерами, его представляющими, подъ условіемъ, чтобы принимаемыя къ такому набору мѣры не имѣли результатомъ возникновенія безпорядковъ въ зонѣ, гдѣ французское командованіе отвѣтственно за сохраненіе порядка.

II.

Непосредственное командованіе надъ русскими частями, формируемыми на мѣстахъ, примутъ русскіе офицеры предпочтительно изъ арміи генерала Деникина, или изъ другихъ организацій, въ случаѣ, если эти части, горя желаніемъ сражаться противъ большевиковъ, не захотѣли бы служить въ арміи генерала Деникина.

Разумѣется, эти части будутъ чисто русскія, за исключеніемъ союзнаго или французскаго кадра, но они смогутъ

---

*) Повидимому, новаго стиля, слѣдовательно по старому стилю— 21 марта, т. е. въ день, когда французское командованіе въ Одессѣ объявило объ эвакуаціи, на основаніи распоряженія, полученнаго изъ Парижа.

получать помощь союзными инкструкторами и техническими совѣтчиками.

III.

Русскія войска, находящіяся во французской зонѣ и признавшія авторитетъ генерала Деникина, могутъ, по соглашенію генерала Деникина съ высшимъ французскимъ командованіемъ, либо быть использованы первымъ на его театрѣ военныхъ дѣйствій, либо быть окончательно предоставлены въ распоряженіе второго.

Русскія войска, отказывающіяся отъ подчиненія генералу Деникину, оставляются въ распоряженіи высшаго французскаго командованія.

IV.

Генералъ Деникинъ и высшее французское командованіе условятся, чтобы русское имущество, сложенное въ зонѣ французскихъ дѣйствій, было либо использовано при формированіи русскихъ войскъ этой зоны, либо предоставлено въ распоряженіе генерала Деникина.

Послѣдній не будетъ препятствовать посылкѣ во французскую зону припасовъ излишняго продовольствія (провіантъ и топливо), которое могло бы имѣться въ его собственной зонѣ.

V.

Генералъ Деникинъ и высшее французское командованіе будутъ взаимно держать другъ друга въ полномъ курсѣ своихъ операцій и нуждъ, посредствомъ миссій для связи. Они будутъ, по мѣрѣ возможности, оказывать другъ другу взаимную поддержку.

VI.

Русскія торговыя суда, не находящіяся въ пользованіи союзниковъ, могутъ быть употреблены для русскихъ военныхъ перевозокъ и для продовольствія русскихъ войскъ. Высшее французское командованіе не будетъ чинить никакихъ препятствій къ примѣненію для этой цѣли, подъ русскимъ національнымъ флагомъ, русскихъ судовъ, находящихся въ Черномъ морѣ, подъ условіемъ, чтобы они обслуживались русскимъ экипажемъ, подчиняющимся генералу Деникину.

Въ предѣлахъ возможнаго, эти суда, если придется, будутъ способствовать возвращенію на родину русскихъ солдатъ, находящихся внѣ русской территоріи.

Русскія суда, правильно зафрахтованныя дружественными правительствами — останутся въ распоряженіи этихъ правительствъ, кромѣ какъ въ случаѣ невозобновленія таковыми контрактовъ, по истеченіи сроковъ.

Русскимъ военнымъ судамъ, которыя укомплектованы русскимъ экипажемъ, подчиняющимся генералу Деникину, разрѣшается плавать подъ русскимъ флагомъ».

Франко-англійское соглашеніе 10/23 декабря, дополненіемъ къ которому явилось настоящее соглашеніе, никогда не было сообщено командованію Добровольческой арміи. Настоящій же документъ, сообщенный тогда, когда на территоріи юга Россіи, послѣ эвакуаціи Одессы и Крыма, не оставалось уже ни одного французскаго солдата (кромѣ французской военной миссіи въ Екатеринодарѣ), многое разъяснилъ и показалъ, насколько безнадежно не понимали французы обстановку на югѣ Россіи и насколько были діаметрально противоположны ихъ взгляды и взгляды командованія Добровольческой арміи на ту помощь, которую послѣднее ожидало отъ союзниковъ.

Этотъ документъ показалъ:

1) На генерала Деникина французское командованіе, а слѣдовательно и французское правительство, смотрѣли лишь какъ на командующаго Добровольческой арміей, дѣйствующей въ раіонѣ Кубани и Дона, и объединяющаго въ этомъ раіонѣ въ своемъ лицѣ единое командованіе.

Права же за генераломъ Деникинымъ устанавливать и возглавлять гражданское управленіе на всей территоріи юга Россіи, освобождаемой отъ большевиковъ, не признавалось.

2) Устанавливалась возможность формированія русскихъ воинскихъ частей, не подчиняемыхъ командованію Добровольческой арміи; предоставлялось право свободнаго рѣшенія для этихъ частей о желаніи или не желаніи подчиняться генералу Деникину.

3) Въ зонахъ своего дѣйствія, т. е. въ Крыму и во всей освобождаемой Новороссіи (Одесская зона съ Николаевымъ

и Херсономъ) французское командованіе признавалось высшимъ по разрѣшенію всѣхъ вопросовъ, т. е. должно было дѣйствовать какъ въ оккупированныхъ раіонахъ, а слѣдовательно и устанавливать гражданское управленіе, не руководствуясь въ этомъ отношеніи указаніями генерала Деникина.

Затѣмъ оставалось совершенно не выясненнымъ, входитъ ли Донецкій угольный бассейнъ въ сферу французскаго или англійскаго вліянія и какъ впослѣдствіи будетъ распространяться французское вліяніе при дальнѣйшемъ освобожденіи русской территоріи отъ совѣтской власти.

4) Французское командованіе въ своей зонѣ дѣйствій должно было вести самостоятельныя операціи противъ большевиковъ, причемъ оно и генералъ Деникинъ «будутъ, по мѣрѣ возможности, оказывать другъ другу взаимную поддержку».

5) Генералъ Деникинъ во главѣ вооруженныхъ силъ, ему подвѣдомственныхъ, при дѣйствіи противъ большевиковъ, разсматриваемый просто, какъ одинъ изъ командующихъ арміями, долженъ былъ вести операціи для освобожденія Россіи отъ совѣтской власти по соглашенію съ французскимъ командованіемъ, направляющимъ военныя операціи въ своихъ зонахъ дѣйствій. Причемъ подъ начальствомъ французскаго командованія оставались русскія войска, которыя не хотѣли подчиниться генералу Деникину или объ оставленіи которыхъ подъ французскимъ командованіемъ было достигнуто соглашеніе съ генераломъ Деникинымъ.

6) Относительно русскихъ торговыхъ судовъ Чернаго моря (надо понимать, что рѣчь шла о приписанныхъ къ Одессѣ, т. е. 9/10 всѣхъ Черноморскихъ торговыхъ судовъ) распорядителями являются французы.

Все это такъ расходилось съ основными принципами, проводимыми генераломъ Деникинымъ, что станутъ понятны тѣ тренія и недоразумѣнія, которыя происходили въ Одессѣ, разъ французское командованіе ихъ проводило въ жизнь, причемъ командованіе Добровольческой арміи не

было освѣдомлено о тѣхъ основаніяхъ, коими руководилось французское командованіе въ своихъ дѣйствіяхъ.

Эти же основанія не могли быть пріемлемы для командованія Добровольческой арміи, которое считало:

1) На всей территоріи юга Россіи, освобождаемой отъ большевиковъ, образуется единая русская армія, подчиняемая главнокомандующему вооруженными силами юга Россіи.

Никакихъ русскихъ воинскихъ частей, не подчиненныхъ главнокомандующему генералу Деникину, на этой территоріи быть не могло (могло быть лишь оперативное подчиненіе русскихъ частей французскому командованію).

2) Гражданское управленіе и гражданскія власти на этой территоріи, черезъ соотвѣтствующіе отдѣлы правительства (Особаго Совѣщанія) генерала Деникина, подчиняются послѣднему, и недопустимо вмѣшательство союзнаго командованія въ гражданское управленіе на территоріи Россіи, освобождаемой отъ большевиковъ.

3) Освобожденіе Россіи отъ совѣтской власти должно было вестись русскими, а не иностранными руками.

Войска союзниковъ крайне желательно было получить лишь для обезпеченія порядка въ раіонѣ, который долженъ былъ служить плацдармомъ для формированія русской арміи и базой при ея дальнѣйшихъ операціяхъ.

Предполагалось, что лишь при расширеніи Одесской зоны союзнымъ войскамъ, можетъ быть, придется принять участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ.

4) Русскимъ имуществомъ (въ томъ числѣ и судами) должно было распоряжаться правительство генерала Деникина, а никакъ не французское командованіе.

Трудно допустить, что Французское и Великобританское правительства выработали это соглашеніе совершенно самостоятельно, не базируясь на донесеніяхъ французскаго командованія въ Одессѣ. Послѣднее же дѣйствовало, какъ мной уже отмѣчено, подъ вліяніемъ различныхъ русскихъ партій и организацій, которыя или не понимали весь вредъ, который они приносили русскому дѣлу, настраивая фран-

цузское командованіе въ опредѣленномъ направленіи, или преслѣдовали свои узкія партійныя или личныя цѣли.

Непонятное указаніе генерала Франше Д'Эспере въ телеграммѣ на имя генерала Деникина отъ 21 марта/3 апрѣля, что «таковыя мѣры согласованы съ желаніями союзныхъ правительствъ, въ томъ числѣ и русскаго правительства» — даетъ основаніе предполагать, что Парижское совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ князя Львова, сыграло въ этомъ случаѣ печальную роль.

Во всякомъ случаѣ, еслибы французское правительство своевременно и ясно сообщило генералу Деникину свои предположенія или даже рѣшенія, то это устранило бы тренія и недоразумѣнія, которыя проистекали отъ полнаго взаимнаго непониманія.

Генералъ Деникинъ, конечно, не могъ бы согласиться съ точкой зрѣнія, изложенной въ приведенномъ выше соглашеніи между Французскимъ и Великобританскимъ правительствами, но вѣроятно, это дало бы ему возможность договориться съ ними до пріемлемыхъ условій.

На этотъ же запоздалый протоколъ, 20 іюня/3 іюля 1919 года, было сообщено начальникамъ Британской и Французской миссій:

«Территорія Крыма къ данному времени освобождена исключительно частями вооруженныхъ силъ юга Россіи и будетъ подчиняться въ порядкѣ верховнаго управленія Верховному Правителю Россіи, временно же главнокомандующему вооруженными силами на югѣ Россіи, генералу Деникину.

Далѣе, главнокомандующій, будучи крайне благодаренъ за всякую матеріальную помощь со стороны союзниковъ, считаетъ, что зоны французскаго и англійскаго вліянія должны имѣть значеніе лишь въ смыслѣ оказанія именно матеріальной помощи, но право распоряженія русскими войсками, какъ въ той, такъ и въ другой зонѣ, въ полной мѣрѣ остается за генераломъ Деникинымъ.

Кромѣ того, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо русскихъ войскахъ, которыя оставались бы въ распоряженіи французскаго командованія, такъ

какъ всѣ вопросы по формированію, укомплектованію, а также подчиненію русскихъ войскъ будутъ находиться въ вѣдѣніи генерала Деникина».

* * *

Первое время послѣ эвакуаціи Одессы и Крыма отношенія между высшимъ французскимъ командованіемъ въ Константинополѣ и командованіемъ вооруженными силами юга Россіи были очень натянутыми.

Но постепенно это сгладилось, и французское правительство оказывало полное содѣйствіе по полученію вооруженными силами юга Россіи русскаго имущества, оставшагося во Франціи послѣ европейской войны.

Послѣ эвакуаціи Новороссійска и вступленія генерала Врангеля въ командованіе войсками, необходимо отмѣтить, что французское правительство и его представители на мѣстахъ дѣлали все, отъ нихъ зависящее, для облегченія участи бѣженцевъ и по оказанію русской арміи матеріальной помощи.

Осенью 1920 года французское правительство признало правительство генерала Врангеля, и въ Крымъ были назначены полномочные представители (дипломатическій и военный).

Къ сожалѣнію, вскорѣ послѣ этого разразилась Крымская катастрофа, и русская армія, а съ ней и многочисленные бѣженцы, были эвакуированы въ Константинополь.

* * *

Взаимоотношенія съ англійскимъ командованіемъ.

За періодъ съ декабря 1918 года до эвакуаціи Новороссійска (въ мартѣ 1920 года) при командованіи Добровольческой арміи все время были достаточно полномочные военные представители. Первымъ, до февраля 1919 года, былъ генералъ Пуль; затѣмъ, до 30 мая/12 іюня 1919 года, генералъ Бригсъ и послѣднимъ, до передачи командованія арміей генераломъ Деникинымъ генералу Врангелю, генералъ Хольманъ. Въ началѣ 1920 года генералъ Кійзъ, бывшій до того начальникомъ штаба великобританской военной миссіи, былъ назначенъ состоять при генералѣ Деники-

нѣ въ качествѣ представителя по политическимъ вопросамъ.

Всѣ они принимали близко къ сердцу интересы вооруженныхъ силъ на югѣ Россіи, дѣлали все отъ нихъ зависящее для скорѣйшей доставки на югъ Россіи всего необходимаго для арміи и своимъ посредничествомъ, при возникавшихъ недоразумѣніяхъ между командованіемъ арміи и правительствами новыхъ государственныхъ образованій, всячески старались поддержать генерала Деникина.

При возникновеніи треній съ британскимъ военнымъ командованіемъ въ Закавказьѣ они старались сгладить и устранить недоразумѣнія.

Командующій англійской эскадрой адмиралъ Сеймуръ рѣшительно помогалъ Добровольческой арміи при оборонѣ Акманайской позиціи у Ѳеодосіи въ 1919 году. Дѣйствіямъ британскаго флота мы въ значительной степени обязаны тому, что эта позиція была нами удержана.

Въ лицѣ этихъ представителей британскаго командованія противобольшевистская Россія имѣла искреннихъ и вѣрныхъ друзей.

Съ представителями же англійскаго командованія въ Закавказьѣ и съ главнокомандующимъ британскими силами, находившимися на Ближнемъ Востокѣ, происходило довольно много треній и недоразумѣній изъ-за политики Великобританіи, проводимой въ Закавказьѣ.

Послѣ занятія англичанами Закавказья, генералу Деникину черезъ британскую военную миссію было заявлено, что британскія войска прибыли въ Закавказье съ цѣлью:

а) заставить германцевъ и турокъ эвакуировать немедленно раіоны, которые къ туркамъ по мирному договору не отойдутъ;

б) поддержать порядокъ въ Закавказьѣ.

Въ январѣ 1919 года, по заявленію генерала Форестье Уоккера *) генералу Эрдели (командированному генераломъ Деникинымъ войти въ связь съ англійскимъ коман-

---

*) Бывшій начальникомъ 27-й британской дивизіи; ему были подчинены всѣ британскія войска, находившіяся въ Закавказьѣ. Штабъ его былъ въ Тифлисѣ.

дованіемъ въ Закавказьѣ и постараться устранить всѣ возникшія недоразумѣнія) англичане прибыли въ Закавказье съ цѣлью поддержанія порядка и сохраненія въ немъ существующаго въ моментъ ихъ прихода положенія — до рѣшенія мирной конференціи.

Поэтому они будутъ поддерживать всѣ существующія на его территоріи правительства, въ задачи которыхъ входитъ поддержаніе элементарнаго порядка.

По словамъ того же генерала Форестье Уоккера существовало три проекта разрѣшенія судьбы Закавказья:

1) Присоединеніе его къ Россіи въ границахъ 1914 года съ автономнымъ управленіемъ въ областяхъ.

2) Признаніе самостоятельности образовавшихся республикъ съ полнымъ отдѣленіемъ ихъ отъ Россіи.

3) Образованіе соединенныхъ штатовъ на Кавказѣ:

а) какъ самостоятельнаго организма отдѣльно отъ Россіи, или

б) въ федераціи съ ней, съ признаніемъ ея суверенныхъ правъ.

Ввиду того, что до разрѣшенія мирной конференціи, вопросъ государственнаго устройства Закавказья остается открытымъ, англичане, какъ заявилъ генералъ Форестье Уоккеръ, не могутъ допустить никакой агитаціи въ пользу возсоединенія его съ Россіей.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, при пріемѣ делегаціи отъ армянскаго правительства, заявившей о стремленіи Арменіи стать на путь полнаго соглашенія съ Добровольческой арміей для возсозданія Россіи, генералъ Форестье Уоккеръ очень холодно заявилъ, что никакая агитація въ пользу возсоединенія Арменіи съ Россіей не допустима.

13/26 января 1919 года въ Тифлисѣ къ генералу Форестье Уоккеру являлась делегація отъ русскаго національнаго совѣта. Въ отвѣтъ на привѣтствіе, генералъ (по сообщенію, полученному нами отъ Тифлисскаго русскаго національнаго совѣта) отвѣтилъ: «Очень радъ познакомиться съ представителями русскаго національнаго совѣта. Я обладаю всѣми полномочьями въ отношеніи Карской и Батумской областей (Брестскаго договора не существуетъ), но на

территоріи республикъ Грузіи, Азербайджана и Арменіи я, впредь до мирной конференціи, могу дѣйствовать только въ контактѣ съ мѣстными правительствами. Въ Батумскую и Карскую области бѣженцы могутъ быть возвращены при условіи, если они не будутъ вести пропаганды большевистской и за возсоединеніе этихъ областей съ Россіей — впредь до рѣшенія мирной конференціи. . . .»

Наконецъ, въ связи съ тѣмъ, чтобы среди населенія Закавказья не велась агитація за возсоединеніе съ Россіей, въ февралѣ 1919 года, по распоряженію генерала Мильна (главнокомандующаго британскими войсками на Ближнемъ Востокѣ), одно время былъ воспрещенъ въѣздъ въ Батумскую область офицерамъ Добровольческой арміи.

10/23 марта 1919 года генералъ Бригсъ получилъ изъ Лондона указаніе, чтобы было сообщено генаралу Деникину, что Великобританское правительство надѣется, что онъ (т. е. генералъ Деникинъ) будетъ лойяльно придерживаться общей политики союзниковъ по отношенію къ маленькимъ государствамъ; что Великобританія не намѣрена оставлять свои войска на Кавказѣ, такъ какъ они были посланы только для приведенія въ исполненіе условій перемирія и сохраненія мира.

«Правительство Его Величества смотритъ съ большимъ неудовольствіемъ на назначеніе генерала Ляхова губернаторомъ Дагестана *), въ который Добровольческая армія могла бы ввести войска лишь для борьбы съ большевиками.

Великобританія постарается, чтобы грузины и другіе кавказцы оставались нейтральными.

Если же генералъ Деникинъ будетъ дѣйствовать въ направленіи, не пріемлемомъ для Великобританіи, то это принудило бы правительство Его Величества отказать ему въ своей поддержкѣ и остановить отправку нынѣ посылаемыхъ запасовъ.

Вслѣдствіе возникновенія цѣлаго ряда недоразумѣній съ британскимъ командованіемъ въ Закавказьѣ, 1/14 авгу-

---

*) Какъ потомъ выяснилось, часть Дагестана англичане считали въ сферѣ своего вліянія.

ста 1919 года генералъ Кійзъ прислалъ на имя начальника штаба Добровольческой арміи сообщеніе, въ которомъ, подробно останавливаясь на всѣхъ жалобахъ на дѣйствія представителей англійскаго командованія въ Закавказьѣ и разъясняя возникшія недоразумѣнія, онъ закончилъ такъ:

«Я надѣюсь, что вооруженныя силы на югѣ Россіи примутъ во вниманіе всѣ эти факты, чтобы отказаться отъ мысли, что британскія военныя власти въ Закавказьѣ пропитаны по отношенію къ нимъ иными чувствами, чѣмъ тѣ, которыя имѣютъ командованіе въ Константинополѣ и британская военная миссія».

«При отсутствіи объединяющаго русскаго правительства и стремленіи всѣхъ отдѣльныхъ народностей Закавказья отдѣлиться отъ Россіи, общія указанія, даваемыя британскимъ войскамъ, первоначальная задача которыхъ была принудить непріятеля къ эвакуаціи Закавказья, заключались въ томъ, чтобы, въ ожиданіи рѣшенія мирной конференціи, охранять порядокъ и поддерживать правительства, находящіяся у власти, пока они будутъ вести себя подобающимъ образомъ. . .»

«Русскіе представители въ Закавказьѣ и даже командованіе вооруженными силами на югѣ Россіи, не сумѣвъ оцѣнить этихъ основныхъ принциповъ, часто обращались къ британскимъ военнымъ властямъ въ Закавказьѣ съ требованіями, которыя шли въ разрѣзъ съ полученными ими распоряженіями и неминуемо ввели бы насъ въ войну съ упомянутыми республиками, что было бы противно принципамъ, одушевляющимъ мирную конференцію. . .»

«Не слѣдуетъ забывать, что во время заключенія перемирія съ Турціей, Батумскій округъ находился подъ турецкимъ владычествомъ и былъ занятъ турецкими войсками. Британскія войска были присланы туда, чтобы принудить турокъ къ эвакуаціи этого округа и поддерживать порядокъ какъ тамъ, такъ и во всемъ Закавказьѣ, до тѣхъ поръ пока мирная конференція не опредѣлитъ, за отсутствіемъ единаго русскаго правительства, дальнѣйшую судьбу этой области».

Приведенныя выше выдержки изъ заявленій представителей Великобританіи объясняютъ оффиціальную политику англичанъ на Кавказѣ.

Командованіе Добровольческой арміи отлично понимало, что Великобританія, принявъ на себя протекторатъ надъ Персіей и заинтересованная въ безпрепятственномъ полученіи нефти изъ Баку черезъ Батумъ, стремится установить и поддержать въ Закавказьѣ полный порядокъ и что одной изъ мѣръ для этого является поддержаніе образовавшихся въ Закавказьѣ республикъ.

Было вполнѣ понятно, что ближайшая и главная задача введенныхъ на территорію Закавказья британскихъ войскъ въ этомъ и будетъ заключаться.

Было также понятно, что англійское командованіе, придавая огромное значеніе сохраненію порядка въ Туркестанѣ, прилегающемъ къ Афганистану и Индіи, гдѣ началось броженіе подъ вліяніемъ умѣло организованной германо-большевистской пропаганды, выдѣлило изъ своего очень скромнаго по численности отряда въ Хоросанѣ все, что могло (1 батальонъ, 3 эскадрона и одну батарею) и помогло противобольшевистскимъ силамъ занять Чарджуй и очистить отъ большевиковъ Бухару.

Командованіе вооруженными силами на югѣ Россіи находило, что пребываніе англійскихъ войскъ въ Закавказьѣ необходимо и, когда въ 1919 году получены были свѣдѣнія о предполагаемомъ уходѣ британскихъ войскъ изъ Закавказья, генералъ Деникинъ просилъ этого не дѣлать, такъ какъ было опасеніе, что это можетъ послужить причиной распространенія въ Закавказьѣ большевизма.

Недоразумѣнія же и тренія съ представителями англійскаго командованія въ Закавказьѣ происходили вслѣдствіе того, что получалось впечатлѣніе опредѣленной ими поддержки сепаратныхъ, во вредъ Россіи, стремленій Грузіи и Азербайджана.

Затѣмъ казалось, что англичане хотятъ образовать изъ Закавказскихъ республикъ буферную зону между будущей Россіей и Персіей, а также, пользуясь обстоятельствами, захватить исключительное вліяніе въ Закавказьѣ.

Послѣ занятія англичанами Батума, Тифлиса и Баку, командованіе Добровольческой арміи получило увѣдомленіе, черезъ начальника британской военной миссіи, что разграничительной линіей между Добровольческой арміей и Закавказьемъ надлежитъ считать линію: Кизилъ Бурунъ (на берегу Каспійскаго моря, между Дербентомъ и Баку), Закаталы и далѣе по главному Кавказскому хребту до Туапсе на Черномъ морѣ.

Проведеніе разграничительной линіи на Туапсе показывало, что англичане, поддерживая въ этомъ отношеніи грузинъ и стоя на формальной точкѣ зрѣнія — сохранить въ Закавказьѣ то положеніе, которое было до ихъ прихода туда, признаютъ, что Сочинскій округъ долженъ, до рѣшенія мирной конференціи, оставаться во владѣніи Грузіи.

Съ этимъ командованіе Добровольческой арміи согласиться никакъ не могло.

9/22 января начальникъ британской военной миссіи, генералъ Пуль, увѣдомилъ, что генералъ Уоккеръ, командующій англійскими военными силами въ Закавказьѣ, сообщилъ, что онъ получилъ инструкцію поддерживать грузинъ, пока ихъ поведеніе удовлетворительно, и что продвиженіе войскъ Добровольческой арміи въ Сочинскомъ округѣ безъ предварительнаго сношенія съ нимъ не должно имѣть мѣста.

Командующему британскими военными силами было, письмомъ отъ 14/27 января, разъяснено, что грузины, совершенно незаконно захвативъ Сочинскій округъ осенью 1919 года, никакихъ правъ на него не имѣютъ; что врядъ ли правильно англичанамъ поддерживать грузинъ въ той политикѣ, которая послѣднимъ была внушена нѣмцами; и что во всемъ этомъ кроется серьезное недоразумѣніе, которое необходимо разъяснить возможно скорѣй.

22 января/4 февраля грузинскія войска открыли непріязненныя дѣйствія противъ нашихъ войскъ, и генералъ Деникинъ приказалъ перейти въ наступленіе и занять Сочи. Это было исполнено 24 января/6 февраля.

Министръ Грузинской республики Гегечкори 4/17 февраля послалъ радіотелеграмму, адресованную на имя «До-

бровольческой» и «Союзнической» армій, слѣдующаго содержанія:

«6 февраля новаго стиля частями Добровольческой арміи учинено внезапное нападеніе на отрядъ, стоящій въ Сочи. Генералъ Бруневичъ представилъ нашимъ частямъ требованіе о сдачѣ оружія. Подобное распоряженіе командованія Добровольческой арміи является актомъ самочинно-грубаго насилія и вѣроломства послѣдней. **Сочинскій округъ занимался нами по соглашенію и настоянію англійскаго командованія.** *)

13 февраля грузинскимъ правительствомъ было получено отъ англійскаго командованія въ Константинополѣ письменное заявленіе, что со стороны генерала Деникина не будетъ предпринято никакихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію грузинской республики; въ виду этого мы заявляемъ самый рѣшительный протестъ противъ такого нападенія и требуемъ свободнаго пропуска нашихъ частей съ оружіемъ въ рукахъ изъ Сочинскаго округа, а въ противномъ случаѣ возлагаемъ всю отвѣтственность на штабъ Добровольческой арміи. Грузинское правительство приметъ крутыя мѣры противъ всѣхъ чиновъ Добровольческой арміи, находящихся въ предѣлахъ Грузинской республики, и съ оружіемъ въ рукахъ заставитъ уважать свои права. 1616».

Въ отвѣтъ на это командованіе Добровольческой арміи просило командованіе британскими вооруженными силами въ Закавказьѣ объ освобожденіи арестованныхъ русскихъ офицеровъ и объ огражденіи русскихъ гражданъ, находящихся въ Грузіи, отъ репрессій.

6/16 февраля (какъ разъ въ день занятія Сочи) генералъ Бригсъ, начальникъ британской миссіи, передалъ Деникину слѣдующее заявленіе:

«Я получилъ указаніе военнаго министерства предложить Вамъ немедленно прекратить операціи противъ Сочи, затѣмъ обратить Ваше вниманіе на постановленіе мирной конференціи отъ 24 января, въ силу котораго захватъ силою спорной территоріи будетъ серьезно вмѣненъ въ вину

*) Курсивъ мой.

захватчику. Если генералъ Деникинъ не согласится ожидать рѣшеній изъ Парижа и не воздержится отъ перехода въ раіонъ южнѣй линіи Кизилъ Бурунъ, Закаталы и далѣе по Кавказскому хребту до Туапсе на Черномъ морѣ, то правительство Его Величества можетъ оказаться вынужденнымъ задержать (или отмѣнить) помощь оружіемъ, снаряженіемъ и одеждой».

Но Сочи нами уже было занято.

Къ этому же времени относится письмо генерала Мильна, на имя генерала Деникина, въ которомъ, между прочимъ, сообщалось:

«Окончательная судьба Сочинскаго округа — это несомнѣнно вопросъ, который долженъ быть разрѣшенъ по окончаніи войны и всякая попытка рѣшить его теперь же силою оружія должна повести къ осложненіямъ съ Грузіей. . . .»

«Я прошу Ваше Превосходительство придти къ дружелюбному соглашенію съ Грузіей, по крайней мѣрѣ о Сочинскомъ округѣ, и тѣмъ избѣжать военнаго столкновенія съ этой страной. Операціи противъ грузинъ въ Сочинскомъ округѣ никоимъ образомъ не способны облегчить Вашихъ операцій противъ большевиковъ, для каковой цѣли британское правительство снабжаетъ Васъ оружіемъ и военнымъ снаряженіемъ. . .»

Но «дружелюбнаго» соглашенія съ Грузіей относительно Сочинскаго округа достигнуть было невозможно, ибо грузины, поддерживаемые въ этомъ отношеніи тѣмъ же британскимъ командованіемъ въ Закавказьѣ, не хотѣли и слышать о возможности добровольнаго отказа отъ этого округа.

Послѣ очищенія грузинскими войсками Сочинскаго округа недоразумѣнія продолжались изъ-за отношенія грузинскихъ властей къ армянскому и абхазскому населенію въ сосѣднемъ Сухумскомъ округѣ.

Командованіе Добровольческой арміи полагало, что для прекращенія постоянно возникающихъ недоразумѣній слѣдовало бы Сухумскій округъ объявить нейтральнымъ.

По этому вопросу, 26 февраля/11 марта 1919 года, генералъ Деникинъ обратился къ начальнику британской во-

енной миссіи, генералу Бригсу, со слѣдующимъ заявленіемъ:

«Ко мнѣ обратились оффиціальные представители армянскаго національнаго союза Сочинскаго округа съ просьбой защитить армянское населеніе Сухумскаго округа, въ частности селенія Гудауты, отъ насилія грузинскихъ войскъ.

По очищеніи грузинскими войсками Сочинскаго округа, грузинскія военныя власти наложили на армянскія селенія Гудаутскаго участка Сухумскаго округа контрибуцію въ размѣрѣ 1000 пудовъ кукурузы, сѣна и фасоли съ каждаго селенія. Жители указанныхъ селеній, не имѣя продуктовъ, исполнить поставленныя имъ грузинами требованія не имѣли возможности. Тогда грузинскія войска, окруживъ селенія, 10/23 февраля начали разстрѣливать артиллеріей и пулеметнымъ огнемъ мирное населеніе.

Вышеизложенное заявленіе армянскаго національнаго союза Сочинскаго округа лишь подтверждаетъ донесенія подчиненныхъ мнѣ войсковыхъ начальниковъ о постоянно слышной артиллерійской и пулеметной стрѣльбѣ въ тылу расположенія грузинскихъ войскъ за р. Бзыбь.

Прошу Ваше Превосходительство довести до свѣдѣнія высшаго британскаго командованія въ Закавказьѣ мой протестъ по поводу чинимаго насилія надъ беззащитнымъ армянскимъ населеніемъ и просьбу энергичнаго давленія на грузинское правительство для прекращенія звѣрствъ».

Еще раньше, 1/14 февраля, отъ имени генерала Деникина на имя генерала Форестье Уоккера и Мильна была послана слѣдующая телеграмма:

«Ко мнѣ обратились оффиціальные представители Абхазскаго народа съ нижеслѣдующимъ прошеніемъ, подписаннымъ членами народнаго совѣта:

«Абхазскій народъ составляетъ главную часть населенія Сухумскаго округа, лежащаго на берегу Чернаго моря между рѣками Бзыбь и Ингуръ. Онъ былъ вынужденъ просить помощи у грузинъ противъ большевиковъ. Воспользовавшись этимъ, грузины ввели въ Сухумскій округъ свои войска, поставили свою администрацію и, сообразно

обычнымъ своимъ пріемамъ, начали вмѣшиваться во внутреннія дѣла и повели самое безпощадное гоненіе противъ выдающихся влiятельныхъ политическихъ дѣятелей абхазскаго народа.

15/28 августа 1918 года грузины силой разогнали абхазскій національный совѣтъ и произвели многочисленные аресты почетныхъ стариковъ.

Въ новый совѣтъ были допущены только грузинскіе подданные и были исключены всѣ абхазцы, армяне, русскіе и другіе, не пожелавшіе признать себя подданными Грузіи. Эти мѣры вызвали крайнее озлобленіе населенія противъ грузинъ и вызвали рѣзкую оппозицію въ совѣтѣ.

9/22 октября совѣтъ былъ вторично разогнанъ и самые уважаемые дѣятели были арестованы и отправлены въ Тифлисъ въ Метехскую тюрьму.

Эти событія обострили отношеніе абхазцевъ къ грузинамъ до крайней степени. Этотъ крайне свободолюбивый и самолюбивый воинственный народъ никогда не проститъ оскорбленій и притѣсненій, причиненныхъ ему грузинами, и никогда не примирится съ грузинскимъ владычествомъ.

Нынѣ Грузія объявляетъ новые выборы въ совѣтъ и проводитъ ихъ подъ давленіемъ вооруженной силы. Но абхазскіе представители категорически заявляютъ, что никакого участія въ выборахъ по грузинской указкѣ они не примутъ и категорически отказываются признать за Грузіей право распоряжаться ихъ судьбой».

Поэтому абхазскіе представители просятъ меня, во первыхъ, пріостановить выборы въ совѣтъ подъ вліяніемъ грузинскихъ властей и, во вторыхъ, предложить союзному командованію о немедленномъ выводѣ грузинскихъ войскъ изъ Абхазіи, дабы избавить абхазскій народъ отъ насилій, могущихъ вызвать кровавую смуту, и дать ему возможность приступить къ мирной работѣ.

Доводя до Вашего свѣдѣнія о такой просьбѣ оффиціальныхъ представителей Абхазскаго народа, со своей стороны добавляю слѣдующее:

1) Ненависть абхазцевъ къ грузинамъ такъ сильна, что никакое совмѣстное жительство этихъ двухъ народовъ

невозможно, и все равно путемъ кровавой борьбы абхазцы добьются своей свободы, а потому всякое промедленіе въ удаленіи грузинъ изъ предѣловъ Сухумскаго округа только ухудшитъ дѣло и вынудитъ прибѣгнуть къ вмѣшательству посторонней вооруженной силы для возстановленія порядка.

2) Сухумскій округъ необходимо теперь же объявить нейтральнымъ, немедленно вывести оттуда грузинскія войска и администрацію и возложить поддержаніе порядка на абхазскія власти, свободно ими самими выбранныя, и на военные отряды, сформированные изъ абхазцевъ.

3) Грузины должны быть отведены за рѣку Ингуръ, т. е. за бывшую границу Кутаисской губерніи. Ихъ претензіи на раіонъ, лежащій между рѣками Кадоръ и Ингуръ, ни на чемъ не основаны, ибо населеніе этого раіона относится къ грузинамъ съ ненавистью еще большей, чѣмъ населеніе остальной Абхазіи.

Я особенно настаиваю на точномъ выполненіи указанныхъ трехъ пунктовъ, ибо въ случаѣ промедленія въ ихъ осуществленіи я предвижу, что и Англійской арміи и Добровольческой придется проливать свою кровь для умиротворенія этого края, доведеннаго безсмысленной политикой грузинъ до послѣдней степени возмущенія противъ его поработителей. На Добровольческую армію выпало за минувшій годъ упорнѣйшей и кровопролитнѣйшей борьбы съ большевиками столько испытаній, что я считаю долгомъ совѣсти принять нынѣ относительно Абхазіи всѣ мѣры, чтобы драгоцѣнная кровь добровольцевъ не проливалась на территоріи Сухумскаго округа, какъ то пришлось, вопреки моему желанію, сдѣлать въ округѣ Сочи.

Полагаю, что въ этомъ отношеніи интересы англійскаго командованія вполнѣ совпадаютъ съ моими».

Начальники британской военной миссіи на югѣ Россіи — Генералъ Бригсъ и затѣмъ замѣнившій его генералъ Хольманъ, — отлично сознавали всю ненормальность положенія, создавшагося въ тылу Добровольческой арміи и, внѣ всякаго сомнѣнія, подъ вліяніемъ ихъ донесеній Британское правительство признало фактъ занятія Сочинскаго ок-

руга Добровольческой арміей и генералъ Бригсъ, принимавшій участіе на засѣданіи въ Тифлисѣ въ маѣ 1919 года, настаивалъ на томъ, чтобы грузины не переходили рѣки Бзыбь, отдѣлявшей Сухумскій округъ отъ Сочинскаго.

Представитель Грузіи Гегечкори на томъ же засѣданіи уже не настаивалъ на передачѣ Сочинскаго округа Грузіи, а указывалъ на необходимость образовать нейтральную зону между Абхазіей и раіономъ, занятымъ Добровольческой арміей, т. е. превратить Сочинскій округъ — въ нейтральный.

Конечно, представители англійскаго командованія въ Закавказьѣ не могли самостоятельно разрѣшать вопросы политическаго характера, но, казалось бы, они должны были самымъ рѣшительнымъ образомъ потребовать отъ грузинскаго правительства, чтобы послѣднее держало себя лойяльно по отношенію къ русскимъ, находящимся на ихъ территоріи, и Добровольческой арміи, которой въ борьбѣ съ большевиками помогало Британское правительство.

Получалось же въ дѣйствительности что-то странное: представители британскаго командованія на югѣ Россіи вполнѣ сочувствовали командованію Добровольческой арміи и помогали ему, чѣмъ могли, а представители британскаго командованія, находившіеся въ Грузіи, поддерживали морально Грузію и отстраняли отъ себя всякое воздѣйствіе на грузинское правительство, которое вело явно враждебную политику по отношенію къ Добровольческой арміи и ко всему русскому.

Во всемъ этомъ, конечно, главнымъ образомъ виновна неясная и двусмысленная политика Великобританскаго правительства, которое, если бъ не стремилось укрѣпить положеніе Грузіи, какъ многимъ казалось, для созданія буферной зоны между Персіей и будущей Россіей, должно было преподать соотвѣтствующія указанія грузинскому правительству.

Лучшимъ же выходомъ изъ создавшагося положенія, какъ объ этомъ и сообщалось англійскому командованію, было бы образованіе изъ Сухумскаго округа, населеннаго главнымъ образомъ абхазскимъ народомъ, и на владѣніе

коимъ Грузія не имѣла никакихъ правъ, нейтральной зоны. Это разрѣшило бы всѣ недоразумѣнія, а крикливое, но безсильное грузинское правительство, конечно, покорилось бы этому рѣшенію.

Но этого не было сдѣлано, и недоразумѣнія между командованіемъ Добровольческой арміи и грузинскимъ правительствомъ продолжались, и какъ одно, такъ и другое, обращались за посредничествомъ къ британскому командованію.

* * *

23 сентября/6 октября 1919 г., за подписью генерала Деникина, было сообщено начальнику британской миссіи на югѣ Россіи, что Азербайджанское и Грузинское правительства, путемъ агитаціи и снабженія повстанцевъ деньгами и оружіемъ, поддерживаютъ смуту на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Черноморской губерніи.

Въ этомъ сообщеніи, между прочимъ, было сказано:

«Когда Грузія, въ началѣ текущаго года, начала особенно выявлять свое недоброжелательное отношеніе къ вооруженнымъ силамъ на югѣ Россіи и стремилась присоединить къ себѣ не принадлежащія ей части территоріи, у меня была полная возможность разгромить вооруженныя силы Грузіи и обезпечить силой спокойствіе въ тылу армій, борющихся противъ большевиковъ. Но представители британскаго правительства просили меня этого не дѣлать, обѣщая, что принятыми ими мѣрами спокойствіе въ тылу вооруженныхъ силъ на югѣ Россіи будетъ вполнѣ обезпечено. . . .»

«Въ центрѣ всего анти-русскаго движенія стоитъ грузинское правительство, которое по образу своихъ дѣйствій мало чѣмъ отличается отъ большевиковъ. Имъ поддерживаются въ борьбѣ противъ законной власти такъ называемые «зеленоармейцы», которые, представляя изъ себя банды дезертировъ и большевиковъ, укрываются въ лѣсахъ Черноморскаго побережья, совершая оттуда набѣги на мирное населеніе и военные посты. . . .»

«Прошу Ваше Превосходительство войти съ представленіемъ къ главному командованію войсками Его Королев-

скаго Величества въ Закавказьѣ о необходимости оказать немедленно, до окончанія эвакуаціи британскихъ войскъ, воздѣйствіе на Закавказскія правительства въ цѣляхъ прекращенія ихъ вредной дѣятельности.

Опасность, которую создаетъ означенная дѣятельность, имѣетъ міровое значеніе. Большевизмъ изъ Закавказья угрожаетъ распространиться въ Среднюю Азію, Персію и Афганистанъ и можетъ серьезно затронуть даже и британскіе интересы въ Индіи. . .»

Но всѣ эти заявленія ни къ какимъ послѣдствіямъ не привели.

Представители Британскаго правительства продолжали придерживаться политики благосклоннаго отношенія къ грузинскому правительству и невмѣшательства во враждебную дѣятельность этого правительства по отношенію къ Добровольческой арміи.

Послѣдующія событія показали, что командованіе вооруженныхъ силъ на югѣ Россіи, указывая британскому командованію на враждебную дѣятельность грузинскаго правительства, было вполнѣ право.

Въ концѣ января 1920 года въ Сочи образовался «комитетъ спасенія», ставшій во главѣ «зеленыхъ», занявшихъ округъ.

Ѣздившій въ Сочи представитель Великобританскаго правительства генералъ Кійзъ сообщилъ мнѣ: Къ этой власти присоединились прибывшіе въ Сочи изъ Тифлиса два члена бывшаго учредительнаго собранія (отъ Туркестана и Новороссійска). Въ Тифлисѣ во главѣ центральной организаціи меньшевиковъ стоитъ извѣстный «сенаторъ» Соколовъ (одинъ изъ авторовъ приказа № 1). Лозунги — объявленіе самостоятельности Черноморской губерніи. Изгнаніе Добровольческой арміи, какъ контръ-революціонной силы. Соглашеніе съ Кубанью, при условіи разрыва послѣдней съ Добровольческой арміей, и соглашеніе съ совѣтской республикой.

Такимъ образомъ, грузинское правительство, своей близорукой политикой допускавшее и поощрявшее на своей территоріи дѣятельность политическихъ партій, враждеб-

ныхъ Добровольческой арміи и являвшихся авангардомъ большевизма, подготовляло гибель и себѣ. Британское же правительство, вслѣдствіе непониманія обстановки и, какъ казалось, преслѣдуя цѣли ослабленія будущй России, вело черезъ своихъ представителей въ Закавказьѣ политику, которая въ концѣ концовъ привела къ тому, что опасность распространенія большевизма въ Персіи, Афганистанѣ, а возможно и въ Индіи стала реальной.

* * *

24 января/6 февраля 1919 года начальнику британскихъ военныхъ силъ въ Азербайджанѣ, генералу Томсону, была послана телеграмма:

«Побѣдами Добровольческой арміи весь Сѣверный Кавказъ систематически освобождается отъ большевиковъ. Уже заняты Пятигорскъ, Моздокъ, и войска атакуютъ, а можетъ быть и взяли уже Владикавказъ и Грозный.

Въ освобожденныхъ мѣстахъ мною вводится гражданское управленіе, которому ставится задача умиротворить край, ввести въ немъ порядокъ, основанный на законѣ, и дать возможность всему населенію, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, приступить къ спокойному и мирному труду. Во главѣ управленія вновь занятыхъ областей мною поставленъ генералъ Ляховъ со званіемъ главноначальствующаго и командующаго войсками Терско-Дагестанскаго края, управленіе коего находится въ Пятигорскѣ, а затѣмъ будетъ перенесено во Владикавказъ. Прошу освѣдомить подчиненныя Вамъ войска о полномочіяхъ, данныхъ мною генералу Ляхову, и дать имъ надлежащія инструкціи на случай совмѣстныхъ дѣйствій съ войсками и лицами административнаго персонала, подчиненнаго генералу Ляхову. 24 января/6 февраля № 113. Главнокомандующій вооруженными силами на югѣ Россіи генералъ Деникинъ».

Эта телеграмма, содержавшая на первый взглядъ странное выраженіе, что Грозный и Владикавказъ, «можетъ-быть», уже взяты нашими войсками, требуетъ нѣкотораго поясненія. Колонна британскихъ войскъ была направлена отъ Петровска вдоль желѣзной дороги къ Грозно-

му. Нами были получены свѣдѣнія, что яко-бы британское командованіе дало указаніе начальнику своего отряда занять Грозный возможно скорѣй. Было также извѣстно, что правительство горскихъ народовъ Кавказа (лезгинъ, черкесъ, ингушей, чеченцевъ, осетинъ и кабардинцевъ), которое, въ періодъ нахожденія въ Закавказьѣ германцевъ, поддерживало полный контактъ съ турками, добивается передъ британскимъ командованіемъ своего признанія.

Дабы не было какихъ либо печальныхъ недоразумѣній или треній въ случаѣ, если бы Грозный со своими нефтяными источниками былъ занятъ британскими войсками, начальнику отряда, направленному на Грозный, было приказано его занять до подхода британскихъ войскъ. Это было исполнено.

Дабы парировать какія-либо недоразумѣнія изъ-за притязаній горскаго правительства и на случай, если-бъ наши войска нѣсколько запоздали занять Грозный и Владикавказъ (который горское правительство считало своей столицей) и была послана приведенная выше телеграмма.

Послѣдующее показало, что опасенія командованія вооруженныхъ силъ на югѣ Россіи были не безпочвенны.

25 января/7 февраля нашъ представитель при британскомъ командованіи въ Баку, генералъ Арнсгофенъ, прислалъ телеграмму о томъ, что генералъ Томсонъ (командующій британскими военными силами въ Азербайджанѣ) заявилъ, что Добровольческая армія не имѣетъ права распространять своего вліянія на Дагестанъ и Баку, такъ какъ хозяевами тамъ являются горское и азербайджанское правительства, и что измѣненіе полученной имъ въ этомъ смыслѣ инструкціи отъ высшаго британскаго командованія можетъ быть сдѣлано лишь по соглашенію съ горскимъ правительствомъ относительно Дагестана и послѣ сношенія съ главнокомандующимъ британскими войсками генераломъ Мильномъ.

Отъ генерала Эрдели (былъ командированъ генераломъ Деникинымъ въ Батумъ, Тифлисъ, Баку и въ Закаспійскую область для полной оріентировки на мѣстѣ) была въ тотъ же день получена телеграмма, что генералъ Том-

сонъ обѣщалъ горскому правительству, что въ Дегестанѣ и въ Петровскѣ не будетъ русскихъ войскъ, а будутъ введены британскія войска для поддержанія порядка въ области, находящейся въ сферѣ англійскаго вліянія, причемъ генералъ Томсонъ высказалъ, что генералъ Деникинъ не можетъ назначать главноначальствующаго въ Терско-Дагестанскій край.

Это заявленіе основывалось, по словамъ генерала Томсона, на инструкціи, полученной генераломъ Форестье-Уокеръ отъ генерала Мильна.

Въ разговорѣ съ генераломъ Эрдели, генералъ Томсонъ заявилъ, что сѣверной границей англійской зоны на Кавказѣ является линія Петровскъ—Кавказскій хребетъ — Сочи (всѣ пункты, указанные въ этой линіи, входятъ въ англійскую зону) и что на этомъ основаніи въ Дагестанскую область и въ г. Петровскъ введены британскія войска для поддержанія порядка.

Наконецъ тотъ же генералъ Томсонъ заявилъ:

1) Всѣ русскіе заводы, желѣзныя дороги, учрежденія и имущество, находящіеся на территоріи Азербайджана, перешли къ послѣднему, и пользоваться ими Добровольческая армія можетъ только за плату по соглашенію съ Азербайджанскимъ правительствомъ;

2) смотрѣть на Баку и Дагестанъ, какъ на свою базу, Добровольческая армія не можетъ.

Подобная постановка вопроса не могла удовлетворить командованіе Добровольческой арміи. Оставлять Дагестанъ въ вѣдѣніи горскаго правительства было недопустимо, ибо это повлекло бы за собой безконечныя броженія и возстанія среди ингушей, осетинъ и чеченцевъ, такъ какъ за объединеніе ихъ подъ однимъ горскимъ правительствомъ, конечно, велась бы энергичная пропаганда.

Лишиться Петровска, какъ единственнаго для насъ порта на Каспійскомъ морѣ для связи съ Уральскимъ фронтомъ и Закаспійской областью, а также какъ базы для флота и для противодѣйствія большевикамъ при ихъ операціяхъ со стороны Астрахани, командованіе Добровольческой арміи также не могло.

Основываясь на томъ, что 6/19 февраля 1919 года начальникъ британской военной миссіи на югѣ Россіи сообщилъ генералу Деникину, отъ имени Британскаго правительства, что разграничительной линіей является—Кизилъ Бурунъ — Закаталы — Кавказскій хребетъ, т. е. Петровскъ и Дагестанъ не входили въ сферу англійскаго вліянія, генералъ Деникинъ, 22 февраля/7 марта, обратился къ начальнику британской военной миссіи генералу Бригсу съ протестомъ относительно заявленій, сдѣланныхъ генераломъ Томсономъ, и съ просьбой, во избѣжаніе недоразумѣній, дать надлежащія указанія генераламъ Форестье-Уоккеръ и Томсону.

* * *

Вопросъ относительно Баку являлся очень острымъ, такъ какъ, помимо колоссальныхъ нефтяныхъ богатствъ, онъ являлся единственнымъ оборудованнымъ портомъ, который могъ бы служить базой для Каспійской флотиліи, которую командованіе арміи надѣялось получить въ свое распоряженіе.

Но дабы не осложнять положенія и не обострять отношеній ни съ Азербайджанскимъ правительствомъ, ни съ командованіемъ британскими войсками, было рѣшено не принимать по отношенію къ Азербайджанской республикѣ никакихъ агрессивныхъ шаговъ и не занимать Баку.

По имѣвшимся свѣдѣніямъ получалось впечатлѣніе, что съ Азербайджанскимъ правительствомъ можно договориться и, не посягая на независимость вновь явленной республики, установить добрососѣдскія отношенія, правильный товарообмѣнъ и получить право пользоваться Бакинскимъ портомъ, какъ базой.

Въ раіонѣ Бакинскаго градоначальства, ко времени освобожденія Сѣвернаго Кавказа отъ большевиковъ, находилась часть бывшаго Бичераховскаго отряда, подъ начальствомъ генерала Пржевальскаго. Отношеніе къ этому отряду, со стороны Азербайджанскаго правительства, было скорѣй доброжелательное.

Командованіе Добровольческой арміи предполагало этотъ отрядъ переформировать и направить въ Закаспій-

скую область, а тыловыя учрежденія и запасы перевести въ раіонъ вооруженныхъ силъ юга Россіи. Но 27 февраля/12 марта изъ Батума была получена газета «Грузія» отъ 22 февраля/7 марта, въ которой былъ приведенъ слѣдующій приказъ отъ 15/28 февраля генерала Пржевальскаго:

«Въ виду предъявленія англійскимъ командованіемъ требованія — завтра 1-го марта къ 16 часамъ всѣмъ русскимъ войсковымъ частямъ вооруженныхъ силъ юга Россіи выступить изъ Баку, а къ 24 часамъ того же дня очистить предѣлы Бакинскаго военнаго губернаторства». Далѣе идутъ подробности по выполненію этого приказа съ добавленіемъ, что командующему флотомъ, относительно подвѣдомственныхъ ему судовъ, получить указаніе непосредственно отъ англійскаго командованія.

Немедленно, за подписью генерала Деникина, былъ поданъ протестъ начальнику британской военной миссіи въ Екатеринодарѣ. Было, между прочимъ, указано: «Если такой приказъ дѣйствительно былъ англійскимъ командованіемъ изданъ, то я, какъ главнокомандующій всѣми вооруженными силами на югѣ Россіи, не могу не указать, что отдача подобнаго распоряженія, касающагося вооруженныхъ силъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи, безъ предварительнаго о томъ полученія на то моего согласія, — является актомъ враждебнымъ добровольческой арміи, всегда, даже въ самыя трудныя минуты своего существованія, хранившей вѣрность своимъ союзникамъ.»

Какъ потомъ выяснилось, приказъ этотъ дѣйствительно былъ отданъ на основаніи требованія со стороны генерала Томсона, основаннаго, какъ заявилъ послѣдній, на просьбѣ Азербайджанскаго правительства, такъ какъ присутствіе въ Баку добровольческихъ частей грозило осложненіями съ рабочими Бакинскаго раіона, смотрѣвшими на нихъ, какъ на «контръ-революціонную» и «реакціонную» силу.

Форма отданнаго распоряженія, безъ предварительнаго сношенія съ командованіемъ вооруженныхъ силъ юга Россіи, была, конечно, болѣе чѣмъ безтактна. Требованіе же произвести эвакуацію въ 24 часа, что совершенно не вызы-

валось обстановкой, привело къ тому, что много цѣнныхъ запасовъ пришлось оставить въ Баку.

Въ концѣ апрѣля 1919 года Азербайджанское правительство просило командованіе Добровольческой арміи выяснить свое отношеніе къ республикѣ.

Главнокомандующій уполномочилъ своего представителя при британскомъ командованіи въ Баку передать правительству Азербайджана, что «армія юга Россіи считаетъ Азербайджанъ частью Россіи, но, до возстановленія въ Россіи Верховной власти, допускаетъ самостоятельное существованіе Азербайджана.»

Въ серединѣ мая 1919 года, въ связи съ очищеніемъ Дагестана и части Каспійскаго побережья отъ большевиковъ, главнокомандующій сообщилъ начальнику британской военной миссіи генералу Бригсу: «Войска Добровольческой арміи въ Азербайджанъ не вступятъ и не перейдутъ линіи Закаталы—Главный Кавказскій хребетъ — Кизилъ Бурунъ, если со стороны Азербайджана не будетъ враждебныхъ дѣйствій.»

11/24 іюня 1919 года начальникъ британской военной миссіи прислалъ на имя генерала Деникина письмо слѣдующаго содержанія:

«Мною получена телеграмма изъ Великобританскаго военнаго министерства: Занятіе Дербента генераломъ Деникинымъ не способствуетъ установленію мира на Кавказѣ и потому противно его же интересамъ.»

Было отвѣчено, что Дагестанъ добровольно, безъ единаго выстрѣла, присоединился къ Добровольческой арміи, при сохраненіи автономіи, и его выборное правительство утверждено генераломъ Деникинымъ. Но эта телеграмма британскаго военнаго министерства показала, что, дѣйствительно, вопреки первоначальному рѣшенію Британскаго правительства, сообщеннаго генералу Деникину начальникомъ британской военной миссіи, Британское правительство расширило зону «своего вліянія», или, проще говоря, границы Азербайджана до границы, сообщенной генералу Эрдели генераломъ Томсономъ и, кромѣ того, разрѣзало Дагестанъ на двѣ части, изъ коихъ одна оказалась въ

зонѣ вліянія Добровольческой арміи, а другая, естественно, подпадала подъ управленіе горскаго правительства, которое командованіемъ Добровольческой арміи не признавалось.

Какъ то, такъ и другое для командованія Добровольческой арміи являлось совершенно непріемлемымъ.

Оффиціальное указаніе британскаго командованія на новую разграничительную линію дало основаніе предсѣдателю совѣта министровъ Азербайджанской республики сообщить генералу Деникину 22 іюня/5 іюля, что согласно препровожденнаго британскимъ главнымъ штабомъ на имя президента республики сообщенія — Британское правительство постановило установить между генераломъ Деникинымъ и Кавказскими республиками слѣдующую демаркаціонную линію: «отъ устья р. Бзыбь — къ сѣверу по той же рѣкѣ до границы Сухума, оттуда къ востоку по областямъ Сухумской, Кутаисской, Тифлисской, Дагестанской до точки, находящейся на пять миль къ югу отъ Петровско-Дагестанской желѣзной дороги, оттуда на юго-востокъ параллельно, но на пять миль южнѣй желѣзной дороги, до точки на Каспійскомъ побережьѣ на пять миль южнѣе Петровска».

Предсѣдатель совѣта министровъ Азербайджанской республики, основываясь на этомъ, просилъ объ отводѣ къ сѣверу частей Добровольческой арміи, бывшихъ на Каспійскомъ побережьѣ южнѣй указанной границы, т. е. другими словами, объ очищеніи Дербента.

Крайне показательнымъ, въ смыслѣ отношенія Великобританскаго правительства къ Добровольческй арміи, являлось то, что объ измѣненіи разграничительной линіи съ Азербайджаномъ, ни командованію арміи, ни начальнику британской военной миссіи въ Екатеринодарѣ, ничего не было сообщено оффиціально.

2/15 іюля, сообщая о полученномъ сношеніи предсѣдателя совѣта министровъ Азербайджана начальнику британской военной миссіи въ Екатеринодарѣ, я прибавилъ: «Въ связи съ этимъ, по порученію генерала Деникина, довожу до Вашего свѣдѣнія, что указанное постановленіе Королевскаго правительства ему неизвѣстно. Заключающаяся

въ этомъ постановленіи демаркаціонная линія съ Азербайджаномъ не соотвѣтствуетъ ранѣе установленной линіи Кизилъ Бурунъ (на Каспійскомъ морѣ) — Закаталы — Кавказскій хребетъ и противорѣчитъ интересамъ Добровольческой арміи. Новая разграничительная линія дѣлитъ Дагестанъ, добровольно признавшій надъ собой верховную власть главнокомандованія, на части, съ чѣмъ генералъ Деникинъ согласиться не можетъ по весьма важнымъ политическимъ и стратегическимъ соображеніямъ.

Проектъ новой демаркаціонной линіи, видимо, преслѣдуетъ цѣль обезпечить безопасность Азербайджана съ сѣвера.

По этому поводу генералъ Деникинъ вновь подтверждаетъ, что онъ не намѣренъ наступать на Азербайджанъ, при условіи отсутствія враждебныхъ дѣйствій со стороны послѣдняго.

Что касается, по циркулирующимъ слухамъ, опасенія Азербайджанскаго правительства, что армія генерала Деникина можетъ отрѣзать водопроводъ, питающій Баку, и этимъ поставить городъ въ тяжелое положеніе, то генералъ Деникинъ опредѣленно заявляетъ, что это опасеніе ни на чемъ не основано и водопроводъ отъ Баку никогда отрѣзанъ не будетъ».

Въ связи съ недоразумѣніями изъ-за демаркаціонной линіи, за нѣсколько дней до вышеприведеннаго послѣдняго сношенія, а именно 27 іюня/10 іюля 1919 года, начальнику британской военной миссіи въ Екатеринодарѣ было написано:

«Указаніе англійскаго командованія (въ Закавказьѣ) на то, что демаркаціонная линія проходитъ на востокѣ около Петровска, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе осложняетъ вопросъ.

Въ Дагестанѣ начинаются волненія, а Азербайджанъ настойчиво требуетъ очищенія остальной зоны къ югу отъ Петровска... Оставить Дагестанъ мы не можемъ, такъ какъ тамъ на мусульманскую массу дѣйствуютъ турецкіе и нѣмецкіе агенты..., при чемъ необходимо отмѣтить, что рабо-

та нѣмецкихъ агентовъ, за послѣднее время, выясняется все больше и больше.

Къ сожалѣнію, дѣйствія англійскаго командованія въ Закавказьѣ идутъ совершенно въ разрѣзъ съ той дружеской политикой Великобританіи, которая проявляется въ Екатеринодарѣ и Новороссійскѣ и которая, несомнѣнно, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ указаніями Великобританскаго правительства... Англійское командованіе въ Баку, основываясь на несоблюденіи генераломъ Деникинымъ демаркаціонной линіи, неизвѣстно откуда взятой, не пропускаетъ изъ Баку въ Гурьевъ грузовъ, предназначенныхъ истекающимъ кровью въ борьбѣ съ большевиками доблестнымъ Уральскимъ казакамъ».

* * *

Въ іюлѣ 1919 года захватъ Азербайджаномъ Мугани съ чисто русскимъ населеніемъ, произошелъ не только съ согласія, но и при содѣйствіи англичанъ.

Въ Ленкорань былъ посланъ британскимъ командованіемъ англійскій офицеръ, которому было поручено:

1) установить связь между представителями азербайджанской власти и мѣстными крестьянами, которымъ предложить подчиниться власти азербайджанскаго правительства;

2) поддержать всѣ законныя дѣйствія Азербайджанскаго правительства;

3) принять всѣ мѣры для выселенія на мѣста постояннаго жительства офицеровъ русской службы, находящихся на Мугани.

Этотъ послѣдній пунктъ былъ фактически невыполнимъ и практически могъ быть рѣшенъ лишь требованіемъ, чтобы русскіе офицеры убирались съ Мугани, куда хотятъ.

Русское населеніе Мугани, не допускавшее къ себѣ администрацію, назначенную Азербайджанскимъ правительствомъ и не желавшее входить въ составъ новой республики, увидѣвъ, что британское командованіе поддерживаетъ требованія Азербайджана, принуждено было подчиниться, распустить сформированные отряды и разоружиться.

* * *

Много треній и недоразумѣній было съ представителями британскаго командованія изъ-за военной Каспійской флотиліи, которую англичане передавали въ распоряженіе командованія Добровольческой арміи послѣ длительныхъ и крайне непріятныхъ разговоровъ и переписки.

Получалось впечатлѣніе, что англичане, получивъ протекторатъ надъ Персіей, для обезпеченія плаванія по Каспійскому морю, хотятъ часть Каспійской флотиліи сохранить въ своихъ рукахъ.

* * *

Еслибы британская политика имѣла цѣлью лишь поддержать порядокъ въ Закавказьѣ, какъ въ зонѣ, примыкавшей къ Персіи и Турціи, то не было никакой надобности поддерживать азербайджанское и горское правительства въ вопросахъ, которые явно противорѣчили интересамъ России, а въ частности вооруженныхъ силъ на югѣ Россіи.

Первоначально указанная демаркаціонная линія, отдѣляющая зону вліянія командованія Добровольческой арміи отъ Азербайджана, не вызывала протеста и Британское правительство не могло сомнѣваться въ искренности заявленія генерала Деникина, что онъ ее не нарушитъ при условіи, если Азербайджанъ не будетъ вести агрессивной политики.

И здѣсь, какъ и въ отношеніяхъ британскихъ представителей къ Грузіи, чувствовалось, что Великобританское правительство имѣетъ въ виду особо поддерживать интересы Азербайджана и Дагестана на случай, если въ будущемъ будетъ создана буферная зона между Россіей съ одной стороны и Турціей и Персіей съ другой стороны.

Въ частности получалось отчетливое впечатлѣніе, что Британское правительство особо заинтересовано въ Бакинскихъ нефтяныхъ богатствахъ и не желаетъ допустить, чтобы Баку оказалось въ зонѣ вліянія Добровольческой арміи.

* * *

Какъ мною уже было отмѣчено, все время чувствовалось, что политика Великобританскаго правительства, въ смыслѣ помощи вооруженнымъ силамъ юга Россіи, недостаточно опредѣленная и устойчивая.

Судя по нѣкоторымъ оффиціальнымъ заявленіямъ Ллойдъ Джорджа, политическая группа, во главѣ которой онъ стоялъ, считала, что для Великобританіи выгоднѣй имѣть дѣло съ Россіей ослабленной и расчлененной; наконецъ, политическіе дѣятели этой группы считали, что путемъ извѣстнаго соглашенія съ совѣтскимъ правительствомъ, а не путемъ поддержки гражданской войны въ Россіи, можно скорѣй создать условія, при которыхъ возможно завязать съ Россіей торговыя сношенія.

Великобританское правительство, ставъ на путь поддержки русскихъ, ведущихъ борьбу съ большевиками, не доводило до конца этой поддержки, и все время чувствовалось, что она можетъ оборваться.

Помогая русскимъ вооруженнымъ силамъ на югѣ Россіи и имѣя при нихъ военную миссію, на обязанности которой было оказывать командованію арміи полное содѣйствіе, Великобританское правительство преподало своимъ представителямъ въ Закавказьѣ указанія, которыя давали имъ основаніе, въ лучшемъ случаѣ, игнорировать Добровольческую армію, ея командованіе и представителей послѣдняго.

Помогая Добровольческой арміи, Великобританское правительство, повидимому, опасаясь упрековъ, что оно помогаетъ реакціоннымъ русскимъ силамъ, черезъ начальника военной миссіи, въ апрѣлѣ 1919 года, опредѣленно дало понять, что требуется оффиціальное заявленіе, за подписью генерала Деникина и всѣхъ членовъ его правительства, о цѣляхъ, которыя преслѣдуются въ борьбѣ съ совѣтской властью и въ государственномъ строительствѣ.

10/23 апрѣля такое заявленіе было составлено и передано начальникамъ британской, французской и американской миссій.

Вотъ содержаніе этого документа:

«Прошу Васъ довести до свѣдѣнія Вашего правительства о томъ, какія цѣли преслѣдуетъ командованіе вооруженными силами юга Россіи въ борьбѣ съ совѣтской властью и въ государственномъ строительствѣ:

1) Уничтоженіе большевистской анархіи и водвореніе въ странѣ правового порядка.

2) Возстановленіе могущественной единой, недѣлимой Россіи.

3) Созывъ Народнаго собранія на основахъ всеобщаго избирательнаго права.

4) Проведеніе децентрализаціи власти путемъ установленія областной автономіи и широкаго мѣстнаго самоуправленія.

5) Гарантія полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданій.

6) Немедленный приступъ къ земельной реформѣ для устраненія земельной нужды трудящагося населенія.

7) Немедленное проведеніе рабочаго законодательства, обезпечивающаго трудящіеся классы отъ эксплоатаціи ихъ государствомъ и капиталомъ».

Но въ англійскомъ парламентѣ все же было много противниковъ оказанія помощи противобольшевискимъ силамъ, и Ллойдъ Джорджъ, въ защиту политики Великобританскаго правительства, въ рѣчи, произнесенной въ парламентѣ 3/16 апрѣля 1919 года, сказалъ, что помогать Колчаку, Деникину и «Харькову«(??) надо хотя бы потому, что «мы не можемъ сказать русскимъ, борющимся противъ большевиковъ: «Спасибо, вы намъ больше не нужны. Пускай большевики рѣжутъ вамъ горло» — мы были бы недостойны считаться великой страной. Это наше дѣло помогать нашимъ друзьямъ, возставшимъ противъ большевиковъ послѣ Брестъ-Литовскаго договора, и потому мы ихъ снабжаемъ матеріалами. . . .»

. . . «Слѣдующая задача нашей политики состоитъ въ томъ, чтобы не допустить проявленія вооруженнаго большевизма въ союзныхъ странахъ.

Вслѣдствіе этого мы организуемъ силы всѣхъ союзныхъ странъ, окружающихъ Россію — отъ Балтійскаго до Чернаго моря — и снабжаемъ эти страны необходимымъ снаряженіемъ для установленія преградъ противъ большевистскаго вторженія. . .»

Въ концѣ декабря (по старому стилю) 1919 года, уже послѣ оставленія вооруженными силами юга Россіи Росто-

ва, въ Новороссійскъ прибылъ, если не ошибаюсь, членъ англійскаго парламента Макъ Киндеръ.

По имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, на Макъ Киндера было возложено Великобританскимъ правительствомъ:

1) Всесторонне ознакомиться съ обстановкой на югѣ Россіи.

2) Выяснить дѣйствительныя нужды какъ арміи, такъ и населенія.

3) Выяснить условія товарообмѣна между Великобританіей и югомъ Россіи.

4) Настоять, чтобы генералъ Деникинъ опредѣленно и точно выяснилъ свои отношенія къ окраины государственнымъ образованіямъ.

5) Добиться установленія дружественныхъ отношеній вооруженныхъ силъ юга Россіи съ Польшей и Румыніей, разрѣшивъ для этого острый вопросъ о восточной границѣ Польши, и Бессарабскій вопросъ.

Вслѣдствіе событій на фронтѣ генералъ Деникинъ не могъ вступить въ непосредственные переговоры съ Макъ Киндеромъ, а это было поручено мнѣ, при участіи А. В. Кривошеина (начальникъ управленія снабженій), М. Р. Берпацкаго (начальникъ управленія финансовъ), А. И. Фенина (начальникъ управленія торговли и промышленности и В. Н. Челищева (начальникъ управленія юстиціи).

Изъ разговора съ Макъ Киндеромъ выяснилось, что, если его миссія, касающаяся урегулированія отношеній съ окраинными государствами, будетъ разрѣшена удовлетворительно, то генералъ Деникинъ можетъ разсчитывать на широкую помощь со стороны Великобританіи.

Переговоривъ съ Макъ Киндеромъ по всѣмъ возбужденнымъ имъ вопросамъ и сообщивъ результатъ нашихъ совѣщаній генералу Деникину, я получилъ отъ послѣдняго, 1/14 января 1920 года, слѣдующую телеграмму:

«Предлагаю передать Макъ Киндеру дословно слѣдующее: Признаю самостоятельное существованіе фактическихъ окраинныхъ правительствъ, ведущихъ борьбу съ большевиками.

Установленіе будущихъ отношеній окраинъ съ Россіей

совершится путемъ договора обще-русскаго правительства съ окраинными правительствами.

При этомъ допускается посредничество союзниковъ.

Вопросъ восточной границы Польши будетъ рѣшенъ договоромъ обще-русскаго и польскаго правительствъ на этнографическихъ основахъ.

Польша должна оказать содѣйствіе живой силой немедленнымъ частичнымъ переходомъ въ наступленіе для отвлеченія части большевистскихъ силъ и дальнѣйшимъ развитіемъ операцій въ возможно кратчайшій срокъ и въ полномъ масштабѣ.

Союзники должны:

а) рѣшительно и незамедлительно принять мѣры къ охранѣ флотомъ Черноморской губерніи, Крыма и Одессы;

б) оказать содѣйствіе въ помощи живой силой со стороны Болгаріи и Сербіи; *)

в) обезпечить тоннажемъ перевозку указанныхъ въ пунктѣ «б» войскъ;

г) продолжать снабженіе вооруженныхъ силъ юга Россіи».

Кромѣ того, Макъ Киндеру было, отъ имени правительства юга Россіи, передано слѣдующее заявленіе:

«Правительство главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи генералъ-лейтенанта Деникина признаетъ крайне желательнымъ, чтобы великобританское правительство разсмотрѣло вопросъ объ экономическомъ содѣйствіи югу Россіи, дабы, при продвиженіи войскъ, впередъ, въ возможно кратчайшій срокъ былъ налаженъ желѣзнодорожный и водный транспортъ, а также налажена экономическая жизнь страны и правильный товарообмѣнъ между союзными странами и югомъ Россіи.

---

*) Надо сказать, что какъ изъ Болгаріи, такъ и изъ Сербіи поступали заявленія, что они готовы, при согласіи союзниковъ, оказать поддержку вооруженной силой въ борьбѣ противъ большевиковъ.

Эти предположенія не встрѣчали сочувствія со стороны союзниковъ; особенно категорично они возражали противъ помощи Болгаріей, усматривая въ этомъ политическій съ ея стороны маневръ для облегченія ей условій мирнаго договора и для возможности образовать значительную армію.

Отвѣтъ генерала Деникина удовлетворилъ Макъ Киндера, и онъ сказалъ, что надѣется въ Англіи достигнуть благопріятныхъ результатовъ, послѣ чего немедленно вернется въ Новороссійскъ уже въ качествѣ постояннаго представителя Великобританскаго правительства.

Уѣзжая 2/15 января на миноносцѣ въ Англію, онъ передъ отъѣздомъ просилъ передать генералу Деникину:

1) Къ его возвращенію въ Новороссійскъ необходимо окончательно рѣшить вопросъ относительно Бессарабіи; что по его мнѣнію, надо согласиться на плебесцитъ въ Бессарабіи.

2) Послѣ его возвращенія изъ Лондона необходимо устроить въ Констанцѣ или Галацѣ свиданіе между генераломъ Деникинымъ и Пильсудскимъ, дабы окончательно договориться по польскому вопросу.

3) Просить обратить вниманіе на необходимость воспользоваться для обороны Крыма и Одессы хорошо сорганизованными нѣмецкими колонистами.

Это послѣднее указаніе, касающееся нѣмецкихъ колонистовъ, крайне характерно, такъ какъ до этого времени какъ англичане, такъ и французы очень отрицательно относились къ возможности привлеченія къ борьбѣ съ большевиками нѣмецкихъ колонистовъ, какъ организованной силы.

Къ серединѣ января, хотя штабъ главнокомандующаго и выражалъ увѣренность, что успѣхъ на фронтѣ опять склонится на нашу сторону, и хотя отдѣльные успѣшные для насъ боевые эпизоды какъ бы подтверждали это, но для внимательнаго наблюдателя было ясно, что катастрофа и при томъ близкая, надвигается.

Это, конечно, не укрылось и отъ представителей союзнаго командованія.

12/25 января 1920 года мы получили свѣдѣнія, что, вслѣдствіе серьезныхъ обостреній у Великобританіи съ Турціей, вѣроятно открытіе военныхъ дѣйствій и потому англичане, стягивая въ Константинополь все, что возможно, рѣшили эвакуировать Батумскую область.

У насъ же складывалось впечатлѣніе, что эвакуація Батумской области намѣчается не только этимъ соображеніемъ, а и опасеніемъ войти въ непосредственное соприкосновеніе съ большевиками, что могло втянуть Великобританію въ войну съ совѣтской Россіей.

Въ этотъ же день, т. е. 12/25 января, политическій представитель Великобританскаго правительства, генералъ Кійзъ, въ частномъ разговорѣ, сообщилъ, что изъ англійскихъ источниковъ подтверждаются газетныя свѣдѣнія о предполагаемомъ снятіи союзниками блокады совѣтской Россіи. Что эта мѣра вызывается потребностью Европы въ сырьѣ, которое она надѣется получить изъ Россіи взамѣнъ нужныхъ русскому крестьянству товаровъ и сельскохозяйственныхъ орудій; что съ этой цѣлью въ Россію, вѣроятно, будетъ отправлена экономическая миссія.

Наконецъ, въ январѣ же изъ Лондона, изъ источника, заслуживавшаго полнаго довѣрья, были получены слѣдующія свѣдѣнія:

«1) Англія и Франція, подъ вліяніемъ успѣха большевиковъ въ Сибири и на югѣ Россіи, опасаются, что опасность отъ большевизма реально надвигается на Европу и на Персію и Индію черезъ Кавказъ и Туркестанъ.

2) Америка, Англія и Франція сознаютъ, что Германія не въ силахъ выполнить условія мирнаго договора до тѣхъ поръ, пока не окрѣпнетъ окончательно и, силой обстоятельствъ, принуждена будетъ вновь взяться за оружье, и Европа вновь будетъ втянута въ войну.

3) Франція и Англія не могутъ употребить живую силу для борьбы съ большевиками.

На основаніи этихъ данныхъ въ Англіи идутъ разговоры о томъ, что необходимо предоставить Германіи и Японіи навести порядокъ въ Россіи и покончить съ большевизмомъ, предоставивъ имъ за это значительныя экономическія выгоды въ Россіи. Этимъ, по мнѣнію многихъ политическихъ дѣятелей въ Англіи, будетъ достигнуто успокоеніе въ Европѣ, предотвращена возможность новой войны и Германіи будетъ дана возможность выполнить условія мирнаго договора.»

Говорить въ началѣ 1920 года о возможности привлечь Германію для наведенія порядка въ Россіи было, конечно, болѣе чѣмъ преждевременно, и на это Франія не могла дать своего согласія. Но эта послѣдняя информація являлась показательной въ томъ отношеніи, что среди англійскихъ политическихъ дѣятелей, бывшихъ до этого времени за энергичную помощь противобольшевистскимъ силамъ въ ихъ борьбѣ съ совѣтской властью, подъ впечатлѣніемъ неуспѣховъ армій Колчака и Деникина, зародилось сомнѣніе въ правильности пути, который ими былъ избранъ для сверженія большевистской власти въ Россіи, и началось исканіе другихъ путей, которые привели бы къ устраненію большевистской опасности въ смыслѣ распространенія большевизма въ Европѣ и Азіи, а также для скорѣйшаго созданія условій, при которыхъ возможно было бы начать коммерческія сношенія съ Россіей, столь необходимыя для Европы.

При этихъ условіяхъ позиція, занятая въ Англіи политической группой, требовавшей прекращенія поддержки въ Россіи противобольшевистскихъ силъ въ ихъ борьбѣ съ совѣтской властью и вступленія на путь соглашенія съ большевиками, естественно крѣпла. Свѣдѣнія о предполагаемомъ снятіи союзниками блокады съ совѣтской Россіи, подтвержденныя генераломъ Кійзъ, пріобрѣтали чрезвычайное значеніе и указывали на то, что во всякомъ случаѣ Англія наканунѣ рѣшительнаго измѣненія своей политики по отношенію къ большевикамъ.

* * *

Послѣ эвакуаціи Новороссійска и перевозки на судахъ вооруженныхъ силъ юга Россіи въ Крымъ — сразу опредѣлилось измѣненіе отношеній къ послѣднимъ со стороны Великобританскаго правительства.

Прежде всего русскому командованію было предъявлено ультимативное требованіе не переходить къ сѣверу отъ Перекопскаго перешейка, т. е. прекратить борьбу съ большевиками, сохранивъ за собой Крымъ.

Нѣсколько позже возобновились разговоры о созывѣ международнаго совѣщанія, съ участіемъ представителей

совѣтской власти, для прекращенія междуусобной борьбы въ Россіи, и, наконецъ, Великобританское правительство, отозвавъ своихъ военныхъ представителей изъ Крыма, офиціально объявило, что оно прекращаетъ какую либо помощь вооруженнымъ силамъ юга Россіи въ ихъ борьбѣ съ большевиками.

Дальнѣйшая поддержка Великобританіи противобольшевистской Россіи свелась къ содержанію бѣженцевъ, раненыхъ и больныхъ, которые были эвакуированы съ юга Россіи въ началѣ 1920 года и были приняты англичанами на свое попеченіе.

* * *

Въ ноябрѣ 1920 года эвакуированъ былъ и Крымъ.

Франція, какъ мною уже было отмѣчено, отказавшись въ свою очередь отъ дальнѣйшей поддержки вооруженныхъ силъ юга Россіи, какъ арміи, которая можетъ возобновить борьбу съ большевиками, ограничилась матеріальной поддержкой эвакуированныхъ изъ Крыма бѣженцевъ и арміи, разсматривая послѣднюю тоже, какъ бѣженцевъ.

Англія вступила на путь открытаго соглашенія съ Совѣтской властью.

* * *

Подводя итоги той помощи, которая была оказана Франціей и Великобританіей противосовѣтской Россіи въ ея борьбѣ съ большевиками, необходимо отмѣтить, что она, вызвавъ колоссальные денежные расходы этихъ государствъ, не достигла своей цѣли прежде всего потому, что у союзниковъ не было выработано опредѣленнаго плана, который ими былъ бы проведенъ до конца.

Если бы первоначальное рѣшеніе, объ отправкѣ на югъ Россіи войскъ союзниковъ для обезпеченія порядка и образованія плацдарма въ раіонѣ Малороссіи, было проведено въ жизнь, то совѣтскаго правительства въ Россіи уже давно не существовало бы.

Скажу больше, еслибъ даже французы и англичане обезпечили лишь удержаніе Одесскаго раіона и Крыма, и, помимо матеріальной помощи въ видѣ снабженія арміи, оказали дѣйствительную помощь по возстановленію эконо-

мической жизни въ освобождаемыхъ отъ большевиковъ раіонахъ и открыли командованію «бѣлыхъ армій» достаточный кредитъ, то, и при этихъ условіяхъ, совѣтская власть была бы свергнута.

Въ данное же время Европа, Америка и Японія стоятъ передъ задачей, которую онѣ не знаютъ, какъ разрѣшить. Для всѣхъ ясно, что безъ возстановленной Россіи не можетъ быть установлено въ мірѣ прочнаго мира и не можетъ быть налажена нормальная экономическая жизнь народовъ.

Винстонъ Черчиль былъ правъ, когда сказалъ: «Вы можете покинуть Россію, но Россія васъ не покинетъ.»

Попытка правительства Великобританіи преобразовать совѣтскую власть путемъ торговыхъ сношеній, естественно, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привела; но, повидимому, Великобританское правительство еще не потеряло надежды на то, что измѣненіе большевистскаго строя въ Россіи возможно эволюціоннымъ порядкомъ.

Надо надѣяться, что и отъ этого заблужденія Великобританія скоро откажется и убѣдится, что возстановленіе Россіи возможно лишь послѣ сверженія, или ухода отъ власти, главарей большевистскаго правительства.

Когда Великія Державы поймутъ, наконецъ, что онѣ должны будутъ разрѣшить русскій вопросъ и помочь возстановленію Россіи, то безъ интервенціи въ той или иной формѣ, а можетъ быть и оккупаціи отдѣльныхъ раіоновъ Россіи, дѣло не обойдется; но необходимо помнить, что работа по возстановленію Россіи должна производиться русскими руками, лишь при содѣйствіи Великихъ Державъ.

7/20 марта 1922 года.

Ницца.

Оглавленіе.

